

О В Ъ И З Д А Н И И

„Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“

въ 1910 году.

(Циркуляръ Главнаго Штаба 1909 года № 148).

Въ 1910 году издаваемые съ Высочайшаго соизволенія газета «Русскій Инвалидъ» и журналъ «Военный Сборникъ» будутъ выходить по прежнему: газета—ежедневно, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, журналъ—ежемѣсячно.

«Русскій Инвалидъ» сообщаетъ главныя официальныя извѣстія и слѣдитъ за многосторонними *текущими* событіями въ военномъ мірѣ, а также за всѣми явленіями, имѣющими интересъ для военно-служащихъ. «Военный Сборникъ» посвящаетъ свои страницы всесторонней разработкѣ военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“ въ С.-Петербургѣ, Литейный, уголъ Пантелеймонойской, № 21. Телефонъ 672.

Подписная плата измѣняется и съ 1910 года устанавливается для всѣхъ безразлично: особо на „Русскій Инвалидъ“ и особо на „Военный Сборникъ“. Новыя условія подписки заключаются въ слѣдующемъ:

На „Русскій Инвалидъ“ устанавливается слѣдующая подписная плата:

Въ Россіи:				За границей:			
На годъ	9 р.	— к.	Съ доставкою въ Петербургъ и съ пересылкою инороднымъ.	На годъ	15 р.	— к.	Съ пересылкою.
„ 11 мѣсяцевъ	8 „	50 „		„ 11 мѣсяцевъ	14 „	— „	
„ 10 „	8 „	— „		„ 10 „	13 „	— „	
„ 9 „	7 „	50 „		„ 9 „	12 „	— „	
„ 8 „	7 „	— „		„ 8 „	11 „	— „	
„ 7 „	6 „	50 „		„ 7 „	10 „	— „	
„ 6 „	5 „	75 „		„ 6 „	9 „	— „	
„ 5 „	5 „	— „		„ 5 „	8 „	— „	
„ 4 „	4 „	25 „		„ 4 „	6 „	50 „	
„ 3 „	3 „	25 „		„ 3 „	5 „	— „	
„ 2 „	2 „	25 „		„ 2 „	3 „	50 „	
„ 1 „	1 „	25 „		„ 1 „	2 „	— „	

Подъ годовой подпиской надлежитъ разумѣть подписку съ 1-го января по 1-е января слѣдующаго года. Подписка на сроки менѣе года принимается лишь на цѣлые мѣсяцы, съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

На „Военный Сборникъ“ устанавливается только годовая подписка, съ 1-го января на 12 книжекъ, съ платою въ годъ: внутри Россіи 6 рублей съ пересылкою (въ С.-Петербургѣ съ доставкою на домъ), за границу 8 рублей съ пересылкою; на сроки менѣе года подписка не принимается.

См. далье на 3-й страницѣ обложки.

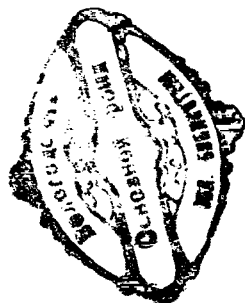
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

№ 12 ❦ ДЕКАБРЬ ❦ 1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ Моховая, 40.
1909.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I.

	СТРАН.
I. Русско-шведская война 1808 — 1809 гг. (<i>Съ чертежами</i>). (<i>Окончаніе</i>). П. А. НИВѢ.	1
II. Оборона Сахалина въ русско-японскую войну 1904— 1905 гг. (<i>Окончаніе</i>). А. И—ВЪ.	25
III. 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ. (<i>Окончаніе</i>). Н. ТРЕТЬЯКОВЪ.	53
IV. Служба связи тактически дѣйствующихъ войскъ. В. ГРИ- ГОРЬЕВЪ.	69
V. Тактика крѣпостной артилеріи. (<i>Продолженіе</i>). ЯН. КАР- ПОВЪ.	95
VI. Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями. (<i>Окончаніе</i>). А. ЕЛЧАНИНОВЪ.	117
VII. Судъ общества офицеровъ въ русской арміи. (Историческій очеркъ). Н. ВИШНЯКОВЪ.	147
VIII. Общества вспомошествованія бывшихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. М. Г.	173
IX. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Пріамурья, Са- халина и Уссурийскаго края. (<i>Окончаніе</i>). Г. ТИМЧЕНКО- РУБАНЪ.	181
X. Изъ походнаго журнала. (<i>Продолженіе</i>). Б. АДАМОВИЧЪ.	223
XI. Наши водные пути (отъ Варягъ въ Греки). А. РАДЧЕНКО.	237
XII. Первая петля. (Разсказъ). (<i>Окончаніе</i>). ИВАНЪ МЕЖЕВЫХЪ.	243
XIII. Русская военная старина. Кавалеры ордена Святого Великому- ченика и Побѣдоносца Георгія за 140 лѣтъ (1769—1909 гг.). (<i>Про- долженіе</i>). В. СУДРАВСКІЙ.	269

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. 1) Обзоръ книгъ, А. ЕЛЧАНИНОВЪ.	283
2) Обзоръ иностранныхъ журналовъ, А. С. . . ИНЪ.	292
II. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Объединеніе воору- женныхъ силъ Великобританіи и устройство имперской государственной обороны. (<i>Окончаніе</i>). В. НЕДЗВѢЦКІЙ.	303
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	318

ПРИЛОЖЕНІЕ. Систематическій указатель „Военнаго Сбор-
ника“ за 1909 годъ. 1—14

Главный редакторъ журнала «Воинный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ»,
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ *Макшеевъ*.
Помощникъ Главнаго редактора, Ген. Шт. Полковникъ *Пруссаки*.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—1809 гг.

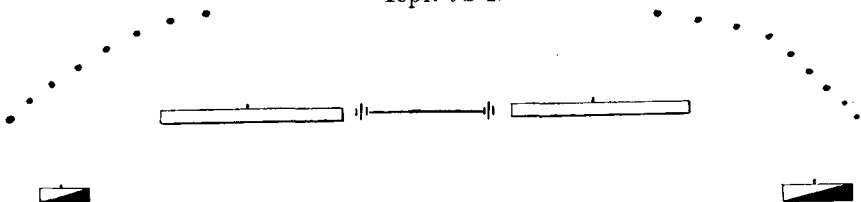
(Окончаніе ¹⁾).

Въ тактическомъ отношеніи дѣйствія нашихъ войскъ въ войну 1808—1809 г. представляютъ интересъ двоякій: историческій, и практическій. Въ историческомъ отношеніи въ эту войну мы должны отмѣтить окончательное водвореніе у насъ типовъ глубокаго и прерывчатаго боевого порядка, во многомъ зависѣвшее отъ тѣхъ условій мѣстности, въ которыхъ приходилось драться въ Финляндіи. Еще въ войны 1805 и 1806—1807 гг. мы видимъ въ отношеніи *боевого порядка* у насъ неустойчивость: наряду съ глубокимъ тиномъ такъ называемой «Наполеоновской» тактики продолжаютъ примѣняться отживающія свой вѣкъ линейныя формы... Въ началѣ войны 1808 года попадаются еще построенія войскъ для боя, являющіяся отголоскомъ этой эпохи, но крайне любопытно, что примѣняются они вполне *сообразно обстановкѣ*. Возьмемъ хотя бы зимній бой при киркѣ *Леппявирта* 28-го февраля 1808 года (см. «Военный Сборникъ» 1908 г. № 6). Боевой порядокъ, построенный авангардомъ колонны Тучкова I на льду озера Уннукавези, состоялъ изъ *развернутыхъ* баталіоновъ по бокамъ артилеріи, съ конницей уступами за обоими флангами и въ предшествіи егерей.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

Такое построение совершенно отвѣчало условіямъ этого боя: отрядъ *внезапно* развернулъ свои силы на *ровной* ледяной поверхности озера, противъ центра *разбросанныхъ* вокругъ озера *по квартирамъ* шведовъ и энергичнымъ наступленіемъ, въ связи съ искусною демонстраціей баталіона, шедшаго по прежнему пути

Черт. № 1.

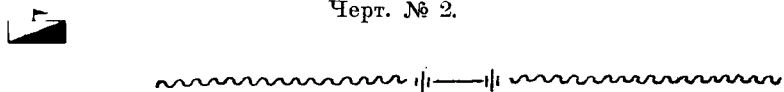

слѣдованія, поселилъ смятеніе въ рядахъ противника, не выдержавшаго атаки и отступившаго, не принявъ удара...

Въ ту же зиму, въ бою 6—18-го апрѣля при Сіикаіоки, Кульневъ, желая скрыть слабость своихъ силъ, дѣлитъ всю свою пѣхоту на 2 группы, одну подъ личнымъ своимъ начальствомъ, другую подъ командою Турчанинова, и безъ остатка разсыпаетъ обѣ тонкою стрѣлковою цѣпью по берегу рѣки Сіикаіоки, пользуясь для удара только конницею Силина, направленнаго по льду на правый флангъ непріятеля.

Но въ данномъ случаѣ Кульневу приходилось волей-неволей вводить противника въ обманъ, въ расчетѣ протянуть бой до подхода главныхъ силъ Тучкова. Рѣшительный образъ дѣйствій Кульнева, какъ извѣстно, настолько импонировалъ шведамъ, что послѣд-

Черт. № 2.

ніе только подъ вечеръ догадались воспользоваться непомѣрною растяжкой тонкой линіи противника и попытаться, при болѣе чѣмъ тройномъ превосходствѣ силъ, прорвать его центръ, что удалось только на половину...

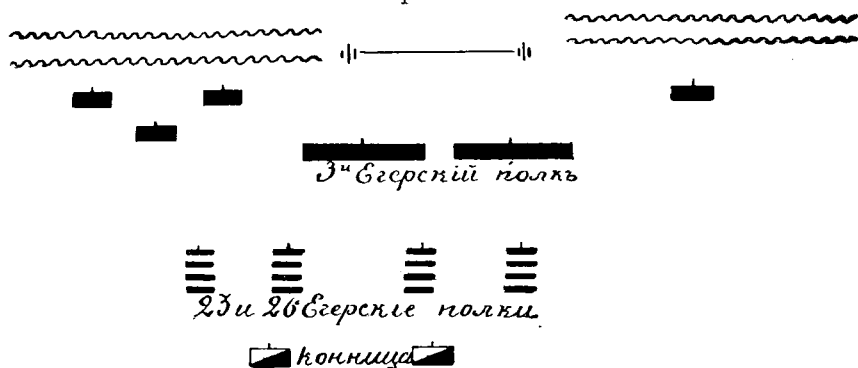
Во время лѣтней кампаніи 1808 года, когда войскамъ пришлось дѣйствовать уже на сравнительно болѣе тѣсномъ пространствѣ открытыхъ мѣстъ, не захватывая примыкающихъ водъ, позволявшихъ свободнѣе разворачиваться и маневрировать, боевые порядки постепенно углубляются, а затѣмъ пріобрѣтаютъ характеръ весьма

близкій къ современному, отличаясь только интервалами и дистанціями, зависящими, очевидно, отъ техническихъ свойствъ оружія..

Такъ, въ бою при Алаво 5-го августа, соединенные авангарды гр. Каменскаго, бывшіе подъ начальствомъ, одинъ—Сабанѣва, а другой—Эриксона, въ виду тѣсноты открытаго пространства между лѣсомъ и озеромъ Ала-ярви, построены были передъ боемъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ поддержекъ: сперва двойныя цѣпи стрѣлковъ, съ артилеріей въ срединѣ, затѣмъ,—развернутыя роты и баталіоны въ видѣ частныхъ поддержекъ, далѣе — колонны, и наконецъ конница.

Здѣсь интересно, что крѣпкую отъ природы позицію, но не дававшую возможности развернуть достаточно силъ по фронту, мы стараемся тѣмъ не менѣе превратить въ возможно менѣе доступ-

Черт. № 3.

ный для фронтальной атаки огневой барьеръ: стрѣлковая цѣпь—ярусная, за ними—поддержки въ развернутомъ строѣ, а резервы еще далѣе позади, укрыто, въ колоннахъ, имѣя въ виду примѣнить ихъ для активнаго отраженія удара. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ единовластія въ этомъ бою, онъ вышелъ для насъ неудачнымъ, и непріятельскій прорывъ нашего фронта не былъ опрокинутъ колоннами нашихъ резервовъ, уже начавшихъ отступленіе изъ за угрозы обходомъ черезъ лѣсъ...

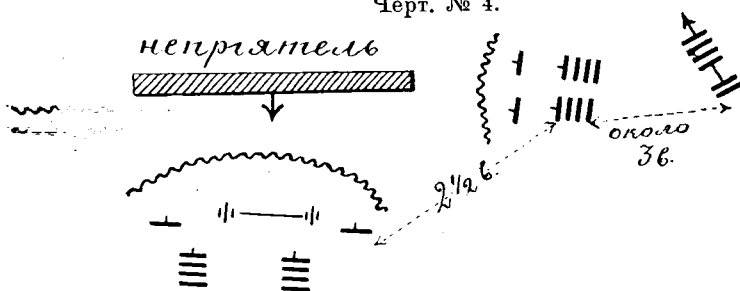
Въ этомъ боевомъ порядкѣ преобладаетъ идея *пассивности*; резервы уже чрезмѣрно нагромождаются въ глубину, что какъ видно не достигаетъ цѣли, такъ какъ использовать ихъ такъ и не пришлось: имъ некуда было маневрировать (см. планъ сраженія при Алаво, стр. 11-я, № 2 «Военнаго Сборника» за 1909 годъ).

Наоборотъ, въ бою при Карстула, разыгранномъ почти одно- временно Властовымъ, уже видимъ расчлененіе боевого порядка

на отдѣльныя самостоятельно маневрирующія группы, изъ коихъ каждая выполняетъ свою опредѣленную задачу. Самъ Властовъ атакуетъ позицію шведовъ съ фронта (3 бат. 5 ор.), 3 баталіона съ 2 орудіями Лукова, сдѣлавъ обходъ лѣсомъ, ударяють въ ея лѣвый флангъ, а 1½ баталіона Римана выходятъ въ тылъ позиціи на единственный путь отступленія противника (см. чертежъ на стр. 14-й кн. 2-й «Военнаго Сборника» за 1909 годъ).

При этомъ Луковъ отдѣленъ отъ Властова непроходимымъ пространствомъ около 2-хъ съ лишнимъ верстъ (озеро) а Риманъ слѣдуетъ по дорогѣ верстахъ въ 3-хъ западнѣе и выходитъ на путь отступленія непріятеля верстахъ въ шести за его позиціей.

Черт. № 4.

Здѣсь уже, какъ видно, приходится, подъ давленіемъ условій *мѣстности*, дѣлить боевой порядокъ на тѣ же части, на которыя онъ дѣлится при современныхъ условіяхъ боя. Здѣсь въ зародышевомъ видѣ, нельзя не усмотрѣть современной идеи *маневреннаго резерва*, т. е. свободно маневрирующаго участка боевого порядка, вводимого въ бой въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для противника направленіи только по соответственному назрѣваніи боя на фронтѣ...

Еще ярче видна эта чисто современная идея въ бою при Куортане (см. стр. 21-я той же книжки «Военнаго Сборника»). Здѣсь графъ Каменскій распределяетъ свои силы на двѣ отдѣльныя *самостоятельныя* группы. Кульневу поручено атаковать съ фронта наиболѣе сильный участок шведской позиціи, между большимъ Куортанскимъ озеромъ и озеркомъ Нисо, къ тому же сильно укрѣпленный. На Раевского (*большая* часть пѣхоты отряда, 8 баталіоновъ, 2 орудія въ разобранномъ видѣ) возложенъ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, черезъ труднопроходимый болотистый и каменистый лѣсъ. За Кульневымъ оставленъ трехбаталіонный резервъ Демидова. Такимъ образомъ, здѣсь уже мы видимъ оба рода резервовъ,

признаваемыхъ современной тактикой: резервъ *маневренный* (иначе—*ударное крыло*), въ данномъ случаѣ—отрядъ Раевского и резервъ старшаго начальника—3 баталіона Демидова.

Независимо того, былъ еще небольшой отрядъ Козачковского, слѣдовавшій безопасными для себя путями (за Куортанскимъ озеромъ) въ тылъ непріятельской позиціи, гдѣ онъ и сыгралъ существенную роль на другой день, въ Сальмисскомъ бою...

Самый характеръ боевыхъ дѣйствій на фронтѣ и на ударномъ участкѣ—различный. Также, какъ и теперь, войска, дѣйствующія съ фронта, стремятся *приковать* къ себѣ обороняющагося и дѣйствуютъ преимущественно *огнемъ*. Это особенно отчетливо видно въ Куортанскомъ сраженіи, являющемся, безспорно, самымъ типичнымъ въ смыслѣ специально-финляндскихъ мѣстныхъ особенностей. Дѣйствительно, занятая шведами позиція у деревни Руона имѣла съ фронта—сильное препятствіе (болотистую долину рѣчки), съ одного фланга была обезпечена безусловно, а на другомъ, достаточно надежно защищена.

Первоначально, кромѣ Раевского, на лѣвый флангъ шведовъ, по расчетамъ Каменскаго, долженъ былъ выйти еще и Луковъ (подкрѣпленіе, высланное изъ отряда Властова); это давало бы Раевскому еще большій перевѣсъ въ силахъ, а кромѣ того, въ силу направленія пути слѣдованія Лукова, онъ долженъ былъ появиться какъ разъ на флангѣ непріятельской позиціи. Въ дѣйствительности Луковъ запоздалъ и могъ принять участіе только въ бою 21-го августа у Сальми.

Боевой порядокъ каждой изъ обѣихъ вышеупомянутыхъ группъ, — Кульнева и Раевского — неодинаковъ. На первомъ боевомъ участкѣ, какъ огневомъ, войска Кульнева были почти цѣликомъ разсыпаны и вели стрѣлковый бой, совмѣстно съ ожесточеннымъ огнемъ артилеріи, обстрѣливавшей главныя части непріятельской позиціи. На второмъ—отдѣльныя (ротныя) колонны, прикрытыя съ фронта слабою стрѣлковою цѣпью. И здѣсь бой ведется преимущественно холоднымъ оружіемъ...

Куортанскій бой даетъ наиболѣе полный образецъ сообразной съ обстановкой дружной взаимной работы, какъ отдѣльныхъ группъ боевого порядка, такъ и родовъ войскъ...

Участокъ Кульнева не только приковываетъ своимъ огнемъ противника на фронтѣ, но порою содѣйствуетъ этимъ огнемъ работѣ важнѣйшаго правофланговаго участка. Раевскій стремится сосредоточить свой ударъ на опаснѣйшемъ для шведовъ пунктѣ,

крайнемъ лѣвомъ ихъ флангѣ, куда къ тому же ожидался подходъ и отряда Лукова; когда же противникъ, правильно оцѣнивая важное значеніе *стайки* между обоими нашими боевыми участками, сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы вырвать изъ нашихъ рукъ деревеньку Херроя, получившую съ этого момента боя значеніе и тактическаго, и стратегическаго ключа нашего расположенія, наши предводители, тотчасъ же уловивъ этотъ опасный для насъ замыселъ, устремляютъ всѣ усилія на то, чтобы удержать этотъ важный пунктъ за собою. Въ этой борьбѣ за деревню Херроя особенно ярко проявляется у насъ взаимная поддержка. Не будучи въ состояніи ничѣмъ инымъ *устить* помочь Раевскому, Каменскій бросаетъ на выручку три эскадрона въ конномъ строю, которые удачно проскакиваютъ подъ огнемъ и одною *внезапностью* своего появленія удерживаютъ шведовъ въ окопахъ отъ новой контръ атаки. Къ сожалѣнію, наша регулярная конница въ то время утратила свою исконную способность къ самостоятельности, не была ни вооружена, ни обучена для дѣйствія въ пѣшемъ строю. Будь иначе, ея содѣйствіе пѣхотѣ проявлялось бы въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, гораздо болѣе чувствительно, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, когда, въ сущности, свелось къ одному только *моральному* впечатлѣнію. Ибо мѣстность въ Финляндіи почти нигдѣ не даетъ возможности произвести конную атаку, даже съ мѣста...

Куортанскій бой завершился, какъ извѣстно, лишь отбитіемъ шведовъ обратно на ихъ позицію. Неуспѣхъ выполненія задуманнаго нами плана зависѣлъ отъ естественныхъ свойствъ непріятельской позиціи. Озеро Нисо съ протекающей черезъ него болотистой рѣчкой, разобшало оба нашихъ боевыхъ участка и препятствовало, какъ поддержанію связи между ними, такъ и свободѣ маневрированія войскъ Кульнева, лишенныхъ возможности оказать ударному крылу содѣйствіе иначе, какъ только огнемъ...

Оровайскій бой даетъ примѣръ послѣдовательнаго введенія въ дѣло эшелоновъ и построень преимущественно на началѣ духовномъ. Здѣсь Каменскій, въ виду критическаго положенія дѣла, примѣняетъ крайнее средство, наэлектризовывая послѣдніе бывшіе въ его рукахъ резервы личнымъ воздѣйствіемъ и присутствіемъ и вырывая побѣду изъ рукъ уже торжествовавшего врага сокрушительнымъ лобовымъ ударомъ, успѣхъ котораго обоснованъ былъ, главнымъ образомъ, на *внезапности появленія свѣжихъ войскъ*...

Подъ Севаромъ тотъ же Каменскій даетъ примѣръ тактической воспріимчивости; онъ пользуется починомъ частнаго начальника, случайно обнаружившаго возможность воспользоваться раздѣленіемъ силъ противника на двѣ группы, уже прикованныя атакой на нихъ съ нашей стороны, и проникнуть неожиданно *въ разрывъ* между ними, сдѣлавъ отчасти то же, что пытались сдѣлать сами шведы подъ Куортане. Но наши войска атаквали здѣсь, поддерживая все время огневую связь, тогда какъ подъ Севаромъ обѣ шведскія группы, вовлеченныя въ борьбу съ нашими раздѣльно наступавшими отрядами, оторвались на нѣсколько верстъ другъ отъ друга, даже не наблюдая образовавшійся промежутокъ... ¹⁾

Сходство тактическихъ пріемовъ, примѣненныхъ на поляхъ битвъ 1808—09 г., съ современными тенденціями, зависитъ, какъ намъ думается, отъ однородности причинъ, ихъ вызвавшихъ. Въ настоящее время *сила современного огня* дѣлаетъ фронтальный бой затяжнымъ и, такъ сказать, взаимно уравнивающимся, въ силу чего *рѣшенія* приходится искать почти исключительно на флангахъ или даже въ тылу... Въ финляндской войнѣ то же самое создавала *мѣстность*; труднодоступность позицій съ фронта, при ограниченномъ до-нельзя обстрѣлѣ, давала и при скромной technikѣ того времени возможность образовать передъ фронтомъ позицій такой неодолимый огневой барьеръ, что только въ исключительныхъ случаяхъ возможно было добиться рѣшенія при помощи лобовой атаки... Наоборотъ, даже простая *угроза* пути отступленія—обыкновенно единственному и притомъ прегражденному тѣсинами разнаго рода, часто имѣла болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ самыя энергичныя и настойчивыя усилія на флангѣ...

Послѣднее,—т. е. чрезмѣрная чувствительность съ тыла, особенно сильно проявлявшаяся у шведовъ,—зависѣла еще и отъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ, при бѣдности путей, достаточно было иной разъ перехватить одну только дорогу, чтобы поставить противника въ безвыходное положеніе... А зависимость отъ тыла, при трудности полагаться на мѣстныя средства, даже для небольшихъ отрядовъ была чрезвычайно велика... Этимъ объясняется, напримѣръ, преждевременное отступленіе шведовъ въ бою при Салми, подъ угрозой появившагося у нихъ въ тылу смѣхотворнослабаго отряда Козачковского...

Огневой бой на фронтѣ обыкновенно завязывался авангардомъ,

¹⁾ Интересно сравнить этотъ бой съ Тюренченомъ.

причемъ послѣдній нерѣдко цѣликомъ разсыпался въ стрѣлковую цѣпь, огонь которой поддерживался артилеріей. Такое вливаніе въ разсыпной строй цѣлыхъ частей, какое мы выше отмѣтили въ дѣйствіяхъ Кульнева при Сікаіюки, наблюдалось у насъ нерѣдко въ періодъ завязки боя, причемъ обычно было увлеченіе растяжкою боевого порядка, тонкая линія котораго, естественно, соблазняла *прорывомъ*... Такъ именно поступилъ противникъ подъ конецъ боя у Сікаіюкъ; точно также дѣйствовалъ онъ подъ Оровайсомъ, гдѣ одержанный имъ успѣхъ былъ, на подобіе Маренгскаго сраженія, внезапно вырванъ подоспѣвшимъ къ полю битвы и брошеннымъ на торжествующаго врага послѣднимъ эшелономъ войскъ графа Каменскаго, сыгравшимъ роль резерва.

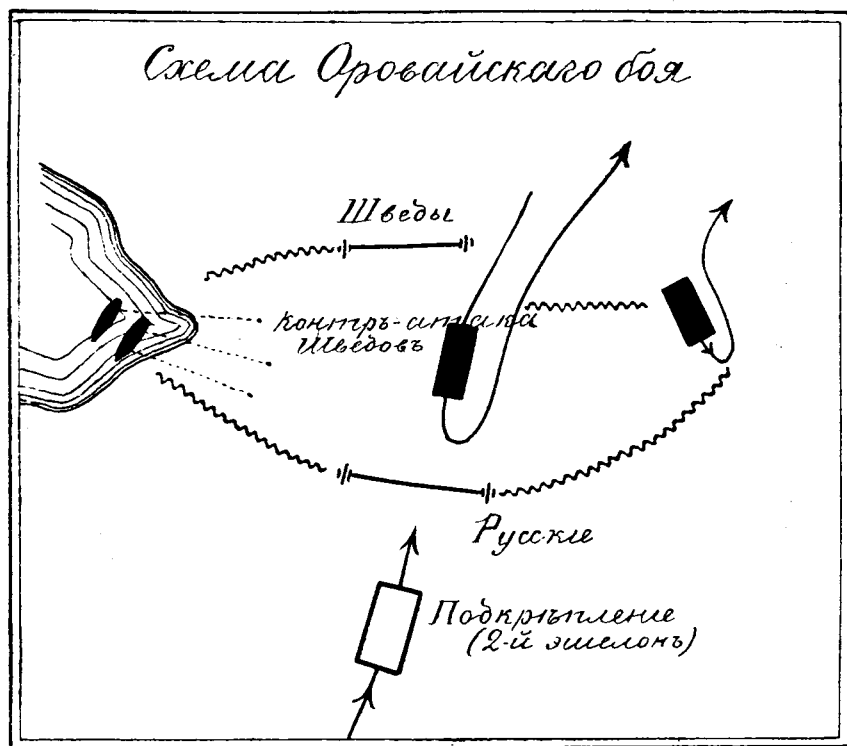
Разсыпаніе по фронту цѣлыми ротами и даже баталіонами плечо къ плечу приводило къ тому, что, по основнымъ своимъ свойствамъ, такая длинная и громоздкая стрѣлковая линія приближалась къ типу линейнаго боевого порядка, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за недостаткомъ войскъ, не оставалось сзади сомкнутыхъ частей для поддержки и для обезпеченія фланговъ. Послѣдніе удавалось большею частью оберегать, упирая ихъ въ недоступныя преграды (напримѣръ, морской берегъ подъ Оровайсомъ на лѣвомъ флангѣ) или же дѣйствуя самимъ активно на томъ именно флангѣ, который доступенъ и, такъ сказать, предупреждая противника; за то опасность прорыва, при всей труднодоступности мѣстности, увеличивалась всегда прямо пропорціонально растяжкѣ, вызываемой тяготѣніемъ къ охвату наиболѣе доступнаго фланга противника. Типичнымъ въ указанномъ отношеніи примѣромъ служить бой подъ Оровайсомъ. Здѣсь преждевременное введеніе нетерпѣливымъ Кульневымъ въ бой авангарда привело къ тому, что послѣдній, со включеніемъ затѣмъ перваго нашего эшелона — бригады Демидова — весь образовалъ длинную и тонкую стрѣлковую линію безъ всякихъ поддержекъ. Наклонность же наша во всякомъ бою дѣйствовать непремѣнно *съ самаго начала наступательно* — особенно свойственная тому же Кульневу — обусловила собою еще болѣе опасную и соблазнительную для противника растяжку, вслѣдствіе стремленія нашего *охватить* лѣвый флангъ шведовъ ¹⁾.

«Всѣ войска наши были разсыпаны въ стрѣлки, подвигались понемногу впорядъ и начинали обходить позицію справа» пишетъ Михайловскій-Данилевскій (стр. 251).

¹⁾ См. планъ, приложенный къ № 2 «Военнаго Сборника» за 1909 годъ.

Контръ атака шведовъ была направлена какъ разъ въ надлежащемъ направленіи: сосредоточивъ огонь своихъ батарей на участкѣ нашего боевого порядка, ближайшемъ къ большой дорогѣ, шведы ударили частью силъ на наше обходившее правое крыло, а главную массу резервовъ бросили на центръ нашего расположенія, поддерживаемые, кромѣ артилерійскаго, еще анфиладнымъ огнемъ канонеровъ изъ бухты.

Черт. № 5.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ направленіе главного удара было намѣчено противникомъ совершенно сообразно условіямъ боя; одного только нельзя было предвидѣть—это возможности прибытія въ эту рѣшительную минуту нашихъ свѣжихъ силъ, которыя, подоспѣвъ во время, отразили натискъ врага встрѣчнымъ ударомъ, рѣшившимъ судьбу сраженія... Графъ Каменскій, знавшій о скоромъ прибытіи этихъ войскъ, потребованныхъ имъ къ полю битвы, только поэтому и могъ рисковать вышеуказанной растяжкой...

Опасная сторона примѣненія длинныхъ, непрерывныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, не гибкихъ и крайне туго маневрирующихъ на полѣ сраженія, особенно при пересѣченности послѣдняго, до нѣкоторой степени парализовалась присутствіемъ позади сомкнутыхъ частей, ударомъ которыхъ, въ сущности, и рѣшалось столкновение. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ средство либо для нанесенія этого удара, либо—для отраженія удара непріятельскаго, причемъ послѣднее требовало, чтобы направление сего послѣдняго было своевременно разгадано. При Сикайокахъ неуспѣхъ для насъ боя обусловленъ былъ только тѣмъ, что контръ-атаку шведовъ на центръ отразить было нечѣмъ; такая же, въ общемъ, обстановка Оровайскаго боя приводитъ къ конечному успѣху, благодаря удачному вводу въ дѣло послѣдняго резерва...

Казалось бы, что при сравнительной тѣснотѣ финляндскихъ полей сраженія (напримѣръ Оровайсъ—немного болѣе 2-хъ квадратныхъ верстъ) не такъ трудно было успѣть измѣнить направленіе сомкнутой массы, чтобы предотвратить непредвидѣнный ударъ; но свойства финляндской мѣстности зачастую не даютъ возможности этого сдѣлать. Только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ возможно передвиженіе сколько-нибудь крупныхъ частей за фронтомъ боевого порядка и вообще маневрированіе резервовъ. Послѣдніе большею частью могутъ дѣйствовать только въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, прямо передъ собою; измѣненіе его требуетъ непремѣнно значительной потери во времени, хотя бы потребное для того передвиженіе и было геометрически невелико... Извѣстный уже намъ критическій моментъ боя при Куортане, когда энергичная контръ атака шведовъ на слабо-занятую нами деревню Херроя, являвшуюся какъ бы шарниромъ, соединявшимъ фронтальный участокъ съ ударнымъ крыломъ Раевского, всего рельефнѣе иллюстрируетъ указанное положеніе. Пришлось пожертвовать драгоценнымъ родомъ оружія—конницей и пустить ее на несвойственной ей мѣстности и въ несообразномъ строю (походная колонна), чтобы выиграть необходимое время для предотвращения грозившей опасности... Пѣхота, отдѣленная не столько разстояніемъ, сколько трудно-проходимостью мѣстности при движеніи цѣлиной, разумѣется поспѣть не могла.

Но здѣсь промежутокъ между обоими боевыми участками былъ сравнительно небольшой, и потому успѣть избѣжать вклиниванія непріятеля въ этотъ промежутокъ было все-таки возможно... По

мѣрѣ развитія нашихъ успѣховъ и соотвѣтственнаго подавленія духа у противника мы становимся смѣлѣе и въ бояхъ послѣдняго періода кампаніи (Шелефтѣ, Гернефорсъ, Севаръ) рискуемъ еще больше, раздѣляя силы еще внѣ поля сраженія, направляя ихъ на противника съ двухъ различныхъ сторонъ, при нерѣдко полномъ отсутствіи связи между обѣими группами, не говоря уже о невозможности непосредственной взаимной между ними поддержки...

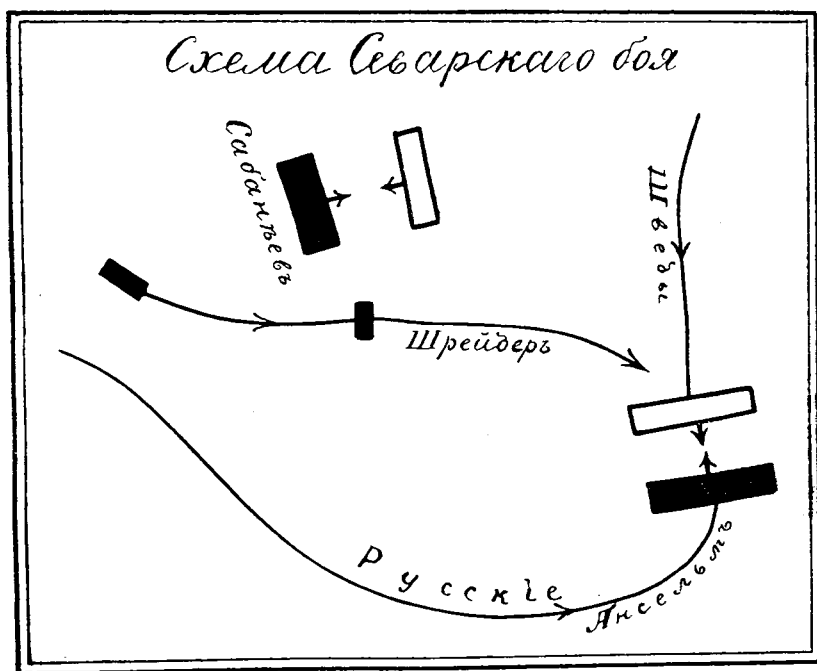
Такъ, подъ Шелефтѣ мы раздѣляемся на 2 колонны въ разстояніи, превышающемъ отъ позиціи противника полъ-перехода, причемъ обѣ онѣ совершаютъ свой маршъ-маневръ, одна берегомъ, другая по льду залива, будучи раздѣлены мѣстностью совершенно непроходимой въ поперечномъ направленіи. даже для отдѣльныхъ людей. Точно то же самое сдѣлано подъ Гернефорсомъ, но тамъ колонна Карпенкова пущена черезъ лѣсъ, считавшійся непроходимымъ и вышла едва не въ тылъ непріятелю, пассивно *ждавшему* на позиціи рѣшенія своей участи и даже не имѣвшему надлежащихъ охраненія и развѣдки... При Севарѣ Каменскій тоже дѣлитъ свой корпусъ на двѣ группы, но, въ отличіе отъ предыдущихъ боевъ, все-таки пускаетъ въ промежутокъ между ними небольшой отрядъ Шрейдера. Послѣднему, въ началѣ боя, предстояло охранять то единственное направленіе, по которому только и возможно было опасное для участи нашего все-таки рискованнаго плана атаки вклиниваніе между обѣими атакующими группами. Но пассивность шведовъ оказалась столь велика, что, заслонившись какъ съ фронта, такъ и со стороны обходной колонны Ансельми-де-Жибори, они не только не использовали опаснаго для насъ промежутка, но даже и не наблюдали его сами въ цѣляхъ собственной безопасности. Это, какъ извѣстно, и привело къ направленію нашихъ подкрѣплений во слѣдъ Шрейдеру и приданію этой второстепенной по первоначальному плану группѣ боевого порядка активнаго значенія. Разъ шведы упускали случай дѣйствовать въ опаснѣйшемъ для насъ направленіи, и только сами втягивались въ пассивно-оборонительный бой, съ обѣими раздѣльно наступавшими нашими группами, то наиболѣе сообразнымъ съ обстановкою было поступить именно такъ, какъ сдѣлали мы въ данномъ случаѣ, т. е. самимъ вклиниться между двумя группами непріятеля, раздѣленіе котораго мы вызвали своимъ наступленіемъ съ двухъ сторонъ...

Достойно особаго вниманія, что въ данномъ случаѣ успѣхъ былъ обусловленъ частнымъ починомъ оберъ-офицера, штабсъ-капитана Шрейдера, донесеніе котораго и просьба о подкрѣпленіи

вызвали усиленіе его небольшой заставы (1 рота)—до 6-ти ротъ. При этомъ замѣчательно, что Шрейдеръ настолько понималъ обстановку происходившаго боя, что въ своемъ донесеніи указывалъ и на тѣ результаты, которыхъ можно достигнуть, направивъ войска въ промежутокъ между обѣими шведскими позиціями...

Фактъ этотъ показываетъ, насколько къ концу войны усовершенствовались наши частные начальники, даже въ столь небольшихъ чинахъ и подтверждаетъ то весьма важное значеніе войны 1808—09 гг., на которое мы указывали въ самомъ началѣ нашихъ

Черт. № 6.

очерковъ... Значеніе это—подготовка личного команднаго состава къ послѣдующей титанической борьбѣ съ великаномъ военного искусства — Императоромъ французовъ... Финляндская война, именно по особенностямъ своихъ операций, по свойствамъ полей сраженій и проч., лучше всего способствовала выработкѣ самостоятельности и самодѣтельности, вѣрнаго военного глазо-мѣра и пр. При тогдашнихъ условіяхъ, когда не было современныхъ техническихъ способовъ сношеній, всякій, даже маленькій начальникъ, получая самостоятельное назначеніе, предоставлялся почти всецѣло своей судьбѣ и только изрѣдка получалъ инструкціи

и указанія: остальное надобно было ему восполнять личною находчивостью, рѣшимостью, опытомъ и знаніемъ военнаго дѣла...

Припомнимъ хотя бы положеніе отряда Властова во время наступленія графа Каменскаго отъ Ювяскуля вплоть до Оровайса.

Вѣдь дѣйствія Властова, предназначеннаго прикрывать справа успѣхъ операціи «главнаго корпуса» Каменскаго, были совершенно самостоятельны; единственное полученное имъ приказаніе было о выдѣленіи отряда Лукова на поддержку Каменскому и во флангъ непріятелю, такъ какъ послѣ одержанныхъ Властовымъ успѣховъ, корпусный командиръ считалъ, что для преслѣдованія разбитаго врага достаточны и вдвое слабѣйшія силы... А Властовъ былъ только полковой командиръ.

Отмѣтимъ, что въ началѣ войны проявленіе частнаго почина не всегда обходилось гладко. Примѣръ — Тучковъ I послѣ занятія Куопіо, запоздавшій двинуться на перерѣзъ отступавшимъ вдоль берега шведамъ, а потомъ выславшій туда слишкомъ слабыя силы... Булатовъ подъ Револаксомъ, предоставленный самъ себѣ, подвергся отдѣльному пораженію только потому, что не разгадалъ обстановки, не будучи въ ней должнымъ образомъ ориентированъ свыше и не принявъ мѣръ для самоориентированія... Можно только сожалѣть о томъ, что частный починъ начальника Аландской колонны князя Багратіона при зимнемъ переходѣ Ботническаго залива былъ стѣсненъ присутствіемъ при колоннѣ всего высшаго начальства, главнокомандующаго Кнорринга и даже военнаго министра Аракчеева... Можно съ увѣренностью предполагать, что если бы эти лица находились въ то время гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, то война эта тутъ же окончилась бы занятіемъ шведской столицы Стокгольма...

Чтобы покончить съ боевыми столкновеніями, скажемъ еще нѣсколько словъ о своеобразномъ типѣ ихъ, специально присущемъ только Финляндіи. Это бои гребныхъ флотилій совмѣстно съ сухопутными войсками. Какъ извѣстно, въ описываемую войну бои эти не имѣли большого значенія въ общемъ теченіи ея операціи: бывшія въ шхерахъ столкновенія главнымъ образомъ сводились къ прокладкѣ нашими флотиліями себѣ пути черезъ шхерные фарватеры изъ Финскаго залива въ Ботническій. Но въ тактическомъ отношеніи указанные бои представляютъ крупный интересъ, не лишенный, быть можетъ, и современнаго значенія...

Шхерныя флотиліи состояли изъ гребныхъ судовъ разнаго вида и тина, вооруженныхъ артилеріей и, слѣдовательно, представлявшихъ собою какъ бы *подвижныя плавучія батареи*. Батареи эти обла-

дали свойствомъ совершенно отличнымъ отъ батарей сухопутныхъ, а именно *способностью* дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ не на мѣстѣ только, а и *въ движеніи*. Такимъ образомъ, столкновение двухъ враждебныхъ флотилій сводилось, въ сущности, къ взаимному разстрѣливанію, съ тою только разницей, что стрѣляющія съ судовъ орудія могли эволюционировать, мѣнять взаимное положеніе, не прекращая своего дѣйствія. Успѣхъ такихъ эволюцій, разумѣется, зависѣлъ отъ многихъ условій: отъ ширины и конфигураціи фарватера, отъ направленія и силы вѣтра, расположенія и величины ближайшихъ острововъ и мелей, отъ искусства гребцовъ и рулевыхъ и т. д.

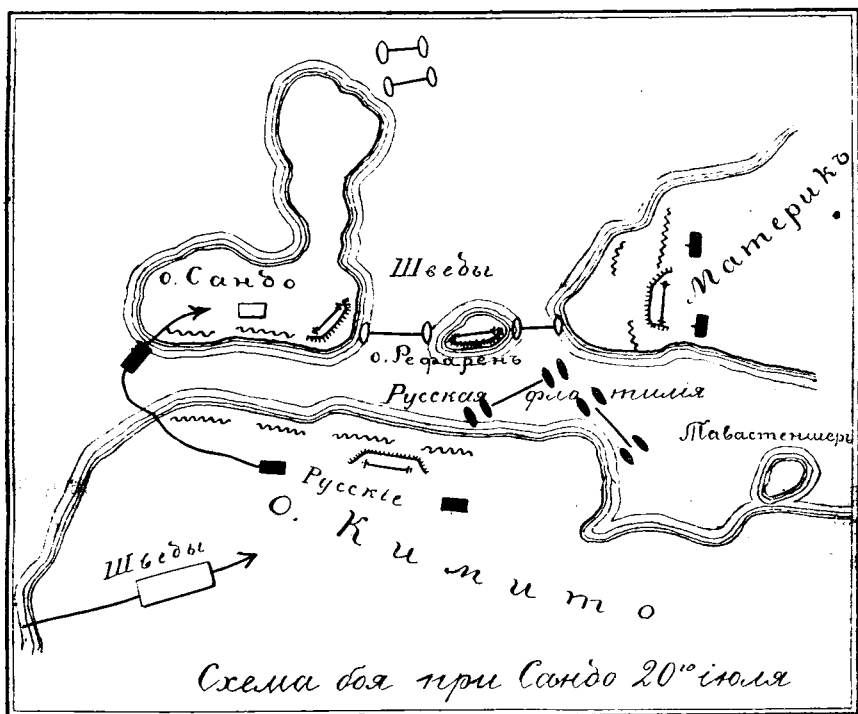
Во всякомъ случаѣ, центральнымъ боевымъ участкомъ такого боя всегда являлись двѣ сталкивающіяся флотиліи, артилерійская дуэль которыхъ и рѣшала участь боя. Но вспомогательнымъ средствомъ для достиженія успѣха въ этой дуэли было примѣненіе десантовъ въ цѣляхъ использованія *выгодныхъ свойствъ анфиладнаго и тыльнаго огня*. Мы наталкиваемся здѣсь, даже въ этихъ смѣшанныхъ операціяхъ, на все тѣ же основныя, вѣковѣчныя, неизмѣнныя свойства боевыхъ элементовъ, отъ которыхъ, какъ говорится, никуда не уйдешь и безъ яснаго усвоенія которыхъ нѣтъ и не можетъ быть правильнаго пониманія военнаго дѣла...

Такъ какъ единственнымъ оружіемъ гребныхъ флотилій являлся *огонь*, то боевымъ построеніемъ ихъ былъ всегда развернутый строй въ одну линію, иногда съ примѣненіемъ уступовъ, въ цѣляхъ неожиданнаго введенія части силъ въ дѣло изъ за закрытія противъ фланга ¹⁾. Последнее было возможно, разумѣется только въ томъ случаѣ, если ширина проходовъ между островами давала достаточно мѣста для маневрированія. Обратно при ограниченности ширины фарватера, для дѣйствія на слабые и чувствительные фланги развернутой линіи гребныхъ судовъ стали *переносить огонь* на берегъ, располагая тамъ стрѣлковъ и даже батареи такъ, чтобы анфилировать строй лодокъ. Первую попытку въ такомъ духѣ мы видимъ со стороны шведовъ въ бою при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (впереди гор. Або), когда, одновременно съ атакой части канонерскихъ лодокъ на лѣвый флангъ нашей флотиліи, преграждавшей фарватеръ между островами Рунсало и Хирвасало, шведы пытались сдѣлать высадку на островъ Рунсало, чтобы оттуда фланкировать нашу линію; но предусмотрительно расположенные на этомъ

¹⁾ Напримѣръ, атака шведами нашей флотиліи при Хирвисало 22 іюня 1808 г.

островъ генераломъ Коновницынымъ стрѣлки не допустили высадки. Успѣхъ этой мѣры несомнѣнно повліялъ въ направленіи ея болѣе широкаго примѣненія въ послѣдующихъ столкновеніяхъ. При Тавастеншерѣ 9 іюля, когда къ Або пробивался 3-й эшелонъ нашего шхернаго флота подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена, на оба берега пролива между островомъ Кимито и материкомъ посланы были, по приказанію графа Буксгевдена, присутствовавшего при дѣлѣ, сухопутныя войска, стрѣлки и артиле-

Черт. № 7.

рія. Орудія были перенесены на рукахъ, взгромождены на скалы, и ихъ огонь во флангъ оказалъ, вмѣстѣ съ ружейнымъ, самое рѣшительное вліяніе на нашъ успѣхъ въ этомъ бою. 20 іюля въ бою при Сандо (нѣсколько сѣвернѣе Тавастеншера), шведы также прибѣгли къ сооруженію батарей и высылкѣ стрѣлковъ на островъ Сандо, прикрывавшій ихъ правый флангъ, а мы расположили пѣхоту и артилерію и на материкѣ, и на островѣ Кимито, еще въ большемъ, чѣмъ прежде количествѣ.

При этомъ, одновременно съ боемъ флотилій, работала на флангахъ и пѣхота. Наши двѣ роты, подъ прикрытіемъ огня артилеріи, пользуясь мелководьемъ пролива между Кимито и Сандо, перешли его въ бродъ и атаковали во флангъ шведскія засѣки, отогнавъ отсюда непріятельскихъ стрѣлковъ и захвативъ 4 бывшихъ здѣсь орудія, которые, разумѣется, не могли быть шведами увезены... Въ свою очередь шведы послали на Кимито цѣлый отрядъ, который незамѣтно высадился въ тылу у нашихъ войскъ, бывшихъ на сѣверномъ берегу этого острова. Отрядъ этотъ едва не захватилъ даже въ плѣнъ самого главнокомандующаго, пировавшаго по окончаніи успѣшнаго боя, если бы не возвратившаяся на выстрѣлы наша рота, ранѣе посланная на острова западнѣе Сандо, которая и ударила шведамъ неожиданно въ тылъ ¹⁾).

Такимъ образомъ здѣсь, наряду съ борьбой на водѣ флотилій, разыгрывается борьба между тѣми сухопутными отрядами, которые стремятся оказать вліяніе на ходъ главнаго боя, т. е. столкновенія шхерныхъ эскадръ, путемъ анфиладнаго огня съ берега. Шведская позиція на Сандо мѣшаетъ успѣху атаки нашихъ лодокъ; пѣхота наша переходитъ къ активнымъ дѣйствіямъ и «снимаетъ» эту позицію. Наша позиція на Кимито вредитъ шведамъ, и послѣдніе заранѣе принимаютъ противъ нея мѣры, но, по кружности пути, появляются слишкомъ поздно, когда главная цѣль боя уже была достигнута: шведскій гребной флотъ отогнанъ, и проходъ для нашего открытъ. Внезапность появленія шведскаго десанта, не сдѣлавшаяся роковой для главной квартиры, только благодаря *случайности* (присутствіе роты на сосѣднемъ островѣ) и частному почину *ротнаго* командира, объясняется крупною ошибкою—пребреженіемъ къ охраненію во время боя; данный эпизодъ особенно рельефно подтверждаетъ необходимость имѣть это охраненіе не только на флангахъ, но и въ тылу, даже въ такихъ случаяхъ, когда повидимому опасность съ этой стороны совершенно невѣроятна...

Итакъ, особенности условій боевыхъ столкновеній въ шхерахъ, въ силу самыхъ свойствъ водяной стихіи, рѣзко отличаются отъ боевъ на сухомъ пути. Тамъ на фронтѣ по большей части пассивныя дѣйствія огнемъ; только въ исключительныхъ случаяхъ активность, если можно воспользоваться растяжкой или разрывомъ непріятельскаго фронта; по большей же части рѣшеніе боя—на

¹⁾ См. Р. Инв. отъ 20 іюля 1908 года.

флангахъ, а порою даже въ тылу, который по мѣстнымъ условіямъ особенно чувствителенъ. Въ столкновеніяхъ шхерныхъ флотилій, наоборотъ, успѣхъ рѣшается участіемъ боя на фронтѣ, т. е. единоборства самихъ гребныхъ эскадръ между собою, а дѣйствія на флангахъ, т. е. на сухомъ пути, имѣютъ значеніе вспомогательное, примѣрно схожее съ современнымъ стремленіемъ, при большей свободѣ размѣщенія артилеріи въ боевомъ порядкѣ, искать для части ея батарей такія позиціи, которыя давали бы наивыгоднѣйшій перекрестный или анфиладный огонь, поражающій наиболѣе важные пункты или участки... По свойствамъ береговъ и шхеръ Финляндіи, позиціи, занимаемая пѣхотою и артилеріей по флангамъ фарватеровъ на которыхъ ожидается столкновение гребныхъ эскадръ, конечно носятъ неподвижный, пассивный характеръ, и только исключительныя обстоятельства (какъ на примѣръ мелкая вода въ протокѣ въ вышеприведенномъ примѣрѣ) позволяютъ и здѣсь проявить извѣстную активность. Активность эта, понятное дѣло, можетъ быть выказана и путемъ *перемѣщенія водою* пѣлыхъ отрядовъ (см. выше), но такія смѣлыя дѣйствія всегда сопряжены съ большимъ рискомъ, и чувствительность такого отряда къ своему тылу—т. е. къ своему амбаркаціонному пункту—всегда чрезвычайно велика. Въ приведенномъ выше примѣрѣ шведскій отрядъ Палена имѣлъ свыше тысячи человекъ и 6 орудій, обладалъ, слѣдовательно, и численнымъ превосходствомъ, и выгодами внезапности, а наши войска на Кимито были, въ сущности, безъ пути отступленія, такъ какъ средствъ перебросить ихъ быстро на материкъ (особенно пушки)—не было; тѣмъ не менѣе достаточно было *появленія* въ тылу противника одной нашей роты, чтобы всѣ эти выгоды сокрушились, какъ карточный домъ, а успѣхъ, бывшій почти въ рукахъ, обратился въ смятеніе и неудачу...

Можно ли предвидѣть возобновленіе подобныхъ столкновеній при современной обстановкѣ и при нынѣшнихъ условіяхъ техники? Намъ представляется, что важность удержанія въ своихъ рукахъ водныхъ путей по шхерамъ при дѣйствіяхъ на Финляндскомъ театрѣ всегда будетъ существовать, а слѣдовательно можно предвидѣть и борьбу за обладаніе этими путями. Сказать заранее, каковы будутъ тѣ средства, которые придется примѣнить для этой борьбы, конечно, трудно. Очевидно, что это не будутъ уже гребныя суда, слишкомъ первобытныя и громоздкія, хотя и ими можно будетъ, вѣроятно, пользоваться за неимѣніемъ лучшаго.

Врядъ ли съ такою цѣлью слѣдовало бы употреблять флотилии миноносцевъ, надводныхъ и подводныхъ, такъ какъ эти сравнительно дорого стоющія суда имѣютъ вполне опредѣленное специальное назначеніе. Вѣрнѣе всего, что быстро развивающійся водомоторный спортъ выработаетъ въ скоромъ времени специальный типъ канонерской лодки-мотора, приспособленной именно для береговой развѣдочной службы въ условіяхъ шхернаго плаванія и для охраны шхерныхъ фарватеровъ. Насколько извѣстно изъ шведской печати, въ Швеціи такіе типы лодокъ уже разрабатываются...

Обращаясь къ дѣятельности отдѣльных родовъ войскъ въ бою и внѣ его, видимъ, что главною владычицею финляндскихъ полей сраженія является, конечно, пѣхота. Это видно уже изъ *созамѣрности* ея въ общемъ составѣ отрядовъ. Напримѣръ, въ корпусѣ графа Н. Каменскаго, общій составъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, передъ началомъ его финляндской операціи, равнялся 31 іюля 1808 г., 9.500 (примѣрно) человѣкамъ, изъ коихъ пѣхоты было болѣе 7.000 или свыше 75%, конницы — менѣе 1000 человѣкъ или всего около 10%. Если считать пѣхоту съ пѣшей артилеріей вмѣстѣ, то они составляютъ отъ 80 до 90% состава каждаго отряда. Число орудій колебалось отъ 2 до 3 на 1000 человѣкъ.

Такимъ образомъ и созамѣрность артилеріи была нѣсколько ниже средней нормы, что весьма понятно. Несмотря на то, что при неимѣніи въ то время средствъ, подобныхъ нынѣшнимъ пулеметамъ и при тогдашней слабости ружейнаго огня, картечный огонь артилеріи, достаточно могущественный при ограниченномъ обстрѣлѣ финляндскихъ позицій, являлся существеннымъ способомъ потрясти противника матеріально и морально и тѣмъ обезпечить успѣхъ удара, — надѣлать отряды артилеріей приходилось весьма скупо. Причинъ тому двѣ; во первыхъ — трудность передвиженія, размѣщенія и обезпеченія артилеріи въ составѣ пѣхотныхъ отрядовъ, а затѣмъ, — и самое главное — трудность *питанія* ея *боевыми припасами*... Если вообще снабженіе всѣмъ необходимымъ составляло въ Финляндіи вопросъ первостепенной важности, то это прежде всего относилось до боевыхъ припасовъ, расходъ которыхъ при здѣшнихъ условіяхъ боя былъ великъ, а получить ихъ можно было только подвозомъ съ тыла... Насколько значителенъ былъ расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ, можно судить по упорству и продолжительности боевыхъ столкновеній. Такъ бой при Куортане 20 августа (не считая авангарднаго боя наканунѣ) продолжался съ 2 часовъ дня до поздняго вечера. Оро-

вайскій бой—съ 8 часовъ утра до 11 часа ночи; Севаръ—съ 7 часовъ утра до 4 часовъ пополудни. Въ тѣ времена, при малой величинѣ дерущихся отрядовъ и короткости разстояній (не болѣе 7—8 тысячъ съ каждой стороны на пространствѣ 2—4 квадратныхъ верстѣ) такую продолжительность должно признать весьма значительной, и несомнѣнно, что она зависѣла отъ упорства именно огнестрѣльнаго, подготовительнаго періода боя.

Артилерія играла въ этотъ періодъ боя преимущественную роль. Стрѣлковыя цѣпи, прикрывавшія фронтъ сражающихся, нерѣдко поглощавшія собою (какъ мы видѣли) даже всю пѣхоту отряда, вели обыкновенно перестрѣлку другъ съ другомъ; ихъ огонь, разсредоточенный почти равномѣрно по всему фронту, значенія въ дѣлѣ подготовки успѣха почти не имѣлъ.

Что же касается огня артилеріи, то его назначеніе было не столько въ томъ, чтобы подавить вражескую артилерію или потрясти сильными потерями непріятеля, сколько въ томъ, чтобы обратить на себя огонь возможно большей части непріятельскихъ орудій, т. е., какъ выражаются и теперь, приковать къ себѣ противника и тѣмъ обезпечить успѣхъ обходящихъ частей... Какъ только обходъ или охватъ назрѣвалъ, или (какъ подъ Оровайсомъ) приближался моментъ рѣшительной контръ-атаки резервомъ, артилерія усиливала свой огонь до крайности, дѣйствуя въ силу необходимости не по тому участку позиціи, который намѣчался для удара, а по сосѣднимъ...

Маневрированія артилеріи на полѣ сраженія не было; мѣстность придавала ей дѣйствіямъ позиціонный характеръ. Расположеніе, занятое ею въ началѣ боя, обыкновенно сохранялось неизмѣннымъ и почти всегда было приближено къ лучшимъ дорогамъ, чтобы обезпечить своевременный увозъ орудій въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему обходныя колонны по большей части обходились безъ артилеріи; исключеніе—Куортане, гдѣ Раевскому приданы двѣ пушки въ разобранномъ видѣ, и Шелефтѣ, гдѣ Алексѣевъ везъ за собою пушки по льду на санияхъ. Отсюда ясно, насколько велико въ настоящее время значеніе въ Финляндіи пулеметовъ и горной артилеріи, которые пройдутъ всюду за пѣхотой...

Рѣшительный успѣхъ въ бояхъ того времени достигался исключительно штыковымъ ударомъ; но финляндскіе бои именно и поучительны въ томъ отношеніи, что ударъ этотъ всегда производился послѣ надлежащей *подготовки*, въ чемъ бы послѣдняя ни

выражалась, въ огнѣ, или въ соотвѣтствующемъ маневрѣ. По условіямъ мѣстности, всегда атаковали не иначе, какъ во взводныхъ колоннахъ ротъ. Только шведы въ началѣ войны употребляли для атаки развернутый строй, но уже скоро отъ него отказались, и при Куортане, Оровайсѣ и др. они, подобно намъ, атакуютъ исключительно въ колоннахъ... Эти ротные колонны, строй достаточно гибкій, поворотливый и удобопримѣнимый къ мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій достаточною сомкнутостью и послушный волѣ начальника, какъ разъ соотвѣтствовали той пересѣченной мѣстности, на которой приходилось вести атаки. Такимъ образомъ и этотъ, рѣшительный періодъ боя лежалъ преимущественно на младшихъ начальникахъ, главнымъ образомъ ротныхъ командирахъ; старшимъ начальникамъ приходилось только указывать цѣль, воодушевлять войска, пуская ихъ въ дѣло, а уже самая работа въ бою была всецѣло въ рукахъ офицеровъ... Бой при Карстула, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, боевой порядокъ атакующаго разбился на три отдѣльныя самостоятельныя группы, вѣроятно, потому именно и оказался «офицерскимъ дѣломъ», какъ его прозвали въ арміи, что именно при этихъ условіяхъ атаки работа младшихъ офицеровъ всего болѣе выдѣлилась.

Что касается конницы, то ея спеціальной работы въ эту войну сравнительно мало видно, главнымъ образомъ потому, что она, по тогдашнимъ своимъ свойствамъ, не могла быть употребляема въ Финляндіи такъ, какъ это соотвѣтствовало бы особенностямъ этого театра военныхъ дѣйствій. Атака въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ возможна здѣсь только въ видѣ исключенія, а между тѣмъ наша конница того времени утратила тѣ свойства, которыя были присущи ей въ вѣкъ Петра и Екатерины: она перестала быть самостоятельной. Въ Финляндскую войну ея дѣятели не ушли въ этомъ отношеніи дальше своего времени, даже такія лица, какъ Кульневъ и Денисъ Давыдовъ не сумѣли оцѣнить того преимущества, какое давало бы въ наши руки примѣненіе на этомъ театрѣ именно старинной Петровской системы «корволантовъ» для широкаго воздѣйствія на *непріятельскія сообщенія*. Конницу въ эту войну мы преимущественно держали въ резервѣ и лишь въ видѣ исключенія бросали ее, какъ Кульневъ и Каменскій при Куортане, для выполненія въ сущности несвойственныхъ ей задачъ (атака на окопы у моста черезъ рѣчку Нисо 19-го августа и на д. Херроя 20-го, см. «Военный Сборникъ» № 2 1909 г., стр. 22 и 25). Расчетъ тутъ былъ, конечно, на психологическое воздѣйствіе неожиданнаго по-

явленія конницы въ противорѣчащей ея природнымъ свойствамъ обстановкѣ... Зимой 1808 года конницею еще пользовались (налетъ на Гельсингфорсъ, дѣйствія Силина на флангъ боевого порядка по льду залива, у Кульнева во всѣхъ бояхъ до Сипкайоки включительно), но именно только какъ средствомъ для нанесенія удара холоднымъ оружіемъ. Въ качествѣ органа развѣдки конница почти совершенно въ эту войну не работала. Вообще—развѣдка была у обѣихъ сторонъ обоснована почти исключительно на шпионствѣ мѣстныхъ жителей, служившихъ обѣимъ сторонамъ. Свѣдѣнія эти не провѣрялись конницею, и часто на нихъ обосновывались цѣлыя предпріятія (напримѣръ, наступленіе наше 22-го іюля на Гернефорсъ). Иное видимъ у Петра Великаго и его генераловъ въ 1712—1714 годахъ (см. А. З. Мышлаевскій «Война въ Финляндіи въ 1712—1714 гг.).

Предвзятое мнѣніе о непригодности конницы для дѣйствій въ Финляндіи держится у насъ, главнымъ образомъ, на основаніи опыта войны 1808—09 гг. и только потому, что отъ конницы требуютъ лишь выполненія *одной* изъ ея задачъ, выпуская изъ вида всѣ другія.. Плоды такого пониманія вещей мы видѣли еще недавно въ Маньчжуріи, гдѣ наша превосходная по количеству и качествамъ конница почти бездѣйствовала только потому, что на театрѣ войны преобладала горная мѣстность... О примѣненіи дѣятельности самостоятельной конницы въ тылу и на флангахъ противника во время боя, о работѣ ея на сообщеніяхъ противника, объ использованіи ея главныхъ свойствъ: быстроты, неуловимости и независимости, не подумали у насъ въ 1808—09 годахъ, совершенно также какъ и въ недавнемъ прошломъ... Единственнымъ оправданіемъ такому забвенію свойствъ конницы, неподражаемо мастерски использованному у насъ только Петромъ и Меншиковымъ, а на западѣ—сѣвероамериканцами, можетъ служить одно немаловажное обстоятельство—*трудность ея прокормленія*. Но это обстоятельство оправдывало, въ сущности, только то, что конницы нельзя было взять больше; оставленіе же ея безъ употребленія и преимущественно въ хвостѣ колонны или при резервѣ только затрудняло для нея же продовольственный вопросъ. Наоборотъ, широкіе рейды конницы для захвата важныхъ пунктовъ въ тылу у противника, разрушенія переправъ, уничтоженія транспортовъ, магазиновъ и т. п., наконецъ, для болѣе быстрого содѣйствія фронтальной атакѣ, были бы вполне осуществимы, ибо требовали движенія лишь по дорогамъ. А они *облегчали бы* разрѣшеніе вопроса

о прокормѣ, такъ какъ позволили бы пользоваться мѣстными средствами съ болѣе широкаго района..

Остается, въ заключеніе, упомянуть еще о крайне важномъ и особенно рѣзко проявившемъ себя въ эту войну вопросѣ объ управленіи войсками на театрѣ войны... Высшее командованіе, въ лицѣ графа Буксгевдена, а позже—Кнорринга, не пользовалось въ Петербургѣ довѣріемъ, а близость столицы къ театру военныхъ операцій облегчала вмѣшательство въ нихъ свыше. Опытъ кампаніи 1805 и 1807 годовъ не подсказалъ правильнаго въ этомъ отношеніи рѣшенія; достаточно было первыхъ неудачъ Буксгевдена, поставленнаго обстановкою въ крайне трудное, чтобы не сказать болѣе,—безвыходное положеніе, чтобы на него обрушилось недовѣріе, выразившееся сперва въ тайномъ и явномъ контролѣ, а затѣмъ—и во вмѣшательствѣ... Ненормальность впослѣдствіи установившагося порядка управленія, когда, въ періодъ зимней за-Ботнической операціи, главнокомандующій былъ только номинальнымъ, а всѣмъ распоряжался Аракчеевъ, или въ періодъ командованія Барклая-де-Толли, когда графъ Каменскій въ Вестрботніи самостоятельно сносился съ Петербургомъ—въ поясненіяхъ не нуждается.

Другимъ крупнымъ тормазомъ, препятствовавшимъ успѣшному ходу совмѣстныхъ сухопутно-морскихъ операцій, на который мы въ своемъ мѣстѣ указывали, было отсутствіе единачалія надъ ними... Галерный флотъ частью находился въ полномъ вѣдѣніи главнокомандующаго графа Буксгевдена (то, что составило нашу военную добычу), частью былъ какъ бы откомандированъ въ его распоряженіе (то, что послано на театръ войны изъ Кронштадта). Впослѣдствіи, обѣ части эти соединились вмѣстѣ и находились въ распоряженіи сухопутнаго командованія, но подчинялись также специальнымъ распоряженіямъ своего морского начальства. На этой почвѣ возникалъ рядъ пререканій (о которыхъ упоминалось въ своемъ мѣстѣ), по причинѣ коихъ гребной флотъ, послѣ того какъ благополучно пробился къ Або, въ сущности, ограничилъ свою дѣятельность развѣдывательною службой по обезпеченію юго-западнаго побережья Финляндіи отъ высадокъ; а въ кампанію 1809 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же, нимало не содѣйствуя трудной задачѣ организаціи питанія нашихъ войскъ, оперировавшихъ въ западной Ботніи.

Что же касается корабельнаго флота, то его неудачное выступленіе въ 1808 году, завершившееся закупоркой въ Балтійскомъ

портѣ, не оказало сухопутнымъ операціямъ нужнаго имъ содѣйствія: противникъ сохранилъ за собою всецѣло господство на морѣ, наши морскія силы не могли безпренятственно проникать изъ Финскаго залива въ Ботническій, и поэтому къ побережью приковывалось все время несоразмѣрно значительное количество нашихъ войскъ. Въ результатѣ—затяжка мирныхъ переговоровъ и необходимость произвести рядъ повторныхъ и, въ сущности, робкихъ наступательныхъ операцій въ Вестрботніи, имѣвшихъ цѣль весьма ограниченную: частными успѣхами повліять на ходъ дипломатическихъ пререканій въ Фридрихсгамѣ...

Если бы дѣйствія обѣихъ категорій флота были болѣе слажены съ сухопутными операціями и если бы адмиралъ Ханыковъ дѣйствовалъ болѣе быстро и энергично, то рѣшительный успѣхъ, хотя бы надъ однимъ только шведскимъ флотомъ (до прихода англійскаго), создалъ бы намъ на морѣ совершенно другое положеніе, которое въ значительной степени развязывало бы намъ руки на сушѣ. Въдѣ собственно говоря въ кампанію 1809 года противникъ не использовалъ какъ слѣдуетъ своего благоприятнаго на морѣ положенія только въ силу того страннаго способа содѣйствія своему союзнику, который избрали англичане. Дѣйствія ихъ въ Балтійскихъ водахъ совершенно напоминаютъ одновременныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ Австріи въ качествѣ союзниковъ Наполеона... Не будь этого, обстановка лѣтней кампаніи 1809 года была бы для насъ гораздо болѣе сложной и трудной, чѣмъ въ предшествующемъ году, и неуспѣхъ зимней экспедиціи былъ бы весьма чувствителенъ.

Нашъ очеркъ войны 1808—09 годовъ со Швеціей законченъ.

Изслѣдованіе архивныхъ данныхъ, безъ сомнѣнія, прольетъ новый и весьма обильный свѣтъ на тѣ или другія подробности, дастъ возможность правильнѣе и точнѣе охарактеризовать отдѣльныхъ дѣятелей эпохи, оцѣнить военно-историческое значеніе того или другого отдѣльнаго факта. Въ такихъ поправкахъ—и весьма крупныхъ—нуждается не только одна эта, но и безусловно всѣ наши войны. Правильный путь, намѣченный въ русской военно-исторической наукѣ незабвеннымъ Д. О. Масловскимъ, въ сущности, едва лишь начать прокладкою, и цѣлые огромные періоды нашего военно-историческаго прошлаго ждутъ, чтобы окутывающая ихъ туманная завѣса была отдернута... Необходимость тщательнаго и кропотливаго труда въ этомъ направленіи безспорна не только въ интере-

сахъ науки и въ цѣляхъ патріотическихъ, но и по чисто-практическимъ побужденіямъ. Уроки исторіи—самые драгоцѣнные уроки. А тѣмъ событіямъ, которые развернулись передъ взоромъ нашихъ читателей въ предшествующемъ нашемъ изложеніи,—неровность и шероховатость котораго да не будутъ вѣнены намъ въ вину, ибо главною нашею задачею была *срочность* работы,—нельзя никоимъ образомъ отказать въ практической поучительности...

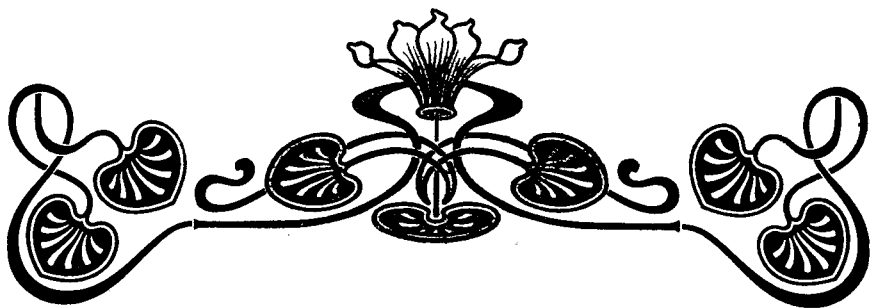
Военное значеніе Финляндіи велико и никогда не перестанетъ быть таковымъ, покамѣстъ, по мысли и волѣ Великаго Преобразователя и полководца, столица Имперіи занимаетъ свое нынѣшнее положеніе... Этимъ значеніемъ опредѣляется всецѣло и практический интересъ того прошлаго, которое смотритъ на насъ въ вереницѣ событій, разыгравшихся сто лѣтъ тому назадъ...

«Прошлое—для будущаго», таковъ могъ бы быть девизъ, который всего уместнѣе было бы поставить въ заголовкѣ нашихъ очерковъ...

И поэтому лучшею наградою для насъ было бы сознаніе, что тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ скромный безпритязательный трудъ нашъ хоть въ чемъ-либо принесъ или принесетъ практическую пользу, помянутъ насъ добрымъ словомъ!

П. А. Живѣ.

Оборона Сахалина въ русско-японскую войну 1904—1905 гг.

(Окончаніе ¹⁾).

Открытіе военныхъ дѣйствій на Южномъ Сахалинѣ.

Группировка нашихъ силъ по отрядамъ и расположеніе ихъ передъ высадкой японцевъ. Начальникъ войскъ—полковникъ Арцишевскій.

Войска были разбиты на пять партизанскихъ отрядовъ.

1) *Первый отрядъ*—полковникъ Арцишевскій.

Корсаковский резерв. баталіонъ . . .	330 челов.
Полубатарея	4 оруд.
Взводъ 47-мм.	2 „
Пулеметовъ	3 пул.
Конныхъ дружинниковъ	41 челов.

Всего 330 штыковъ, 6 оруд., 3 пул., 41 кон.

2) *Второй отрядъ*—шт.-капитанъ Грото-Слѣпиковскій.

IV дружина	175 челов.
Пулеметовъ	1 пул.
Конныхъ	10 челов.

Всего 175 штыковъ, 1 пул. и 10 конныхъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 11.

3) *Третій отрядъ*—капитанъ Полуботко.

III дружина	175 челов.
Конныхъ дружинниковъ	7 „

Всего 175 штыковъ, 7 конныхъ.

4) *Четвертый отрядъ*—шт.-капитанъ Даирскій.

II дружина	175 челов.
Конныхъ дружинниковъ	8 „

Всего 175 штыковъ, 8 конныхъ.

5) *Пятый отрядъ*—капитанъ Быковъ.

I дружина	216 челов.
Конныхъ дружинниковъ	10 „

Всего 216 штыковъ, 10 конныхъ.

Ко дню высадки японцевъ войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

Въ п. Корсаковскомъ	I и III отряды.
„ с. Чиписани	II отрядъ.
„ с. Петропавловскомъ	IV отрядъ.
На Крильонѣ	50 человекъ II дружины.
Въ с. Найбучи	V отрядъ.

Каждому изъ отрядовъ для развитія партизанскихъ дѣйствій были указаны опредѣленные участки, а именно:

- 1) Для перваго отряда—окрестности с. Дальняго по р. Муравьевкѣ.
- 2) Второму отряду—раіонъ отъ с. Чиписани до с. Тунайчи.
- 3) Третьему отряду—окрестности Савостьяновскаго.
- 4) Четвертому отряду—по р. Лютогѣ.
- 5) Пятому отряду—по р. Найбѣ.

Каждый изъ отрядовъ устроилъ на своемъ участкѣ склады съѣстныхъ и огнестрѣльныхъ припасовъ приблизительно на 3 мѣсяца. Склады устраивались въ горахъ, покрытыхъ густымъ и труднопроходимымъ лѣсомъ.

Кромѣ этихъ отрядовъ находились еще: 4 орудія съ крейсера Новикъ на позиціи у п. Корсаковскаго, и наблюдательные посты въ заливахъ: Анива, Ныйскомъ, Тихменевскомъ, Уссуро, Косунай, Могунъ-Котанъ и Серароко.

Ввиду незначительнаго размѣра отдѣльныхъ отрядовъ и желанія съ малыми силами причинить возможно большій вредъ противнику, предполагено было, избѣгая рѣшительныхъ сраженій и базируясь на продовольственные склады, развитъ партизанскія дѣй-

ствія, стараясь держаться возможно дальше въ тайгѣ, не давая непріятелю спокойно пользоваться результатами легкаго занятія населенныхъ пунктовъ.

Одновременно съ началомъ высадки непріятеля рѣшено было начать разсредоточеніе отрядныхъ складовъ въ тайгѣ, дабы даже при обнаруженіи и захватѣ японцами одного частнаго склада, отрядъ имѣлъ бы возможность держаться, базируясь на остальные; предположено было одновременно съ появленіемъ непріятеля на Южномъ Сахалинѣ организовать раздачу винтовокъ Бердана мѣстному населенію.

Появленіе японскихъ судовъ. 23-го іюня вечеромъ съ Крильонскаго маяка было получено извѣстіе о проходѣ черезъ проливъ Лаперуза на востокъ 53 японскихъ судовъ. Въ это время всѣ партизанскіе отряды находились въ своихъ участкахъ, кромѣ отряда полковника Арцишевскаго, на которомъ лежала задача, въ случаѣ невозможности отстоять п. Корсаковский уничтожить всѣ правительственныя зданія, сооруженія и казенные запасы, послѣ чего уходить въ тайгу за с. Дальнее, привлекая на себя вниманіе главныхъ силъ противника и давая тѣмъ возможность остальнымъ партизанскимъ отрядамъ разсредоточить свои запасы въ тайгѣ.

Полковникъ Арцишевскій имѣлъ частныя свѣдѣнія о томъ, что осенью 1903 года однимъ изъ находившихся при японскомъ консульствѣ японцевъ производилась развѣдка побережья къ востоку отъ п. Корсаковскаго, гдѣ въ окрестностяхъ Мереи находилось мѣсто предполагаемой высадки. На этомъ участкѣ побережья была устроена лейтенантомъ Максимовымъ цѣпь наблюдательныхъ постовъ съ сигнальными мачтами и конными дружинниками для передачи донесеній.

Кромѣ того, туда же ночью на 24-е іюня былъ посланъ конный развѣдывательный отрядъ дружинниковъ Бекаревича.

Утромъ 24-го іюня съ наблюдательныхъ постовъ отъ Мереи былъ переданъ сигналъ, «идетъ много судовъ подъ японскими флагами», затѣмъ вскорѣ были услышаны выстрѣлы и прибылъ дружинникъ отъ Бекаревича съ донесеніемъ, что конные развѣдчики отрѣзаны непріятельскимъ миноносцемъ, который обстрѣливаетъ береговую дорогу, единственный путь сообщенія Мереи съ Корсаковскимъ. Для полученія дальнѣйшихъ свѣдѣній были посланы на развѣдку по береговой дорогѣ капитанъ Стерлиговъ (к-ръ взвода 47 мм. орудій) и подпоручикъ Тикканенъ, которые, не доѣзжая Савиной Пади и взобравшись на скалу, обнаружили японскую

эскадру, стоящую развернутым строем вдоль берега; всего насчитано было 10 транспортовъ, остальные миноносцы и крейсера. Подъ прикрытіемъ рѣдкаго огня артилеріи, обстрѣливавшей берегъ, производилась высадка отъ судовъ къ берегу, на шлюпкахъ, буксируемыхъ катерами. Въ то же время японцы начали бомбардировать п. Корсаковский.

Наши береговые орудія, два 120 мм. и два 47 мм., подъ командой лейтенанта Максимова вступили съ нимъ въ артилерійскій бой, причинивъ поврежденія двумъ миноносцамъ. Артилерійскій бой продолжался около часа; лейтенантъ Максимовъ, разстрѣлявъ всѣ орудійные патроны, взорвалъ орудія.

Такъ какъ послѣ этого п. Корсаковский совершенно безнаказанно подвергался усиленному обстрѣливанію судовой артилеріи, то было отдано приказаніе поджечь всѣ казенныя зданія; уничтоженіе Корсаковского происходило подъ прикрытіемъ III дружины и артилерійскаго взвода, занявшихъ позицію къ юго-востоку отъ Корсаковского. Около 4 часовъ дня 24-го іюня огонь охватилъ весь Корсаковский, послѣ чего полковникъ Арцишевскій приказалъ своему отряду отойти на позицію къ с. Соловьевкѣ, а III дружинѣ—на свой участокъ въ с. Савостьяновку.

Утромъ 25-го іюня на Соловьевскую позицію прибылъ дружинникъ Бекаревича со своимъ коннымъ отрядомъ и донесъ, что Корсаковский постъ занятъ японцами. Въ это время къ Губѣ Лососей появились 2 японскіе контръ-миноносца и начали обстрѣливать продольнымъ огнемъ Соловьевскую позицію. Когда контръ-миноносцы подошли на 3 версты къ берегу, по нимъ былъ открытъ огонь изъ нашихъ 2-хъ 47 мм. орудій; послѣ двухъ удачныхъ попаданій въ кормовую часть одного изъ контръ-миноносцевъ они поспѣшно отошли, продолжая безнаказанно обстрѣливать Соловьевскую позицію съ дистанціи выше максимальной высоты прицѣла нашихъ орудій; ввиду этого полковникъ Арцишевскій отдалъ приказаніе отойти отъ Соловьевки по дорогѣ, ведущей на сѣверъ къ с. Хомутовкѣ. При отходѣ была устроена засада конными дружинниками у Голаго мыса, на которую нарвался японскій конный разъѣздъ, по которому было дано нѣсколько залповъ; у японцевъ одинъ убитый и одинъ раненый; при отходѣ уничтожили мосты и испортили телеграфъ.

Ночь съ 25-го на 26-е отрядъ провелъ въ д. Хомутовкѣ, имѣя на позиціи между Хомутовкой и Христофоровкой въ дежурной части полуроту, 2 орудія и одинъ пулеметъ. Ночь прошла спокой-

но, конные развѣдчики продолжали поддерживать сопротивление съ передовыми отрядами непріятеля. Отрядъ отошелъ къ Дальнему, оставивъ въ аррьергардѣ въ сел. Ближнемъ полуроту при 2 орудіяхъ. Ночь прошла спокойно.

Въ с. Дальнемъ полковнику Арцишевскому было доставлено письмо начальника японскаго десанта, именующаго себя командующимъ войсками острова Сахалина, съ предложеніемъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, въ виду малочисленности русскихъ силъ, сдать южный Сахалинъ; на размышленіе представлялся суточный срокъ.

Въ отвѣтъ на это письмо днемъ 27-го іюня подпоручикъ Тиканень съ 12 чел. двинулся отъ Ближняго по дорогѣ къ с. Троицкому, а штабсъ-капитанъ Каренинъ, вызвавъ 25 охотниковъ, выдвинулся съ ними на встрѣчу непріятелю, отъ с. Ближняго черезъ р. Сосую къ с. Елани; завязавъ здѣсь перестрѣлку, онъ началъ отходить къ с. Ближнему, гдѣ у моста черезъ Сосую скрытно стоялъ прапорщикъ запаса флота Леманъ съ полуротой и пулеметомъ.

Наши охотники, отстрѣливаясь, перешли на правый берегъ Сосуй, а преслѣдовавшіе ихъ японцы попали подъ огонь пулемета и полуроты; мостъ былъ подожженъ. Дѣйствіе этихъ отрядовъ задержало 27-го іюня наступленіе японцевъ и дало возможность отряду вечеромъ 27-го іюня отойти къ позиціи на р. Муравченкѣ. Къ утру 28-го іюля весь отрядъ полковника Арцишевскаго сосредоточился на позиціи у р. Муравченки въ 3½ верстахъ къ сѣверо-западу отъ селенія Дальняго, имѣя въ аррьергардѣ полуроту съ пулеметомъ; по свѣдѣніямъ, полученнымъ за ночь, непріятель продвинулся во Владиміровку и къ утру занялъ с. Дальнее; для повѣрки этихъ свѣдѣній были посланы въ развѣдку конные охотники и полурота съ пулеметомъ подъ начальствомъ капитана Стерлигова, которые, задерживая непріятеля на аррьергардной позиціи, дали возможность отряду укрѣпиться на позиціи у р. Муравченки.

Во время этой развѣдки попалъ въ плѣнъ Бекаревичъ съ нѣсколькими конными охотниками, остальные развѣдочныя партіи вернулись на свои позиціи, гдѣ сосредоточились двѣ роты, 3 пулемета и 6 орудій.

Послѣ ночной перестрѣлки утромъ 29-го непріятель началъ наступленіе, идя дорогой противъ центра нашей позиціи и въ обходъ праваго фланга подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня.

Во время жаркой перестрѣлки, задерживая наступленіе непріятеля, наши орудія разстрѣляли всѣ имѣвшіеся на позиціи снаряды; дорога въ тайгѣ была размыта дождемъ, увести артилерію было нельзя, и, ввиду неизбежности захвата орудій непріателемъ, они были приведены въ негодность; два изъ нихъ были взорваны, а у четырехъ испорчены и унесены замки и прицѣлы и порублены подъемные механизмы и колеса, послѣ чего войска съ позиціи начали отступать въ горы.

Энергично наступая, непріатель отрѣзалъ роту подпоручика Тиканена, который, потерявъ большую часть людей убитыми и ранеными, принужденъ былъ сдаться.

Рота штабсъ-капитана Дроздова, артиллеристы, вооруженные берданами, и 2 пулемета начали отступать къ складамъ, верстахъ въ 8 вверхъ по р. Муравченкѣ; для задержанія японцевъ были устроены на пути 3 засады подъ начальствомъ лейтенанта Максимова, штабсъ-капитана Каренина и капитана Стерлигова.

Японцы обошли эти засады съ тыла и уничтожили ихъ, причемъ капитанъ Каренинъ убитъ, лейтенантъ Максимовъ взятъ въ плѣнъ, капитану же Стерлигову удалось присоединиться къ отряду; одинъ пулеметъ, бывший при немъ, пришлось оставить.

Къ вечеру 29-го іюня въ отрядѣ у полковника Арцишевскаго осталось 3 офицера, 3 заурядъ-прапорщика, 150 нижнихъ чиновъ и дружинниковъ и 1 пулеметъ. Отрядъ расположился на ночлегъ биваками у складовъ; къ сторонѣ противника на 1¹/₂ в. былъ посланъ небольшой арьергардъ.

Ночь на 30-е іюня прошла спокойно; въ 4 часа утра на развѣдку пошелъ штабсъ-капитанъ Дроздовъ съ 11 нижними чинами; углубившись въ тайгу, заблудился и, окруженный непріателемъ, принужденъ былъ 3-го іюля сдаться въ плѣнъ. Къ 4 ч. дня было получено донесеніе, что непріятельская пѣхота обходитъ насъ справа, скоро окружить отрядъ и отрѣжетъ путь отступленія по р. Муравченкѣ. Въ виду этого канцелярія и все содержимое денежныхъ ящиковъ военныхъ и другихъ правительственныхъ учреждений были сожжены, дабы не могли достаться непріателю.

Въ 7 часовъ вечера капитану Стерлигову съ 22 охотниками было предложено попытаться пробиться на западъ, войти въ связь съ другими отрядами и поставить въ извѣстность генерала Ляпунова о дѣйствіяхъ и положеніи отряда полковника Арцишевскаго; на дорогѣ къ нему присоединилось еще 32 человѣка, отбившихся отъ отряда во время отступленія.

Тайгою и горами безъ дорогъ капитанъ Стерлиговъ вышелъ черезъ 5 дней на западный берегъ, гдѣ онъ узналъ, что отрядъ Мордвинова на Крыльонскомъ маякѣ разсѣянъ и что непріятель движется западнымъ берегомъ на сѣверъ и что Косунай, черезъ который идутъ пути къ отряду Быкова и дружинѣ Вирича, заняты японцами.

Окруженный со всѣхъ сторонъ непріателемъ и не имѣя про довольствія, капитанъ Стерлиговъ рѣшилъ обойти Косунай моремъ, для чего онъ захватилъ 2 японскихъ кунгаса, оснастил ихъ, сшилъ изъ рогожъ паруса и въ ночь на 7-е вышелъ въ Татарскій проливъ, взявъ курсъ на сѣверо-западъ, 7-го и 8-го выдержалъ штормъ, 9-го кунгасы обогнали непріятельскіе миноносцы, вдали были видны парусныя судна; потерявъ надежду пробраться на Сѣверный Сахалинъ, взялъ курсъ на западъ и 11-го іюня достигъ материка сѣвернѣе залива св. Ольги.

Остальной отрядъ ночевалъ на 1-е іюля на томъ же мѣстѣ, что и накануне.

Въ теченіе ночи и днемъ 1-го іюля непріятель никакихъ боевыхъ столкновеній не предпринималъ, но, несмотря на это, у начальника отряда и его помощниковъ начала зарождаться мысль о сдачѣ.

Обстановка, которая зародила эту мысль, была слѣдующая: по полученнымъ свѣдѣніямъ отъ развѣдчика, пробравшагося на мѣсто японскихъ войскъ, противъ отряда находилось около 3 полковъ пѣхоты и 3 или 4 батареи; японцы занимали селеніе Владимировку и другія селенія къ сѣверу по почтовому тракту до селенія Галкино-Врасское; такимъ образомъ, отрядъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ, оставалась еще свободной западная сторона, о которой не имѣлось свѣдѣній, но возможно было предположить, что Маука и Косунай заняты флотомъ противника.

Въ отрядѣ оставалось 137 штыковъ и 1 пулеметъ, люди, семь дней питавшіеся кое-какъ, несшіе безсмѣнно боевую службу, мокшіе подъ дождемъ безъ походныхъ палатокъ и не имѣвшіе возможности обсушиться, такъ какъ нельзя было разводить огня вслѣдствіе близости непріятеля, сильно изнурились и легко поддавались паникѣ.

Провизіи могло бы хватить на 2—3 мѣсяца, но при условіи, если можно было бы удержаться въ районѣ расположенія складовъ.

Взвѣсивши всю обстановку, собравшійся по приказанію начальника отряда военный совѣтъ рѣшилъ, что отрядъ къ дальнѣйшей борьбѣ не способенъ, а потому принужденъ сдаться на капитуляцію.

2-го іюля штабсъ-капитанъ Прасоловъ былъ посланъ для переговоровъ.

Въ тотъ же день непріятель началъ наступленіе, но, наткнувшись на засаду изъ 68 человѣкъ и 1 пулемета, отступилъ, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Вечеромъ вернулся штабсъ-капитанъ Прасоловъ съ условіями сдачи.

Рѣшено было сдачу произвести 3-го іюля въ 12 часовъ дня, для чего отрядъ долженъ быть приведенъ въ Дальнее.

Всего было сдано: офицеровъ и заурядъ-прапорщиковъ—4, заурядъ-чиновниковъ—1, нижнихъ чиновъ 135, находящихся въ строю, и, кромѣ того, 1 врачъ, кондукторъ и 55 человѣкъ больных, слабыхъ и нестроевыхъ.

Офицерамъ было оставлено холодное оружіе.

Дѣйствіе III партизанскаго отряда. По списку въ дружинѣ значилось 175 пѣшихъ и 11 конныхъ дружинниковъ; за выдѣленіемъ части изъ нихъ въ главный отрядъ, въ дружинѣ осталось 135 пѣшихъ и 7 конныхъ дружинниковъ.

Для дѣйствій отряду былъ назначенъ Савостьяновскій участокъ; въ окрестностяхъ Савостьяновки было устроено 3 продовольственныхъ склада въ 5, 6 и 7 верстахъ въ направленіи на сѣверо-востокъ и востокъ.

Цѣль для отряда была поставлена слѣдующая: не вдаваясь въ открытый бой съ непріателемъ, путемъ быстрыхъ и внезапныхъ набѣговъ, наносить ему возможный вредъ.

Во время высадки непріятеля 24-го іюня отряду было приказано занять окопъ между п. Корсаковскимъ и Пароантомари съ цѣлью задержать здѣсь передовыя части высадившагося непріятеля; простоявши здѣсь до 2-хъ часовъ дня, отрядъ получилъ приказаніе стать въ прикрытіе батареи, съ которой онъ передвинулся къ 5 час. къ п. Корсаковскому.

Вечеромъ, когда главный отрядъ началъ отступленіе на Владиміровку, III отряду приказано было отходить въ свой районъ къ Савостьяновкѣ, отстоящей отъ Корсаковского на 9—10 верстъ. У Савостьяновки было получено донесеніе о движеніи туда японцевъ; тогда начальникъ отряда, капитанъ Полуботко, поднялъ отрядъ съ бивака и отошелъ въ тайгу ко 2-му своему складу; къ утру 25-го іюня начальникъ отряда отказывается отъ партизанскаго образа дѣйствій и рѣшаетъ двигаться на присоединеніе къ главному отряду, воспользовавшись данной ему директивой отходить къ главному отряду подъ натискомъ превосходныхъ силъ противника.

25, 26 и 27-го іюня прошли на безплодное скитаніе по тайгѣ, въ которой отрядъ не могъ оріентироваться и скоро заблудился, наконецъ, около 3 час. дня 27-го іюня отрядъ вышелъ недалеко отъ Христофоровки, гдѣ узналъ, что главный отрядъ отошелъ къ Владиміровкѣ и что за нимъ слѣдомъ двигаются японскія конныя части. Рѣшено было продолжать движеніе тайгою въ направленіи на Владиміровку, двигались форсированнымъ маршемъ даже ночью; отрядъ сильно растянулся, много было отставшихъ и дезертировавшихъ; не доходя Владиміровки, узнавъ, что главный отрядъ отошелъ къ Дальнему, а Владиміровка занята непріателемъ, начальникъ отряда, окончательно растерялся и съ небольшимъ числомъ оставшихся дружинниковъ рѣшилъ сдаться, несмотря на то, что много было желающихъ не сдаваться безъ боя, а пробиться, если не къ главному отряду, то къ 5 партизанскому отряду въ Найбучи. 28-го іюня отрядъ капитана Полуботко сдался въ составѣ 2 офицеровъ, 6 строевыхъ нижнихъ чиновъ, 36 дружинниковъ, 1 врача и 1 фельдшера; остальные же 50 человекъ вѣрныхъ долгу двинулись въ началѣ на присоединеніе къ Корсаковскому баталіону, когда же это не удалось, вошли на присоединеніе къ I дружинѣ въ Найбучи, куда и прибыли постепенно къ 1-му іюля въ числѣ 49 человекъ.

Дѣйствія 5 партизанскаго отряда. Отрядомъ командовалъ капитанъ Быковъ, таежникъ по натурѣ; великолѣпно умѣлъ справляться съ каторжнымъ элементомъ и въ короткое время внушилъ къ себѣ довѣріе и вселилъ въ своихъ дружинниковъ патріотическія чувства; вполне соответствовалъ назначенію партизанскаго начальника. Въ составъ отряда входила I дружина, въ которой было на лицо къ моменту высадки японцевъ 208 дружинниковъ.

Къ 1-му іюля къ ней присоединилось 49 человекъ, не пожелавшихъ сдаться, изъ дружины капитана Полуботко. Всего въ отрядѣ къ 1-му іюля было 257 человекъ.

Получивъ свѣдѣнія о высадкѣ японцевъ, капитанъ Быковъ расположилъ свой отрядъ на позиціяхъ за с. Отраднымъ по р. Найбѣ.

До 1-го іюля непріатель совершенно не появлялся на участкѣ 5-го отряда. 1-го іюля появилось 3 японскихъ судна и обстрѣливали селенія: Найбучи, Дубки и Ай.

5-го іюля было получено донесеніе, что по дорогѣ изъ Галкино-Врасское идетъ японскій кавалерійскій отрядъ. 6-го іюля въ Романовскомъ была сдѣлана засада, причемъ у японцевъ былъ убитъ офицеръ и 18 нижнихъ чиновъ. 9-го іюля двинулись пѣхотныя

части японцевъ; у Отраднаго была устроена засада, которая своимъ мѣткимъ огнемъ уничтожила головную часть непріятельскихъ войскъ, причѣмъ погибло болѣе 100 человекъ японцевъ.

Въ отрядѣ 6-го іюля—2 убито и 2 ранено, 9-го—1 раненъ и 1 безъ вѣсти пропалъ. Послѣ этого японцы болѣе въ наступленіе не переходили и прислали капитану Быкову 2 письма съ предложеніемъ сдаться, какъ это сдѣлали другіе отряды Южнаго Сахалина, угрожая въ противномъ случаѣ продолжать бой, но, несмотря на полученный отказъ, боя не продолжали.

Генералу Ляпунову было послано донесеніе съ просьбой помочь отряду продовольственными и врачебными средствами; генералъ Ляпуновъ обѣщалъ выслать необходимыя средства и кромѣ того обѣщалъ прислать подкрѣпленіе. Пользуясь тѣмъ, что японцы прекратили наступленіе, отрядъ 18-го іюля двинулся на встрѣчу идущихъ къ нему подкрѣпленій и, сдѣлавъ трудный переходъ черезъ переваль у Спамберга къ р. Отосану, вышелъ къ айнскимъ юртамъ на р. Отосанѣ; здѣсь отрядъ встрѣченъ былъ выстрѣлами спрятавшихся тамъ японцевъ, которые, числомъ около 30, немедленно были перебиты; двинувшись далѣе берегомъ моря, отрядъ 22-го іюля прибылъ въ Серароко, здѣсь было получено свѣдѣніе о сдачѣ 19-го іюля въ с. Онорѣ генерала Ляпунова со всѣми его войсками въ плѣнъ, кромѣ того было получено свѣдѣніе, что посланное къ нему подкрѣпленіе въ 114 человекъ съ запасами, сдѣлавъ отъ Онора 7 переходовъ и бывши уже 19-го іюля въ Наэро, получило приказаніе отъ генерала Ляпунова вернуться къ Онору для сдачи въ плѣнъ, что и сдѣлало, выкинувъ бѣлый флагъ и вернувшись къ Онору.

Получивши такія неблагопріятныя извѣстія и не видя больше никакой цѣли оставаться на Сахалинѣ, капитанъ Быковъ рѣшилъ пробраться со всѣмъ отрядомъ на материкъ, для чего сначала двинулся къ п. Тихменевскому, гдѣ нашелъ 9 японскихъ кунгасовъ, посадилъ въ нихъ свой отрядъ и направился вокругъ Сахалина моремъ. Бывшій штормъ 4-го августа заставилъ отрядъ высадиться въ сѣверной части залива Анучина. Оттуда въ 6 дней отрядъ сдѣлалъ переходъ по тундрѣ черезъ островъ Сахалинъ и вышелъ къ м. Погоби; отдохнувъ здѣсь, отрядъ двинулся еще на сѣверъ къ Тенги, откуда дано было знать въ Николаевскъ; изъ Николаевска прибылъ пароходъ и перевезъ дружину на материкъ; въ дружинѣ осталось 203 человека, остальные 54 человека частью погибли, частью отстали во время труднаго перехода.

Дѣйствія второго партизанскаго отряда. Командоваль отрядомъ штабсъ-капитанъ Грото-Слѣпиковскій; въ составъ отряда входила четвертая дружина въ 175 человекъ, 1 пулеметь и 10 человекъ конныхъ дружинниковъ.

Въ началѣ высадки японцевъ отрядъ стоялъ въ Чиписани. Для отряда было устроено 3 склада: одинъ въ горахъ за оз. Тунайчи, а два ближе къ с. Владиміровкѣ.

По полученіи извѣстій о высадкѣ японцевъ, штабсъ-капитанъ Грото-Слѣпиковскій увелъ свой отрядъ къ оз. Тунайчи въ тайгу, здѣсь отрядъ пробылъ 5 сутокъ и, узнавъ отъ своихъ развѣдчиковъ, что японцы недалеко по берегу моря производятъ развѣдки, посадилъ весь отрядъ на кунгасы и увезъ къ своему первому продовольственному складу, здѣсь былъ устроенъ небольшой укрѣпленный лагерь.

Присутствіе этого отряда долго парализовало дѣятельность японцевъ на южномъ Сахалинѣ; точное мѣстопробываніе этого отряда имъ долго не удавалось открыть; одинъ изъ развѣдчиковъ этого отряда Залованный былъ пойманъ японцами и казнень за то, что не захотѣлъ открыть мѣстопробываніе отряда.

Наконецъ, 20-го іюля японцамъ удалось обнаружить мѣстопробываніе отряда, и изъ за озера показалось охоло 400 чел. японской пѣхоты, которая начала сильно обстрѣливать отрядъ, находящійся въ окопахъ; бой длился цѣлый день, но, такъ какъ окопы были устроены на высоту роста человека, то въ отрядѣ всего было убито 11 человекъ и ранено 13 человекъ, японцы же потеряли болѣе половины своего отряда.

Въ 11 часовъ ночи японцы отступили за Тунайчи и до 28-го іюля не появлялись; за это время начальникъ отряда посылалъ развѣдчиковъ въ направленіи на Дубки, предполагая идти на присоединеніе къ пятому партизанскому отряду, но до 28-го іюля плана своего осуществить не успѣлъ. 28-го же іюля къ укрѣпленному лагерю подошли съ трехъ сторонъ японцы, подвезя съ собою 8-ми орудійную скорострѣльную батарею и стали артилерійскимъ огнемъ обстрѣливать окопы; артилерійскій огонь продолжался около 2-хъ часовъ; однимъ снарядомъ былъ убитъ штабсъ-капитанъ Грото-Слѣпиковскій и ранено нѣсколько дружинниковъ; потерявъ своего любимаго храбраго начальника и будучи окружень со всѣхъ сторонъ, отрядъ рѣшилъ сдаться и выкинулъ бѣлый флагъ.

Дѣйствія четвертаго партизанскаго отряда. Отрядомъ командовалъ штабсъ-капитанъ Даирскій. Въ составъ отряда входили: 2-я дружина, числомъ въ 175 чел. и 8 конныхъ дружинниковъ.

До 11-го іюля отрядъ простоялъ въ Петропавловскѣ, не будучи тревожимъ японцами. Изъ Петропавловска отрядъ 11-го іюля двинулся вверхъ по р. Лютогѣ и черезъ 12 дней вышелъ на западный берегъ къ с. Маукѣ. Здѣсь находились мирные японцы; у нихъ была отобрана шкуна съ разными товарами и рисомъ; японцы были отпущены.

Въ Маукѣ отрядъ простоялъ 3 дня, и отсюда штабсъ-капитанъ Даирскій рѣшилъ вести его берегомъ моря черезъ Косунай къ п. Александровскому.

Пройдя верстъ 40—50, увидѣли двухъ-трубный японскій крейсеръ, который замѣтилъ движеніе отряда и направился прямо къ нему; дорога шла подъ скалой, отряду приказано было бѣжать, чтобы достигъ скорѣе какой-либо рѣки и уйти вверхъ по ней. Вскорѣ отрядъ достигъ рѣчки, переправился черезъ нее и спрятался въ травѣ; съ крейсера былъ высаженъ десантъ, который, пострѣлявъ немного и не обнаруживъ отряда, отошелъ обратно.

Оставивъ одинъ взводъ слѣдить за японцами, штабсъ-капитанъ Даирскій съ остальнымъ отрядомъ двинулся вверхъ по рѣкѣ, но, сдѣлавъ 4 перехода, уперся въ скалу и пошелъ въ обратный путь, отъ оставленнаго взвода штабсъ-капитанъ Даирскій узналъ, что въ устьѣ рѣчки высадилось много японцевъ; тогда отрядъ двинулся вверхъ по притоку рѣчки и вышелъ къ р. Найбѣ, недалеко отъ сел. Отраднаго; это было 12 августа. Отъ высланныхъ развѣдчиковъ штабсъ-капитанъ Даирскій узналъ, что с. Отрадное занято японцами, а капитанъ Быковъ, находившійся здѣсь со своимъ отрядомъ, ушелъ на сѣверъ.

Получивши эти свѣдѣнія, штабсъ-капитанъ Даирскій рѣшилъ уйти со своимъ отрядомъ въ тайгу и отсиживаться тамъ до мира.

Отрядъ пошелъ обратно тѣмъ же путемъ и 17-го августа неожиданно столкнулся съ японцами, началась перестрѣлка, въ началѣ японцы начали было отступать, но, спустя нѣкоторое время, появились снова и уже съ нѣсколькихъ сторонъ; отрядъ былъ окруженъ, взять въ плѣнъ и потомъ безчеловѣчно перебить. Штабсъ-капитанъ Даирскій былъ похороненъ, остальные же были брошены въ тайгѣ; спастись удалось немногимъ.

Въ числѣ спасшихся былъ матросъ Архипъ Макѣнко, который и рассказалъ объ этой ужасной драмѣ.

Заключеніе о дѣйствіяхъ на Южномъ Сахалинѣ. Сдѣлавъ краткій обзоръ военныхъ дѣйствій всѣхъ партизанскихъ отрядовъ Южнаго Сахалина, можно придти къ слѣдующему заключенію:

1) Планъ веденія партизанской войны вполнѣ отвѣчалъ обстановкѣ, благодаря: а) сравнительной малочисленности войскъ; у насъ 1,000 штыковъ и 6 орудій, у японцевъ резервная дивизія 12—15 тысячъ человекъ; б) отсутствіе удобныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, и в) таежной мѣстности, благопріятствующей веденію партизанской войны.

2) Большая часть партизанскихъ начальниковъ вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію; таковыми были: капитанъ Быковъ, штабсъ-капитанъ Даирскій и штабсъ-капитанъ Грото-Слѣпиковскій, которые съ малыми силами болѣе мѣсяца удерживались противъ сильнѣйшаго непріятеля, нанося ему вредъ и приковывая къ себѣ значительныя силы.

3) Дружинники, которые составляли главный элементъ партизанскихъ отрядовъ, оказались элементомъ мало надежнымъ и мало пригоднымъ, хотя въ рукахъ такихъ выдающихся начальниковъ, какъ капитаны Быковъ, Даирскій и Грото-Слѣпиковскій, и они прекрасно дѣлали свое дѣло.

4) Составъ населенія былъ неблагопріятный для веденія партизанской войны; инородцы-аинцы относились враждебно, а наши поселенцы недобросовѣстно или безразлично, больше заботились о себѣ, чѣмъ объ общей пользѣ.

5) При лучшей организаціи партизанскихъ отрядовъ, подготовкѣ партизанскихъ участковъ и установкѣ связи между отрядами, Южный Сахалинъ могъ бы гораздо долѣе держаться, приковывая къ себѣ значительныя силы непріятеля.

Открытіе военныхъ дѣйствій на Сѣверномъ Сахалинѣ.

Групировка нашихъ силъ по отрядамъ и расположеніе ихъ передъ высадкой японцевъ. Войска Сѣвернаго Сахалина, согласно отданной генераломъ Ляпуновымъ диспозиціи, были раздѣлены на 4 отряда:

1) *Арковскій отрядъ*—начальникъ полковникъ Болдыревъ.

1-й Сахалинскій баталіонъ	924 шт.
4-я дружина	160 „
6-я дружина	180 „
Полубатарея	4 орудія
Конныхъ дружинниковъ	20 чел.

Итого . . 1,264 шт., 20 кон. друж., 4 орудія.

2) *Александровскій отрядъ*—полковникъ Тарасенко.

Александровскій рез. баталіонъ	852 шт.
2-й бат. Николаевского кр. п.	231 „
1-я дружина	201 „
2-я дружина	193 „
5-я дружина	198 „
8-я дружина	182 „
Саперная команда	67 чел.
Полубатарея	4 орудія
Пулеметная полурота	6 пулемет.
Конные дружинники	38 чел.

Итого . . 2,524 шт., 38 кон., 4 ор., 6 пулемет.

Дуйскій отрядъ—подполковникъ Домницкій.

Дуйскій рез. баталіонъ	493 шт.
3-я дружина	159 „
7-я дружина	158 „
Пулеметный взводъ	2 пулем.
Конныхъ дружинниковъ	20 чел.

Итого . . 810 шт., 20 конныхъ и 2 пулем.

Рыковскій отрядъ—полковникъ Даниловъ.

Тымовскій резервный баталіонъ 210 чел.

Всего войскъ на Сѣверномъ Сахалинѣ
4,808 шт., 78 кон. друж., 8 орудій и 8 пулеметовъ.

Окончательнаго опредѣленнаго плана у начальника войскъ Сѣвернаго Сахалина видимо не было, по крайней мѣрѣ изъ всѣхъ распоряженій не видно было никакой подготовки къ выполненію какого-либо опредѣленнаго плана; надо полагать, что начальникъ войскъ сомнѣвался въ успѣшности военныхъ дѣйствій на Сахалинѣ, а потому и поставилъ отряду лишь ближайшую задачу, не давая себѣ отчета о дальнѣйшей борьбѣ.

Для веденія партизанской войны, каковую предлагалъ штабъ округа, въ случаѣ неудачныхъ столкновеній въ открытомъ бою, никакой подготовки сдѣлано не было, а безъ такой подготовки вести партизанскую войну немыслимо, и приходилось, въ случаѣ неудачи, отходить къ Онору, т. е. въ мѣшокъ, гдѣ сдача должна была быть неминуема.

Ближайшая боевая задача, данная войскамъ Сѣвернаго Сахалина, заключалась въ слѣдующемъ: воспрепятствовать высадкѣ противника, а, въ случаѣ если противнику въ превосходныхъ силахъ удастся высадиться—отступать съ боемъ вглубь острова, для чего указывалось:

1) Арковскому отряду оборонять Арковский береговой участокъ, а, въ случаѣ высадки превосходныхъ силъ противника, отступать черезъ Камышевый переваль къ с. Дербенскому, задерживая противника, но не ввязываясь въ рѣшительный бой; отступая, выдѣлить одну дружину въ партизанскій отрядъ.

2) Дуйскому отряду оборонять Дуйскій береговой участокъ, а, въ случаѣ высадки превосходныхъ силъ противника, отступать черезъ переваль Верблюжій и Пиленгскій къ с. Рыковскому, задерживая противника, но не ввязываясь въ рѣшительный бой; отступая, выдѣлить одну дружину въ партизанскій отрядъ.

3) Александровскому отряду оборонять Александровскій береговой участокъ и, въ случаѣ высадки превосходныхъ силъ противника, отхсдить черезъ Пиленгскій переваль къ с. Рыковскому.

4) Тымовскому отряду оставаться въ Рыковскомъ и ждать приказаній.

Каждому изъ начальниковъ отрядовъ приказано укрѣпить береговыя позиціи на своихъ участкахъ, а также укрѣпить перевалы: Камышевый — начальнику Арковского отряда, Пиленгскій — начальнику Александровскаго отряда, Верблюжій — начальнику Дуйскаго отряда.

Изъ описанія инженерной подготовки видно, что на Арковскомъ участкѣ ничего не успѣли укрѣпить, какъ на берегу, такъ и на перевалахъ; на Александровскомъ участкѣ были устроены лишь окопы на берегу, но и то плохо приспособленные къ мѣстности, Пиленгскій переваль совсѣмъ не укрѣпленъ; на Дуйскомъ участкѣ, какъ на берегу, такъ и на перевалѣ работы были закончены.

Появленіе непріятельскихъ судовъ. 10-го іюля въ 9 час. утра появился въ виду п. Александровскаго со стороны Де-Кастри и Императорской гавани японскій развѣдочный отрядъ въ составѣ одного крейсера и шести контръ-миноносцевъ; отрядъ этотъ, пройдя вдоль берега отъ Дуэ лс Арково, держась внѣ досягаемости нашихъ полевыхъ орудій, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ по побережью и около 1 часу дня скрылся за горизонтомъ въ направленіи на Де-Кастри. При появленіи непріятельскихъ судовъ наши отряды заняли свои оборонительныя позиціи, причемъ въ Арковѣ была сожжена баржа съ артилерійскими припасами, накануне пришедшая изъ п. Александровскаго.

Въ ожиданіи на слѣдующій день высадки непріятеля, начальникъ войскъ приказалъ приготовить въ негодность всѣ катера, баржи и кунгасы, а также боевые и продовольственные припасы,

доставленные нѣсколько дней тому назадъ изъ Николаевска и не увезенные еще вглубь острова.

Ночь на 11-е іюля прошла спокойно.

11-го іюля на разсвѣтѣ отъ смотрителя маяка было получено свѣдѣніе, что на горизонтѣ со стороны Де-Кастри показалось болѣе 20 кораблей; число кораблей постепенно стало прибывать, и къ 6-ти час. утра 40 непріятельскихъ судовъ развернулось параллельно берега отъ Владиміровскаго рудника до Александровскаго поста; къ 7-ми часамъ число судовъ возросло до 70, между которыми было до 30 транспортовъ; въ это же время началась бомбардировка побережья отъ Владиміровскаго рудника до п. Александровскаго.

Такъ какъ значительное число транспортовъ направилось къ Арковской долины, а противъ Дуйскаго участка непріятельскихъ судовъ не было, то начальникъ войскъ послалъ на поддержку слабого Арковского отряда сначала Тымовскій отрядъ изъ с. Рыковского, а нотомъ Дуйскій баталіонъ, оставивъ для наблюденія за Дуйскимъ участкомъ 2 дружины.

Около 9-ти часовъ утра непріятель началъ производить высадку въ Арковскую долину; передовыя части Арковского отряда, занимавшія береговые окопы, не могли выдержать артилерійскаго огня и отошли къ Арково 11-го, гдѣ были сосредоточены главные силы отряда; оставшіеся на берегу невывезенными 1.700,000 патроновъ были взорваны по приказанію начальника Арковского отряда, полковника Болдырева; получивши свѣдѣнія въ Арково 11-го о наступленіи японцевъ, начальникъ отряда приказалъ отходить на Камышевый перевалъ; при отступленіи черезъ Арково 3-й былъ взорванъ складъ патроновъ, 720,000 штукъ. Сосредоточивши отрядъ на Камышевомъ перевалѣ и собравши здѣсь военный совѣтъ изъ старшихъ начальниковъ, полковникъ Болдыревъ пришелъ съ ними къ заключенію, что на Камышевомъ перевалѣ нельзя держаться по слѣдующимъ причинамъ: 1) за невозможностью укрѣпить позиціи въ виду быстрого наступленія преобладающаго численностью непріятеля; 2) въ виду необезпеченности фланговъ и не расчищенной для обстрѣла тайги, и 3) недостатка патроновъ, которыхъ имѣлось на винтовку по 171 шт., недостатка продовольствія и медикаментовъ.

Отдано было приказаніе отходить отряду на Дербентское, куда онъ и сосредоточился. Здѣсь къ 2-мъ часамъ ночи къ отряду присоединился Тымовскій баталіонъ. При отступленіи съ перевала

часть зарядныхъ ящиковъ со снарядами была брошена на перевалѣ за неимѣніемъ лошадей. Такимъ образомъ въ первый же день высадки японцевъ Арковский отрядъ бросилъ безъ бою единственные свои позиціи: а) береговую, и б) на Камышевомъ перевалѣ и обнажилъ тылъ главныхъ силъ по дорогѣ Ниж. Армуданъ—Мало-Тымово, сдѣлавъ въ одинъ день отступательный маршъ въ 45 верстъ.

Противъ поста Александровскаго японцы начали дѣлать высадку въ 3^{1/2} часа дня.

Въ ожиданіи ея Александровскій отрядъ расположился слѣдующимъ образомъ:

2-й баталіонъ Николаевского крѣпостного пѣхотнаго полка занялъ Кладбищенскія высоты сѣвернѣе Александровскаго поста.

1-я, 2-я, 5-я и 8-я дружины занимали Жонкіерскія высоты, южнѣе Александровскаго поста. Резервъ въ составѣ Александровскаго баталіона, полубатареи (4 орудія) и пулеметной роты (6 пулеметовъ) находился у слободы Корсаковской. Связь съ Арковскимъ отрядомъ по берегу была потеряна, благодаря произведенной высадкѣ японцевъ къ югу отъ Арково. Первые атаки высадившагося противника были успѣшно отбиваемы ружейнымъ огнемъ изъ береговыхъ окоповъ, но, по мѣрѣ усиленія противника и обнаруженіи обходнаго движенія со стороны Арково, Александровскій отрядъ долженъ былъ постепенно очищать съ боемъ свои передовыя позиціи и къ ночи, пользуясь глубокой темнотой и задерживаясь на позиціяхъ на Кавказскихъ высотахъ и у сл. Корсаковки, сосредоточился на позиціяхъ у с. Михайловки. Дуйскій баталіонъ, получивши приказаніе двигаться на усиленіе Арковскаго отряда, долженъ былъ идти кружнымъ путемъ на с. Михайловку и Пиленгскій перевалъ, Мало-Тымово, Нижне-Армуданъ на Камышевъ перевалъ; для соединенія съ отрядомъ нужно было сдѣлать не менѣе трехъ переходовъ.

Подойдя къ с. Михайловкѣ, командиръ Дуйскаго баталіона получилъ новое приказаніе занять Верблюжій перевалъ, для обезпеченія лѣваго фланга Александровскаго отряда отъ противника, высаживавшагося въ угольной пади; скоро выяснилось, что никакой высадки въ угольной пади не производится, и въ 11 час. вечера баталіону снова отдано было приказаніе идти на усиленіе Арковскаго отряда; въ 2 часа ночи баталіонъ цѣпью прибылъ въ с. Михайловское, гдѣ и расположился на ночлегъ.

Ночь на 12-е іюля прошла спокойно.

По полученнымъ за ночь начальникомъ войскъ свѣдѣніямъ непріятель занималъ сл. Корсаковскую, Кавказъ и горную дорогу изъ Арково II въ Александровскій постъ; съ Кавказа японская пѣхота двинулась хребтомъ въ обходъ нашего праваго фланга, направляясь къ Пиленгскому перевалу.

Донесеній изъ Арковского отряда не поступало.

Въ 4 часа утра былъ отданъ приказъ Александровскому отряду отступать уступами на Пиленгскій перевалъ, гдѣ предполагалось дать бой непріятелю, а Дуйскому отряду продолжать движеніе на соединеніе къ Арковскому отряду.

Во исполненіе этого приказа дружины, обозъ, артилерія и пулеметы двинулись по дорогѣ изъ Михайловки на Пиленгскій перевалъ; Александровскій баталіонъ слѣдовалъ сѣвернѣе дороги горами, а баталіонъ Николаевского крѣпостного полка съ 2-мя пулеметами составлялъ аріергардъ всего отряда; достигнувъ перевала, войска расположились слѣдующимъ образомъ: полубатарея заняла позиціи у дороги, вправо отъ артилеріи стоялъ Александровскій баталіонъ, а влѣво баталіонъ Николаевского полка, впереди на терасѣ, обращенной къ Михайловкѣ, стали 4 пулемета подъ прикрытіемъ 1-й дружины, у подножія перевала были заложены фугасы, а впереди ихъ—охотники баталіона Николаевского крѣпостного полка. Для связи съ противникомъ былъ оставленъ развѣздъ изъ конныхъ дружинниковъ у с. Михайловки. Резервъ—2-я, 3-я, 5, 7-я и 8-я дружины, расположился у моста за переваломъ.

Во время отступленія на Пиленгскій перевалъ непріятель не беспокоилъ нашъ отрядъ, его передовыя части, высылаемыя, очевидно, лишь для развѣдки, были останавливаемы огнемъ нашихъ пулеметовъ; обходная же японская колонна продолжала движеніе тайгой въ обходъ праваго фланга.

Въ 8 часовъ вечера было обнаружено движеніе японской пѣхоты съ Михайловскихъ высотъ на Пиленгскую дорогу; батарея открыла огонь съ 5-ти-верстной дистанціи, и непріятельская колонна повернула обратно.

За наступленіемъ темноты стрѣльба изъ орудій была прекращена.

Между тѣмъ къ вечеру стали поступать очень неблагоприятныя свѣдѣнія объ Арковскомъ отрядѣ:

1) Полковникъ Болдыревъ изъ Верхне-Армудана отъ 11 іюля доносилъ, что оставилъ Камышевый перевалъ и отступаетъ къ Дербинскому, преслѣдуемый по пятамъ японцами въ превосходныхъ силахъ.

2) Помощникъ военного губернатора фонъ-Бунге пзъ Рыковского доносилъ, что полковникъ Болдыревъ безъ боя отступилъ съ Камышева перевала черезъ Дербентское къ Рыковскому и сегодня, 12-го іюля, въ 5 часовъ 30 мин. дня отступилъ отъ Рыковского далѣе на югъ по Онорской дорогѣ. По слухамъ японцы уже заняли Дербентское и наступаютъ къ Рыковскому.

Положеніе отряда сдѣлалось критическимъ, такъ какъ непріятель могъ, занявъ Мало-Тымово и Рыковское, отрѣзать единственный путь отступленія (?) и окружить отрядъ; для веденія же партизанской войны, какъ уже говорилось, никакихъ подготовительныхъ мѣръ предпринято не было.

Въ силу неблагоприятно измѣнившейся обстановки начальникъ войскъ рѣшилъ оставить на Пиленгскомъ перевалѣ лишь небольшой заслонъ, а съ главными силами пробиться на соединеніе съ Арковскимъ отрядомъ.

Полковнику Болдыреву было послано приказаніе вернуться къ Рыковскому на соединеніе съ главными силами, а подполковнику Домницкому приказано занять Мало-Тымово.

Для отступленія съ перевала на 13 іюля была отдана слѣдующая диспозиція:

1) Главнымъ силамъ подъ начальствомъ полковника Тарасенко въ составѣ 3-хъ ротъ Александровскаго баталіона, 2-го баталіона Николаевского крѣпостного полка, 2, 5 и 7 дружинамъ и пулеметной полуроты (4 пулемета) выступить съ перевала 13 іюля въ 3½ час. утра и слѣдовать черезъ Ведерниковскій станокъ къ Мало-Тымово.

2) Арьергарду подъ начальствомъ капитана Борзенкова, въ составѣ 3-й роты Александровскаго баталіона, 1 и 3 дружинъ, полубатарей (4 орудія), саперной команды и конныхъ дружинниковъ, оборонять Пиленгскій перевалъ, пока главныя силы не достигнутъ Мало-Тырково, и, отступая, взорвать мостъ и уничтожить складъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ на Ведерниковскомъ станкѣ.

3) Обозамъ 2-го разряда подъ прикрытіемъ 8-й дружины выступить съ Ведерниковскаго станка въ 7½ час. утра и слѣдовать за главными силами.

Арковский отрядъ, прибывъ въ ночь на 12 іюля въ с. Дербентское, предполагалъ въ началѣ, во исполненіе директивы главнокомандующаго, двинуться на сѣверъ, но, получивъ свѣдѣнія о томъ, что на сѣверѣ нѣтъ никакихъ складовъ съ боевыми продо-

вольственными припасами рѣшили двинуться на югъ къ Рыковскому.

Непріятель въ ночь на 12 ничѣмъ себя не обнаруживалъ.

Въ 9 часовъ утра Арковский отрядъ вмѣстѣ съ Тымовскимъ баталіономъ двинулся въ Рыковское, куда прибылъ къ 12 час. дня; сдѣлавъ здѣсь привалъ до 5 час. дня, отрядъ двинулся далѣе къ Палево, куда прибылъ въ 9 час. вечера и расположился здѣсь бивакомъ.

Дуискій баталіонъ съ 2 пулеметами, прибывъ въ 2 ч. ночи 12 іюля на бивакъ въ с. Михайловское, въ 4 часа утра былъ двинуть далѣе на соединеніе съ Арковскимъ отрядомъ; въ 2 часа дня баталіонъ прибылъ въ Ведерниковскій станокъ.

По дорогѣ отъ Пиленгскаго перевала къ Ведерниковскому станку подполковникъ Домницкій получилъ свѣдѣніе отъ полковника Болдырева, что Камышевый перевалъ имъ оставленъ и что онъ прибылъ въ с. Дербентское, гдѣ онъ и найдетъ его; двинувшись далѣе къ с. Мало-Тымово, подполковникъ Домницкій получилъ свѣдѣніе отъ начальника войскъ объ измѣнившейся обстановкѣ и приказаніе не двигаться на соединеніе съ Арковскимъ отрядомъ, а занять Мало-Тымово и оборонять его до подхода главныхъ силъ.

Ночь на 13 іюля непріятель не тревожилъ.

На разсвѣтѣ въ 3^{1/2} часа главные силы Александровскаго отряда, согласно диспозиціи, выступили съ перевала въ Мало-Тымово, куда и прибыли около 4 часовъ дня; здѣсь были получены свѣдѣнія, что конница противника занимаетъ Рыковское, а пѣхота Верх. Армуданъ и Дербентское.

Арьергардъ Александровскаго отряда въ 8 часовъ утра былъ атакованъ непріятельскимъ отрядомъ изъ 3-хъ родовъ оружія. Наши 4 старыя клиновыя орудія, сдѣлавъ по 30—40 выстрѣловъ, обнаружили прорывъ газовъ, запасныхъ плитокъ не было, и къ 12 час. дня орудія принуждены были замолчать.

Арьергардъ держался на перевалѣ до 1 часу дня, нанося противнику значительный уронъ, но, когда японская артилерія пристрѣлялась, а обоимъ флангамъ угрожалъ охватъ, то арьергардъ воспользовавшись тѣмъ, что атака съ фронта была пріостановлена взрывомъ фугасовъ, началъ отступленіе, сбросивъ въ пропасть пришедшія въ негодность орудія.

Объ Арковскомъ отрядѣ были получены свѣдѣнія, что онъ изъ Палево двинулся на югъ къ Онору.

Въ силу сложившейся такимъ образомъ обстановки начальникъ войскъ рѣшилъ оставить заслонъ у Мало-Тымово къ сторонѣ Верхняго Армудана, до прибытія арьергарда, а съ главными силами ночнымъ маршемъ наступать къ Рыковскому, выбить оттуда головныя части противника съ Арковскимъ отрядомъ, который долженъ былъ прибыть туда согласно посланнаго ему приказанія. Во исполненіе этого рѣшенія въ 7 часовъ вечера была отдана слѣдующая диспозиція:

1) Авангарду подъ начальствомъ подполковника Домницкаго, въ составѣ Дуйскаго баталіона при 2-хъ пулеметахъ, немедленно выступить изъ Мало-Тымово, наступать къ Рыковскому и атаковать его на разсвѣтѣ.

2) Главнымъ силамъ подъ начальствомъ полковника Тарасенко, въ составѣ 3-хъ ротъ Александровскаго баталіона, 2-го баталіона Николаевского крѣпостного пѣхотнаго полка, 7 и 8 дружинъ и пулеметной полуроты (4 пулемета) выступить въ 8 часовъ вечера, слѣдовать за авангардомъ и поддержать атаку авангарда, охватывая Рыковское съ юга.

3) Обозу II разряда подъ прикрытіемъ 11 дружины выступить въ 10 час. вечера и слѣдовать за главными силами.

4) Боковому отряду, въ составѣ 5-й дружины, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Рогайскаго оставаться у Мало-Тымово, задерживать непріятеля при его наступленіи къ Мало-Тымово изъ Верх. Армудана до прибытія арьергарда и войти въ составъ послѣдняго.

5) Начальнику арьергарда, капитану Борзенкову было послано приказаніе отступить къ Мало-Тымову, соединиться тамъ съ 5-й дружиной и затѣмъ отступить за главными силами къ Рыковскому.

6) На случай, если противникъ сосредоточитъ превосходныя силы въ Рыковскомъ и овладѣть послѣднимъ не удастся, предполагалось бросить колесный обозъ и, свернувъ у кирпичнаго завода въ 4 верстахъ отъ Рыковского, на югъ въ тайгу, выйти по имѣющейся здѣсь просѣкѣ на Онорскую дорогу.

По полученіи приказанія авангардъ выступилъ по Рыковской дорогѣ. Верстахъ въ 2-хъ отъ Мало-Тымово отрядъ обнаружилъ японскіе разъѣзды, которые, замѣтивъ нашъ головной отрядъ, спѣшили и открыли огонь.

Начальникъ авангарда рассыпалъ въ цѣпь одну роту; завязалась перестрѣлка; непріятельскіе разъѣзды были оттѣснены и, потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, усаkali на Рыковское.

Авангардъ и головныя силы продолжали наступленіе, по дорогѣ получались донесенія отъ конныхъ дружинниковъ, посланныхъ къ Рыковскому, что селеніе это занято покуда одной конницей, сплюю не болѣе 2-хъ эскадроновъ.

Въ первомъ часу ночи, не доходя 4-хъ верстъ до с. Рыковского, отрядъ расположился на приваль, а въ Рыковское были посланы охотники на развѣдку.

Около 3 час. утра войска были подняты и двинулись къ Рыковскимъ мостамъ.

Перебѣжавъ мосты, Дуйскій баталіонъ, а за нимъ главныя силы, ворвались въ селеніе, охватывая его съ обѣихъ сторонъ. Японская конница тотчасъ же была выбита изъ селенія, и эскадроны, постыжно сбѣвъ на коней, понеслись съ пулеметами къ Дербинскому, покинувъ нѣкоторые предметы снаряженія, фуражъ и 96 нижнихъ чиновъ Тымовскаго баталіона, оставленныхъ въ Рыковскомъ для охраненія безопасности администраціи и жителей, и взятыхъ японцами въ плѣнъ 13 іюля.

Такъ какъ подходящей позиціи у с. Рыковского не было, а о непріятелѣ были получены свѣдѣнія, что онъ двигается какъ со стороны Ведерниковскаго станка и Верхняго Армудана, такъ и со стороны Дербинскаго, то начальникъ войскъ приказалъ всѣмъ войскамъ отступать, при чемъ аррьергарду было послано приказаніе, чтобы онъ свернулъ, не доходя 4 верстъ до Рыковского, по просѣкѣ, дабы не быть отрѣзаннымъ непріятелемъ.

Около 3 часовъ дня весь отрядъ прибылъ къ Палево, гдѣ въ это время на позиціи расположился Арковскій отрядъ. Здѣсь предложено было дать войскамъ отдыхъ, въ которомъ они имѣли крайнюю нужду; войска расположились бивакомъ за боевымъ расположеніемъ Арковского отряда; въ сторожевое охраненіе былъ назначенъ баталіонъ Николаевскаго крѣпостного пѣхотнаго полка.

Благодаря сильному утомленію войскъ, неопредѣленности положенія и отсутствію опредѣленнаго плана, въ отрядѣ чувствовалось приближеніе катастрофы. Распоряженія дѣлались малопопыханными: при появленіи непріятельскаго развѣзда были посланы двѣ роты Дуйскаго баталіона для поимки или уничтоженія ихъ; около часа проходили измученныя роты по горамъ и, конечно, никого не поймали и не уничтожили; для прикрытія обозовъ и пулеметовъ въ тылъ были посланы по одной ротѣ, что указывало, что указывало, что начальство боится за свой тылъ, между тѣмъ сама мѣстность подсказывала, что опасенія мало основательны; кромѣ

того для обезпеченія отъ обхода была выслана сотня 6 дружины на Лангари, роты Тымовскаго баталіона къ Хандасѣ.

Изъ этихъ распоряженій ясно было, что отрядъ боится быть окруженнымъ. При такихъ обстоятельствахъ общее руководство войскамъ стало ускользать изъ рукъ высшаго начальства; начальники частей не знали, кого имъ слушать, а нижніе чины, большинство которыхъ (дружинники) и такъ составляли мало надежный элементъ, потеряли вѣру въ своихъ начальниковъ.

Духъ войскъ настолько палъ, что достаточно было появленія небольшихъ непріятельскихъ разъѣздовъ, какъ въ войскахъ началась паника.

Къ 6 час. вечера стали подходить къ отряду остатки арьергарда, которые своими разсказами еще болѣе способствовали упадку духа въ отрядѣ; арьергарду пришлось, не доходя 4 верстъ до Рыковского, ввиду занятія его японцами, свернуть по просѣлкѣ на югъ для присоединенія гдѣ либо съ отрядомъ около Палево; просѣлка была совершенно не разработана, пришлось идти тайгою по густой и высокой травѣ въ ростъ человѣка, благодаря чему отрядъ сильно растянулся, при чемъ японцы, обнаруживъ движеніе арьергарда, неотступно начали его преслѣдовать, какъ съ тыла, такъ и на перерѣзъ ему, двигаясь по Онорской дорогѣ; выбившись изъ силъ, арьергардъ въ первомъ бою потерялъ больше половины своего состава убитыми, ранеными и сдавшимися въ плѣнъ, и только меньшая половина присоединилась къ отряду.

Прибывъ въ Палево, начальникъ войскъ предполагалъ здѣсь занять позицію, чтобы 15 іюля дать японцамъ бой, но, увидѣвъ на строеніе своихъ утомленныхъ войскъ, рѣшилъ 15 іюля продолжать отступленіе къ Опору, чтобы, выигравъ время, укрѣпиться у Онора, пополнить запасы, дать войскамъ отдыхъ и затѣмъ уже принять бой.

Между тѣмъ непріятель своими разъѣздами поддерживалъ соприкосновеніе съ нашимъ отрядомъ, и, благодаря плохимъ мѣрамъ охраненія, непріятельскіе разъѣзды довольно близко подходили къ нашимъ войскамъ, чѣмъ сильно беспокоили ихъ.

Командиръ батареи подполковникъ Мельниковъ, опасаясь за свои орудія, стоящія на позиціи, самъ рѣшилъ увести ихъ съ нее и поставить на дорогѣ, причѣмъ во время этого передвиженія сломался мостъ, такъ что половина орудій и зарядныхъ ящиковъ осталась на другой сторонѣ моста.

Отряду отдыхать у Палево не пришлось, такъ какъ японскія передовыя части перешли въ наступленіе; въ темнотѣ завязалась

перестрѣлка; артилерійскія лошади испугались выстрѣловъ, понесли, нѣсколько орудій и ящиковъ было сброшено въ канаву, раздавивъ нѣсколько ѣздовыхъ. Оборвавъ построшки и смявъ людей, кони бросились дальше на главные силы, на бивакъ, за ними полетѣли пулеты, за пулеметами бѣжали солдаты, остановить которыхъ невозможно было даже угрозой оружія. Паника продолжалась около 15 мин. Отдыхавшіе стали въ ружье. Начальникъ войскъ, не желая принимать ночного боя, рѣшилъ вывести войска изъ подъ ударовъ и въ 9 час. вечера приказалъ начать отступленіе подъ прикрытіемъ 1-го Сахалинскаго баталіона; къ этому времени сломавшійся мостъ былъ возстановленъ.

Около часу ночи на 15 іюля справа отъ дороги въ лѣсу внезапно раздались выстрѣлы, вслѣдъ затѣмъ въ тылу со стороны аррьергарда раздались два беспорядочныхъ залпа, и произошла неподдающаяся описанію паника. Люди съ ужасомъ шарахнулись въ сторону отъ дороги, залегли въ кусты, въ канавы, за пни, за кочки. Отовсюду открылась ужасная стрѣлба, направленная со всѣхъ сторонъ, главнымъ образомъ, на дорогу. Пули свистали, шлепались въ грязь, въ пни, по всѣмъ направленіямъ. По дорогѣ мчались испуганныя лошади съ орудіями, съ зарядными ящиками, съ пулеметами. Все это падало, ломалось, трещало, раненныя лошади ржали. Стрѣлба, продолжавшаяся около $\frac{1}{4}$ часа, прекратилась. Отовсюду слышались стоны раненныхъ. Начался разсвѣтъ. Непріятеля не оказалось нигдѣ. Люди стали выходить на дорогу. Большая часть ихъ находилась въ какомъ то оцѣпененіи. Нѣкоторые истерически рыдали, нѣкоторые молились, нѣкоторые роптали на то, что имъ не даютъ отдыха. Въ толпѣ дружинниковъ кричали: «Бросай ружья... Къ чорту войну... Какая это война...» Крики эти сопровождались бранью по адресу начальства. Началось бросаніе въ канаву съ водой ружей, патроновъ, шанцевого инструмента. Дѣлали все это преимущественно дружинники и подбивали къ тому солдатъ. Съ большимъ трудомъ, общимъ усиліемъ находившихся въ строю офицеровъ, удалось возстановить порядокъ. Во время паники отрядъ потерялъ убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими болѣе 60 нижнихъ чиновъ и дружинниковъ и одного оберъ-офицера. Лошадей вышло изъ строя до 50-ти. Совершенно были изломаны и пришли въ полную негодность два пулемета и до 10 двуколокъ и повозокъ изъ обоза 1-го разряда. У двухъ орудій подломались передки и лафеты; лошади были частью перебиты, частью разбѣжались, и командиръ батареи подполковникъ Мельни-

ковъ вынужденъ былъ бросить эти два орудія, приведя ихъ въ совершенную негодность.

Тревога не замедлила передаться и въ обозъ 2-го язряда, почевавшій у Таулана. Многія повозки оказались поломанными, а вольнонаемные подводчики, сбросивъ съ подводъ грузъ, убѣжали.

На разсвѣтъ, когда порядокъ былъ возстановленъ, приказано было продолжать движеніе къ Онору, согласно отданной наканунѣ диспозиціи.

Около часу дня отрядъ прибылъ къ Далдагану и оставался на привалѣ здѣсь до 4 час. дня, имѣя въ аррьергардѣ Дуйскій баталіонъ и 2 пулемета. Въ 4 часа дня войска были подняты съ привала, и отрядъ продолжалъ движеніе къ Онору. Аррьергардъ составлялъ 1-й Сахалинскій баталіонъ при 2-хъ пулеметахъ; аррьергардъ началъ отступленіе въ боевомъ порядкѣ, такъ какъ конница противника неоступно шла по пятамъ, а у Далдагала были обнаружены пѣхотныя части непріятеля. Около 9 час. вечера, когда было совершенно темно, въ 4 верстахъ отъ Онора въ лѣсу, справа отъ дороги, раздались выстрѣлы и крикъ: «банзай». Произошла паника, совершенно подобная той, какая была подъ Сергіевскимъ станкомъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что кто-то производилъ ее умышленно. Во время этой паники убитъ начальникъ 7 дружины штабсъ-капитанъ Левандовскій, ѣхавшій верхомъ, ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ и дружинниковъ, и многіе пропали безъ вѣсти. Убито нѣсколько лошадей.

Въ 11 час. вечера весь отрядъ сосредоточился у Онора и расположился на ночлегъ, имѣя въ сторожевомъ охраненіи Тымовскій баталіонъ.

Нервность въ отрядѣ достигла крайняго напряженія; не только у многихъ нижнихъ чиновъ, но даже у нѣкоторыхъ гг. офицеровъ обнаружались признаки психическаго разстройства; утомленные люди ни ѣсть, ни пить не могли, а повалились какъ мертвые на землю.

16 іюля около 10 час. утра крупный японскій разъѣздъ, пробравшись тайгой на опушку лѣса, внезапно открылъ пачечный огонь, при чемъ офицерамъ стоило большихъ усилій удержать людей отъ бѣгства.

Огонь пулеметнаго взвода и 5 дружины вынудилъ вскорѣ непріятельскій разъѣздъ скрыться. Ввиду такихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, для выясненія состоянія войскъ и наличныхъ запасовъ начальникъ войскъ рѣшилъ созвать совѣтъ изъ начальниковъ частей, ротныхъ командировъ и пачальниковъ дружинъ.

На совѣщаніи выяснилось слѣдующее:

1) Во всемъ отрядѣ, помимо убитыхъ, раненыхъ, больныхъ и слабыхъ, не досчитывалось еще около 1.000 человекъ солдатъ и дружинниковъ, которые попросту разбѣжались.

2) Изъ 8 орудій осталось только 2 и тѣ весьма ненадежныя.

3) Изъ 8 пулеметовъ осталось 5, изъ нихъ 4 годныхъ.

4) На винтовку имѣлось по 138 патроновъ.

5) Укрѣпить позицію нельзя, такъ какъ войска не имѣютъ шанцеваго инструмента.

6) Перевязочнаго матеріала и продовольственныхъ продуктовъ—незначительное количество.

7) Моральное состояніе войскъ удрученное.

Въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ отрядъ совершенно все потерялъ.

С. Оноръ стоитъ въ котловинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами, поросшими лѣсомъ, въ тылу оставалась дорога всего протяженіемъ въ 10 верстъ, за ней тайга, болото и голодь.

Отступленіе на сѣверъ, къ мысу Лазарева на разстояніи 200—300 верстъ по тундрѣ безъ дорогъ было для цѣлаго отряда совершенно неосуществимо.

Изъ вышеизложеннаго можно видѣть, что положеніе отряда оказалось безнадежнымъ, хотя этого можно было ожидать и ранѣе, чѣмъ прибыли въ Оноръ.

Около 6 час. вечера къ отряду прибылъ изъ Рыковского тюремный надзиратель съ предложеніемъ командующаго войсками японской арміей на Сахалинѣ вступить въ переговоры о капитуляціи, ввиду отсутствія пути отступленія и бесполезности дальнѣйшаго сопротивленія. Чтобы снять съ себя отвѣтственность за сдачу, начальникъ войскъ собралъ военный совѣтъ изъ начальниковъ отдѣльных частей, для рѣшенія вопроса о капитуляціи, который пришелъ къ единогласному выводу, что положеніе отряда безнадежно, и дальнѣйшее сопротивленіе у Онора поведетъ лишь къ быстрому и бесполезному уничтоженію отряда.

Въ 9 часовъ вечера былъ посланъ къ японцамъ нашъ парламентаръ съ письменнымъ согласіемъ на капитуляцію, которая и состоялась 19 іюля въ с. Оноръ.

Заключеніе. Главная причина Сахалинской катастрофы заключалась въ томъ, что Сахалинъ слишкомъ слабо былъ подготовленъ къ оборонѣ. Благодаря тому, что все вниманіе наше было обра-

щено на поля Маньчжуріи, для обороны Сахалина можно было выдѣлать лишь самыя незначительныя средства.

Укрѣпленныхъ пунктовъ на Сахалинѣ не было.

Импровизованныя войска, которыя были предназначены для обороны Сахалина, конечно, не годились для выполненія задачи обороны Сахалина при труднѣйшей обстановкѣ.

Почти половина Сахалинскаго войска состояла изъ каторжанъ, элемента порочнаго, который шелъ на службу въ дружину лишь изъ за личныхъ интересовъ, чтобы получить себѣ свободу за службу въ дружинахъ; патріотизмъ для нихъ былъ чуждъ, а Сахалинъ—проклятый островъ. Контингентъ вновь сформированныхъ баталіоновъ, состоящій, главнымъ образомъ, изъ запасныхъ тоже былъ мало пригоднымъ матеріаломъ для войны при тяжелыхъ условіяхъ.

Командный составъ былъ совершенно отставшій отъ строя; всѣ начальствующія лица имѣли болѣе административный и хозяйственный опытъ, чѣмъ боевой.

Тѣ изъ офицеровъ, которые были присланы изъ Маньчжуріи командовать дружинами, могли бы принести пользу дѣлу обороны Сахалина, но дѣятельность ихъ была парализована тѣмъ, что большая часть изъ нихъ была подчинена командирамъ баталіоновъ, и только нѣкоторымъ изъ нихъ на Южномъ Сахалинѣ удалось пріобрѣсти самостоятельность, которую они и сумѣли использовать, ведя партизанскую войну.

Снабженъ Сахалинъ былъ плохо. Пушки были старыя, которыя послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ стали отказывать. Лошадей на полную запряжку не хватало.

Обоза въ нѣкоторыхъ частяхъ не было.

Шанцеваго инструмента было мало.

Многіе огнестрѣльные и продовольственные припасы пришли на Сахалинъ передъ самой высадкой японцевъ, почему большую часть ихъ пришлось уничтожить за невозможностью вывезти внутрь острова.

Всѣ эти условія, конечно, были очень неблагопріятны для успѣшной обороны острова, но все таки можно было обойтись безъ той катастрофы, которая на самомъ дѣлѣ произошла.

Для предотвращенія ея былъ единственный способъ—это веденіе партизанской войны.

При отсутствіи у насъ флота, слѣдовательно безъ пути отступленія, другой войны, кромѣ партизанской, вести было нельзя.

Въ началѣ высадки, конечно, можно было оказывать сопротивленіе на береговыхъ позиціяхъ и въ особенности потомъ на перевалахъ Пиленгскомъ и Камышевомъ, но для успѣшной обороны на нихъ,—ихъ необходимо было заранѣе подготовить въ инженерномъ отношеніи.

Для успѣшной обороны указанныхъ двухъ переваловъ необходимо было установить самую тѣсную связь, такъ какъ одинъ перевалъ безъ другого защищать было немыслимо, а этого сдѣлано не было.

Спѣшное отступленіе полковника Болдырева съ Камышеваго перевала, не вызываемое обстановкой, послужило толчкомъ для катастрофы; и вслѣдствіе того, что при оставленіи переваловъ никакого плана для дальнѣйшей обороны не было, то войска начали отступать безцѣльно къ Опору; такъ какъ отступали форсированнымъ маршемъ, передъ отдѣльными разѣздами, передъ призракъ врага, то войска скоро изнурились, изнервничались и подвергались часто паникѣ; слѣдовательно катастрофа была неизбежна.

При партизанской же войнѣ, вынужденныя послѣ должнаго сопротивленія оставить перевалы, войска могли разойтись по тайгѣ, въ намѣченные для каждаго партизанскаго отряда раіоны. Они могли бы долго оказывать сопротивленіе и наносить вредъ врагу и, если и не въ состояніи были бы удержать островъ за собой, то во всякомъ случаѣ не допустили бы себя до той катастрофы, которою подверглись войска, сдавшіяся въ Онопѣ.

А. К—бъ.

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

Послѣ чаепитія и пріятныхъ разговоровъ, длившихся часовъ до 2-хъ или 3-хъ дня, мы собрались было отдохнуть, но шумъ и стрѣльба заставили насъ высочить изъ блиндажа; тревога оказалась напрасной. Взлѣзъ на промежуточную траншею и вполне убѣдился, что все спокойно; но люди были настроены очень нервно и чего-то ждали. Спустился на дорогу и опять сталъ на свое мѣсто около кучки офицеровъ.

Тутъ я замѣтилъ, да и всѣ мы, что Шуйшуинская японская батарея исправно дѣйствуетъ по всему нашему тылу.

Не успѣлъ я кончить эти грустные мысли, какъ оглушительный трескъ... и я, почувствовавъ страшный ударъ въ лѣвую часть головы, кубаремъ полетѣлъ въ канаву.

Въ головѣ помутилось, и я почти лишился сознанія, такъ какъ не могъ сообразить, что нужно сдѣлать, чтобы встать. Но я радовался, все таки, думаю, значить не убить. Кто-то меня тащилъ за ноги, а потомъ поднималъ за руки, и я увидалъ, что возлѣ меня лежитъ капитанъ Веселовскій, но съ половиною головы; возлѣ него еще нѣсколько офицеровъ. Налѣво отъ меня половина людей нашего перевязочнаго пункта лежала другъ на другѣ, а другая поло-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

вина разбирала и растаскивала первую. Около меня очутился поручикъ Рофаловскій, очень храбрый офицеръ, онъ былъ у меня ординарцемъ. Онъ и еще кто-то потащили меня внизъ. Но мнѣ казалось, что я и самъ могу идти, я только не ясно сознавалъ, гдѣ верхъ и гдѣ низъ.

Такъ я благополучно спустился къ нижнему перевязочному пункту и почувствовалъ, что по шеѣ у меня течетъ теплая струйка крови и что мнѣ завязываютъ голову. Дальше я не помню хорошо, что со мною было, хотя я не былъ въ обморочномъ состояніи и что-то говорилъ, но что именно, я рѣшительно не помню, меня немного поташнивало; потомъ я впалъ въ полнѣйшее забытие и опомнился только тогда, когда услышалъ чей-то голосъ: «это полковникъ Третьяковъ». Я открылъ глаза, и сознание ко мнѣ вернулось, но въ это же время я почувствовалъ очень сильную ломящую боль въ лѣвой сторонѣ лица и головы. Меня несли на носилкахъ. Позади кто-то ѣхалъ верхомъ, звонкій стукъ копытъ по каменистой дорогѣ болѣзненне отдавался у меня въ лѣвомъ ухѣ и головѣ. Спрашиваю: кто ѣдетъ? Отвѣчаютъ, что это мои верховыя лошади. Они всегда, когда я былъ на горѣ, стояли подъ горой около кухонь. Когда меня несли по городу, мое сознание возстановилось совершенно, но боль въ шеѣ и головѣ усилилась и очень ссаднила глаза. Думалъ, что мнѣ глазъ вышибло—тронулъ рукой—нѣтъ, какъ будто бы цѣлъ; посмотреть я имъ не могъ потому, что голова и этотъ глазъ были обвязаны бинтами.

Черезъ нѣсколько минутъ носилки спустили, и надо мной наклонился нашъ докторъ. Что съ вами, спрашиваетъ. Да, вотъ, говорю, ударило въ голову. Насъ окружили. Докторъ нашелъ, что я въ отличномъ состояніи. Ободренный этимъ я приподнялся и сѣлъ на носилки, голова болѣла и кружилась. Слышу шепотомъ говорить: «ну, надежды нѣтъ, куртка въ мозгахъ». Я невольно и съ непріятнымъ чувствомъ ощущалъ голову. Нѣтъ, голова была рѣшительно цѣла. Потомъ я догадался... это были мозги бѣднаго коменданта Веселовскаго. Затѣмъ понесли меня въ госпиталь «Краснаго Креста», гдѣ и водворили.

Послѣ осмотра у меня оказалась масса мелкихъ осколковъ въ лѣвой половинѣ головы и шеи; въ глазу также нашли маленькій осколокъ, который тотчасъ же и вынули; въ шею попалъ одинъ значительный осколокъ, который застрялъ возлѣ позвонковъ и мѣшалъ мнѣ ворочать голову. Я его ощущалъ даже рукой. Потомъ

его разсмотрѣли рентгеновскими лучами и вынули черезъ новый прорѣзъ шеи, но осколокъ моей собственной кости въ затылкѣ не усмотрѣли и открыли уже здѣсь.

Дня три я лежалъ съ сильной болью и шумомъ въ головѣ. Потомъ меня начало интересоватъ окружающее, и ломота уменьшилась.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ военнымъ дѣйствіямъ.

Вмѣсто меня оборонятъ гору былъ назначенъ подполковникъ Сейфулинъ, но его скоро ранило пулей въ ту же руку, въ которую онъ былъ раненъ въ Кинджоусскомъ бою и почти въ то же мѣсто.

23-го вечеромъ до меня дошелъ слухъ, что Высокую гору отдали, а 24-го пріѣхалъ мой адъютантъ и подтвердилъ этотъ непріятный слухъ.

Кромѣ Высокой мы добровольно оставили Плоскую, Дивизионную и Фальшивую. Я очень пожалѣлъ Дивизионную: ее нужно было оставить за нами; она хорошо была приспособлена для постепенной обороны и защищала 4-й фортъ; на ней можно было долго держаться, нужно было только сравнять съ землей ея лѣвофланговыя укрѣпленія.

Какъ была оставлена гора я узналъ со словъ штабсъ-ротмистра Сиротко. Ее пытался взять обратно самъ полковникъ Ирманъ, но не былъ въ состояніи двинуть людей на гору. Мнѣ также стало извѣстно, что на горѣ въ блиндажѣ остались: герой чиновникъ Лосевъ, саперъ-телефонистъ и раненый командиръ нашей 6-й роты подпоручикъ Гудковъ, и въ правомъ редутѣ часть нашей 1-й охотничьей команды, которая съ горы сходить не хотѣла.

Имѣя этихъ людей въ редутѣ, можно бы было опять согнать японцевъ съ горы, но видимо генераль Кондратенко счелъ невыгоднымъ удерживать гору цѣною потери 500 человекъ въ день, и это была дѣйствительно резонная причина очищенія Высокой. Чтобы заставить 1-ю охотничью команду 5-го полка оставить гору, полковникъ Ирманъ долженъ былъ послать въ редутъ послѣдовательно нѣсколько человекъ съ приказаніемъ немедленно охотникамъ сойти внизъ.

Здѣсь считаю необходимымъ сообщить, что говоритъ штабсъ-ротмистръ Сиротко объ очищеніи Высокой горы.

Около 12-ти часовъ дня 22-го ноября 9-я рота 5-го Вост.-Сиб. стр. полка вышла изъ штаба на Высокую гору, въ распоряженіе ея коменданта; она только что получила укомплектованіе 36 людьми

госпитальной команды и была въ составѣ одного оберъ-офицера, двухъ заурядъ-прапорщиковъ и 102 стрѣлковъ. Генераль Кондратенко лично приказалъ ротѣ спѣшить на гору какъ можно скорѣе.

Подъ ружейнымъ огнемъ противника къ 1 ч. дня рота подошла къ подошвѣ Высокой, потерявъ по дорогѣ нѣсколько человѣкъ ранеными. Въ моментъ прибытія роты японцы уже занимали весь гребень горы, обстрѣливали всю дорогу и бросали внизъ горы камни и ручныя бомбы. Наши стояли на тыльномъ скатѣ и страшно терпѣли отъ ручныхъ бомбъ (это была наша 6-я рота).

Ходъ сообщенія на гору былъ переполненъ стрѣлками разныхъ ротъ и частей, и ихъ нельзя было никакими силами поднять на верхъ.

Вслѣдствіе этого 9-й ротѣ было приказано полковникомъ Сейфулинымъ двинуться на гору открытымъ путемъ лѣвѣе хода сообщенія. Подъ градомъ пуль, бомбъ и шрапнелей, рота двинулась на штурмъ въ штыки и быстро выбила непріятеля изъ разрушенной траншеи подъ самымъ гребнемъ. Засѣвшіе въ ходѣ сообщенія люди, ободренные примѣромъ нашихъ героевъ, также бросились на верхъ.

Изъ занятаго ложемента рота, имѣя впереди себя командира штабсъ-ротмистра Сиротко, заурядъ-прапорщиковъ Лисенкова и Груздева, и всѣхъ ввводныхъ и отдѣленныхъ, бросилась на гребень; съ праваго фланга сдѣлалъ тоже штабсъ-капитанъ Сазоновъ и Гудковъ съ 6-й ротой. Но атакующіе были встрѣчены такимъ градомъ пуль, шрапнелей и ручныхъ бомбъ, что сразу лишились половины своего состава. Поручикъ Гудковъ былъ раненъ очень сильно.

Штабсъ-ротмистръ Сиротко былъ сильно контуженъ въ голову и раненъ въ руку и, потерявъ сознание, скатился внизъ; когда онъ очнулся, всѣ люди уже сошли опять въ разрушенную траншею, лѣвый флангъ которой, гдѣ находились блиндажи, пылалъ въ огнѣ; всѣ офицеры были выведены изъ строя; только на правомъ флангѣ оставался новый комендантъ горы подполковникъ Покровскій; двѣ слѣдующія атаки—одна ведется подполковникомъ Покровскимъ и другая полковникомъ Ирманомъ, также не удались и сопровождались громадными потерями; но наши все еще держались на тыловой отлогости горы.

Часовъ въ 12 ночи, когда штабсъ-ротмистръ Сиротко послѣ перевязки нѣсколько оправился, генераль Кондратенко, бывшій въ

штабѣ полка, послалъ его, четырехъ мичмановъ и заурядъ-прапорщика 27-го полка попытаться поднять людей на гору и выбить отсюда японцевъ. Въ это время японцы успѣли втащить на Высокую нѣсколько пулеметовъ. Полковникъ Ирманъ, видя, что гора сильно занята непріателемъ и предполагая, что дальнѣйшія атаки будутъ сопровождаться ужасными потерями, рѣшилъ оставить гору и отступить.

Жаль, что не попытались пустить въ ходъ тактику японцевъ, т. е. сбить непріателя съ горы артилерійскимъ огнемъ и тогда занять ее безъ потерь.

При этихъ штурмахъ 9-я рота потеряла всѣхъ начальниковъ и 60% людей убитыми и ранеными. За все время съ 6-го сентября и по 22-е декабря 9-я рота изъ 155 человекъ своего состава, потеряла убитыми и ранеными 253 человека, т. е. 160%. Главныя ея дѣла: прикрытіе отступленія съ Длинной горы, три штыковыя атаки на засѣвшаго въ окопахъ лѣваго фланга Плоской горы непріателя, и всѣ три были удачны, отбитіе множества атакъ непріателя на лѣвый флангъ Плоской и три послѣднихъ, хотя неудачныхъ, но смѣлыхъ атакъ на Высокую гору.

Госпиталь «Краснаго Креста» былъ богато снабженъ всѣмъ, что было необходимо для правильнаго и полезнаго функціонированія лечебнаго заведенія въ осажденной крѣпости.

Благодаря большому женскому персоналу и сердечному отношенію къ больнымъ, обстановка госпиталя походила на домашнюю, и больные, послѣ неудобствъ жизни въ траншеяхъ, чувствовали себя отлично.

Доктора и сестры милосердія были поразительно внимательны къ больнымъ, и раненый, попавшій въ «Красный Крестъ», могъ себя считать очень счастливымъ.

По вечерамъ для перевязокъ приходило много раненыхъ офицеровъ съ боевыхъ линій и рассказывали очень много интереснаго и любопытнаго. Всѣ эти рассказы приходившихъ въ госпиталь и лежащихъ тамъ раненыхъ были такъ интересны и содержательны, что если бы ихъ записывать, то можно было бы составить многотомный, занимательный и важный документъ осады.

Но я былъ въ такомъ удрученномъ состояніи, что и думать ни о чемъ не хотѣлось, не только что писать.

Главное, что беспокоило меня и многихъ—это перспектива быть побитыми безъ возможности обороняться.

Страшное превосходство артиллеріи противника и свирѣпствовавшая у насъ цынга могли даже точно указать время окончательнаго нашего изнеможенія. По моему, оно было въ двухъ-мѣсячномъ отъ насъ разстояніи.

А вѣсти изъ Маньчжурской арміи были очень неутѣшительны, чтобы рассчитывать на помощь извнѣ.

На третій день послѣ оставленія Высокой, началось разстрѣливаніе нашихъ судовъ. Приходившіе къ намъ моряки рассказывали, что для нашего флота теперь нѣтъ никакого спасенія: онъ будетъ разстрѣлянъ черезъ нѣсколько дней, а безъ него и двинутая изъ Петербурга эскадра ничего не сдѣлаетъ, такъ какъ японскій флотъ очень силенъ.

Я не понимаю, какъ можно было обольщать себя надеждой побить японцевъ силою нашего Дальневосточнаго флота.

Неужели нельзя было предвидѣть, что японцы рано или поздно вступятся за свои интересы? На этотъ случай нужно было на Дальній Востокъ прислать еще 3 или 4 хорошихъ броненосца, и тогда не было бы войны, не было бы страшныхъ затратъ и жертвъ, а, главное—не было бы торжества японцевъ.

Побили насъ наши ошибки, а не японцы, и разъ мы ихъ исправимъ, то японцы неминуемо будутъ побиты нами. Въ этомъ я не сомнѣваюсь ни секунды, такъ какъ хорошо знаю свойства и всей японской арміи, и отдѣльнаго японскаго солдата.

Унынія въ средѣ офицеровъ не замѣтно. Но замѣтно, что хорошіе офицеры сильно убываютъ.

Приходилъ офицеръ съ форта № 11-й и рассказывалъ, что японцы уже давно завладѣли ровомъ и сидятъ по ту сторону бруствера, но не смѣютъ насъ атаковать.

Наши въ ровъ скатываютъ цѣлыя 10-пудовыя морскія мины. Воображаю эффектъ разрыва такой мины во рву. Японцы начали насъ выживать изъ капонира этого форта, сжигая въ немъ вещества съ мышьяковымъ соединеніями. Наши отъ этихъ газовъ задыхаются и мѣняють часовыхъ въ казематахъ черезъ каждыя двѣ минуты. Почти такое же положеніе на форту № 3.

3-го декабря вечеромъ до насъ дошла роковая вѣсть о смерти ген. Кондратенко; это извѣстіе было такъ ужасно, что я не повѣрилъ. Но черезъ нѣсколько минутъ привезли раненныхъ очевидцевъ: молодого артиллерійскаго офицера и прапорщика запаса саперной роты Шмидта. По ихъ рассказамъ это страшное происшествіе случилось такъ: часовъ около 8-ми вечера на фортъ № 2-й пріѣхалъ ген. Кондратенко. Предварительно туда были собраны почти всѣ главные начальники атакованнаго фронта: подполковникъ Рашевскій, капитанъ Зедгинидзе, подполковникъ Науменко и другіе. Нужно было рѣшить вопросъ объ организациі дальнѣйшей обороны форта № 2, такъ какъ защитники были поставлены въ большое затрудненіе примѣненіемъ къ минной войнѣ дѣйствія удушливыми газами.

Казематъ, гдѣ происходилъ совѣтъ, уже разъ былъ пробитъ 11' снарядомъ, и разрушенная его часть была отдѣлена отъ цѣльной толстой досчатой перегородкой, а дыра, сдѣланная снарядомъ въ толщѣ свода, была заложена камнемъ насухо, и задѣлка эта опиралась на кучу мусора и крупныхъ обломковъ, насыпанную внутри каземата. Это я самъ видѣлъ во время неоднократныхъ моихъ посѣщеній этого злосчастнаго форта.

Генераль Кондратенко сидѣлъ у стола, прислонившись спиной къ перегородкѣ, а всѣ остальные вокругъ того же стола на скамейкахъ. Оставшіеся въ живыхъ свидѣтели стояли поодаль у входа въ казематъ. Вдругъ страшный грохотъ, и стоявшихъ силою газовъ вышибло въ проходъ и завалило мусоромъ.

Когда они опомнились, стрѣлки уже были въ казематѣ и вытаскивали оттуда раздавленные человѣческія тѣла. Съ ген. Кондратенко погибъ почти весь цвѣтъ офицеровъ атакованнаго фронта.

Сильное впечатлѣніе на гарнизонъ произвела смерть ген. Кондратенко. Всѣ приуныли, тѣмъ болѣе, что не видѣли, кѣмъ можно было бы его замѣнить.

Черезъ нѣсколько дней нашъ флотъ прекратилъ свое существованіе, усиливъ впрочемъ, резервъ коменданта; но, не смотря на это усиленіе, несчастья съ этого момента посыпались на насъ, какъ изъ рога изобилія.

5-го декабря японцы взорвали мины подъ брустверомъ форта № 11. Воронка была сдѣлана небольшая, но гарнизонъ, очистивши банкеты и сосредоточившись за ретраншементомъ, не пустилъ

японцевъ на брустверь, а въ 11 ч. ночи очистилъ фортъ совершенно. Комендантъ форта, шт.-кап. Квациъ, когда пришелъ въ госпиталь, самъ рассказывалъ мнѣ, что оставилъ укрѣпленіе вслѣдствіе приказанія ген. Фока, но и самъ считалъ дальнѣйшую оборону немыслимой. За каждый день обладанія фортомъ мы должны были платить жизнью сотенъ людей, но я съ этимъ не могу согласиться; въ форту еще былъ цѣлъ казематъ. Впрочемъ оставленіе этого форта не особенно насъ огорчило, такъ какъ онъ былъ расположенъ очень низко, и позади его, на высотахъ, была еще Китайская стѣнка, уже сослужившая намъ большую службу при отбитіи многочисленныхъ японскихъ штурмовъ.

Къ 11-му декабря я совершенно оправился,—и глазъ пересталъ болѣть; докторъ Миротворцевъ сдѣлалъ мнѣ операцію и очень удачно осколокъ изъ шеи вытащилъ.

На моемъ участкѣ, во время моей болѣзни, все было совершенно спокойно. Японцы всѣ силы свои сосредоточили на атакованномъ фронтѣ, а противъ насъ прекратили всякія дѣйствія.

Вышелъ изъ госпиталя 12-го декабря. Когда я пріѣхалъ на участокъ, штабъ былъ уже переведенъ на другое мѣсто. Онъ пріютился за горнымъ кряжемъ, позади долговременной батареи № 4, въ совершенно безопасномъ мѣстѣ. Въ штабѣ полк. Ирмана я нашелъ много городскихъ чиновниковъ съ начальникомъ гражданской части Квантунскаго полуострова полк. Вершининымъ во главѣ. Обѣды были общіе и весьма обильные, но стоящіе страшныхъ денегъ, почему наши офицеры обѣдали отдѣльно. Этотъ вечеръ я провелъ хорошо, но ночью у меня страшно разболѣлась рана на шеѣ и настолько сильно, что утромъ сдѣлался жаръ; принужденъ былъ возвратиться въ госпиталь и пробылъ тамъ еще три дня.

Рану мнѣ дезинфекцировали, чѣмъ то залѣпили, и я опять возвратился въ полкъ.

Какъ разъ въ это время японцы собирались атаковать Промежточную гору, которую защищали наши 2-я и 3-я роты съ поручикомъ Ивановымъ. Штурмы начались съ 2 ч. ночи 12-го декабря, но всѣ они были отбиты огнемъ изъ атакованныхъ траншей и съ фугаснаго люнета, занятаго 7-й ротой. Но маленькая кучка японцевъ, человекъ въ 10, залѣзла-таки на гору откуда то съ тыла и тамъ засѣла. Подпоручикъ Ивановъ донесъ объ этомъ полк. Ирману и при этомъ сообщилъ, что онъ выбьетъ японцевъ съ верши-

ны горки. Дѣлать это было совершенно напрасно, такъ какъ они сами бы ушли оттуда. Но полк. Ирманъ приказалъ ротамъ отойти съ Промежуточной горы и занять мѣсто на основной нашей позиціи, рядомъ съ нашей 11-й ротой.

10-го декабря нами очищена Соловьевская горка у Голубиной бухты.

И такъ весь 5-й полкъ теперь перебрался на основную позицію и представлялъ силу значительно большую, чѣмъ прежде, такъ какъ онъ былъ третій разъ пополненъ и занималъ промежутокъ между двумя долговременными фортами; японцамъ предстояло теперь повторить атаки Угловыхъ горъ, но усиленных долговременными укрѣпленіями.

Не мудрено, что они не рѣшились на повтореніе этихъ операций и благоразумно сидѣли на занятыхъ позиціяхъ. Поэтому въ штабѣ и на позиціяхъ у насъ было совершенно спокойно. Пользуясь этимъ спокойствіемъ, я могъ отлучаться изъ штаба, чѣмъ и не преминулъ воспользоваться.

Прежде всего я поѣхалъ къ полк. Григоренко, дома его не засталъ и направился къ коменданту. Тамъ я встрѣтилъ полк. Хвостова, пришедшаго съ докладомъ. Мы долго бесѣдовали на тему настоящаго положенія нашихъ дѣлъ. Изъ этой бесѣды я вынесъ отрадное впечатлѣніе, что угрожающаго ничего пока еще не было.

На случай взятія форта № 3-й у коменданта была 2-я линія обороны, на которой мы надѣялись задержать непріятеля на довольно значительный промежутокъ времени.

Нужно сказать, что непріятель подъ укрѣпленіями форта № 3 и бат. № 3 довольно успѣшно шелъ минными галереями. Мы ему здѣсь серьезнаго сопротивленія оказать не могли, во первыхъ потому, что у насъ не было минеръ, а главное у насъ не было контръ-минной системы. Выходы изъ контръ-эскарповыхъ галерей, правда, были оставлены, но заложены камнемъ на цементъ. Закладка была сдѣлана такъ прочно, что на ея уничтоженіе нужно было употребить около трехъ дней, какъ и на 11-мъ форту. Скалистый грунтъ какъ будто бы и не давалъ возможности атакующему вести галерей, но, не смотря на это, въ одинъ прекрасный день работа японскаго минера была замѣчена. Для опредѣленія ея ген. Кондратенко опять пригласилъ и меня. Съ большими перипетіями, ночью, не помню, какого числа, я съ полк. Григоренко добрались до 3-го фор-

та и съ цѣлой комиссіей и ген. Кондратенко проникли въ контръ-эскарповую галерею. Тщательно выслушавши непріятельскія работы, мы опредѣлили, что японцы работали въ трехъ нунктахъ за наружной стѣнной галереи. Очевидно, они хотѣли взрывами небольшихъ горновъ сдѣлать проломы въ этой стѣнѣ и черезъ нихъ войти въ галереи. Мы могли оказать имъ только пассивное сопротивление, поэтому рѣшили заложить галереи камнемъ, а противъ мѣстъ непріятельскихъ горновъ этотъ камень положить на цементъ, что и было быстро выполнено,

Все это происходило задолго до настоящаго момента, а теперь непріятель былъ уже подъ брустверомъ укрѣпленія и готовился взорвать нѣсколько горновъ. Этого взрыва на фортѣ ожидали, и потому на банкетахъ были только часовые... Вообразите положеніе часового, который знаетъ, что вотъ-вотъ его взорвутъ на воздухъ. Комендантъ уже и отпоръ приготовилъ на случай взрыва форта и атаки его японцами и спокойно ждалъ событій.

Позавтракавши у коменданта и получивши ясное представленіе о положеніи нашихъ дѣлъ, я отправился въ свой штабъ. Японцы довольно сильно обстрѣливали береговую дорогу; но снаряды больше перелетали и падали въ воду.

15-го декабря я опять поѣхалъ въ городъ. Проѣзжая черезъ мостъ на Лунхэ, я почувствовалъ легкое сотрясеніе почвы и затѣмъ услышалъ сильный гулъ; поднявши голову, увидалъ надъ 3-мъ фортѣмъ громадный черный столбъ дыма чуть ли не до самаго зенита. 3-й фортъ взорванъ и..., можетъ быть, взятъ. Но это еще не бѣда, позади его есть Китайская стѣнка, думалъ я.

Когда я пріѣхалъ въ штабъ, тамъ было уже все извѣстно. Взрывъ оказался не особенно удачнымъ, и мы еще владѣли ретраншементомъ; но убыль въ людяхъ очень большая, т. к. непріятель засыпаетъ фортъ всевозможными снарядами. Говорили, что японцы сами страшно пострадали отъ этого взрыва. У нихъ была засыпана вся ближайшая къ фортѣ траншея, въ которой похоронило предназначенную для атаки колонну. У насъ на участкѣ все было совершенно спокойно, и мы вечеръ провели даже весело, радуясь, что японцы не уничтожили обороны форта. Что они могли сдѣлать, если бы удачно заложили свои 150 пудовъ пироксилина подъ валами форта. Но радость наша была преждевременна.

На другой день мы узнали, что фортъ № 3-й ночью нами былъ очищенъ: имущество, патроны, бомбы и т. п. были заранѣе вывезены. Кромѣ форта нами была оставлена и Китайская стѣнка, идущая отъ форта прямо въ тылъ по обѣ его стороны.

Мы заняли позицію на скалистомъ кряжѣ и на возвышенности влѣво отъ него.

Трудное положеніе центра и убійственный артилерійскій огонь, постоянно повторяющіеся штурмы и ожиданіе этихъ штурмовъ угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на людей. Становится замѣтнымъ упадокъ духа; да и не мудрено, можно стойко держаться въ теченіе одного большаго сраженія, въ особенности, если есть надежда однимъ или двумя ударами завоевать себѣ спокойствіе, славу и награды, а государству достиженіе преднамѣченныхъ имъ цѣлей.

Но если этимъ сраженіямъ и конца не предвидится, если людямъ приходится ежеминутно подвергаться смертельной опасности и это въ теченіе неопредѣленно долгаго промежутка времени, когда отъ каждаго требуются геройскія усилія и не на одинъ моментъ, а на все время до самой неминуемой смерти, то простиительно, если иногда будутъ появляться примѣры малодушія, если временами у людей будетъ проявляться отсутствіе необходимой энергіи и вялость въ исполненіи приказаній.

Въ такихъ случаяхъ нужно смѣнять утомленные части, но смѣнять было нечѣмъ; а тутъ еще и цынга, начинающаяся появленіемъ апатіи, слабостью ногъ и головными болями. Нужно было хоть питать людей обильно. Но я не знаю, почему у насъ жалѣли артилерійскихъ лошадей. На дѣйствія наступательнаго характера мы уже давно потеряли всякую возможность; поэтому давно уже нужно бы было смотрѣть на артилерійскихъ лошадей, какъ на источникъ питанія, и давать людямъ мясо каждодневно. (Впрочемъ, я не знаю, можетъ быть онѣ были заняты работой). Этимъ мы удержали бы не одну тысячу людей въ траншеяхъ.

При совмѣстномъ помѣщеніи штаба полк. Ирмана и чиновниковъ городского и областного управленій съ полк. Вершининымъ во главѣ, питаніе наше было очень обильно, т. е. ѣли вкусную ослатину, а иногда и говядину, разговорамъ и спорамъ не было

конца, и не мудрено: событія сильно били по нервамъ. Помѣщенія для столовой и канцеляріи 5-го полка мы наняли у инженера Губанова и устроились отлично. Для удешевленія офицерскаго стола я отдалъ въ офицерскую столовую своего осла, т. к. ѣхать на немъ уже было некуда.

17-го декабря мы мирно обѣдали, какъ страшная канонада со всѣхъ нашихъ батарей и ружейная пальба на атакованномъ фронтѣ возвѣстили намъ о серьезныхъ предпріятіяхъ японцевъ.

Всѣ мы бросились на гору, но оттуда видны были только дымъ отъ батарей и отъ рвавшихся въ воздухъ японскихъ и нашихъ шрапнелей. Всѣ наши укрѣпленія страшно засыпались японскими снарядами, а движенія войскъ замѣтно не было. Пробовалъ обратиться къ помощи телефона, но онъ былъ все время занятъ.

Только вечеромъ мы узнали, что японцы произвели сильную атаку на Китайскую стѣнку и на скалистый кряжъ. Атаки эти были блестяще отбиты съ громадными для японцевъ потерями, но непріятель все таки успѣлъ укрѣпиться у подножія скалистаго кряжа и оттуда сталъ фланкировать Китайскую стѣнку.

Бѣды большой отъ этого, впрочемъ, не произошло, т. к. на Китайской стѣнкѣ было много траверсовъ и блиндажей.

У насъ на участкѣ совершенное спокойствіе. Но резерва нѣтъ уже ни одного человѣка; да мы и безъ резервовъ отбили бы всякую атаку. Не то было на Ляотешанѣ, гдѣ у капитана Романовскаго были почти только наши конныя охотничьи команды. Непріятель сильно на нихъ понасѣлъ и заставилъ очистить высоты у Голубиной бухты. Это было тѣмъ не хорошо, что японцы, отогнавши нашихъ охотниковъ, могли пройти и ударить на второй отдѣлъ западнаго фронта, гдѣ стояли ничтожные остатки 27-го полка, большая часть котораго была потребована на атакованный фронтъ. Къ счастью, японцы, удовлетворившись достигнутыми успѣхами, остановились для обычнаго продолжительнаго отдыха, а можетъ быть и ихъ потребовали также на атакованный фронтъ.

18-го декабря, среди мирной обстановки нашего утра, за чаемъ, получили извѣстіе о постигшемъ насъ большомъ несчастіи. Въ теченіе всей этой несчастной войны японцамъ везло, какъ повѣшеннымъ. Было взорвано 3-е укрѣпленіе, и это бы еще ничего, но страшная случайность уничтожила весь его гарнизонъ. Вотъ какъ это совершилось: для обороны укрѣпленія, въ потернахъ,

гдѣ ютился гарнизонъ, были сложены тысячи ручныхъ бомбочекъ. Отъ японскаго взрыва, вслѣдствіе детонаціи, эти бомбочки также взорвались, и потеряна выпалила нашимъ гарнизономъ, какъ ружье дробью. Ужасное происшествіе это страшно насъ поразило, и жаль до боли было доблестнаго гарнизона съ его героемъ-комендантомъ, для насъ стало яснымъ, что благополучію нашему былъ нанесенъ страшный ударъ. Укрѣпленіе № 3-й было на флангѣ второй оборонительной линіи.

Не хорошо было у всѣхъ насъ на душѣ. За обѣдомъ почти ничего не ѣлъ.

Вечеромъ этого дня наши отошли съ Китайской стѣны на Большое Орлиное гнѣздо, Митрофаніевскую, Владимірскую и Лаперовскую горы. Теперь трудно будетъ намъ держаться на атакованныхъ позиціяхъ. Нужно было бы подумать и объ укрѣпленіи новаго города со стороны стараго. Но распоряженій объ этомъ не получалось. На что же рассчитываетъ наше начальство?

Грустно мы провели вечеръ съ 18-го на 19-е число. Всѣ разговоры вертѣлись на томъ, какъ бы протянуть оборону, хотя бы до новаго года. Это было общее желаніе и желаніе исполнимое. Разошлись мы въ этотъ вечеръ поздно, а утромъ были разбужены сильной канонадой; вышли на гору и увидѣли, что Орлиное гнѣздо забрасывается снарядами и такъ закутано дымомъ, что вершина была совершенно не видна. Долго продолжалась эта канонада. Что происходило на горѣ, намъ не было видно, но вечеромъ мы узнали, что когда на горѣ осталось нѣсколько человекъ, 2, 3 или 4, японцы ее заняли. Наши резервы быстро выбили непріятеля и отбили еще 5 атакъ, но подъ вечеръ 6-я атака японцамъ удалась, т. к. защищать гору было уже некому.

Вечеромъ же по приказанію ген. Фока мы очистили весь фронтъ вправо отъ Орлинаго гнѣзда до литеры Б включительно.

Ночью этого дня японцы атаковали Сигнальную гору у бухты Тахэ, но были отбиты.

20-го декабря большая часть офицеровъ собралась въ штабъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи наши дѣла. Вдругъ изъ города прискакалъ кто то изъ офицеровъ и сообщилъ, что самъ видѣлъ, какъ два офицера съ бѣлымъ флагомъ проѣхали за наши линіи.

Отъ этого извѣстія у меня какъ то сердце оторвалось. Всѣ долго молчали, стараясь не проявлять своего смущенія. «Неужели

это сдача», проронилъ кто то изъ присутствующихъ. «Пожалуй, что такъ», отвѣтилъ другой. Послѣ минутнаго полнаго молчанія завязался общій и очень шумный разговоръ; обсуждали вопросъ, что дѣлать при настоящихъ обстоятельствахъ; говорили всѣ разомъ, и потому понять ничего было нельзя. Замѣчалось только большое недовольство ген. Фокомъ; на его голову сыпались самыя разнообразныя обвиненія. Сколько прошло времени въ этихъ разговорахъ, я не помню; знаю только, что обѣдать еще не сѣли, какъ по телефону получилось роковое извѣстіе: Артуръ сдается, гг. офицерамъ выговорено сохраненіе холоднаго оружія и возвращеніе въ Россію подъ обѣщаніемъ не принимать участія въ настоящей войнѣ съ японцами.

Какъ громомъ поразила эта вѣсть всѣхъ присутствующихъ. Большинство сдаваться не желало и на чемъ свѣтъ стоитъ бранило все начальство, рѣшившееся безъ согласія офицеровъ сдавать крѣпость. Одна часть хотѣла немедленно отправиться на Ляотешань и тамъ продолжать защищаться; многіе хотѣли не медля нанять китайскія шаланды и бѣжать изъ крѣпости, и только небольшая часть рѣшила подчиниться волѣ начальства. А такъ какъ всякій требовалъ, чтобы всѣ приняли его личное рѣшеніе, то скоро разговоръ принялъ очень острый характеръ и готовъ былъ разразиться серьезными послѣдствіями.

Желающіе защищаться на Ляотешанѣ скоро отказались отъ своего рѣшенія, т. к. защищаться тамъ было невозможно, вслѣдствіе полнаго отсутствія воды и укрѣпленій; а желавшіе бѣжать на шаландахъ не могли привести своего желанія въ исполненіе по причинѣ противнаго вѣтра.

Опять не помню, сколько времени продолжался нашъ бурный раздоръ; но въ самый его разгаръ кто то пріѣхалъ и сообщилъ, что офицеры посылаютъ телеграмму Государю съ вопросомъ: можно-ли воспользоваться выговоренными начальствомъ льготами для офицеровъ. Это извѣстіе какъ то всѣхъ успокоило, но все общество пришло почти къ единогласному рѣшенію выразить негодованіе начальству общимъ и совершеннымъ отказомъ отъ всѣхъ льготъ, которыя были имъ выговорены цѣною сдачи крѣпости. Всѣ рѣшили идти въ плѣнъ вмѣстѣ съ солдатами и вмѣстѣ съ ними раздѣлить лишенія плѣна. Похвальное рѣшеніе, и я это свое мнѣніе высказалъ во всеуслышаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ резоны и противъ него. Многіе этихъ резоновъ не слыхали, т. к. съ пере-

сохшимъ отъ споровъ горломъ уже разошлись по своимъ мѣстамъ. А резоны заключались въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ въ плѣну нижніе чины будутъ отдѣлены отъ офицеровъ и разбросаны по всей Японіи, то присутствіе офицеровъ не принесетъ нижнимъ чинамъ никакой пользы и никакого утѣшенія.

2) Такъ какъ изъ Россіи для пополненія полковъ, отправляемыхъ на Дальній Востокъ, была взята масса офицеровъ, то недостатокъ ихъ въ Европѣ былъ очень чувствителенъ, а въ случаѣ войны въ Туркестанѣ, весьма возможной, мы будемъ поставлены въ критическое положеніе; да и безъ войны недостатокъ офицеровъ могъ разстроить и расшатать оставшіеся полки и запасные баталіоны. Наконецъ, сидя въ плѣну, около 500 человекъ офицеровъ, будутъ совершенно бесполезны для родины, очень въ нихъ нуждающейся.

Я кромѣ того сказалъ: господа, въ Россіи могутъ подумать, что офицеры, ушедшіе въ плѣнъ, просто захотѣли покейфовать въ прекрасной Японіи, устранивши себя отъ всякой службы и труда въ то время, когда въ центрѣ нашей родины идутъ смуты, и она нуждается въ честныхъ офицерахъ.

Офицеры моего полка согласились съ моими доводами и рѣшили ѣхать въ Россію, и теперь прибавлю, что они здѣсь не были бесполезны, такъ какъ южные полки были почти безъ офицеровъ, недостатокъ ихъ, какъ всѣмъ извѣстно, повлекъ за собой безпорядки въ запасныхъ баталіонахъ, и пріѣздъ нашихъ офицеровъ былъ какъ разъ кстати.

Послѣ объявленія о сдачѣ Портъ-Артура много нужно было труда, чтобы сохранить порядокъ въ крѣпости.

Солдаты чувствовали, что произошло небывалое событіе, унижительное для славнаго русскаго войска и русскаго царства.

«Неужто сдаемся, ваше высокоблагородіе», обращались ко мнѣ наши люди, когда я обходилъ роты. «Да, братцы», отвѣчалъ я, начальство приказало сдаваться, но 5-й полкъ въ этой сдачѣ не виновать, и вы со спокойной совѣстью можете говорить всѣмъ и каждому, что 5-й полкъ всегда смѣло смотрѣлъ смерти въ глаза и безропотно умиралъ за Царя и родину. Всѣ это знаютъ, и никто не посмѣетъ бросить вамъ въ глаза и тѣни упрека.

Вы какъ были, такъ и есть истинные герои, извѣстные и японцамъ и всей обширной и дорогой нашей родинѣ и всему міру Божьему. Ваша совѣсть должна быть чиста, какъ это свѣтлое небо.

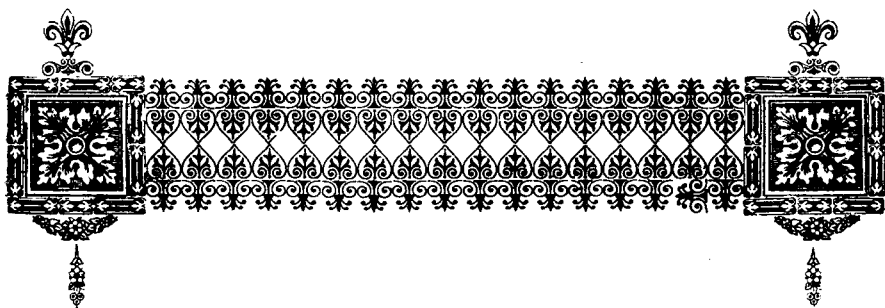
5*

Многіе плакали, и я отъ слезъ, перехватывавшихъ мнѣ горло, почти не могъ говорить. Стоявшій возлѣ меня дряхлый старикъ, единственный носторонній свидѣтель нашего волненія, сорвалъ съ головы свою старую шляпченку и, восторженно махая ею въ воздухъ, закричалъ: «братцы, слава 5-му полку, ура». Но его никто не поддержалъ.

Мнѣ такъ тяжело вспоминать это страшное время нашего несчастья, что я не могу продолжать дальше моего разсказа.

Ж. Претьяковъ.

СЛУЖБА СВЯЗИ ТАКТИЧЕСКИ ДѢЙСТВУЮЩИХЪ ВОЙСКЪ.

В с т у п л е н і е.

Военныя знанія (теорія) должны быть обоснованы на изслѣдованіи боевой дѣятельности войскъ, и на обобщеніи или выводахъ однородныхъ, практически полезныхъ явленій.

Въ изложеніи службы связи я опирался исключительно на опыты минувшей нашей борьбы съ Японіей, какъ новѣйшей войны, въ которой болѣе широкой мѣрой примѣнялись различные способы связи тактически дѣйствующихъ войскъ, и практиковались наиболѣе усовершенствованныя техническія средства.

Литературою по изложенному здѣсь вопросу мнѣ служили статьи:

1. Въ Сборникѣ общества ревнителей военныхъ знаній, изданіе 1906 г. «Важнѣйшія средства службы связи—телеграфъ и телефонъ (опытъ минувшей войны)». Н. Петинъ.

2. Въ Сборникѣ сообщеній по прикладной тактикѣ, изд. 1907 г. Штаба Виленскаго военнаго округа, статья: «Служба связи, ея тактика и организація». Генеральнаго штаба капитанъ Томилинь.

3. Въ Сборникѣ ревнителей военныхъ знаній изд. 1908 г. «Служба связи въ бою пѣхотнаго полка». Ал. Андогскій.

4. Статьи «Русскаго Инвалида» за послѣдніе годы,

и 5. Уставы строевой и полевой, а равно приказы и циркуляры по военному ведомству.

Сопоставивъ боевые примѣры, выводы изъ нихъ и лично обобщивъ дѣлаемые въ литературныхъ статьяхъ предложенія для упорядоченія изслѣдуемаго вопроса службы связи, я для краткости не буду ссылаться, что и откуда мною взято, отсылая интересующихся къ первоисточникамъ; считаю лишь необходимымъ предположить обобщенія въ видѣ основаній, безъ которыхъ нельзя приступить къ изложенію правилъ о службѣ связи.

Основанія, какъ отправныя положенія, для разработки правилъ о службѣ связи.

Къ нимъ я отношу:

I. Въ какомъ бы положеніи части войскъ не находились въ военное время въ виду близости противника, начальники всѣхъ степеней и ранговъ надъ порученными имъ войсками должны имѣть постоянное, прочное, непрерываемое сношеніе другъ съ другомъ, необходимое имъ для отдачи приказаній и распоряженій, для донесеній отъ младшихъ старшимъ начальникамъ или ихъ штабамъ, а равно для обмѣна разными свѣдѣніями другъ съ другомъ.

II. Въ военное время войска могутъ находиться въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

- а) На отдыхѣ (биваки, квартирное и смѣшанное расположеніе).
- б) На походѣ.
- в) Въ бою.

и г) Въ состояніи перехода отъ одного къ другому изъ указанныхъ расположеній.

III. Для связи войскъ указаны въ § 25 Устава полевой службы, а въ общемъ существуютъ и на войнѣ практиковались слѣдующіе средства и способы:

С р е д с т в а.

а) Не техническія, — живые люди: офицеры-делегаты, посылаемые въ сосѣднія части и колоны для доставленія свѣдѣній, конные и пѣшіе ординарцы, отдѣльные развѣдчики, лазутчики, развѣзды, патрули, дозоры и посты конной и пѣшей легкой почты.

б) Механическія; машины для передвиженія: автомобили, мотоциклеты, самокаты (велосипеды разныхъ системъ).

в) Воздушная проволока и надземный кабель, для сообщеній при помощи телеграфныхъ и телефонныхъ аппаратовъ. Форпост-

ный телефонъ. Кабельныя и шестовыя линіи. Телефонныя и телеграфныя неподвижныя аппараты и станціи. Каретки съ подвижными телефонами. Беспроволочный телеграфъ.

г) Геліографы, свѣтовая сигнализациа. Ночью лампы Манжена и др.

д) Сигнализациа другими средствами: флачками, фонарями, прожекторами непосредственно и при помощи облаковъ, съ привязныхъ воздушныхъ шаровъ (змѣйковый аэростатъ), особыми сигналами съ вышекъ искусственныхъ и естественныхъ, съ поднятыхъ змѣй, или же съ малыхъ баллоновъ электрическими сигналами.

е) При помощи свободного вылета воздушнаго шара, разнаго рода дирижаблей и аэроплановъ.

ж) Голубиная почта.

з) Полевые собаки.

и) Звуковые сигналы (свистки, на рожкѣ, вабики).

і) Передача голосомъ по линіи людей въ строю, или передача записки отъ сосѣда къ сосѣду.

Можетъ быть имѣются, или найдутся еще другія средства, но во всякомъ случаѣ по своему качеству и примѣнимости они займутъ одну изъ указанныхъ выше ступеней.

С п о с о б ы.

а) Организациа ординарческой службы при помощи отдѣльныхъ ординарцевъ, высылки случайныхъ или періодическихъ разъѣдчиковъ и разъѣздовъ для связи и сообщеній при помощи офицеровъ делегатовъ и лазутчиковъ.

б) Организациа линій постовъ летучей почты на коняхъ, повозкахъ, пѣшкомъ, на автомобиляхъ, мотоциклетахъ, самокатахъ и съ полевыми собаками для посылки пакетовъ, а равно и голубиной почты для краткихъ письменныхъ донесеній.

в) Установленіе проволочныхъ и кабельныхъ линій и станцій для телеграфныхъ депешъ и телефонныхъ переговоровъ; а равно размѣщеніе станцій беспроводнаго телеграфа.

г) Выборъ и устройство линій и сѣти геліографныхъ станцій.

д) Организациа сношеній при помощи постовъ, снабженныхъ: флачками и фонарями (прик. по в. в. 1908 года, № 70), сигналами съ привязныхъ воздушныхъ шаровъ, баллоновъ съ искусственныхъ и естественныхъ вышекъ (колокольни, фабричныя трубы, высокія деревья и проч.).

е) Организація вылета свободныхъ воздушныхъ шаровъ и дирижаблей.

ж) Приспособленіе и организація мѣстныхъ и подвижныхъ голубиныхъ почтовыхъ станцій.

з) Организація и примѣненіе къ передачѣ донесеній съ дрессированными собаками.

и) Организація и распредѣленіе постовъ передачи условныхъ приказаній или сообщеній при помощи разныхъ звуковыхъ сигналовъ (свистками, горнами, вабиками) и передача по линіи людей голосомъ, или записками.

Всѣ эти способы требуютъ краткаго обзора, что я ниже и сдѣлаю, ибо, какъ подтвердили боевые опыты, каждое изъ нихъ обладаетъ выгодными и невыгодными свойствами.

IV. Часто бываетъ необходимо въ одномъ направленіи организовать нѣсколько способовъ сообщенія, дабы при порчѣ одного изъ нихъ могли продолжать дѣйствовать другіе.

V. Чѣмъ крупнѣе воинская часть и ея начальникъ, тѣмъ болѣе солидные должны быть примѣнены средства и способы; такъ, на примѣръ, два сосѣдніе пѣхотные полка, раздѣленные нѣкоторымъ пространствомъ и въ особенности препятствіемъ, могутъ ограничиться телефоннымъ кабелемъ или сигнализацией флажками, тогда какъ для связи двухъ корпусовъ или двухъ армій между собою и съ тыломъ (первыми этапами) требуется примѣненіе телеграфа и телефона, какъ наиболѣе быстрыхъ, солидныхъ и обезпеченныхъ способовъ сообщенія.

A. Отъ соприкосновенія съ непріателемъ мелкихъ передовыхъ частей войскъ,—начиная отъ разъѣздовъ и до сторожевого охраненія, при нахожденіи нашихъ отрядовъ въ выжидательномъ положеніи, а равно и на походѣ съ ночлегами,—организація сношенія вглубь производится преимущественно при помощи постовъ летучей почты, но могутъ и должны, конечно, примѣняться и другіе способы, какъ, на примѣръ, совпадающая съ направленіемъ развѣдки линія правительственнаго или желѣзнодорожнаго телеграфа, въ которую разъѣзды могутъ включать полевые кавалерійскіе микро-телефонные аппараты, или могутъ захватить съ собою голубей и пр.

Б. Въ ширину и глубину раіона, занимаемаго передовыми сторожевыми и боковыми отрядами, авангардами, главными силами въ нѣсколькихъ колоннахъ, обозами и арьергардами; въ раіонѣ войскъ, ведущихъ оборонительный или наступательный бой днемъ

или ночью; а равно и при размѣщеніи этихъ войскъ на ночлегахъ и отдыхахъ.

и В. Всѣ позади войскъ тыловыя учрежденія, начиная отъ первыхъ этаповъ съ начальниками этаповъ и тыла.

Разработка проекта о службѣ связи касается здѣсь лишь пункта Б. т. е. района, занимаемаго тактически размѣщенными войсками: въ передовыхъ отрядахъ, авангардахъ, главныхъ силахъ, арьергардахъ, лазаретахъ и войсковыхъ обозахъ, такъ какъ мѣры для перваго пункта А не могутъ быть на всѣ случаи однообразно регламентированы и главное не могутъ быть систематично примѣняемы; для послѣдняго пункта В забота о сношеніяхъ лежитъ на начальникѣ этаповъ и тыла арміи; въ частяхъ же меньшаго подраздѣленія, дѣйствующихъ самостоятельно, проволочныя соединенія примыкаются къ станціямъ правительственнаго или желѣзнодорожнаго телеграфа, которыя занимаются телеграфистами военнаго вѣдомства отъ санерныхъ частей, имѣющихъ обязанность организовать и поддерживать связь впередъ къ обозамъ и арьергарду, идущихъ впереди ихъ главныхъ силъ.

VII. Необходимо сообразовать выборъ средствъ и способовъ связи съ величиною воинскихъ частей, начальниковъ ихъ штабовъ, съ дальностью разстоянія между пунктами связи, съ близостью противника и съ имѣющимися для сего средствами.

VIII. Вся служба связи, специализируясь благодаря техническимъ для нея приспособленіямъ, требуетъ для себя и особо подготовленнаго кадра чиновъ и начальниковъ во всѣхъ частяхъ войскъ до роты, эскадрона и батареи включительно.

IX. Всѣ техническія средства для связи, (а слѣдовательно и обслуживающія войска части, телеграфныя роты, эскадроны и сотни) должны быть изъяты изъ саперныхъ частей, ничего общаго съ ними не имѣющихъ, и вмѣстѣ съ желѣзнодорожными баталіонами подчинены генералъ-квартирмейстерамъ; косвенно въ смыслѣ распространенія, усовершенствованія и примѣненія къ дѣлу новѣйшихъ техническихъ приспособленій, имъ должны быть подчинены и всѣ прочіе начальники, и командиры надъ специальными чинами для службы связи во всѣхъ строевыхъ частяхъ войскъ, штабовъ и управленій съ ихъ техническимъ имуществомъ.

X. Всѣ спеціальныя роты, эскадроны, сотни и команды для связи въ частяхъ войскъ разныхъ соединеній, отъ полка и до корпуса, необходимо имѣть въ мирное время мобилизованными; только для будущихъ штабовъ армій, можно содержать кадръ въ

$\frac{3}{4}$ -мъ или $\frac{1}{2}$ -мъ составѣ, ибо по опыту минувшей войны извѣстно, какъ трудно было установить въ мобилизованныхъ телеграфныхъ ротахъ и баталіонахъ внутренній порядокъ и обученіе людей употребленію новѣйшихъ техническихъ средствъ, совершенно съ ними незнакомыхъ.

ХІ. При пользованіи сигнализацией по азбукѣ Морзе надобно имѣть въ виду разстояніе, на которомъ необходимо установить связь: на близкихъ разстояніяхъ выгоднѣе по времени послать съ запискою человѣка, чѣмъ эта записка будетъ передаваться сигнализацией, — конечно, при условіи, что посланный можетъ безопасно достигнуть цѣли, или когда части не разъединены непроходимой преградой.

ХІІ. Вся сигнализациа, какими бы средствами и способами она не производилась, должна быть совершенно ясна своимъ войскамъ и не видима, или, въ крайности, непонятна для противника.

Краткое описаніе средствъ для службы связи.

1. *Офицеры-делегаты.* Во всѣхъ случаяхъ тактического употребленія войскъ, въ особенности во время исполненія маршевыхъ маневровъ, практикуется посылка въ сосѣдніе колонны офицеровъ-делегатовъ съ командою развѣдчиковъ или конно-ординарцевъ. Мѣра эта хороша на походѣ, когда техническія соединенія опаздываютъ постановкою ихъ средствъ связи, и, вообще, этою мѣрою достигается болѣе обезпеченный способъ получить свѣдѣніе о сосѣдней колоннѣ, такъ какъ занятое своимъ дѣломъ начальство этой колонны можетъ поздно вспомнить о сообщеніи сосѣдямъ.

Для успѣха исполненія необходимо напрактиковать посыльныхъ находить дорогу каждый разъ на новой мѣстности, избѣгать захвата противникомъ, наметаться въ распознаваніи примѣтъ прохода войскъ по дорогѣ, ориентироваться на мѣстности и пр. Совѣтуютъ въ важныхъ случаяхъ посылать донесеніе съ двумя-тремя развѣдчиками, разными дорогами и въ разные пункты на путь своей колонны.

Посыльные могутъ быть конными, на автомобиляхъ, мотоциклетахъ, брычкахъ и самокатахъ, все зависитъ отъ имѣющихся средствъ передвиженія и характера дорогъ; при небольшихъ же разстояніяхъ могутъ быть посылаемы пѣшіе развѣдчики, но избранные, лихіе, смѣлые и сильные люди.

2. *Ординарцы и развѣдчики, офицеры и нижніе чины* также при разныхъ средствахъ для своего передвиженія посылаются въ

экстренныхъ случаяхъ. Это средство сообщенія, не смотря на рядъ техническихъ приспособленій, не теряетъ своего значенія во многихъ случаяхъ тактическаго употребленія войскъ. Живые люди, при возможности безопаснаго, а иногда даже рискованнаго пробѣга къ цѣли, не только доставятъ записку, но разскажутъ дополнить положеніе войскъ, откуда они посланы; равнымъ образомъ и все то, что увидятъ или услышатъ въ пути, — чего никогда не дастъ телеграфный проводъ.

3. *Разъѣзды для связи* посылаются въ завѣдомо опасныхъ случаяхъ, когда на посылку одного рассчитывать нельзя, а войти въ связь необходимо. Это обстоятельство указываетъ на приданіе къ пѣхотнымъ отрядамъ такъ называемой дивизіонной кавалеріи, а при ея отсутствіи на необходимость, разъ вошли въ близкое соприкосновеніе съ противникомъ, приданія къ колоннамъ конныхъ частей, тѣмъ болѣе, что въ пѣхотномъ полку всего 13 конныхъ ординарцевъ, которые всѣ распредѣляются по начальствующимъ лицамъ (прик. по в. в. 1903 г. № 10), и послѣ войны признано, что этого числа мало.

Во время хода боя, люди связи должны избрать скрытый отъ взоровъ путь, иногда дѣлать кружные объѣзды; поэтому посылающій обязанъ вникнуть въ обстановку, которая можетъ быть обяжетъ его послать пѣшихъ, пробраться коимъ секретно легче, и лучше конныхъ, или на машинахъ.

4. *Лазутчики*. Вышеизложенное обязываетъ не забыть способъ связи и черезъ лазутчиковъ, избранныхъ лихихъ людей, которые умѣютъ пробираться даже черезъ непріятельское расположеніе къ отрѣзаннымъ противникомъ нашимъ частямъ войскъ или обратно. Поэтому на выборъ и заблаговременную подготовку такихъ лихихъ людей неизбѣжно обратить вниманіе еще въ мирное время.

5. *Посты летучей почты, пѣшей или конной, а равно и на машинахъ движенія*. Посты летучей почты употребляются всегда, не смотря на техническія средства связи ¹⁾, ибо кромѣ разговора, депешъ и сигнализациі, необходимо пересылать пакеты, ордена, свертки топографическихъ картъ, печатныхъ инструкцій, полевыхъ книжекъ и прочія не тяжелыя вещи.

Посты эти выставляются въ каждой части войскъ, расположенной или двигающейся отдѣльно, а равно ведущей бой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ другихъ. При незначительномъ разстояніи

¹⁾ Если для крупныхъ частей (корпуса, арміи) нѣтъ въ тылу желѣзной дороги, устроившей правильное движеніе.

достаточно имѣть два конечныхъ поста, съ увеличеніемъ разстоянія выставляется линія постовъ, а при движеніи или дѣйствіи значительныхъ отрядовъ выставляются нѣсколько линій постовъ летучей почты.

Они выставляются въ глубину и по фронту.

§§ 40—53 Устава полевой службы въ достаточной степени опредѣляютъ несеніе самой службы постами летучей почты. Опыты войны указываютъ лишь на недочеты въ снабженіи постовъ продовольствіемъ людей, топливомъ, освѣщеніемъ, тетрадами, карандашами и сумками, на безграмотность старшихъ, на неумѣнье располагать посты на видныхъ мѣстахъ, т. е. главныхъ улицахъ или у выходовъ селеній; они не обозначали своего расположенія флагомъ или пучками соломы; своевременно не снабжали людей постовъ паролями, чѣмъ задерживали ихъ людей при впускѣ на bivакъ; продолжительность стоянокъ на постахъ не улучшала точность и быстроту передачи пакетовъ.

Чрезвычайно трудно налаживалась летучая почта при сосредоточеніи войскъ для боя, сопровождаемомъ перемѣщеніемъ большинства штабовъ, а слѣдовательно и станцій полевого телеграфа. Казаки летучей почты, привыкшіе возить въ одномъ направленіи въ теченіи мѣсяцевъ стоянокъ, должны были въ день боя узнавать новые пути для доставки пакетовъ, узнавать новыхъ лицъ и новыхъ начальниковъ; поэтому не слѣдуетъ мѣнять линій летучей почты наканунѣ сраженій, а лучше дополнять ихъ новыми постами отъ конечныхъ, командировавъ въ послѣдніе людей, знающихъ новыя направленія, —будетъ надежнѣе и скорѣе. Наладить-же линію новаго направленія надо постепенно изъ новыхъ людей и лучше по окончаніи сраженія.

Расходъ конницы въ обѣ наши послѣднія войны на эту службу былъ непомѣрно великъ, что объясняется отчасти отсутствіемъ дивизіонной конницы, а главное—недостаточностью самокатчиковъ и войсковыхъ телефоновъ. Въ Германіи при каждомъ полковомъ штабѣ 8 велосипедистовъ. Въ нашей пѣхотѣ съ 1890 г. велосипедъ былъ примѣненъ въ охотничьихъ командахъ, но со введеніемъ въ 1900 г. конныхъ ординарцевъ военными велосипедистами перестали интересоваться. Къ сожалѣнію ихъ не примѣнили и въ Маньчжуріи, гдѣ $\frac{3}{4}$ года сухого времени, когда лесовая почва имѣетъ видъ асфальтовой поверхности.

Скорость доставки во многомъ зависѣла отъ правильности передачи пакетовъ между журнальною частью и постами летучей

почты. И то и другое учрежденія должны быть своевременно освѣдомлены оперативнымъ лицомъ или отдѣленіемъ, или завѣдывающимъ службою связи, объ измѣненіяхъ, происходящихъ въ дислокаціи тѣхъ войскъ, куда возятъ почту, чтобы устранить вызываемыя перемѣною дислокацій недоразумѣнія.

Въ бою подъ огнемъ, при невозможности днемъ сообщаться конными, или на машинахъ, примѣняются посты пѣшей летучей почты. Они должны располагаться въ укрытыхъ мѣстахъ. а люди между ними — перебѣгать по возможности по скрытому подступу. Разстояніе между постами должно опредѣлять временемъ перебѣга и не болѣе 5 минутъ. Такими постами (2—3 человекъ на каждомъ) можно соединять съ конечною телефонною станціею, если начальникъ отъ нея удалился по ходу боя и по возможности перемѣстить эту станцію.

При ночныхъ движеніяхъ и маршахъ-маневрахъ, когда вообще боевой порядокъ представляетъ изъ себя группы отдѣльныхъ частей войскъ, рекомендуютъ цѣпи подвижныхъ постовъ, какъ «живыхъ нитей».

Звенья этихъ цѣпей могутъ состоять изъ 2—3 людей, двигающихся въ оптической или звуковой связи другъ съ другомъ. Въ виду сближенія при дѣйствіяхъ ночью и въ закрытой мѣстности, надо полагать, что расходъ людей на установленіе этого вида связи не можетъ быть великъ.

Такъ какъ эта связь тактическая, для боя, то подробный разборъ ея пока упускаю; равно не буду говорить о дозорахъ, постахъ для наблюденія за флангами и др. Долженъ только упомянуть, что для наблюденія за дѣйствіями сосѣднихъ частей на пересѣченной мѣстности, употреблялись особые посты связи, высылаемые на высоты, съ которыхъ требуемое видно; что эти посты самостоятельно перемѣщались въ случаѣ удаленія или приближенія сосѣда по ходу у него боя, о чемъ и сообщали своему начальнику.

6. *Машины для движенія*, къ которымъ относятся автомобили (моторы), мотоциклеты и велосипеды. Всѣ эти машины находятъ широкое примѣненіе во всѣхъ арміяхъ. Автомобили для связи, слѣдовательно, легкіе, для людей, могутъ двигаться по всѣмъ дорогамъ включительно до проселочныхъ; мотоциклеты и велосипеды даже по тропамъ, если они проложены не по очень крутымъ горамъ. При чемъ мотоциклетамъ надо отдать преимущество, какъ болѣе сильной машинѣ, имѣющей на помощь ногамъ еще бензиновый двигатель.

Обзаведеніе моторами вызоветъ обученіе шофферовъ въ войскахъ обращенію съ машинами въ мирное время; въ военное же время пополненіе недостающаго количества машинъ и числа шофферовъ легко достижимо, если въ призывѣ запасныхъ объявить о принятіи съ собственными машинами для службы связи. Такихъ лицъ найдется много, ибо многихъ прельститъ болѣе легкая и не столь опасная служба.

Въ частяхъ войскъ необходимо и въ мирное время имѣть нѣкоторое количество автомобилей и мотоциклетовъ, хотя бы по одному экземпляру на полкъ.

Что же касается велосипедовъ, то согласно приказовъ по В. В. 1891 г. № 158 и 1901 г. № 423 ихъ имѣется въ каждомъ полку по двѣ штуки, что по расчету удовлетворенія команды развѣдчиковъ и службы связи недостаточно; необходимо добавить отдѣльному баталіону два, а полку восемь самокатовъ; въ послѣднемъ получится 10 велосипедовъ, изъ коихъ два въ команду развѣдчиковъ, а восемь для посылокъ на службу въ высшіе штабы и для связи съ сосѣдними войсками.

Ѣзда на самокатѣ требуетъ поддержанія постоянной практики, а сама служба въ бою—людей подготовленныхъ, испытанныхъ, дисциплинированныхъ и вѣрныхъ, чего нельзя въ полной мѣрѣ ожидать отъ прибывшихъ изъ запаса. Вотъ почему все количество самокатовъ и двойное число обученныхъ ѣздѣ на нихъ должно содержать всегда и въ мирное время.

7. Телеграфныя и телефонныя средства для связи. Къ нимъ я отношу:

А. Форпостный телефонъ и кабель.

Б. Кабельные, шестовые провода (отдѣленія), а равно телефонные и телеграфные неподвижные аппараты и станціи.

В. Вьючные и на всадникахъ подвижные телефонные аппараты и кабели къ нимъ.

Г. Каретки или автомобили съ подвижными телефонами.

Е. Беспроволочный телеграфъ.

Разъ для связи такъ или иначе проложена проволока, соединяющая болѣе или менѣе удаленные пункты, средство это обязательно должно обладать своими выгодными и невыгодными свойствами, обзоръ коихъ обязателенъ намъ для извлеченія выгодныхъ съ одной стороны и для принятія соотвѣствующихъ мѣръ противъ невыгодныхъ, или, въ крайности, къ необходимости умѣть считаться съ ними.

Къ выгодамъ проволочной связи надо отнести:

а) На большія разстоянія въ особенности это средство незаменимо, ибо при своей технической исправности даетъ сообщенія быстро и точно.

б) Полною сѣтью станцій телеграфныхъ и телефонныхъ аппаратовъ связываетъ всю градацію начальниковъ и ихъ штабовъ, безъ чего современные, тактически дѣйствующія на большихъ разстояніяхъ, войска обходиться уже не могутъ.

в) Даетъ возможность по телефону лично переговариваться самими начальникамъ во всѣхъ необходимыхъ подробностяхъ, чего никакой ординарецъ сдѣлать не можетъ.

г) Слѣдовательно, проволочное сообщеніе замѣняетъ ординарческую службу на большія разстоянія и облегчаетъ службу летучей почты.

д) Высшее начальство не можетъ вмѣшаться въ непосредственное управленіе и командованіе низшаго, и тѣмъ сохраняется принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ, воспитанныхъ, конечно, такъ, чтобы въ переговорахъ съ высшимъ начальникомъ не испрашивать у него указаній на детали изъ сферы личныхъ его приказаній и распоряженій.

Къ недостаткамъ: а) Трудность и продолжительность установки линій, въ особенности на маршѣ.

б) Въ случаѣ быстрого отступленія войскъ трудность въ снятіи линій.

в) Сложный и тяжелый обозъ шестовыхъ телеграфныхъ линій.

г) Подверженность порчѣ отъ стихій, зловредныхъ людей, стадъ коровъ, табуновъ лошадей и непріятелемъ.

д) Расходъ людей для постоянного надзора за цѣлостью линій, а иногда и необходимость боевой охраны линій. Своимъ надо внушать бережливое и уважительное отношеніе къ телеграфнымъ сооружениямъ.

е) Медленность тактическихъ сообщеній по телеграфу, который надо признать стратегическимъ средствомъ связи, оставивъ телефону на ряду съ другими наименованіе тактического средства.

ж) Можно перехватывать телеграммы и разговоры, противъ чего у телеграфа есть средство—шифровать ихъ.

Перехватыванію же разговоровъ помѣшать трудно, если въ проводъ на линіи будетъ включенъ телефонъ злоумышленника. Подслушиваніе при помощи включенія аппарата на станціяхъ или

на линіи всегда замѣтно по временному ослабленію разговора; старшіе же начальники могутъ имѣть для разговоровъ свои неносредственныя линіи.

з) Подъ грохотомъ орудій телефонную рѣчь часто совсѣмъ не слышно.

и) Телеграфныя и телефонныя станціи привязываютъ старшаго начальника къ одному мѣсту.

і) По телефону передается интонація и нервность голоса, а съ нимъ можетъ быть передана и нерѣзительность старшаго начальника.

Хотя количество недостатковъ и усиливаетъ число выгодъ проволочнаго сообщенія для связи, но быстрое знаніе положенія дѣла на поляхъ сраженій съ безконечно и непрерывно мѣняющейся обстановкою, давая возможность, благодаря проволочному соединенію, своевременно направлять части для взаимной выручки, какъ для исполненія основного принципа, вынуждаетъ признать и убѣждаетъ въ томъ, что выгодныя, качественныя преимущества проволочной связи, благодаря ея постоянной примѣнимости и технической простотѣ ея устройства, берутъ верхъ; поэтому въ рядѣ другихъ техническихъ средствъ въ особенности на большія разстоянія, телеграфъ и телефонъ занимаютъ первое мѣсто.

А. Форпостный кабель и телефоны. Въ сторожевомъ охраненіи для сторожевыхъ заставъ и важныхъ постовъ, въ позиціонномъ бою для связи отъ главной до передовыхъ позицій, а отъ нихъ съ впереди расположенными въ окопахъ наблюдательными частями, и въ полевомъ бою для связи постоянныхъ наблюдательныхъ пунктовъ за флангами съ фланговыми частями, весьма желательно имѣть легкіе кабели (1 верста—15 фунтовъ) и форпостные телефоны.

Японцы имѣли такіе телефоны въ наблюдательныхъ окопахъ, о чемъ можно было судить по постояннымъ захватамъ нашими охотниками японскихъ проводовъ, имѣвшихъ видъ тонкой шелковой бичевки и телефонныхъ аппаратовъ, имѣвшихъ видъ бинокля.

На нашихъ Шахейскихъ позиціяхъ пѣхотные полки были снабжены легкими портативными телефонами, доходившими своими проводами до ротныхъ, взводныхъ передовыхъ окоповъ, опорныхъ пунктовъ и наблюдательныхъ постовъ.

Къ концу войны на ея театрѣ было отправлено всего 3,000 телефоновъ, изъ нихъ: 1,700 съ звонковымъ вызовомъ, 380 съ фониическимъ и 900 форпостныхъ («Русскій Инвалидъ» 1905 г. № 49),—

кромѣ средствъ телеграфныхъ ротъ и полевыхъ управленій почтъ и телеграфовъ.

Эти обстоятельства указываютъ, что строевыя части войскъ должны быть снабжены форпостнымъ телефономъ. Если въ каждой ротѣ имѣть одну версту кабеля и одинъ телефонъ, то высланный на сторожевое охраненіе или на отдѣльный участокъ позиціи баталіонъ пѣхоты будетъ этими средствами (т. е. четыре версты и 4 телефона) вполне обезпеченъ на всѣ случаи боевой дѣятельности.

Артилерія имѣетъ уже свои телефоны для веденія стрѣльбы; если каждая батарея будетъ имѣть форпостнаго телефона столько же, какъ и рота, то она легко будетъ поддерживать еще и тактическую связь съ старшимъ въ подчиненности, т. е. не артилерійскимъ начальникомъ.

Эскадронъ форпостное телефонное имущество долженъ имѣть въ особомъ व्यюкѣ, и количество его должно быть нѣсколько больше, ибо сторожевое охраненіе по пространству эскадронъ занимаетъ вдвое больше роты. Полагаю, что 2-хъ верстъ и 3 аппаратовъ (одинъ изъ нихъ запасный) будетъ вполне достаточно.

Прокладку кавалерійскаго форпостнаго кабеля желательно вести быстрымъ способомъ, допускающимъ разматываніе и прокладку прямо съ व्यюка, по австрійскому образцу.

Для пѣхотнаго 4-хъ баталіоннаго полка образуется изложеннымъ выше расчетомъ 18 телефоновъ (16 ротныхъ съ добавленіемъ 2-хъ запасныхъ) и 16 верстъ кабеля. Если къ нимъ присоединить еще 4 полковыхъ звонковыхъ телефона и уложить это имущество въ полковой автомобиль, приспособивъ въ немъ для сего заднее отдѣленіе, то полкъ будетъ обезпеченъ телефоннымъ имуществомъ на всѣ случаи своей боевой дѣятельности (см. «Русскій Инвалидъ» 1906 г. № 107).

При раздѣленіи полка на части, или при неудобствѣ дороги для автомобиля, катушки съ кабелемъ передаются на ротныя патронныя двуколки, въ крайности на людей, ибо 15 фунтовъ могутъ двое нести на палкѣ.

При болѣе продолжительномъ занятіи оборонительной позиціи, связь высшихъ штабовъ съ полками и между собою должна обслуживаться телеграфными ротами, которыхъ на Сипингайскихъ позиціяхъ было 27 съ длиною провода свыше 2,000 верстъ, кромѣ средствъ полевыхъ управленій почтъ и телеграфовъ, коихъ въ каждой арміи было проводовъ около 400 верстъ и до 50-ти почтово-телеграфныхъ станцій.

б) *Телеграфныя роты, съ ихъ шестовымъ и кабельнымъ имуществомъ.* Въ каждому корпусу войскъ въ военное время придается саперный баталіонъ, въ которомъ имѣется шестовое и кабельное отдѣленія; они обязаны обслуживать части войскъ въ одну сторону до штабовъ дивизій и полковъ, въ другую—для связи съ обозами корпуса, штабомъ арміи, если корпусъ дѣйствуетъ въ составѣ ея, и съ первымъ этапомъ «корпусной дороги» для связи съ тыломъ.

Достаточно ли телеграфнаго и телефоннаго имущества роты для обслуживанія ими корпуса по современнымъ требованіямъ войны—покажетъ ниже помѣщенная вѣдомость главныхъ техническихъ средствъ (приказъ по военному вѣдомству 1896 года № 87).

Предметы.	Аппараты.		Шестовъ.	Воздушный проводами.	Кабеля.	Гелиографа.	Лампъ опти- ческой сигна- лизаціи.		
	Телеграфъ.	Телефонъ.							
Отдѣленія.									
<i>Въ Европейской Россіи.</i>				Версты.					
1. Шестовое отдѣленіе	4	8	680	25	2	2	2		
2. " " 	4	8	680	25	2	2	2		
Кабельное отдѣленіе	4	8	16	—	35	2	2		
ИТОГО			12	24	1486	50	39	6	6
<i>Въ Азіатской Россіи.</i>									
Шестовое отдѣленіе и теле- графная команда			4	4	750	50	3	4	4
Телеграфн. полуэскад. (сотня).			10	20	—	60		10	10

Если штабу корпуса необходимо связаться проволокою съ 6-ю полками, находящимися въ боевой линіи, съ двумя штабами дивизіи и съ тыломъ, причемъ штабъ корпуса будетъ вблизи резерва пѣз двухъ полковъ, то 87 верстъ проводовъ, 12 телеграфныхъ аппаратовъ, 24 телефоновъ и 6 гелиографовъ будетъ вполне достаточно, въ особенности если въ полкахъ для собственныхъ нуждъ введутъ предлагаемую мною матеріальную часть полкового телефона.

Для связи съ дѣйствующей впереди или на флангѣ кавалерійской дивизіей, штабъ арміи долженъ придать корпусу телеграфное конное отдѣленіе съ двуколками и въючными приспособленіями по расчету штата, объявленнаго въ приказѣ по воен. вѣд. 1905 г. № 341, для телеграфнаго полуэскадрона (телеграфной сотни).

На качество существующихъ телеграфныхъ аппаратовъ жалобъ не заявлялось; что же касается телефоновъ, то въ особенности хва-

лять микротелефоны Гейслера съ фоническимъ вызовомъ (индукторные аппараты очень тяжелы), коими и должны быть снабжены войска нашей арміи («Русскій Инвалидъ» 1906 года № 49).

Для уменьшенія проводовъ желательнo примѣнить телефоны Юнгмана или Баликевича съ антииндукторомъ (заглушителемъ шума), дающіе возможность по одному проводу телеграфировать и вести разговоры, не мѣшая другъ другу, или же «телефонографъ» г-на Нагорскаго, допускающій чтеніе на слухъ телеграммы и телефонный разговоръ («Русскій Инвалидъ» 1905 года № 262).

Для обслуживанія центральной станціи необходимо только имѣть два нумератора, одинъ для телеграфа, если одинъ аппаратъ поставленъ для двухъ-трехъ линій; другой же, по числу отвлѣченныхъ телефонныхъ линій, т. е. для телефонной связи нумераторъ соединяется при посредствѣ конденсатора съ проводомъ за батареей.

Телефонные аппараты сами по своему устройству, постановкѣ ихъ на центральной станціи и конструкціи нумератора, должны быть сорганизованы такъ, чтобы къ нимъ нельзя было примкнуть посторонняго телефона для подслушиванія, чѣмъ устранится хотя этотъ одинъ недостатокъ.

6. *Вьючные и на всадникахъ подвижные телефонные аппараты и кабели къ нимъ.* Современные автомобили, а тѣмъ болѣе каретки доступны для движенія не только по шоссе и большимъ грунтовымъ дорогамъ, но и по многимъ проселочнымъ, въ особенности послѣ предварительнаго пробѣга по нимъ развѣздовъ и развѣдчиковъ на мотоциклетахъ и самокатахъ для рекогносцировки путей.

Автомобили могутъ быть приспособлены для быстрой прокладки кабеля при передвиженіи передовыхъ войскъ впередъ до тѣхъ поръ, пока кабель не будетъ замѣненъ шестовой линіей проводовъ. Но если мѣстность гористая, совершенно исключаящая движеніе автомобилей и колеснаго обоза вообще, то для прокладки кабеля должны дѣйствовать телефонные вьюки, а при болѣе быстромъ движеніи, какъ движеніе впередъ кавалерійскихъ отрядовъ, связь должны устанавливать всадники, имѣя на себѣ катушки тонкаго легкаго кабеля (одна верста-15 фунтовъ). Легко, вмѣсто кавалерійскаго вьюка, приспособить двѣ, даже три катушки на ленчикѣ коннаго, и тогда по расчету перехода къ намѣченной кавалерійскому отряду цѣли, слѣдуетъ придать ему столько телеграфныхъ вьюковъ и конныхъ съ катушками кабеля, сколько опредѣлится числомъ верстъ перехода, раздѣленнымъ на количества кабеля во вьюкахъ и на всадникахъ.

Благодаря прогрессирующей техники, телефонные аппараты настолько теперь усовершенствованы, облегчены и удешевлены, что обзаведение ими войск стало вполне и во всехъ отношеніяхъ доступно.

Если предположить, что передовые части могутъ быть выдвинуты на переходъ (15—25 верстъ), а кавалерія и еще на одинъ переходъ впередъ, а всего выдвинута она будетъ отъ главныхъ силъ верстъ на 50—60, то первую часть могутъ обслуживать вьючные приспособленія, а вторую, т. е. отъ передового смѣшаннаго изъ трехъ родовъ оружія отряда, до ядра кавалерійскаго, слѣдовательно, верстъ 30, будутъ обслуживать конные кабели, для чего надо 10—15 всадниковъ съ кабелемъ и два съ телефонными аппаратами и другими необходимыми приспособленіями.

г) *Телеграфныя и телефонныя каретки, а равно и приспособленные для прокладки кабеля автомобили.* Объ автомобиляхъ я уже говорилъ выше. При доступныхъ дорогахъ, даже по полямъ и пашнямъ, лишь бы не было глубокихъ канавъ и крутыхъ подъёмовъ, приспособленный для телефонныхъ нуждъ автомобиль явится незамѣнимымъ и наилучшимъ двигателемъ. Но я видѣлъ на испытаніи очень давно, на маневрахъ Варшавскаго военнаго округа, особыя каретки не только для перевозки телеграфнаго имущества, но и для обслуживания его станціи. Мнѣ кажется, что помѣщеніе полевыхъ телефонныхъ станцій въ деревняхъ, въ особенности неприятельской страны, не безопасно и не такъ удобно въ служебномъ отношеніи, ибо каретка можетъ быть приближена къ ставкѣ начальника, гдѣ бы онъ не находился; кромѣ того въ непогоду каретка укроетъ телефонистовъ, коими будутъ всегда дежурные офицеры, работа будетъ болѣе производительна и значительно спокойнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ палаткѣ, и въ особенности лучше, чѣмъ если станція будетъ находиться въ домѣ или деревнѣ вдали отъ ставки старшаго начальника.

д) *Безпроводный телеграфъ.* Въ настоящее время у насъ уже организованы двѣ роты искроваго телеграфа. Не имѣя въ рукахъ штата роты и табели имущества, такъ какъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1905 года № 797 говорится лишь о наименованіи этихъ ротъ, тѣмъ болѣе не зная системы искроваго аппарата, я не могу говорить о нихъ детально.

Если наша армія, по примѣру японской, германской и другихъ, обзаводится искровымъ телеграфомъ, то очевидно назрѣла въ немъ потребность, и работа имъ вполне возможна.

Очевидно, также, что большой колесный обозъ искроваго телеграфа и цѣнность обзаведенія послѣднимъ не позволяютъ имѣть большое количество станцій, а потому такими станціями могутъ быть снабжены лишь штабы армій и развѣ два-три отдѣльно или впереди дѣйствующихъ корпуса для связи съ арміей. Но все зависитъ отъ техническихъ усовершенствованій.

е) *Гелиографы, свѣтовая сигнализациа ночью, лампы Манжана и др.* Гелиографы имѣютъ уже свою исторію и вполне оправдали практическую примѣнимость. Они были въ турецкую кампанію 1877—78 годовъ и въ послѣднюю войну съ Японіей. Правда, они нуждаются въ солнцѣ; но принимая во вниманіе, что дождливыхъ и сумрачныхъ дней въ году бываетъ не болѣе одной трети, отъ 80 до 120, гелиографы вполне пригодны въ остальные двѣ трети года, что въ связи съ простотою устройства и отсутствія проволочнаго соединенія, вполне узаконяетъ распространеніе ихъ въ войскахъ. Въ крѣпостяхъ, въ позиціонной войнѣ, даже на маршѣ, отъ привала до привала, они могутъ быстро устанавливаться и работать.

Единственный недостатокъ заключается въ томъ, что сигнализациа ихъ можетъ быть видна противнику. Но, во-первыхъ, въ мѣстностяхъ гористыхъ и холмистыхъ гелиографныя станціи можно устанавливать за рельефомъ, за переваломъ; во-вторыхъ, можно передавать телеграммы шифромъ или условно.

На основаніи приказа по воен. вѣд. 1908 года № 79 положено имѣть для двухъ станцій три человѣка и два аппарата, что нельзя не признать крайне слабымъ составомъ; если изъ двухъ гелиографистовъ одинъ заболѣетъ, или если одинъ аппаратъ испортится, обѣ станціи перестаютъ дѣйствовать, третій человѣкъ съ выючною лошадью можетъ быть не специалистомъ. По моему составъ коннаго гелиографнаго отдѣленія долженъ состоять изъ шести человѣкъ специалистовъ и одного съ коннымъ выюкомъ, имѣть четыре станціи (одна изъ нихъ запасная) и семь лошадей. Два запасныхъ человѣка необходимы какъ для замѣны, такъ и для помощи открывающаго станцію, иначе послѣдній не имѣетъ даже помощника, которому долженъ передать свою лошадь.

Такое отдѣленіе, въ случаѣ надобности, можетъ открыть три станціи въ общей свѣтовой связи, причемъ на каждой станціи будетъ по два человѣка. При долгой остановкѣ на одномъ мѣстѣ второй человѣкъ позаботится о продовольствіи людей и лошадей, а

равно можетъ спросить у ближайшаго старшаго начальника, куда станціи направиться въ случаѣ экстреннаго выступленія отряда.

Ночью гелиографныя станціи должны работать при помощи сильно свѣтящейся лампы. На большія разстоянія необходима лампа Манжена съ своими магніевыми вспышками; но на малыя разстоянія слѣдовало бы примѣнить бензино или керосино-калильные лампы съ рефлекторами, даже простыя съ толстыми стеариновыми свѣчками, но тоже съ рефлекторами и съ такимъ приспособленіемъ для открыванія свѣта, чтобы продолжительностью его изображать тире и точки по телеграфной азбукѣ Морзе. Такія лампы были устроены въ Варшавскихъ крѣпостныхъ пѣхотныхъ полкахъ, подчиненныхъ мнѣ въ бытность мою тамъ начальникомъ штаба крѣпости. Эти лампы примѣнялись съ большимъ успѣхомъ. Можно использовать велосипедные фонари.

ж) *Сигнализациія различными средствами.* Сигнализировать можно по азбукѣ Морзе (приказъ по воен. вѣд. 1908 г. № 79) или особыми условными знаками.

Для сигнализациі употребляютъ:

1) *Флажки.* Упомянутымъ приказомъ установлено все довольно практично, желательно лишь увеличить размѣры полотнищъ флажковъ до аршина въ квадратъ, такъ какъ въ 2,000 шагахъ ихъ уже слабо видно.

2) *Фонари.* О фонаряхъ я говорилъ выше. При широкомъ распространеніи знанія телеграфированія по азбукѣ Морзе, фонари будутъ примѣняться во многихъ случаяхъ. Достаточно условиться въ вызовѣ, чтобы затѣмъ, закрывая и открывая свѣтъ фонаря рукою, начать разговоръ съ сосѣднею частью при любомъ расположеніи.

3) *Прожекторами* можно телеграфировать на значительное (до 10 верстъ и болѣе, если мѣстность позволяетъ) разстояніе; для сего стоитъ лишь приспособить особую круглую заслонку на рычагѣ, которою, какъ и въ обыкновенномъ фонарѣ, закрывать и открывать свѣтъ на разную продолжительность для выраженія точекъ и тире азбуки Морзе.

Прожекторами не только можно передавать знаки непосредственно къ пункту передачи, но возможно телеграфировать при помощи облаковъ. Недавно еще, будучи въ Балаклавѣ, я видѣлъ отраженія въ облакахъ свѣта прожектора съ одного изъ судовъ, находящагося въ Сѣверной бухтѣ; весьма отчетливо было видно

ночью на облакъ передвиженіе свѣтоваго луча, а равно закрываніе и открываніе прожектора.

Если имѣть по одному прожектору на дивизію и штабъ корпуса, то эти аппараты не только служили бы средствомъ связи разъединенныхъ непроходимой мѣстностью дивизій между собою и штабомъ корпуса, но обслуживали бы позиціи въ темныя ночи, освѣщая впереди лежащую мѣстность, улавливая въ свѣтъ прожектора всякое передвиженіе непріятельскихъ войскъ.

4) Тѣми же флажками, фонарями и особыми сигнальными фигурами (цилиндръ, шаръ, конусъ, квадратъ изъ черной матеріи днемъ и электрической лампочкой въ такихъ же бѣлыхъ фигурахъ для ночи), спускаемыми ниже корзинки воздушнаго шара, можно сигнализировать или телеграфировать съ привязныхъ воздушныхъ шаровъ и змѣйковыхъ аэростатовъ, что также практиковалось въ Варшавской крѣпости,—кромѣ электрическихъ лампочекъ, такъ какъ на моторѣ для спусканія каната или троса не была приспособлена динамо-машина.

Могли бы найти въ арміи широкое примѣненіе змѣи. Дешевизна и простота устройства ихъ могутъ допустить обзаведеніе ими въ каждомъ баталіонѣ и батареѣ.

Спеціалистомъ по части змѣй считается командиръ Варшавской воздухоплавательной роты, капитанъ Ульяпиновъ, который на змѣяхъ поднимался не только самъ, но поднималъ своихъ жену и ребенка—настолько онъ увѣренъ въ устойчивости и практичности змѣй своей системы.

5) Можно сигнализировать съ разныхъ естественныхъ и искусственныхъ вышекъ, съ поднятыхъ змѣй, или же малыхъ балоновъ, на которыхъ приспособлять электрическія лампочки съ отражателями въ требуемую сторону, вплетая проводникъ въ веревку или даже пользуясь металлическимъ тросомъ, если онъ будетъ самъ изолированъ отъ сообщенія съ землею.

3) Сообщение при помощи свободнаго вылета воздушнаго шара, что примѣнимо въ обложенной крѣпости; а равно при помощи разнаго рода дирижаблей и аэроплановъ, изобрѣтеніе которыхъ въ большемъ ходу и не далеко можетъ быть то будущее, когда они завоюютъ себѣ полное право на практическое существованіе.

и) *Голубиная почта*. Пока она существуетъ въ крѣпостяхъ. Но въ минувшую войну съ Японіей подготавливался, а можетъ быть и былъ осуществленъ (мпѣ не извѣстно) опытъ примѣненія подвижныхъ голубятень. Для того, чтобы голуби хорошо запом-

нили свою голубятню, крыша большого фургона раскрашивалась секторальными полосами въ видѣ спектра или разноцвѣтными кругами. Въ облетъ голуби выпускались для практики во время движенія фургона-голубятни и никогда отъ нея не отставали.

Желательно и теперь продолжать эти опыты.

і) *полевья собаки*. Опытъ съ ними производился въ первомъ Варшавскомъ крѣпостномъ пѣхотномъ полку и весьма удачно. Собаки употребляются для сего особой породы, названіе которой я забылъ. Не только собака отлично переноситъ донесенія отъ постовъ и секретовъ на заставу, но она сама сторожитъ въ темную ночь и всегда заблаговременно предупредить о приближеніи къ посту чужого ей человѣка.

к) *Звуковые сигналы*—на рожкѣ, свисткѣ, вабики, крики животныхъ, птицъ и проч.

Эти сигналы допускаются на небольшія разстоянія для предупрежденія, поэтому не могутъ быть сложны и по возможности не должны выдавать присутствія людей.

л) Въ линіяхъ стрѣлковыхъ цѣпей, длинныхъ окопахъ и при движеніи боевыхъ разомкнутыхъ, даже разсыпанныхъ боевыхъ порядковъ, разныя приказанія и донесенія въ запискахъ и даже голосомъ можео передавать отъ сосѣда къ сосѣду. Въ особенности это важно умѣть примѣнять при атакѣ, когда противникъ близко и снимаетъ всякаго, кто показался даже въ полѣ-роста.

Подведя итоги всего, что въ качествѣ средствъ рекомендуется имѣть въ частяхъ войскъ, я выразилъ это въ двухъ прилагаемыхъ таблицахъ (См. стр. 90—91, 92—93) съ необходимыми къ нимъ примѣчаніями, которыя укажутъ, что выведенная потребность въ людяхъ лишь только кажется значительною, такъ какъ почти всѣ чины, предназначаемые для службы связи, находятся въ строю, вызываются изъ него и употребляются для службы лишь въ мѣрѣ потребности, безъ которой въ современной войнѣ оботись нельзя, и только въ мирное время, помимо своей строевой выучки, подготавливаются къ опредѣленной специальности для несенія службы связи.

Для наглядности, сколько, какихъ чиновъ, для какой надобности, сколько лошадей, машинъ, повозокъ, аппаратовъ и проч. надо имѣть въ пѣхотномъ 4-хъ баталіонномъ полку, привожу нижеслѣдующее свѣдѣніе:

Въ пѣхотномъ полку.	Штабъ-офицеръ.	Оберъ-офицеръ.	Пѣшихъ.		Конныхъ.		Верховныхъ лошадей.	Вьючныхъ лошадей.	Повозокъ.	Машинъ.	Версть кабел.	Аппаратовъ.	Лампъ.	Флажковъ.	Фонарей.
			Рядовыхъ.		Рядовыхъ.										
			Унт.-офиц.	Рядовыхъ.	Унт.-офиц.	Рядовыхъ.									
Завѣдывающій обученіемъ	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Делегаты	—	1	—	—	3	3	7	—	—	—	—	—	—	—	—
Ординарцы для командиръ	—	1	—	—	3	3	7	—	—	—	—	—	—	—	—
Конные развѣдчики	—	1	—	—	1	4	6	—	—	—	—	—	—	—	—
Конные ординарцы	—	—	—	—	1	12	13	—	—	—	—	—	—	—	—
Пѣшіе развѣд. (охотники)	—	2	6	120	—	2	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Лаутчики	—	—	2	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посты полевой почты	—	—	2	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Автомобили	—	—	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
Мотоциклы	—	—	1	3	—	—	—	—	—	4	—	—	—	—	—
Самокатчики	—	—	1	25	—	—	—	—	—	26	—	—	—	—	—
Форпостные телефонисты	—	—	2	32	—	—	—	—	—	—	16	32	—	—	—
Телефонисты полковые	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	8	5	—	—	—
Географисты	—	—	3	4	—	—	7	—	—	—	—	3	3	—	—
Сигнализаторы флажками и фонарями	—	—	4	124	—	—	—	—	—	—	—	—	—	96	48
При воздушномъ шарѣ	—	—	1	13	—	—	2	—	1	—	—	—	—	—	—
При воздушныхъ змѣяхъ	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
При полевыхъ собакахъ	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Воинскія части, офицеровъ, нижнихъ чиновъ и лошадей. Перечень средствъ для связи.	Рота.			Эскадронъ.			Батарея.			Отдѣльный пѣхотный баталіонъ.			4-хъ-батал. пѣхотный полкъ.		
	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.
Ординарцы-делегаты съ посылными	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	3	1	6	7
Ординарцы офицеры и нижние чины.	—	—	—	7	8	9	1	6	7	1	5	6	1	6	7
Пѣшие и конные развѣдчики.	—	8	—	—	—	—	—	—	—	1	(32)	1	2	18	20
Развѣзды для связи.	—	3	—	—	3	3	—	3	3	—	—	—	—	—	—
Лазутчики	—	3	—	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посты пѣшей и конной лутчей почты	—	3	—	—	3	3	—	3	3	—	—	—	—	—	—
Автомобили	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Мотоциклы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	4	—
Самокаты (велосипеды).	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	10	—
Форпостный телефонъ	—	2	—	—	2	—	—	2	—	—	8	—	—	2	—
Телеграфъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	у.п.-о.р.	—
Телефонъ.	—	—	—	—	—	—	имѣются	—	—	—	3	—	—	3	—
Искровой телеграфъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гелиографы и лампы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	7	—	6	7
Сигнализція флажками.	—	8	—	—	8	—	—	8	—	—	(32)	—	—	—	—
Полевые прожекторы.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Воздушные шары	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—
Воздушные змѣи	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	4	—
Голубиная почта.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Полевая собака	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2	—	—	4	—
Итого	—	25	—	1	29	18	1	19	10	3	97	17	4	78	41

- Примѣчанія: 1) Значительный въ ротѣ расходъ людей только кажущійся, кромѣ развѣ само привлекаются же къ службѣ по специальности въ рѣшительнаго боя.
- 2) Въ эскадронѣ—почти тоже самое.
- 3) Въ отдѣльномъ баталіонѣ взять общій итогъ всѣхъ чиновъ; тоже, слѣдова
- 4) Штабъ дивизіи безъ своихъ специально подготовленныхъ делегатовъ съ по остальные люди для вспомогательныхъ средствъ для службы связи тоже необ
- 5) При желаніи воспользоваться разными средствами, безъ которыхъ современ зованія ими на дѣлѣ специальныхъ людей, иначе средства эти не принесутъ
- 6) Въ числѣ 18 нижнихъ чиновъ конныхъ развѣдчиковъ въ пѣх. полку пока выхъ въ качествѣ конныхъ ординарцевъ по существующему положенію для
- 7) Въ случаѣ надобности на посты полевой почты могутъ быть поставлены кон

Кавалерій- скій полкъ.			Отдѣльная пѣхотная бригада.			Штабъ пѣхотной дивизіи.			Штабъ кавалерійск. дивизіи.			Штабъ корпуса.			Штабъ арміи.			Штабъ Главного- мандующаго.		
Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.	Офицеровъ.	Нижнихъ чиновъ.	Лошадей.
2	12	14	1	5	6	2	10	12	2	10	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	6	12	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
(изъ аскадр.)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	8	8	-	8	8	-	-	-	1	30	31	1	30	31	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
1	2	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
ун.-оф	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	4	-	-	4	-	-	-	-
-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	4	-	-	4	-	-	-	-
-	-	-	-	2	-	-	4	-	-	-	-	-	8	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	6	7	-	-	-	-	6	7	-	6	7	-	6	7	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	13	-	-	-	-	-	13	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	3	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
9	34	44	1	16	14	2	41	19	3	46	50	1	70	38	-	11	-	-	-	-

катчика, все люди остаются в строю, они лишь обучаются каждый по своей специальности;

тельно, люди, преимущественно находятся въ строю.

сильными обойтись не может; равно имъ необходимы постоянные разѣзды для связи, ходнымъ; но и число ихъ въ общемъ не велико.

ныя войска обходиться не могутъ, надо имѣть и подготовленныхъ для развѣдыванія и польтребуемой пользы.

заны: 1 унт.-офицеръ и 4 рядовыхъ въ качествѣ развѣдчиковъ, а 1 унт.-офицеръ и 12 рядо-
обслуживанія полкового начальства.

ные развѣдчики и ординарцы.

Средства связи. Части войскъ.	Ординары-де- гаты съ посыль- ными.	Ординары и офи- церы съ развѣд- ками.	Разъѣзды для связи.	Лаулучики.	Посты пѣшей и кон- ной легкой почты.	Машины для движенія.		
						Автомобили.	Мотоциклы.	Самолеты.
Рота	— —	— 8 разв.	— —	— 3	— 3	—	—	1
Эскадронъ	— —	1 8	— 3	— 3	— 6	—	—	—
Батарея	— —	1 6	—	—	— 3	—	—	—
Отдѣльный пѣхотный баталіонъ	1 — 3	1 32 5 кон.	—	—	— —	—	1 4 1 4	1 ¹⁾
4-хъ-баталіонный пѣхотный полкъ.	Конные. 1 6	2 —	—	—	— —	1 4 2 4	10 10	10 ²⁾
Кавалерійскій полкъ	2 12	6 2 ун.-оф.	— 8	—	1 2 ун.-оф.	—	—	—
Отдѣльная пѣхотная бригада	1 5	} Командируются отъ полковъ и отдѣльных баталіоновъ.	— 8 кон.	—	—	—	1 2 1 2	1 ¹⁾
Штабъ пѣхотной дивизіи	2 10		— —	—	—	1 4 2 1	1 4 1 4	1 ¹⁾
Штабъ кавалерійской дивизіи	2 10		1 30 отъ конв. полусот.	—	—	—	—	—
Штабъ корпуса	— —		1 30 отъ конв. сотн.	—	—	2 4 4 4	8 8 4 8	1 ¹⁾
Штабъ арміи	— —	—	—	—	—	2 4 4 4	—	—
Штабъ главнокомандующаго	— —	—	—	—	—	По усмотрѣнію.		

Примѣчанія: 1) Надъ чертой аппараты, внизу—люди.

2) Согласно пр. по в. в. 1908 г. № 79 въ каждой ротѣ, батареѣ и эскадронѣ должно быть 8 нижн. чиновъ.

3) Люди изъ команды развѣдчиковъ.

4) Имѣется всего 2 самолета (см. пр. по в. в. 1891 г. № 158).

5) Отдѣленіе: 3 гелиографа, 3 лампы со вспышками, 6 человекъ и 7 лошадей.

6) Малый въ 400 куб. метровъ при немъ команда изъ 1 ун.-офиц. и 12 рядовыхъ.

7) Особая повозка съ динамо-машиной, легкимъ двигателемъ и прожекторомъ, при нихъ 2 специалиста и 1

8) Повозка съ голубятней, одинъ голубятникъ въ дивизіи и два—въ корпусѣ, и одинъ обозный при повозкѣ.

Проволочное и безпроводное телефоно-телеграфное соединеніе.				Гелиографы и лампы.	Сигнализация флажками, сегм. пр. в. в. 1908 г. № 79.	Сигнализация обыкновенными фонарями.	Полевые прожекторы.	Привязные воздушные шары.	Воздушные змѣи.	Голубная почта.	Полевые собаки.
Формостный телефонъ.	Телеграфъ.	Телефонъ.	Искровой телеграфъ.								
Каб. Аппар. 1 вер. 2	—	—	—	—	8 ²⁾	2	—	—	—	—	—
2 вер. 3	—	—	—	—	8 ²⁾	2	—	—	—	—	2 ³⁾
1 вер. 3	—	Артиллер.	—	—	8 ²⁾	2	—	—	—	—	—
4 вер. 8	—	8 5	—	3 3	32	8	—	—	1	—	5 ³⁾
ротныхъ.	—	— 1 2	—	6 7 ⁵⁾	(ротн.).	(ротн.).	—	—	1 чел.	—	2 ³⁾
ун.-оф.	—	8 5	—	3 3	—	—	—	1 шаръ ⁶⁾	4	—	10 ³⁾
		— 1 2	—	6 7	—	—	—	1 12	4 чел.	—	4 ³⁾
		ун.-оф. ряд.	—	чел. лош.	—	—	—	ун.-оф. ряд.	—	—	—
Въ случаѣ надобности полззуются имуществомъ ротъ и эскадроновъ.	Обслуживаются отъ телеграфныхъ ротъ сапернаго баталіона до полковъ включительно.	(Приказы по в. в. 1896 г. № 87, 1898 г. № 4).	—	3 3	—	—	—	—	—	—	—
			—	6 7 ⁵⁾	—	—	—	—	—	—	—
			—	чел. лош.	—	—	1 3 ⁷⁾	1 шаръ ⁶⁾	2	—	—
			—	чел.	—	—	чел.	1 12	2 чел.	—	—
—	Тоже, или должны имѣть свои телеграфныя части для включения въ жел.-дорожн. линіи или въ провода правительств. телеграфа.	По усмотрѣнію отъ искровыхъ ротъ согласно прик. по в. в. 1905 г. № 797.	—	3 3	—	—	1 3 ⁷⁾	1 шаръ ⁶⁾	—	200 гол.	—
—			—	6 7	—	—	чел.	1 12	—	2 чел. ⁸⁾	—
—			—	чел. лош.	—	—	—	ун.-оф. ряд.	—	400 гол.	—
			—	3 3	—	—	—	Особые воздушные шары.	—	4 чел.	—
			—	6 7	—	—	—	—	—	—	—
			—	чел. лош.	—	—	—	—	—	—	—

обученныхъ сигнализациі флажками и фонарями. На каждую станцію полагается по два флажка и по два фонаря.

обозначенъ.

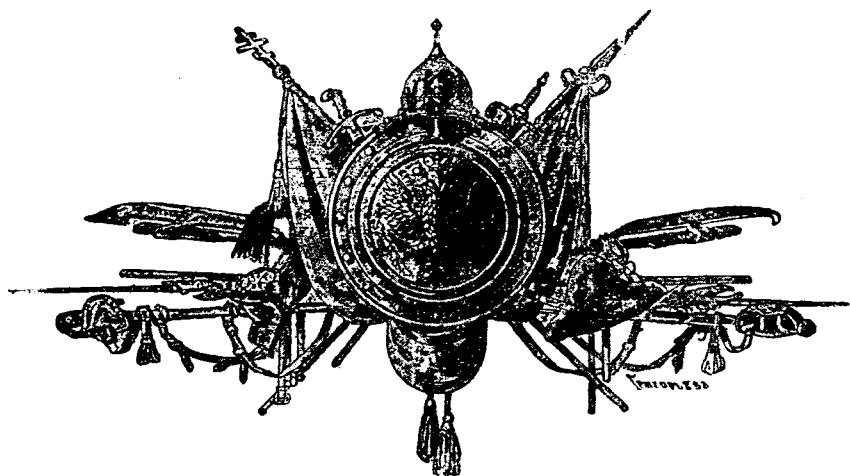
Допустимъ, что не всѣ показанныя средства имѣются въ полку,—но, во первыхъ, желательно ихъ имѣть, дабы дать полку всевозможныя средства для службы снязи; во вторыхъ, въ данномъ направленіи желательно развивать всѣ эти средства, въ третьихъ, обзоръ всѣхъ средствъ даетъ отправную точку для употребленія ихъ въ разныхъ случаяхъ, замѣны однихъ средствъ другими и примѣненія имѣющихся, хотя и не полныхъ, средствъ въ болѣе раціональномъ смыслѣ.

Во всякомъ случаѣ, т. е. при всѣхъ или не всѣхъ средствахъ связи, въ полку причастныхъ къ этой службѣ чиновъ на столько много, подготовка ихъ по специальностямъ требуетъ умѣнья и должна быть доведена до совершенства и не ослабѣвать съ ежегодными увольненіями нижнихъ чиновъ въ запасъ, что все дѣло необходимо поручить младшему штабъ-офицеру. Онъ же, кромѣ направленія въ смыслѣ обученія, провѣрокъ и наблюденія за ходомъ подготовки по всѣмъ специальностямъ, обязанъ слѣдить за состояніемъ всего технического имущества, за конскимъ составомъ, имѣть сношеніе съ завѣдывающимъ хозяйствомъ и неносредственные доклады командиру полка по всѣмъ нуждамъ порученнаго ему дѣла.

Въ качествѣ помощниковъ, ему можно назначить двухъ офицеровъ изъ числа указанныхъ въ свѣдѣніи для ординарческой службы, исключая предназначенныхъ для обученія и завѣдыванія командою развѣдчиковъ, которые въ военное время имѣютъ независимыя порученія и не всегда могутъ быть привлекаемы къ организаціи связи.

В. Григорьевъ.

ТАКТИКА КРѢПОСТНОЙ АРТИЛЕРІИ

(Сухопутной).

(Продолженіе ¹⁾).

Въ виду, того, что производство тѣснаго обложенія нужно, какъ одинъ изъ этаповъ на систематизированномъ пути къ достиженію главной цѣли осады—успѣха штурмовыхъ предпріятій, то, по выполненіи такового въ надлежащей степени, осада не будетъ задерживаться въ этомъ районѣ, а будетъ стремиться перейти какъ можно скорѣе къ использованію своихъ артилерійскихъ средствъ. Для этого ей придется совершить передвиженіе на позиціи артилерійскаго дѣйствія или, какъ говорятъ, на главную артилерійскую позицію. Переходъ этотъ будетъ производиться не по всему протяженію обложенія, а лишь на участкѣ, предназначенномъ для развитія рѣшительныхъ дѣйствій, т. е. на атакованномъ фронтѣ. Передвиженіе это, говоря вообще, будетъ производиться въ открытую. Чтобы воспрепятствовать производству такого открытаго передвиженія на какомъ нибудь участкѣ, необходимо выпускать на этотъ участокъ снаряды такъ, чтобы сферы вліянія снарядовъ соприкасались между собою или, какъ говорятъ, образовали сплошное покрытіе по крайней мѣрѣ черезъ

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11-й.

часть времени. Если оборона будетъ въ состояніи поддерживать такое дѣйствіе въ теченіе дней 30 на протяженіи всей осады, то можно будетъ считать, что этимъ открытый переходъ сдѣлается невыполнимымъ.

Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о воспрепятствованіи передвиженію въ открытую, то значить рѣчь идетъ о пораженіи живыхъ и механическихъ средствъ, которыя всего удобнѣе поражаются на половину шрапнельными и на половину ударными снарядами. Хотя разница въ сферахъ дѣйствія такихъ снарядовъ и значительна, но для упрощенія соображеній можно принять ихъ одинаковыми и равными сферамъ дѣйствія шрапнелей. Сфера же дѣйствія шрапнелей можетъ быть для разсматриваемыхъ условій практически принята равною 50 саж. по направленію стрѣльбы и 10 саж. по направленію перпендикулярному къ этому, т. е. всего равною 500 кв. саж. Поэтому для того, чтобы получить однократное сплошное покрытие надо выпустить 500 снарядовъ на каждую квадратную версту или, считая фронтъ передвиженія въ 10 верстъ, а глубину его въ 2 версты, — 15,000 снарядовъ на одинъ разъ и 10,8 милліона снарядовъ на всю осаду.

Такое снабженіе крѣпости практически неосуществимо и потому практически неосуществимо и препятствованіе обороною переходу осады въ сферу рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій и при томъ переходу открытому. Кромѣ открытыхъ переходовъ могутъ быть переходы закрытые, а таковымъ оборона не можетъ воспрепятствовать ни при какомъ напряженіи.

Такимъ образомъ, какъ по существу, такъ и по средствамъ, необходимымъ для выполненія, задача о воспрепятствованіи переходу осады на рѣшительныя артилерійскія позиціи не выполняема. Однако, какъ это понятно, отказаться оборонѣ совсѣмъ отъ вліянія на переходъ осады отъ тѣснаго обложенія въ сферу рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій нельзя, и потому, принявъ это вліяніе всего лишь въ одну тысячную часть того вліянія, которое необходимо для воспрепятствованія открытому передвиженію, для осуществленія его потребуется всего 10,800 снарядовъ или 360 снарядовъ на квадратную версту пространства, въ которомъ можетъ производиться такое перемѣщеніе. Снаряды эти могутъ быть на половину ударными и на половину шрапнельными. Особыхъ орудій для рѣшенія этихъ задачъ не требуется, ибо это можетъ быть возложено на имѣющіяся по другимъ назначеніямъ орудія.

Такимъ образомъ окончательно принимается, что для дѣйствія лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ при переходѣ осады изъ района тѣснаго обложенія въ районъ рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій, рассчитывать на каждую квадратную версту пространства, могущаго служить для этого, по 360 снарядовъ, изъ которыхъ половина можетъ быть ударнаго дѣйствія и половина шрапнельнаго.

Подсчетъ снарядовъ по этой нормѣ долженъ производиться лишь для участка, могущаго дѣйствительно служить въ цѣляхъ перехода, поэтому поверхность такого участка можетъ быть установлена съ удовлетворительною точностью въ каждомъ частномъ случаѣ. Но такъ какъ мѣста производства такого перехода въ дѣйствительномъ бою предусмотрѣть нельзя, то снаряды, предназначенные для противодѣйствія ему, должны быть распределены до выясненія фронта атаки по обводу всей крѣпости, а по выясненіи такового, доставлены на него.

Слѣдующею затѣмъ, по времени возникновенія, задачею, лежащею на артилерію крѣпостей является задача о погашеніи огня тѣхъ орудій осады, которыя представляются опасными для прочности фортификаціонныхъ сооруженій крѣпости, по занятіи такими орудіями позицій въ районѣ рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій.

При современномъ положеніи дѣла наблюденія и подготовки крѣпостей можно принять, что въ среднемъ положеніе артилерійскихъ батарей при разсматриваемыхъ условіяхъ можетъ быть опредѣляемо съ точностью какъ по фронту, такъ и въ глубину до четверти версты, т. е. съ точностью до площади въ 15,500 кв. саж., чтобы погасить огонь батареи, предполагаемой въ такой площади надо покрыть всю площадь съ плотностью одного снаряда на каждыя 10 кв. саж. площади, т. е. надо для однократнаго покрытія указанной площади имѣть 1,550 снарядовъ. Снаряды эти должны быть, какъ дѣйствующие по мертвымъ массамъ, ударными. Но въ виду того, что средства осады возстановимы, нельзя ограничиться однократнымъ покрытіемъ площади батареи, и надо имѣть возможность повторить это по крайней мѣрѣ 4 раза. И поэтому для погашенія огня батареи на разстояніи рѣшительнаго артилерійскаго дѣйствія надо 6,200 ударныхъ снарядовъ, или считая батарею 6-орудійную, — 1,000 снарядовъ на каждое подлежащее гашенію орудіе.

Быстрота дѣйствія обороны при гашеніи огня орудій опасной

мощности должна быть возможно быстротечною, ибо каждый выстрѣлъ такого орудія можетъ принести непоправимый вредъ.

Для однократнаго покрытія площади, занимаемой однимъ орудіемъ, надо выпустить еколо 250 снарядовъ, и это должно быть никакъ не менѣе чѣмъ въ полчаса. Поэтому число орудій, потребныхъ для выполненія погашенія огня одного орудія, зависитъ отъ ихъ скорострѣльности. Принимая боевую скорость огня современныхъ крѣпостныхъ орудій въ 4 выстрѣла въ минуту или 240 выстрѣловъ въ часъ, надо считать никакъ не менѣе двухъ такихъ скорострѣльныхъ орудій на каждое гасимое орудіе. Число же менѣе скорострѣльныхъ орудій на одно гасимое должно возрасти въ степени пониженія скорострѣльности, и для обыкновенныхъ орудій никакъ нельзя принять менѣе тройнаго превосходства ихъ надъ гасимыми. Орудія на сторонѣ оборонѣ могутъ быть мощности значительно меньшей, чѣмъ мощность тѣхъ орудій, которыя ставятся объектами ихъ дѣйствія. И причины этого понятны.

Такимъ образомъ, на каждое орудіе осады, подлежащее ганенію, крѣпости должны быть снабжаемы не менѣе какъ двумя скорострѣльными орудіями и 1,000 ударными снарядами на каждое орудіе.

При приведенныхъ только что соображеніяхъ принималась въ расчетъ только матеріальная часть артилеріи. Но кромѣ этого въ составъ артилеріи входитъ еще и прислуга при орудіяхъ. Въ п. 4 было показано, что оборона всегда должна считать одною изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ уничтоженіе личныхъ средствъ осады. Поэтому къ исчисленнымъ только что средствамъ необходимо при-
дать еще средства для дѣйствія по личному составу артилеріи. Опре-
дѣленіе такихъ средствъ ничѣмъ не отличается отъ приведен-
наго, только въ виду меньшей возстановляемости личнаго состава
можно ограничиться половиннымъ числомъ покрытій на протяже-
ніи всей осдды, т. е. 250—шрапнелями на орудіе. Специальныхъ
орудій для выпусканія этихъ снарядовъ, какъ понятно, не потре-
буется.

Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе шрапнелей въ разсма-
триваемыхъ условіяхъ ихъ употребленія будетъ наибольшимъ тог-
да, когда они будутъ выпускаться въ иныхъ случаяхъ самостоя-
тельно, а въ другихъ вслѣдъ за бомбами, то на выработку спосо-
бовъ дѣйствія этими снарядами должно быть обращено надлежа-
ющее вниманіе. Къ этому вопросу еще предстоитъ вернуться.

Въ только что приведенныхъ расчетахъ рѣчь шла объ орудіяхъ, по своей мощности представляющихся опасными для фортификаціонныхъ сооруженій обороны. Такія орудія, какъ извѣстно, будутъ составлять сравнительно не очень большую часть всего числа осадныхъ орудій. Но и остальная масса орудій, какъ сказано въ п. 50, также не можетъ быть оставляема безъ вниманія обороны, въ особенности же не должны быть оставляемы безъ вниманія личныя средства, обслуживающія эти орудія. Степень вліянія обороны на эти орудія, въ особенности бомбовыя, можетъ быть много ниже степени вліянія ея на предыдущій родъ орудій. Для полученія достаточного вліянія на эти орудія можно ограничиться въ 10 разъ меньшимъ числомъ орудій и въ 5 разъ меньшимъ числомъ бомбъ и въ 2 раза меньшимъ числомъ шрапнелей, т. е. принять, что на каждое такое осадное орудіе оборона должна имѣть 0,2 орудія, 200 бомбъ и 250 шрапнелей, или 0,2 орудія и 1,000 бомбъ и 1250 шрапнелей на каждое свое орудіе.

Въ теченіе періода рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій могутъ возникать для обороны еще задачи, имѣющія какое либо особое значеніе, напр. разрушеніе пороховыхъ погребовъ осады, дѣйствія по путямъ питанія осадной артилеріи и т. п. Предусмотрѣть всѣ такія потребности точно нельзя, но нельзя и оставлять крѣпости безъ всякаго снабженія ихъ средствами, необходимыми для удовлетворенія такихъ потребностей. Можно признать допустимымъ имѣть на каждую версту фронта расположенія осадной артилеріи въ районѣ рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій 2 орудія, 1,500 ударныхъ и 500 шрапнельныхъ снарядовъ. Это такъ и принимается, причемъ задачамъ разсматриваемаго рода придается наименованіе вспомогательныхъ.

Слѣдующею задачею обороны надо признать задачу о воспрепятствованіи осадѣ перехода на штурмовыя позиціи. Нормальнымъ способомъ производства такого перехода долженъ быть признанъ закрытый, т. е. съ помощью ходовъ сообщенія. Поэтому, если задача о воспрепятствованіи такому переходу признается подлежащею осуществленію въ той или другой мѣрѣ, то для рѣшенія этой задачи крѣпостямъ должны быть даны не только подходящія количества и сорта боевыхъ припасовъ, но и роды орудій наиболѣе выгодныя для дѣйствія по ходамъ сообщенія, т. е. орудія, обладающія крутою траекторіею.

Прежде чѣмъ воспрепятствовать закрытому передвиженію осады на штурмовыя позиціи, очевидно, надо сначала воспретить ей такой переходъ въ открытую; такъ какъ только подъ давленіемъ этого запрещенія явится необходимость пользоваться закрытыми путями. Поэтому задача о воспрепятствованіи переходу осады съ артилерійскихъ позицій на штурмовыя распадается на двѣ задачи: на задачу о воспрепятствованіи производству этого перехода въ открытую и на задачу о воспрепятствованіи этого періода въ закрытую.

Подсчитать средства, необходимыя для выполненія первой задачи, можно двояко, или на основаніи соображеній, приведенныхъ въ п. 16, рассчитывая эти средства на образованіе въ теченіе необходимаго времени такъ называемой непроходимой полосы по всему защищаемому фронту, т. е. полосы, имѣющей опредѣленную глубину и равную фронту защищаемого пространства, или рассчитывая на образованіе сплошного покрыванія всего пространства, въ границахъ котораго можетъ происходить передвиженіе, въ теченіе необходимаго же времени. Въ первомъ случаѣ наименьшею глубиною площади, долженствующей быть сдѣланною непроходимой, является величина разбрасыванія поражающихъ частицъ по направленію могущаго происходить движенія. Такъ какъ въ данномъ случаѣ, въ виду дѣйствія со значительныхъ разстояній, огонь можетъ быть только фронтальный, то ширина разсматриваемой полосы можетъ быть принята равною 50 саж. Фронтъ разлета разрывныхъ частей можетъ быть принятъ въ 10 саж. Поэтому вся площадь, обсѣиваемая пулями при одномъ выстрѣлѣ, достигаетъ 500 кв. саж., а потому для приданія ей непроходимости требуетъ выпуска на себя 1.000 пуль въ теченіе времени, необходимаго для прохода 50 саж., т. е. $1\frac{1}{4}$ минуты или 800 пуль въ минуту. Такъ какъ выстрѣлъ шрапнелью въ среднемъ несетъ около 400 пуль, (падающихъ на указанномъ размѣрѣ) то, для приданія непроходимости намѣченной полосѣ въ теченіе одной минуты, необходимо дѣлать на каждый участокъ въ 10 саж. по фронту 2 выстрѣла. Если примемъ, что орудіе будетъ скорострѣльное, дѣлающее до 6 выстрѣловъ въ минуту, то одно орудіе надо будетъ назначать на каждые 30 саж. защищаемого фронта и 6 снарядовъ на каждое для стрѣльбы въ теченіе одной минуты.

Каждая въ отдѣльности попытка прорвать дѣлаемую непроходимую полосу можетъ тянуться минимумъ 10 минутъ, а въ теченіе осады такихъ попытокъ можетъ быть произведено не

менѣ 10, поэтому на каждые 30 саж. защищаемаго фронта нужно назначать одно скорострѣльное орудіе и 600 снарядовъ шрапнельнаго дѣйствія или на версту защищаемаго фронта 16 орудій и 600 шрапнелей на каждое или 9.600 шрапнелей на версту. Такъ какъ при подсчетѣ этомъ предполагалось пораженіе каждого человѣка, вошедшаго въ защищаемую полосу, и такъ какъ лучшія войска не переносятъ потерь, превышающихъ 50 процентовъ, то можно ограничиться принятіемъ 8 орудій на версту и 600 шрапнелей на орудіе или 4.800 шрапнелей на версту защищаемаго фронта.

Однако, очевидно, что хотя съ исчисленными средствами и можетъ быть образована полоса дѣйствительно непроходимая, но ширина этой полосы, какъ достигающая всего 50 саж., должна почитаться незначительной и потому легко прорываемою незамѣтно для обороны. Вслѣдствіе этого такой способъ понужденія противника къ пользованію закрытымъ способомъ передвиженія къ штурмовому району нельзя признать надежнымъ.

Чтобы воспрепятствовать производству такого перехода стрѣльбою по всей могущей служить для сего площади, необходимо имѣть средства производить сплошное покрытіе всей площади требуемое число разъ. Принимая размѣръ площади, обстрѣиваемой пулями при одномъ выстрѣлѣ, какъ и ранѣе, въ 500 кв. саж., для выполненія сплошнаго покрытія одной квадр. версты требуется 500 шрапнелей на одинъ разъ или 25.000 шрапнелей для 50 разъ на протяженіи всей осады. Такъ какъ глубина передвиженія можетъ достигать нѣсколькихъ (около 3-хъ) верстъ, то и окончательная потребность на версту фронта обстрѣливаемаго пространства достигаетъ 75.000 снарядовъ, т. е. количества почти въ 15 разъ большаго, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Отсюда видно, какимъ увеличеніемъ снарядовъ покупается надежность дѣйствія, а также и то, что на исчислимую въ началѣ норму надо смотрѣть какъ на минимальную и требующую отъ обороны чрезвычайнаго напряженія вниманія къ тому, что происходитъ на сторонѣ осады. Здѣсь окончательною потребностью для принужденія осады къ пользованію закрытыми пунктами приближенія на штурмовыя позиціи принимается исчисленная въ первомъ случаѣ, т. е. 8 скорострѣльныхъ орудій на версту защищаемаго фронта и 600 шрапнелей на каждое орудіе.

Чтобы сдѣлать невыполнимымъ переходъ разсматриваемыхъ пространствъ въ закрытую, т. е. при помощи ходовъ сообщенія, надо соотвѣтствующіе участки такихъ путей подвергать непрерывному обстрѣливанію въ теченіе необходимаго времени. Непрерывность пораженія путей сообщенія можетъ характеризоваться полученіемъ пораженій по крайней мѣрѣ черезъ четверть часа или четырьмя пораженіями избраннаго участка въ часъ и 480 выстрѣлами въ сутки. Если продолжительность такой стрѣльбы на протяженіи всей осады принять въ 20 дней, то на каждый участокъ для всего періода надо имѣть 9.600 снарядовъ.

Подъ участкомъ въ данномъ случаѣ, надо разумѣть протяженіе ходовъ сообщенія не превосходящее 5 верстъ, и потому для достиженія приведенной задачи надо снабжать крѣпости примѣрно 1.500 снарядовъ на каждую версту могущихъ быть возведенными осадю ходовъ сообщенія. Но такое снабженіе крѣпостей, какъ понятно, не выполнимо, и потому, говоря вообще, и задача о воспрепятствованіи осадѣ пользоваться ходами сообщенія при движеніи на штурмовыя позиціи также не выполнима, а такъ какъ при этомъ она имѣетъ второстепенное значеніе, какъ не вліяющая отрицательно на противостурмовое состояніе крѣпости, то на удовлетвореніе ея не слѣдуетъ назначать никакихъ средствъ.

Штурмовыя позиціями, какъ сказано въ п. 51, называются такія позиціи, съ которыхъ атака можетъ придавать своимъ штурмамъ неожиданность, не смотря ни на какія мѣры обороны. Главнѣйшимъ качествомъ такихъ позицій при этихъ условіяхъ является близость ихъ къ расположенію обороны; чѣмъ ближе осада подойдетъ къ оборонѣ, тѣмъ удовлетвореніе условіямъ неожиданности производства штурмовъ будетъ полнѣе. Если же это такъ, то оборона должна имѣть средства воспрепятствовать такому приближенію и расположенію.

Первымъ вопросомъ при рѣшеніи задачи о средствахъ необходимыхъ для удовлетворенія этому требованію является вопросъ о томъ, какой глубины (по направленію перпендикулярному къ фронту расположенія обороны) должна быть та полоса, на которой должно быть воспрещено осадѣ пребываніе и расположеніе. Если глубина полосы, на которой будетъ удовлетворяться это требованіе, будетъ болѣе глубины той полосы, которой придано наименованіе отпорной (п.п. 14 и 15), то возможны будутъ случаи, когда нельзя будетъ приступить на избыткѣ глубины первой полосы

надъ второй, къ дѣйствию, вызываемому нахожденіемъ и расположеніемъ здѣсь осады. Это будетъ имѣть мѣсто тогда, когда артилерія осады не позволитъ защитникамъ крѣпостныхъ сооруженій приступить къ использованію своихъ артиллерійскихъ средствъ. Это можетъ имѣть мѣсто послѣ истощенія или при отсутствіи вообще средствъ борьбы съ артилеріей осады. Поэтому надо признать, что если пребываніе осады на отпорной полосѣ не будетъ допускаемо обороною, то тѣмъ самымъ получить рѣшеніе и рассматриваемая задача.

Ширина отпорной полосы опредѣлена въ п. 15 для различныхъ случаевъ. При дальнѣйшихъ разсужденіяхъ она будетъ принимается глубиною въ среднемъ въ 75 саж. Глубина эта къ тому же вполне достаточна, чтобы лишить штурмы, производимые съ такого разстоянія, характера внезапности во всѣхъ случаяхъ безъ особаго затрудненія.

Приобрѣтеніе осадю штурмовой позиціи будетъ вѣнчать собою дѣйствія ея по достиженію положенія необходимаго для производства штурмовъ, т. е. будетъ оканчивать собою всѣ предпріятія по выполненію постепенной осады, и по сему при такомъ ходѣ осады приобретеніе этихъ пространствъ или позицій представляется необходимымъ. При всякомъ другомъ характерѣ дѣйствій осады, т. е. при всѣхъ ускоренныхъ дѣйствіяхъ, приобретеніе такого положенія не обязательно, такъ какъ дѣйствія таковыхъ базируются на производствѣ штурмовъ со значительныхъ разстояній. Однако обладаніе обороною и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ средствами, необходимыми для сметанія осады со всего штурмоваго района, представляется чрезвычайно важнымъ и облегчающимъ задачу непосредственнаго отбитія штурмовъ дѣйствіями по болѣе удаленнымъ штурмующимъ частямъ. Поэтому необходимость сметанія осады его штурмовой позиціи должна быть признана составною частью задачи противощтурмоваго сопротивленія крѣпости вообще, и значить средства, необходимыя для осуществленія такого сопротивленія и подсчитанныя выше, должны быть еще увеличены на средства, необходимыя для лишенія осады возможности находиться въ штурмовомъ районѣ вообще.

Для облегченія себѣ выносить рассматриваемое дѣйствіе обороны, осада, какъ понятно, не преминетъ прибѣгнуть къ соотвѣствующимъ средствамъ. Къ такого рода средствамъ прежде всего надо отнести закрытія какъ передвижныя, такъ и мѣстныя. Закрытіямъ этимъ будетъ придаваться значительная сопротивляемость.

Поэтому средства, которыя должны быть употребляемыми обороною съ разсматриваемыми цѣлями, должны быть сильнодѣйствующими, т. е. по преимуществу ударными съ сильными разрывными качествами. Однако, такъ какъ все-таки главнѣйшимъ объектомъ такихъ дѣйствій будутъ люди, то часть разсматриваемыхъ средствъ должна быть и хорошаго картечнаго дѣйствія.

Сдѣлать, при разсматриваемыхъ условіяхъ, невозможнымъ пребываніе на нѣкоторомъ участкѣ, возможно тогда, если участокъ этотъ будетъ покрываться бомбовымъ огнемъ съ плотностью по крайней мѣрѣ одной бомбы на 50 кв. саж. и сверхъ того шрапнельнымъ огнемъ съ плотностью одной шрапнели на 250 кв. саж. въ теченіе всего времени, когда это будетъ требоваться. Для полученія такой плотности пораженія на глубинѣ 75 саж. и на протяженіи въ одну версту по фронту потребуется 750 бомбъ и 150 шрапнелей для однократнаго покрытія. Но для того, чтобы воспрепятствовать осадѣ пребываніе здѣсь при всѣхъ попыткахъ на протяженіи всей осады, необходимо имѣть возможность произвести это покрытіе по крайней мѣрѣ 20 разъ. Поэтому для того, чтобы воспрепятствовать осадѣ пребываніе на штурмовыхъ позиціяхъ оборона должна имѣть 15,000 бомбъ и 3,000 шрапнелей на каждую версту протяженія штурмовыхъ позицій.

Стрѣльба при рѣшеніи разсматриваемыхъ задачъ должна быть возможно интенсивною какъ для того, чтобы не позволить осадѣ развить употребленіе предохранительныхъ средствъ, такъ и для того, чтобы произвести надлежащее нравственное впечатлѣніе и тѣмъ способствовать матеріальному успѣху. Въ этихъ цѣляхъ желательно имѣть возможность покрывать версту фронта штурмовыхъ позицій не болѣе какъ въ 3 часа или выпускать не менѣе какъ 5,000 снарядовъ въ часъ. Принимая орудія могущими дѣлать 6 выстрѣловъ въ минуту или 3,600 выстрѣловъ въ часъ, надо 4 орудія на версту фронта штурмовыхъ позицій.

Такимъ образомъ, окончательно принимается, что для воспрепятствованія осадѣ пребыванія на штурмовыхъ позиціяхъ необходимо на каждую версту фронта этого раіона назначать 4 скорострѣльныхъ орудія, 15,000 ударныхъ и 3,000 шрапнельныхъ снарядовъ или 4 орудія и 3,750 ударныхъ и 750 шрапнельныхъ снарядовъ на одно орудіе. Ударные снаряды желательно имѣть возможно большаго фугаснаго (ударнаго) дѣйствія.

Вслѣдъ за занятіемъ положенія на штурмовыхъ позиціяхъ, если это удастся осадѣ, она приступитъ къ производству штурмовъ. Для противодѣйствія этому средства уже подсчитаны въ началѣ, и такимъ образомъ можно считать, что всѣ главнѣйшія потребности крѣпостной артилеріи перечислены. Конечно, въ дѣйствительности во время всякой осады возникнутъ потребности, не внесенныя въ перечисленныя, и на такія потребности надо внести нѣкоторое количество средствъ, сверхъ исчисленныхъ.

Такъ кажется, для этой цѣли можно положить на каждую версту обвода крѣпости одно орудіе и по 250 снарядовъ cadaго рода.

Въ п. 24 было указано, что крѣпость наиболѣе выгоднаго состава должна имѣть двѣ активныхъ линіи, двѣ запасныхъ и редутъ. Произведенныя до сихъ поръ исчисленія, какъ понятно, касаются главнымъ образомъ активныхъ линій, а изъ нихъ—передовой. Внутренняя активная линія, по существу своего назначенія, не отдѣлима отъ первой. Она предназначается для принятія на себя борьбы или подъ давленіемъ обстоятельствъ, понуждающихъ сократить расположеніе обороны или въ томъ случаѣ, когда оборона, далекая еще отъ необходимости переносить дѣйствія на внутреннюю линію, пожелаетъ такимъ переходомъ лишить осаду удобствъ занятаго ею положенія для развитія рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій (п. 2). Второй случай, т. е. случай уклоненія отъ состязанія будетъ особенно полезенъ тогда, когда оборонѣ не удастся погасить дѣйствія средствъ, опасныхъ для фортификаціонной прочности крѣпости. Въ этихъ случаяхъ внѣшняя линія и главнѣйшимъ образомъ ея сооруженія должны быть использованы главнымъ образомъ въ цѣляхъ поглощенія энергіи огня этого рода орудій осадной артилеріи, причемъ оборона, конечно, должна принять всѣ средства къ скрытію отъ осады своего дѣйствительнаго положенія и своихъ дѣйствительныхъ намѣреній.

Если крѣпость получить средства, которыя ей могутъ быть даны, то использованіе этихъ средствъ должно быть въ согласіи съ цѣлями, которыя будутъ преслѣдоваться обороною въ дѣйствительности. Поэтому согласно плана использованія этихъ средствъ они могутъ быть выдвинутыми или на первую линію всѣ, или подраздѣлены между передовою и внутреннею линіею. Во всякомъ случаѣ вторая активная линія особаго вооруженія въ помощь вооруженію передовой линіи не потребуеть.

Но чтобы отвѣтить на вопросъ, не потребуетъ ли эта линія вооруженія для рѣшенія самостоятельныхъ задачъ, надо принять въ расчетъ, что при достаточности вооруженія передовой линіи всѣ задачи, рѣшаемыя съ разстоянія, будутъ съ большимъ удобствами разрѣшаемы съ передовой линіи, чѣмъ со внутренней, и потому, говоря вообще, назначать вооруженіе на внутреннюю линію въ добавокъ къ вооруженію внѣшней основаній не имѣется. Но кромѣ задачъ, рѣшаемыхъ съ разстоянія, есть еще задачи, рѣшаемыя съ близкихъ разстояній. Это задачи о противоштурмовомъ сопротивленіи. Выше было показано, что обнаруженіе такого сопротивленія распадается на двѣ части: на стрѣльбу по штурмовому району и на стрѣльбу собственно противоштурмовую. Вторая линія будетъ призываться къ дѣйствию или тогда, когда дѣйствія на нее будутъ перенесены предварительно и значить тогда, когда на нее будутъ перенесены предварительно и соотвѣтствующія средства, или неожиданно вслѣдствіе случайностей, выразившихся прорывомъ передовой линіи. Для перваго случая внутренняя линія никакого отдѣльнаго вооруженія не требуетъ; что же касается второго, то по малой вѣроятности этого нельзя найти оправданія требованію, чтобы вторая линія была въ состояніи сметать штурмующихъ со штурмовыхъ относительно ея позицій, ибо такое положеніе осады въ большомъ масштабѣ невозможно. На всякій случай она должна имѣть лишь средства для проявленія нѣкотораго сопротивленія непосредственному переходу въ руки противника. Для этого однако средства могутъ быть даны ей въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ для первой линіи.

Необходимость приданія внутренней активной линіи нѣкотораго самостоятельнаго противоштурмоваго сопротивленія вытекаетъ еще и изъ того, что крѣпости при возведеніи своемъ не могутъ принимать въ расчетъ возможныхъ, въ особенности въ значительномъ будущемъ, измѣненій въ состояніи средствъ борьбы и ихъ развитія, и потому могутъ быть случаи, когда средства вполне достаточныя для нѣкотораго періода времени, могутъ оказаться недостаточными для другого. Поэтому приданіе нѣкотораго сопротивленія внутренней линіи имѣетъ характеръ приданія большей устойчивости значенію крѣпости.

Уменьшеніе степени штурмовой сопротивляемости внутренней линіи, по отношенію къ степени такой же сопротивляемости передовой линіи, можетъ быть сдѣлано или путемъ увеличенія разстоянія между пунктами сосредоточенія противоштурмовыхъ средствъ,

или путемъ уменьшенія вооруженія каждаго пункта при такомъ же взаимномъ удаленіи ихъ какъ и на первой линіи.

Если остановиться на первомъ способѣ уменьшенія, т. е. если расположить пункты сосредоточенія противощтурмовыхъ средствъ рѣже, чѣмъ это сдѣлано на передовой линіи, то съ переносомъ борьбы на внутреннюю линію и слѣдовательно съ появленіемъ необходимости придать этой линіи такую же сопротивляемость, какъ и передовой, это потребуетъ значительной передѣлки всего состоянія линіи, а это, какъ понятно, допущено быть не можетъ, по соображеніямъ практическаго значенія. Поэтому то ослабленіе противощтурмоваго вооруженія второй линіи должно быть произведено за счетъ количества таковыхъ на каждомъ отдѣльномъ пунктѣ или на каждомъ направленіи стрѣльбы. Пополненіе недостатковъ этого вооруженія при такомъ способѣ сокращенія вооруженія можетъ быть произведено безъ всякаго затрудненія, если, конечно, будутъ оставлены мѣста для вооруженія, могущаго явиться на пополненіе.

Такъ какъ даже на второй линіи нельзя назначить на каждое направленіе стрѣльбы менѣе одного орудія и такъ какъ въ первой линіи для этого же назначено 2 орудія, то, значить, число орудій на единицу протяженія второй линіи можетъ быть взято вдвое меньшимъ, чѣмъ таковое для первой линіи. Въ такомъ же отношеніи можетъ быть уменьшено и количество боевыхъ припасовъ для второй линіи.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда часть задачъ, лежащихъ на крѣпостяхъ вообще, будетъ возлагаема на внутреннюю линію, на нее же будетъ переводимо и соотвѣтствующее вооруженіе, а потому въ особыхъ средствахъ для рѣшенія задачъ въ помощь передовой линіи надобности не усматривается. Самостоятельныя задачи, могущія быть возложенными на вторую линію сверхъ уже перечисленныхъ и лежащихъ главнымъ образомъ на передовой линіи, предусмотрѣть также трудно, и потому надо признать, что внутренняя линіи ни въ какомъ вооруженіи кромѣ сокращеннаго противощтурмоваго не нуждается.

Остальныя линіи и рavelинъ ни въ какомъ заблаговременномъ вооруженіи также не нуждаются. На нихъ будетъ переноситься вооруженіе изъ покидаемыхъ линій, если придется это дѣлать.

Такимъ образомъ, можно считать, что приведеннымъ исчерпываются всѣ задачи, лежащія на крѣпостяхъ, и что приведенными нормами расчетовъ можно руководиться въ каждомъ частномъ случаѣ.

Подсчетъ средствъ для какого нибудь частнаго случая надо производить такъ: сначала по приведеннымъ нормамъ установить количество средствъ, необходимыхъ для каждой частной задачи, а потомъ взять сумму всѣхъ боевыхъ припасовъ простымъ сложениемъ, а, суммируя орудія, надо не упускать изъ виду возможность пользованія одними и тѣми же орудіями въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и потому надо взять сумму орудій лишь для такихъ задачъ, которыя могутъ потребовать одновременнаго удовлетворенія. Все это со стороны осуществленія представить затрудненій не можетъ. Для облегченія такой работы можетъ служить такая таблица.

ТАБЛИЦА НОРМЪ

для подсчета средствъ, необходимыхъ для выполненія разнаго рода задачъ, лежащихъ на крѣпостяхъ.

Наименованіе потребностей.	Для удовлетворенія потребностей должно быть назначено.			
	Орудій.	На каждое орудіе снарядовъ.		
		Ударныхъ.	Шрапнелныхъ.	ВСЕГО.
I. Для придаванія противоштурмовой стойкости передовой активной линіи, на 1 версту протяженія этой линіи:				
полевыхъ	8	250	1,250	1,500
мортиръ	4	500	250	750
пулеметовъ	8	7,500	—	7,400
II. Для воспрепятствованія осадѣ пользоваться разгрузочными пунктами, на каждый такой пунктъ	2	1,500	1,000	2,500
III. Для воспрепятствованія осадѣ пользоваться дорогами, при производствѣ широкаго обложенія на каждую версту такихъ дорогъ .	1/4	1,500	1,500	3,000
IV. Для помѣхи производству тѣснаго обложенія на 1 версту фронта, могущаго служить для производства тѣснаго обложенія	1/4	900	900	1,800
V. Для воспрепятствованія производству бомбардированія съ района тѣснаго обложенія на 1 орудіе осады, могущее вести бомбардировку:				
а) при отсутствіи планировки мѣстности	2	2,000	—	2,000
б) при спланированной и открытой мѣстности, могущей служить для цѣлей тѣснаго обложенія	1/2	200	—	200
VI. Для помѣхи переходу осады изъ района тѣснаго обложенія на рѣшительныя артиллерійскія позиціи на каждую квадратную версту площади, могущей служить для этого.	—	180	180	360

Наименованіе потребностей.

Для удовлетворенія потребностей должно быть назначено.

Наименованіе потребностей.	Орудій.	На каждое орудіе снарядовъ.		
		Удар- ныхъ.	Шрап- нелъ- ныхъ.	ВСЕГО.
VII. Для погашенія огня орудій, обладающихъ мощностью опасною для прочности фортификаціонныхъ сооружений крѣпости вмѣстѣ съ дѣйствіемъ по прислугѣ такихъ орудій на каждое такое орудіе	2	500	250	750
VIII. Для дѣйствія по остальнымъ орудіямъ осады и ихъ прислугѣ, на каждое орудіе . . .	0,2	1,000	1,250	2,250
IX. Для рѣшенія вспомогательныхъ задачъ при дѣйствіи по осадной артилеріи, на каждую версту фронта расположенія этой артилеріи на рѣшительныхъ артилерійскихъ позиціяхъ	2	750	250	1,000
X. Для воспрепятствованія осадѣ открытаго перехода съ артилерійскихъ позицій на штурмовыя, на каждую квадратную версту, могущую служить для такого перехода	8	—	600	600
XI. Для воспрепятствованія осадѣ пребыванія на штурмовыхъ позиціяхъ, на каждую версту фронта этихъ позицій	4	3,750	750	4,500
XII. На непредвидѣнныя надобности, на каждую версту обвода крѣпости	1	250	250	500
XIII. Для образованія противоштурмоваго сопротивленія на внутренней активной линіи, на каждую версту этой линіи:				
полевыхъ	4	125	625	750
мортирь	2	250	125	375
пулеметовъ	4	3,750	—	3,750

При примѣненіи настоящихъ нормъ къ какому нибудь частному случаю придется имѣть дѣло съ количествомъ артилерійскихъ средствъ осады. Поэтому прежде чѣмъ приступать къ примѣненію приведенныхъ нормъ къ какой нибудь крѣпости, надо уяснить наиболѣе вѣроятныя средства, съ которыми противникъ можетъ явиться подъ эту крѣпость и установить наиболѣе вѣроятныя, хотя бы лишь только въ общемъ видѣ, приемы пользованія осадною этими средствами.

Поэтому прежде чѣмъ приступить для примѣра къ примѣненію изложеннаго къ крѣпости, того состава, который указанъ, въ п. 24, надо условиться относительно тѣхъ средствъ, съ которыми противникъ явится подъ крѣпость и способа ихъ употребленія. Допускается, что противникъ явится съ 6 полками первой очереди,

т. е., что при осадной арміи будетъ: 10 гаубичныхъ (15-см.) батарей или 60 орудій, 10 мортирныхъ (21-см.) батарей или 40 орудій и 12 пушечныхъ (15-см.) батарей или 72 орудія, а въ осадной артилеріи—108 батарей или 15-см. пушекъ—72, 12-см. пушекъ—144, 15-см. гаубицъ—360 и 21-см. мортиръ—72. Способы же употребленія, въ виду отсутствія опредѣленнаго объекта для этого, будутъ указываемы при самыхъ подсчетахъ, а самыя исчисленія будутъ вестись въ той послѣдовательности, какая приведена въ таблицѣ нормъ.

I. Такъ какъ крѣпость принимается того состава, который показанъ въ п. 24, то обводъ передней активной линіи ея, какъ отстоящій на 9 верстъ отъ центра, будетъ достигать около 54 верстъ, а съ отбрасываніемъ на участки, не подверженные штурму, 4 верстъ, можно принять весь обводъ въ 50 верстъ. Для приданія надлежащей противештурмовой стойкости этимъ 50 вер. потребуется всего:

	ч	и	с	л	о:
	Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.		
Полевыхъ	400	100,000	500,000		
Мортиръ	200	100,000	50,000		
Пулеметовъ	300	3,000,000	—		

II. Допускается, что черезъ крѣпость проходитъ рѣка и 2 железнодорожныхъ пути отъ противника. Это дастъ три пункта разгрузочнаго назначенія, которые нужно держать на возможномъ удаленіи отъ крѣпости. Поэтому для осуществленія этого надо:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
6	9,000	6,000

III. Случаи появленія осадныхъ средствъ при производствѣ широкаго обложенія на дорогахъ, обстрѣливаемыхъ крѣпостною артилеріею, будутъ очень рѣдки, и потому, считая на крѣпость всего 20 вер. такихъ дорогъ, для оказанія на нихъ вліянія потребуется:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
5	7,500	7,500

IV. Принимая, что тѣсное обложеніе будетъ выполнено всего лишь на разстояніи 4 верстъ отъ крѣпости, т. е. въ 13 верстахъ отъ центра, оно займетъ всего 82 версты. Отбрасывая 12 верстъ на участки неудобные для такого расположенія, общая длина расположенія, требующая вліянія крѣпостной артилеріи, достигнетъ 70 верстъ, для обстрѣливанія которыхъ необходимо:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
18	16,200	16,500

V. Въ бомбардированіи изъ района тѣснаго обложенія, расположеннаго на только что указанномъ разстояніи, могутъ принять участіе не только пушки и гаубицы, но и мортиры, однако такое предположеніе относительно разстоянія тѣснаго обложенія отъ передовой линіи не всегда выполнимо, и потому можно принять, что въ бомбардированіи съ этого района могутъ принять участіе только пушки и гаубицы армейской артилеріи, т. е. 60 гаубицъ и 72 пушки или всего 132 орудій. Для погашенія огня этихъ орудій потре-

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
264	528,000	—

Если же мѣстность будетъ спланирована и въ болѣе или менѣе точное опредѣленіе положенія осадныхъ орудій затрудненій не представится, то для этой же цѣли потребуется:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
66	13,200	—

VI. Переходъ осады изъ района тѣснаго обложенія въ районъ рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій будетъ производиться осадю не по всему фронту обложенія, а лишь на такомъ протяженіи фронта, которое можетъ считаться достаточнымъ для расположенія осадной артилеріи, т. е. на протяженіи атакованнаго фронта. Хотя осада для маскировки своихъ намѣреній и можетъ производить такое передвиженіе на нѣсколькихъ участкахъ, но здѣсь это не будетъ принимаемо въ расчетъ.

Въ составѣ осадной артилеріи предположено 648 орудій. Допускаемая нѣкоторое вздваиваніе батарей при расположеніи на боевыхъ позиціяхъ, можно принять, что фронтъ долженъ быть рассчитанъ на постановку 500 орудій въ линію, т. е. достигать не менѣе 10 верстъ. Глубина передвиженія осады будетъ достигать въ среднемъ двухъ верстъ. Поэтому для помѣхи переходу на пространствѣ 20 кв. верстъ потребуется:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
—	3,600	3,600

VII. Орудіями, представляющими опасность для фортификаціоннаго положенія современныхъ крѣпостей, могутъ почитаться орудія только 21-см. калибра. Такихъ орудій на сторонѣ осады будетъ 112. Для погашенія огня этихъ орудій и для дѣйствія по прислугѣ ихъ необходимо:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
224	112,000	56,000

VIII. Кромѣ только что указанныхъ орудій опасной мощности въ осадной артилеріи будетъ 576 орудій. Кромѣ этого при осадной

арміи будетъ и полевая артилерія, количество которой въ среднемъ будетъ достигать 200 орудій. Такимъ образомъ, всѣхъ орудій, на которыя крѣпость должна оказать влияніе будетъ 776. Для выполнения влиянія на нихъ необходимо:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
155	155,000	193,750

IX. Для рѣшенія задачъ вспомогательнаго характера при дѣйствіи осадной артилеріи съ рѣшительныхъ артилерійскихъ позицій, считая протяженіе фронта таковыхъ въ 10 верстъ, потребуется:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
20	15,000	5,000

X. При переходѣ осады изъ района рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій на штурмовыя позиціи ей придется пройти около 3 верстъ въ глубину и занять на штурмовыхъ позиціяхъ около 5 верстъ. Поэтому площадь, на которой можетъ быть производимо такое движеніе будетъ достигать не менѣе 15 кв. верстъ. Чтобы воспрепятствовать осадѣ производить передвиженіе въ открытую по такой площади, необходимо:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
120	—	72,000

XI. Если штурмовыя дѣйствія будутъ достигать 5 верстъ по фронту, то для воспрепятствованія осадѣ пребыванія на штурмовыхъ позиціяхъ требуется:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
20	75,000	15,000

XII. Такъ какъ обводъ передовой линіи крѣпости, или обводъ крѣпости, достигаетъ 56 верстъ, то на непредвидѣнныя надобности можно положить:

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
56	14,000	14,000

XIII. Внутренняя активная линія будетъ расположена отъ центра крѣпости въ разстояніи 6 верстъ и полное протяженіе ея будетъ достигать 37 верстъ или за вычетомъ недоступныхъ для штурма пространствъ 30 верстъ. Для приданія противштурмоваго сопротивленія такой линіи требуется:

	Орудій.	Бомбъ.	Шрапнел.
Полевыхъ	120	15,000	75,000
Мортиръ	60	15,000	7,500
Пулеметовъ	120	450,000	—

Въ окончательномъ видѣ потребность въ снарядахъ выразится простой суммою изложенныхъ потребностей и будетъ равна, не считая патроновъ для пулеметовъ:

	Бомбъ.	Шрапнелей.
I.	100,000	500,000
II.	100,000	50,000
III.	9,000	6,000
IV.	7,500	7,500
V.	16,200	16,200
VI.	528,000	—
VII.	13,200	—
VIII.	3,600	3,600
IX.	112,000	56,000
X.	155,000	193,750
XI.	15,000	5,000
XII.	—	72,000
XIII.	75,000	15,000
	14,000	14,000
	15,000	75,000
	15,000	7,500
Итого . . .	1.165,300	1.021,550
	650,500	—
		2.186,850
		1.672,050

Первыя числа относятся къ неподготовленной впереди лежащей мѣстности, а вторыя къ подготовленной. Такимъ образомъ, видно, что неготовность мѣстности обходится въ стоимость примѣрно 500,000 снарядовъ и, что будетъ видно нѣсколько ниже, — 40 орудій. Такъ какъ спланировка мѣстности съ ненарушеніемъ при этомъ правъ собственности стоитъ будетъ значительно дешевле и при этомъ дастъ огромныя выгоды и во многихъ другихъ отношеніяхъ, то восполнять необозрѣваемость мѣстности снарядами невыгодно.

Такимъ образомъ, при надлежащей подготовкѣ мѣстности крѣпость указаннаго въ п. 24 состава должна имѣть 1¹/₂ миліона снарядовъ или около 27,000 снарядовъ на версту протяженія передовой своей линіи. Число это никакъ не можетъ быть почитаемо преувеличеннымъ. Впрочемъ, объ уменьшеніи вооруженія будутъ еще приведены соображенія ниже.

Подсчетъ орудій надо вести на слѣдующихъ соображеніяхъ. Для приданія надлежащаго противощтурмоваго сопротивленія передовой линіи надо 400 орудій полевого характера и 200 мортиръ. Орудіямъ этимъ даются совершенно опредѣленные задачи и положенія. Для удаленія разгрузочныхъ пунктовъ должно быть 6 орудій. Орудія эти нельзя взять изъ приведенныхъ выше потому,

что первыя имѣють выполнѣ опредѣленные задачи и положенія, которыя могутъ не совпадать съ лежащими на этихъ орудіяхъ.

Кромѣ того, орудія эти нельзя смѣшивать съ орудіями первой категоріи еще и потому, что если они будутъ даны оборонѣ для своихъ спеціальныхъ задачъ, то они могутъ быть располагаемы для стрѣльбы впереди передовой линіи и этимъ подвергаться риску быть отрѣзанными. Для обстрѣливанія дорогъ при производствѣ осадою широкаго обложенія нужно 5 орудій. Задача эта можетъ быть выполнена только что показанными орудіями, и потому дѣйствительнаго назначенія ихъ не требуется. Для помѣхи производству тѣснаго обложенія нужно 18 орудій. Для такихъ цѣлей, какъ понятно, выполнѣ могутъ служить тѣ 6 орудій, которыя только что указаны. Поэтому для удовлетворенія этой потребности придется добавить всего 12 орудій. Для противодѣйствія бомбардированію, производимому съ раіона тѣснаго обложенія, нужно 264 орудія. Орудія эти должны быть съ достаточною дальностію. Поэтому орудія полевого характера, указанные въ самомъ началѣ этого подсчета ни по дальности стрѣльбы, ни по положенію своему не подходятъ для рѣшенія этой задачи. Мортиры, указанные тамъ же, также не могутъ считаться пригодными для рѣшенія разсматриваемой задачи, ибо предположено, что мортирь не будетъ употребляемо и на сторонѣ осады. Такимъ образомъ, эти 264 орудія должны быть введенными въ счетъ полностью. Если же мѣстность будетъ спланирована, то понадобится только 66 орудій, т. е. за счетъ неготовности мѣстности добавляется 198 орудій. Для борьбы съ орудіями, представляющимися опасными для фортификаціонной прочности сооруженій, нужно 224 орудія. Такъ какъ задача, лежащая на этихъ орудіяхъ будетъ представляться, говоря вообще, не одновременно съ предыдущей, то ранѣе указанные 66 орудій могутъ служить также для рѣшенія и разсматриваемой задачи. Поэтому для рѣшенія разсматриваемой задачи достаточно прибавить всего 158 орудій. Затѣмъ крѣпость должна быть въ состояніи дѣйствовать по остальнымъ орудіямъ осады. Для этого ей надо 155 орудій. Такъ какъ дѣйствіе это должно будетъ быть проявляемымъ одновременно съ предыдущимъ, то орудія эти должны быть назначены сверхъ приведенныхъ. Для рѣшенія задачъ вспомогательнаго значенія потребуется всего 20 орудій. Орудія для этого, какъ очевидно, могутъ быть взяты изъ назначенныхъ для предыдущихъ потребностей. Препятствованіе переходу осады съ рѣшительныхъ артилерійскихъ позицій на штурмовыя, требующее для своего осу-

ществленія 130 орудій, можетъ быть [возложеннымъ на засчитанныя уже орудія, и потому вводитъ въ счетъ этихъ орудій не слѣдуетъ. Навоспрепятствованіе осадѣ пребыванія на штурмовыхъ позиціяхъ и на непредвидѣнныя надобности потребуется всего 76 орудій. Орудія эти могутъ быть также не вводимы въ счетъ. Такимъ образомъ, общее число орудій для вооруженія передовой линіи достигаетъ 997 или 1,000 орудій. Кромѣ сего для противоштурмоваго вооруженія внутренней линіи потребно 180 орудій, т. е. 1,200 на всю крѣпость или 20 орудій на версту протяженія передовой линіи. Эти числа, какъ понятно, отнюдь не могутъ почитаться преувеличенными.

Выше было показано, что на версту протяженія передовой линіи крѣпости приходится 27,000 снарядовъ, а значить на каждое орудіе въ среднемъ приходится 1,350 снарядовъ, что также отнюдь не можетъ быть почитаемо преувеличеннымъ.

Но какъ ни не преувеличенъ этотъ подсчетъ, однако въ него вошло и выполненіе такихъ задачъ, безъ удовлетворенія которымъ крѣпость потерять своего значенія не можетъ.

Къ числу такихъ задачъ могутъ быть отнесены задачи: а) о вліяніи на пути передвиженій при производствѣ широкаго обложенія (показаннаго подъ III), т. е.

Орудій	Бомбъ.	Шрапнелей.
5	7.500	7.500

б) о вліяніи на производство тѣснаго обложенія въ виду ничтожности самага вліянія и второстепенности самой задачи, для чего исчислено (п. IV):

Орудій.	Бомбъ.	Шрапелей.
18	16.200	16.200

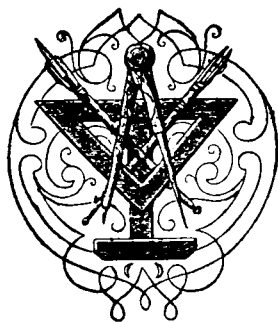
в) о противодѣйствиі переходу изъ района тѣснаго обложенія въ районъ рѣшительныхъ артилерійскихъ дѣйствій въ виду второстепенности самой задачи (VI):

Орудій.	Бомбъ.	Шрапнелей.
—	3.600	3.600

Ни одна изъ остальныхъ задачъ не можетъ быть изъята, и потому сокращеніе можетъ быть сдѣлано только въ числѣ снарядовъ всего въ 54,600 т. е. сравнительно весьма незначительное, а значить и приведенный выше расчетъ никакъ нельзя считать преувеличеннымъ. Да онъ наконецъ и подтверждается указаніями опыта.

Подъ артилерійскимъ вооруженіемъ крѣпости надо разумѣть всѣ тѣ средства, которыя служатъ для использованія артилеріи въ бою, т. е. не только орудія и снаряды, но и всѣ остальные предметы матеріальной части артилеріи, а также и личный составъ. Но снабженіе крѣпостей многими изъ остальныхъ предметовъ матеріальной части артилеріи, а также личнымъ составомъ зависитъ не только отъ количества орудій, но и отъ способовъ ихъ употребленія въ дѣло. Поэтому вопросъ о детальномъ снабженіи крѣпостныхъ артилерій предметами матеріальной части и личнымъ составомъ можетъ быть разработанъ только послѣ установленія и разработки основаній и деталей боевого употребленія крѣпостной артилеріи. Это и будетъ сдѣлано въ своемъ мѣстѣ.

Ан. Карповъ.

Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями.

(Опытъ историческаго изслѣдованія).

(Окончаніе ¹⁾).

Но наиболѣе полную сводку, и по обыкновенію съ собственнымъ сильнымъ сужденіемъ, даютъ «Ежегодники Лебеля» 1906 г. и послѣдующіе. Я передамъ здѣсь вкратцѣ и отзывы этого образцоваго «Ежегодника», — за 1906 г., какъ отражающаго первыя впечатлѣнія о П.-Артурѣ и нашей войнѣ, и за 1909 г., какъ уже дающаго эти впечатлѣнія въ болѣе отстоявшемся и законченномъ видѣ. Предупрежу при этомъ, что «Ежегодникъ» судить не только съ одной германской точки зрѣнія, но и вообще съ точки зрѣнія военнаго искусства, а равно и съ точки зрѣнія различныхъ государствъ и военныхъ мыслителей.

Предупрежу также, что обзоры «Ежегодника» составляютъ всегда въ довольно однообразномъ порядкѣ, и потому за развитіемъ однородныхъ вопросовъ слѣдить довольно легко.

За подробностями отсылаю къ самому «Ежегоднику», гдѣ въ изложеніи даны ссылки на соотвѣтственные сочиненія по перечню ихъ въ концѣ книги.

«Ежегодникъ» 1906 г. говорить:

„Несмотря на предупрежденія „Militär Wochenblatt“ не придавать излишняго значенія вліянію событій на Дальнемъ Востокѣ, на развитіе

¹⁾ См. «Военный Сборн.» № 11.

военнаго дѣла, германскія войска лихорадочно слѣдили за всѣми отбѣнками этой великой борьбы и жадно набрасывались на всѣ извѣстія, стараясь печерпнуть изъ нихъ все поучительное. Правда, по мнѣнію нѣмцевъ, не происходило ничего неслыханнаго, что вносило бы переворотъ въ технику. Нравственный обликъ борцовъ, ихъ бытовой укладъ, и проч. значительно отличались отъ обще-европейскихъ; такого озлобленія, дикости, дерзости и самоотверженія не придется навѣрное увидѣть ни на одномъ изъ европейскихъ полей сраженія ¹⁾; однако, надо признать, что основы стратегіи и тактики, обучение, вооруженіе и снабженіе обѣихъ сторонъ почти не отличались отъ европейскихъ, а потому война представила тѣмъ больше поучительности, что здѣсь воочію и на дѣлѣ примѣнялись тѣ средства, которыя у другихъ находили приложение только на учебныхъ поляхъ и маневрахъ. Особенно поучительна Русско-Японская война въ области крѣпостной, которая, по мнѣнію многихъ нѣмцевъ, въ Германіи на положеніи пасынка и, по отсутствію должныхъ упражненій мирнаго времени, мало усваивается, т. ч. ни войска, ни начальники не знакомы съ предстоящими на войнѣ задачами. Насколько прочно въ извѣстныхъ кругахъ такое безразличіе, доказываетъ замѣтка одной крупной нѣмецкой газеты о намѣченномъ въ 1904 г. маневрѣ подѣ Торномъ. „Безполезность подобныхъ упражненій болѣе, чѣмъ очевидна. Осада Портъ-Артура доказала, что война въ Восточной Азіи не внесла ничего новаго въ ученіе объ осадѣ и оборонѣ крѣпостей, а наши войска въ военномъ дѣлѣ уже давно болѣе высоко развиты, нежели противники въ Манчжуріи“. Къ счастью, подобные взгляды, поразительно напоминающіе бахвальство и самонадѣянность пруссаковъ въ 1806 году, лишь единичны, и богатая письменность отчетнаго года доказала господство сознанія, какъ много еще надо учиться въ этой области, и сколько поучительнаго въ опытѣ восточноазиатской войны“.

„Два труда (Сообщенія инженернаго комитета и Тонореръ. П.-Артуръ) даютъ, по русскимъ источникамъ, оборонительную силу П.-Артура къ завершенію обложенія. Претеръ задается цѣлью дать весь ходъ осадѣ по соответствующимъ источникамъ; *Revue du genie mil.* излагаетъ нѣкоторые поучительные случаи, Джіанатрапани—всю войну до конца 1904 г.

Весьма обширно число сочиненій съ описаніемъ и оцѣнкою П.-Артурскихъ боевъ. Особенно своеобразны выводы неизвѣстнаго подѣ буквою F, „что крѣпости строятся только для истощенія послѣднихъ слабыхъ силъ обороны и лишенія ея почина и свободы дѣйствій“. Доказывается это тѣмъ, что русскій флотъ, безъ укрѣпленной гавани, ставшей его „мышеловкой“, дѣйствовалъ бы иначе. Ему отвѣчаетъ майоръ Лювингъ ссылкой на слова „*Revue de l'armée belge*“, „Пора наконецъ перестать считать крѣпостныя верки козломъ отпущенія за всѣ промахи и погрѣшности. Такъ вѣдь можно обвинить и ружье, которыя ранитъ себя неумѣлый стрѣлокъ“.

„Но особенно поучительны германскія военно-историческія изысканія „*Die Festung*“ и Влащюда „Значенія укрѣпленій въ войнахъ Наполео-

¹⁾ Пронисъ моя. Полезно услышать хоть и это. Большой охоты воевать съ нами, значить, у нѣмцевъ нѣтъ...

она". Въ нихъ взгляды на значеніе крѣпостей и пользованіе ими рѣзко отличны отъ прежнихъ, причемъ Большой Генеральный Штабъ откровенно подчеркиваетъ небреженіе основами борьбы за крѣпости въ 1870—1871 гг. и проистекшія отсюда ошибки. Къ тому же отдѣлу сочиненій относятся и два (Фробеніуса и Пиршера) о Страсбургѣ, 2 (Шварте и Тайльядъ) о Севастополѣ, а также 5 работъ итальянскихъ изслѣдователей, (Феа, Рубіо, Росе, Роки и Ориоли), причемъ *„Ежегодникъ“ сердечно приветствуетъ стремленіе Роки поставить изученіе крѣпостного дѣла на историческую почву*.

„Изъ трудовъ о современныхъ приемахъ обороны государствъ выделяется трудъ Шена о франко-германской границѣ; дополнение къ нему—рядъ работъ о борьбѣ за крѣпости въ цѣломъ (и въ частностяхъ съ научной (Шаръ, Имануэль, Людвигъ, Медикусъ, Роне, Казбекъ) или прикладной (Шварте) точки зрѣнія. Наконецъ, о крѣпостномъ строительствѣ высказались 3 писателя. (Kriegstechn. Zeitschr.,—новѣйш. долгов. укр. Вельки—Врем. укрѣпленія и „„Rev. du gen. mil. —укрѣпленія на болотахъ).

1. Борьба за крѣпости (Der Festungskrieg).

Когда одинъ изъ важнѣйшихъ взглядовъ Наполеона—*„Главнѣйшій предметъ дѣйствій на войнѣ—живая сила врага, т. е. его войска, крѣпости же стоятъ вниманію, лишь поскольку онѣ вліяютъ на общій ходъ дѣла“*—стала достояніемъ стратегіи, мы все болѣе привыкали смотрѣть на борьбу за крѣпости, какъ на нѣчто второстепенное, почти внѣ связи съ общимъ ходомъ войны, и отдѣляли сюда худшія войска, лишь снабженные необходимыми артиллеріей и техническими средствами. 1870—1871 г. не внесъ сюда ничего поучительнаго. При осадѣ большихъ французскихъ крѣпостей, замедлявшихъ на мѣсяцы дѣйствія нѣмцевъ, все вниманіе обращалось на полевые войска, запертыя въ крѣпостяхъ, а не на крѣпостную борьбу, которая считалась чѣмъ то побочнымъ,—и это, конечно, замедляло ходъ дѣйствій. Последнее время пробовали даже создать противорѣчіе между оперативнымъ значеніемъ крѣпости и мѣстнымъ,—и напр., Людвигъ говоритъ: *„Конечно, сражаются за прикрываемую крѣпостью мѣстность, но только потому, что здѣсь стоитъ противникъ; точно такъ же въ полевомъ бою дерутся за обладаніе деревней, занятой врагомъ. Рѣшеніе вопроса о необходимости овладѣть крѣпостью зависитъ отъ стратегическаго положенія, а разъ крѣпость взята, самая точка большею частью теряетъ всякую цѣнность*». Натяжка здѣсь видна легко, ибо если стратегическое положеніе крѣпости вызвало рѣшеніе овладѣть ею, то оно, заключааясь въ стратегическихъ условіяхъ, а не въ войскахъ, ее защищающихъ, не можетъ исчезнуть, когда войска сдались. Такая мысль справедлива для укрѣпленной позиціи, какъ Плевна, съ ея значеніемъ *только изъ за присутствія непріятельской арміи*; но здѣсь ошибочно даже и говорить о стратегическомъ значеніи. Обладаніе мѣстомъ вовсе не противорѣчитъ его оперативному значенію, т. к., обезпеченіе стратегически важной для дѣйствій точки есть *только средство* сохранить ее для войскъ. Наоборотъ, бывають случаи, укрѣпленія мѣсть безъ стратегическаго значенія, но извѣстной цѣнности сами по себѣ, какъ *напр. Бреславль*, на что указывалъ Мольтке еще въ 1861 году ¹⁾.

„Помня исторію и то значеніе, какое придавали Наполеонъ и Мольтке прирѣчнымъ крѣпостямъ, странно слышать отъ другого нѣмецкаго писателя, Вельки, и то, что рѣки нынѣ вообще менѣе сильныя преграды,

¹⁾ Напоминаю настойчивость нѣмцевъ при проведеніи въ жизнь взглядовъ Мольтке.

чѣмъ прежде; Эльба и Одеръ—лишь слабыя препятствія, и даже Рейнъ лишенъ прямого оборонительнаго значенія. *Т. е. время не дало ничего новаго для облегченія переправъ черезъ рѣки, то совершенно непонятно, на чемъ основаны такіе выводы.*

„Тѣмъ не менѣе, не такъ просто и уяснить себѣ значеніе крѣпости при защитѣ даннаго естественнаго препятствія въ связи съ полевыми войсками“.

Историческіе примѣры далеки отъ насъ; многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Поэтому надо привѣтствовать попытку Шварте¹⁾ — выяснить прикладнымъ путемъ ходъ обороны современной крѣпости (Витенбергъ) въ связи съ дѣйствіями въ полѣ, причемъ здѣсь войска, отброшенные превосходными силами врага на р. Эльбу, переправляются черезъ нее, прикрываясь крѣпостью сбоку, а затѣмъ, опираясь на нее же, заходятъ плечомъ. Далѣе, рядъ правдоподобныхъ положеній даетъ крѣпости пользоваться общей поддержкой и артилеріей для содѣйствія полевымъ войскамъ. Странно только, что и Шварте повторяетъ крупную ошибку: для переправы, часть войскъ входитъ въ крѣпость и даже проходитъ городомъ, черезъ нѣсколько его воротъ. Подобный отрицательный примѣръ, напоминающій Мецъ, достаточно уже обсуждался.

А. О б л о ж е н і е.

..Осада крѣпости есть вообще прорывъ главной ея обороны широкимъ фронтомъ п сосредоточенными силами. Обезпеченіе этого прорыва съ боковъ достигается полнымъ или частнымъ обложеніемъ, а при весьма обширныхъ крѣпостяхъ крупными войсковыми частями, на уступахъ. Однако, выгоды полнаго обложенія столь очевидны, что иные способы вызываются лишь исключительными условіями. Полное же обложеніе требуетъ стратегически цѣлесообразнаго выбора направленія удара и одновременнаго, для возможно быстраго обложенія безъ лишннихъ боковыхъ передвиженій, подхода съ разныхъ сторонъ всѣхъ облегающихъ отрядовъ. Но (см. Шварте) послѣднему условію, при наличіи вблизи крѣпости полевыхъ войскъ обороны удовлетворить вполне нельзя, и наступающій не можетъ приближаться къ крѣпости безъ полевыхъ боевъ“.

„Въ это время первая и главнѣйшая задача обороны—возможное отдаленіе полнаго обложенія. Въ ея дѣятельности всѣ писатели единогласно соглашались, что она должна быть живой, наступательной²⁾. по выполнению же—два взгляда: одинъ—г. Казбека и французскихъ наставленій — требуетъ удара вбокъ обходящаго врага; другой — майоръ Шварте — оставлять для обезпеченія фортובה пояса только самыя необходимыя силы, всѣ же остальные войска отдѣловъ выдвигать впередъ до предѣловъ огневой поддержки крѣпостной артилеріи, благодаря чему общій резервъ получаетъ свободу дѣйствій въ любомъ направленіи³⁾. Этимъ во всемъ обводѣ крѣпости устанавливается соприкосновеніе съ противникомъ, и всякая оплошность его можетъ быть немедленно использована“.

„Позиціи, такимъ образомъ занятыя войсками, не подлежатъ однако упорной защитѣ и служатъ лишь какъ бы масками. Главная цѣль здѣсь—затруднить наступающему подходъ и развѣдку“.

¹⁾ Der Festungskrieg.

²⁾ Пропись моя.

³⁾ Кто же лучше учелъ уроки нашей войны?

„Насколько важна послѣдняя—показалъ опытъ японцевъ. Будучи самымъ точнымъ образомъ освѣдомлены о состояніи П.-Артура въ началѣ войны, они при ходѣ осады нерѣдко оказывались передъ укрѣпленіями и препятствіями, о которыхъ не имѣли никакого представленія. Правильное овладѣніе крѣпостью возможно только при точной и подробной развѣдкѣ, а оборона можетъ надолго затруднить ея производство. Даже при далеко видимыхъ обводахъ французскихъ крѣпостей 1870 г. случались ошибки при обстрѣлѣ ихъ артилеріей: насколько же чаще онѣ должны повторяться теперь, при увеличившейся дальности орудій, и какъ важно для обороны затруднить пристѣлку наступающаго“.

Б. Артилерійскій ударъ.

„Развертываніе осадной артилеріи, въ большинствѣ, должно происходить въ полосѣ сильнѣйшаго огня обороны. Едва ли будетъ возможно выполнить его съ должной послѣдовательностью, если только оборона держитъ мѣстность подъ дѣйствительнымъ огнемъ: *„съ одной стороны потому, что, при надеющейся службѣ наблюденія, развертыванія и связи, оборона всегда своевременно узнаетъ объ избранномъ направленіи удара, а съ другой—прежнее требованіе развернуть артилерію въ одну ночь едва ли исполнимо“*.

„Затрудненія при развертываніи въ иныхъ случаяхъ могутъ быть непреодолимыми. Шварте въ своемъ примѣрѣ искусно пользуется внезапностью, но и то его осадныя батареи становятся на такихъ разстояніяхъ, что можно сомнѣваться въ дѣйствительности огня (гаубицы въ 2,000 саж., 21-см. мортиры въ 2,700 и 2,000 с., причемъ мортиры съ 2,000 с. получаютъ трудную задачу—разрушеніе малыхъ, плохо видимыхъ бетонныхъ сооруженій). *А. и. т., какихъ усилій стоитъ наступающему снабдить 68 тяжелыхъ орудій боевыми припасами. Ему приходится лишить запряжки всѣ свои парки и разгрузить ихъ повозки.* Чтобы показать, къ чему это можетъ повести, Шварте предполагаетъ вылазку гарнизона, и только прибытіе подкрѣпленій спасаетъ дивизію осаждающаго отъ крушенія“.

„Вообще, сочиненіе Шварте есть развитіе предостереженій „Die Festung“ отъ излишнихъ надеждъ на тяжелую артилерію полевой арміи: „Весьма сомнительно, чтобы количество тяжелыхъ орудій, состоящихъ при современной полевой арміи, и особенно положенное къ нимъ число снарядовъ были достаточны для борьбы съ вооруженіемъ даже устарѣлой крѣпости. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло при атакѣ отдѣльнаго форта“, но Шварте въ своемъ трудѣ пытается доказать, что и въ этомъ случаѣ орудій и снарядовъ недостаточно“.

„Въ отношеніи распредѣленія артилеріи обороны Шретеръ обращаетъ вниманіе на примѣръ П.-Артура, говоря слѣдующее: *„Крайне важно сосредоточить всю артилерію обороны, чтобы достигнуть перевѣса въ огнѣ и не допустить развертыванія артилеріи атаки, это одинъ изъ главнѣйшихъ залоговъ успѣха; но разъ это случилось, и наступающій получить перевѣсъ, было бы безразсудно держать артилерію обороны сосредоточенно, ее слѣдуетъ сохранить для послѣдующей борьбы“*.

„Артилерійское состязаніе не есть цѣль, а лишь одно изъ средствъ, а потому дѣятельность артилеріи должна подчиняться общей задачѣ

обороны крѣпости, которая — что бы ни говорили — есть борьба за время¹⁾.

„Правильность этихъ воззрѣній подтверждается П.-Артуромъ. Чтобы русская артилерія особенно дѣятельно способствовала сопротивленію, до сихъ поръ не доказано, но зато всѣми признано, что японская артилерія, несмотря на сдержанность противника, не оправдала надеждъ и не оказала существенной поддержки своей пѣхотѣ при ближнемъ ударѣ, а также не могла подготовить верховъ къ приступу. Правда, артиллеристы увѣряли, что японцы были слабы числомъ орудій, особенно навѣснаго дѣйствія, а притянутыя въ послѣдствіи 22-см. гаубицы были снабжены нефугасными, а обыкновенными гранатами; однако, въ числѣ орудій японцы имѣли несомнѣнный перевѣсъ (88 орудій крупнаго калибра противъ 112 разбросанныхъ русскихъ), и ихъ 28-см. гаубицы имѣли бризантныя гранаты, на что указываетъ необычайно разрушительное дѣйствіе снарядовъ. Еще примѣры 1870—1871 гг. показали, что нельзя во всемъ обвинять артилерію и требовать отъ нея дѣйствій, возможныхъ лишь на учебныхъ полигонахъ“.

„Поэтому давно уже пора отказаться отъ взгляда, что артилерія самостоятельно способна побороть укрѣпленное мѣсто и отбить безполезнымъ ближній ударъ“.

„Вотъ почему г. ф.-д.-Гольцъ снова предупреждаетъ отъ этихъ крайнихъ увлеченій, ссылаясь на необходимость: необычайно точной стрѣльбы; правильнаго опредѣленія разстояній; знанія очертанія укрѣпленій,—и на недостаточность боевого комплекта“²⁾.

„Послѣ изложеннаго тѣмъ страннѣе утвержденіе Людвигъ, что, благодаря артилеріи, приступъ будетъ рѣдокъ, и правильная осада можетъ быть замѣнена ускоренной, подготовленной артилерійскимъ огнемъ. Еще поразительнѣе, что тѣ же взгляды приводятся въ „Die Festung“, гдѣ совѣтуютъ примѣръ Велингтона противъ двухъ совершенно устарѣлыхъ крѣпостей примѣнять и для современной крѣпости, и попутно ставится упрекъ медленному ходу осады Страсбурга въ 1870 г.³⁾ Однако, нѣкоторые, въ томъ числѣ Фробениусъ⁴⁾, возстали противъ подобныхъ взглядовъ, доказавъ ихъ неправильность. Подготавливаемые недѣлями японскіе приступы П.-Артура терпѣли неудачу у долговременныхъ укрѣпленій, т. к. артилерія наступающаго не могла ни привести къ бездѣйствію орудій обороны, ни достаточно разрушить оборонительныя средства, ни повлечь на духъ защитниковъ. Взгляды Людвигъ и „Die Festung“ объясняются лишь тѣмъ, что они высказаны еще въ 1904 г., т. е. до рѣшительныхъ боевъ подъ П.-Артуромъ“⁵⁾.

В. Ближній ударъ.

„Ближній ударъ, т. е. предолѣніе широкой полосы мѣстности, отдѣляющей артилерію наступающаго отъ главнаго боевого расположенія обороны,—наименѣе выясненъ и наиболѣе труденъ для изученія. А между

1) Пиршеръ «Осада Страсбурга». Давно ли нѣмцы такъ заговорили?

2) Ф.-д.-Гольцъ «Портъ-Артуръ».

3) Это не совсѣмъ такъ. «Die Festung» беретъ примѣръ Велингтона между прочимъ, а главное для нея—Измаилъ и Карсъ.

4) Фробениусъ. Военно-историческіе примѣры дѣйствій подъ крѣпостями.

5) Т. е. нашей, кровью куплено спасеніе нѣмцевъ отъ ихъ заблужденій... И это говорится прямо открыто... (Сост.).

тѣмъ. знать его крайне необходимо, ибо современная борьба за крѣпости весьма отличается отъ прежней. Нынѣ сила крѣпости измѣряется уже не высокими валами и не глубокими рвами, не мертвыми средствами обороны, дающими защитникамъ укрытіе, а противнику—возможность съ малыми потерями приблизиться къ послѣднимъ препятствіямъ, чтобы отсюда окончательно помѣяться силами на тѣсномъ пространствѣ“.

*„Теперь главная сила обороны въ крѣпостной артиллеріи съ ея мощными снарядами и навѣсной стрѣльбой, которая могущественнѣйшимъ образомъ помогаетъ обороняющемуся развить наступательныя дѣйствія“*¹⁾.

„Крѣпостная борьба перенеслась съ валоу въ поле, причѣмъ, послѣ паденія передовыхъ позицій, тѣ же верки становятся опорными точками обороны въ борьбѣ за впередилежащую мѣстность, и только съ потерей ея они являются послѣднимъ оплотомъ своихъ защитниковъ“.

„Постепенно возросшая сила артиллеріи, сдѣлавъ невозможнымъ пребываніе защитниковъ на высокихъ валахъ, обвѣзчила прежнюю сплоскую крѣпостную ограду, заставивъ перенести центръ сопротивленія на форты, но если кто либо думалъ, что при поясъ фортовъ артиллерія достигнетъ тѣхъ же послѣдствій, тотъ сильно ошибался, и это, какъ нельзя лучше, подтвердилось П.-Артуромъ. Поэтому, при ближайшемъ ударѣ пѣхота должна, отказавшись отъ мысли, что ей придется лишь пожинаать плоды успѣха, достигнутаго артиллеріей, приготовиться къ кровавой и упорной борьбѣ за каждую пядь земли, которая приближаетъ ее къ непріятелю. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о безразсудномъ ускоренномъ ударѣ или о приступѣ, не задумываясь ни передъ какими жертвами, какъ въ прежнихъ турецкихъ войнахъ или въ П.-Артурѣ; наоборотъ, необходимо помнить, что ближайшій ударъ требуетъ жертвъ, но зато и стоитъ ихъ“.

„Но если нисегда слѣдуетъ оставить надежду, что осадной артиллеріи наступающаго удастся окончательно подавить дѣйствія артиллеріи обороны, то одновременно съ открытіемъ огня изъ крупныхъ орудій, пѣхота наступающаго должна приступить къ выполненію своихъ прямыхъ задачъ, т. е. перейти къ ближайшему удару“.

Далѣе обзоръ выясняетъ разницу между ближайшимъ ударомъ и приступомъ, что многими писателями смѣшивается и порождаетъ путаницу понятій. По его мнѣнію:

„До сихъ поръ никогда не возбуждался вопросъ о томъ, чтобы признать тактическіе приемы полевой войны къ крѣпостямъ, да въ этомъ не было и надобности въ силу существеннаго различія этихъ двухъ видовъ дѣйствій. Въ настоящее время произошло замѣтное сближеніе, если не съ чисто полевыми дѣйствіями, то во всякомъ случаѣ съ борьбой за заблаговременно укрѣпленныя расположенія, хотя и остается вышняя разница, вытекающая изъ обезпеченности крѣпости со всѣхъ сторонъ и большей ея самостоятельности, благодаря чему Фричъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Обходъ или полное окруженіе; столь гибельное для полевой позиціи, для крѣпости желательно; кто хочетъ

¹⁾ И здѣсь, какъ видно, пока еще, все то же, хотя и съ цѣлью «помочь обороняющемуся развить наступательныя дѣйствія».

здѣсь побѣдить, тотъ долженъ побѣдить фронтально“¹⁾. Кроме того, нужно быть готовымъ ко всякаго рода случайностямъ, которыя заста-вятъ наступающаго цѣлыми недѣлями держаться въ полосѣ огня оборо-няющагося, и было бы ошибочно для выигрыша времени довольство-ваться малыми профилями и легкими закрытіями, пренебрегать устрой-ствомъ ходовъ сообщеній, суживать полосу удара и т. п., какъ это дѣ-лали въ Страсбургѣ (1870 г.), только потому, что хотѣли наверстать время, потерянное при первоначальномъ обстрѣливаниіи“.

„Дошедшія (къ 1-му января 1906 г.) свѣдѣнія, къ сожалѣнію, еще не дали, на какомъ протяженіи и съ какихъ разстояній велся ближайшій ударъ японцевъ, какъ онъ раздѣлялся въ глубину, какъ былъ обосно-ванъ, какія препятствія и пространства преодолевались въ извѣстное время. И только судя по длительности его, съ конца августа по декабрь, можно составить представленіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя имъ при-шлось преодолѣть. Въ частности, обращаетъ на себя вниманіе большая глубина окоповъ, безъ насыпей и съ прикрытіемъ только толщею земли. Причина тому, повидимому, желаніе лучше укрыться отъ взоровъ п вы-стрѣловъ, но слѣдствие—большая и медленная работа. Т. к. японцы при-мѣняли германскій способъ возведенія окоповъ, то можно полагать, что они закладывали первоначально стрѣлковые окопы, а затѣмъ доводили ихъ до нужной степени совершенства. Слѣдовательно, это было почти то же, что дѣлали нѣмцы подъ Страсбургомъ“.

„Если первый неудачный и неподготовленный приступъ П.-Артура и не удивилъ знатоковъ дѣла, то многіе думали, что достаточно япон-цамъ приблизиться на нѣсколько сотъ шаговъ къ фортамъ и занять под-готовительное къ приступу расположеніе, чтобы привести къ паденію русскіе форты, такъ какъ артилерія, казалось, получитъ достаточно вре-мени, чтобы приготовить укрѣпленія къ приступу“.

„Но когда всѣ прочіе приступы съ самыхъ кратчайшихъ разстояній были отбиты, а наступающій вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи всѣхъ вспомогательныхъ инженерныхъ средствъ, не исключая и минъ, *давно считавшихся отошедшими въ область преданій,*“²⁾ то тѣ лица, которыя.— подобно французской школѣ, считавшей удобовосходимый обвалъ доста-точнымъ предлогомъ для заключенія капитуляціи,—были близки къ пра-вильно, что послѣ завоеванія подготовительнаго къ приступу расположе-нія всякая крѣпость должна пасть,—получили у націи *низшей культуры* урокъ героизма, изъ котораго они узнали, *что вся преувеличенная нау-ка могущества современной артиллеріи крайне сомнительна*“³⁾. Изъ это-го вытекаетъ другой выводъ: мы слишкомъ низко цѣнили значеніе са-перныхъ войскъ при приступѣ, полагая, что всю главную работу выпол-нитъ артилерія, саперамъ же останется только докончить сдѣланное. А между тѣмъ, японцы были вынуждены обучать саперъ на мѣстѣ, *доведя ихъ численность до одной трети осаждающихъ силъ*; потери въ нихъ были баснословны. *Чѣмъ же „покроемъ мы, нѣмцы, свои недочеты въ этомъ отношеніи въ случаѣ борьбы съ русскими крѣпостями?“*⁴⁾.

1) Kriegstechn. Zeitschr, 1904 г., № 10; Медикусъ «Къ исторіи крѣпостной войны».

2) А кто же въ этомъ больше всѣхъ виноватъ?

3) А насколько мы, русскіе это примемъ къ свѣдѣнію? Хороша, однако, здѣсь «низшая культура»...

4) Настоячиво напоминаю неразъ уже высказанное: нѣмцы на нашей крови учатся дѣйствіямъ противъ насъ.

2. Оборудованіе крѣпости.

А) Раздѣленіе обороны въ глубину.

«Первый большой приступъ японцевъ съ 6 по 11-е Августа 1904 г., не былъ вовсе столь неудаченъ, какъ думали сначала, ибо при извѣстіи о захваченныхъ укрѣпленіяхъ дѣло шло о веркахъ уже въ непосредственной связи съ главными фортами. Отсюда 2 вывода: 1) оборона мѣстности передъ фортами должна возлагаться только на долговременные верки ¹⁾; огромное значеніе, что русскіе имѣли лишь вспомогательныя передовыя укрѣпленія на сѣв. участкѣ, выразилось въ томъ, что, овладѣвъ ими, японцы совершенно спокойно повели свои подступы къ фортамъ II и III. 2) Необходимо расчленять оборону въ глубину. Въ заключеніе слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что требованіе Шретера о достаточной силѣ выдвинутыхъ передовыхъ укрѣпленій—болѣе чѣмъ основательно“.

Б) Данные по устройству крѣпостей.

Обзоръ говоритъ, что въ новѣйшихъ проектахъ Шретеръ снабжаетъ свой отдѣльный бронированный флотъ контръ-эскарповой галереей съ контръ-минной системой. Это—тоже вліяніе П.-Артура. Чѣмъ болѣе подтверждается неизбѣжность минной борьбы, тѣмъ нужнѣе изученіе ея и снабженіе всѣхъ крѣпостей контръ минными галереями.

„Хотя сила мертваго сопротивленія П.-Артурскихъ верковъ была гораздо ниже Западно-Европейскихъ крѣпостей, но артилерія наступающаго не удалось приготовить ихъ къ приступу, или хотя бы облегчить его. Отсюда слѣдуетъ, что въ будущемъ надо ожидать появленія орудіи наѣснаго дѣйствія еще болѣе крупныхъ, нежели существующія; само собою разумѣется, что чрезмѣрный грузъ исключаетъ возможность перевозки ихъ въ запряжкѣ“ ²⁾.

Это замѣчаніе Шретера заставляетъ «Обзоръ» обратиться къ довольно любопытному и хорошо рисуящему нашу отсталость разсмотрѣнію нѣкоторыхъ данныхъ устройства *русскихъ оборонительныхъ построекъ* и къ признанію общей ихъ слабости и нецѣлесообразности, *вытекающей изъ неправильныхъ основаній въ расчетахъ.*

Что касается нѣмцевъ, то о нихъ говорится скромно, что *«придется, быть можетъ»,* (!!!) *производить новые опыты надъ существующими сводами...*

Далѣе Ежегодникъ 1906 г. касается брони.

„Какъ извѣстно, броня не пользуется почетомъ у русскихъ инженеровъ, а потому и въ П.-Артурѣ ея не было; противотанковые орудія

¹⁾ Однако Куропаткинскій редутъ, Ведопроводный и др., гора Высокая держались мѣсяцы, и сами японцы усѣдѣли до конца въ редутахъ.

²⁾ Шретеръ. Портъ-Артуръ.

сохранялись въ убѣжищахъ, расположенныхъ подъ валонъ, *но могутъ случиться такія обстоятельства, когда на выкатку орудій не хватитъ времени.* Если русскіе считаютъ, что атакующій на движеніе отъ своей штурмовой позиціи долженъ употребить 3—4 минуты, то Шаръ считаетъ всего 2—3 мин.¹⁾ Но надо отдать справедливость, что нынѣ даже п. г. Величко и Казбекъ начинаютъ склоняться къ броневымъ куноламъ и казематамъ (первый для орудій отдѣльныхъ фортовъ, второй для орудій охранительнаго вооруженія), и вѣроятно близко время, когда броня получитъ право гражданства и въ Россіи“.

„Что касается искусственныхъ препятствій, то они не ушли впередъ отъ временъ гладкой артилеріи. Явленіе это скорѣе всего слѣдствіе слѣпой вѣры въ силу артилеріи, которой *даже при лобовомъ дѣйствіи придавали* ²⁾ большее значеніе, чѣмъ мертвымъ преградамъ. Однако, искусственныя препятствія оправдали себя подъ П.-Артуромъ, несмотря на предположенія, что артилерія легко разрушитъ ихъ, оставивъ на долю саперъ только расчистку проходовъ для „шурмовыхъ колонъ“. Такое ничтожное препятствіе, какъ проволочныя загражденія шириной 3 шага, не поддавались дробящимъ снарядамъ. Японскимъ саперамъ, при электричествѣ, пришлось уничтожать проволочныя сѣти подъ сильнѣйшимъ огнемъ обороны и нести громадныя потери, несмотря на пробы окружать себя дымовыми масками и прикрываться металлическими щитами при подвѣзкѣ подрывныхъ зарядовъ къ кольямъ“.

XVI. Современные взгляды заграницей на борьбу за крѣпости.

Таково было сужденіе *заграницею*, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нашего горькаго опыта выниманія для нея каштановъ изъ огня...

Отчеты Лебеля за послѣдующіе годы позволяютъ прослѣдить, какъ эти взгляды все болѣе прояснялись и принимали окончательный видъ. Столь же тщательно отмѣчаются всѣ новые труды (у насъ особенно ф. Шварца, заграницей Фритча—этого послѣдняго, какъ продолжателя дѣла ГERVина, но склонившагося къ сближенію крѣпости и поля, къ работѣ дивизій на своихъ участкахъ, къ видоизмѣненію задачъ артилеріи и т. д.), и такъ же зрѣло подводятся итоги всего. Большое вниманіе удѣлено значенію тяжелой артилеріи полевой арміи. Много появилось трудовъ по обученію войскъ для дѣйствій подъ крѣпостями и по строительству этихъ послѣднихъ.

¹⁾ Шаръ «Борьба за крѣпости и піонеры». Но, онъ забываетъ то, что выѣзды будутъ изрыты воронками, а выходы изъ сквозняковъ, почему то у насъ въ П.-Артурѣ даже не загнутыхъ для дефилированія, а прямыхъ, будутъ подъ огнемъ.

²⁾ Добавлю... «писатели—инженеры...» (Соет.).

Ежегодникъ 1909 г., какъ я уже говорилъ, приводитъ все въ окончательный видъ по сочиненіямъ и трудамъ 1908 г. Главнымъ образомъ онъ основывается на новомъ германскомъ полевомъ уставѣ, на трудахъ австрійца Ханика, на итальянскомъ наставленіи, на трудахъ француза Пьеронъ-де-Мондезира «Броневыя укрѣпленія» и др. и, и изъ нашихъ писателей, на трудахъ А. В. ф. Шварца.

Первый выводъ этого «отстоявшагося» Ежегодника—*необходимость связать вопросы дѣйствій подъ крѣпостями съ общемою стратегическою обстановкою войны*. Эта попытка, между прочимъ, удачно сдѣлана кап. Эсте въ его трудѣ «*Прикрытіе обложенья и осады укрѣпленныхъ мѣстъ противъ выручки*» (гдѣ выводы весьма близки къ моимъ, и особенное вниманіе также обращено на осаду Бельфора).

Второй выводъ — работы А. В. ф. Шварца, нѣмцевъ (главнымъ образомъ новый полевой уставъ), французовъ (Пьеронъ-де-Мондезиръ) и итальянцевъ (служебное наставленіе для осады) *доказали полную безуспѣшность приступа, тщетность надежды на одну артилерію и вѣру только въ одинъ способъ—осаду*.

Третій выводъ—упорядоченіе взглядовъ на самую борьбу подъ крѣпостями на почвѣ слѣдующаго положенія германскаго устава полевой службы: «*Борьба за крѣпость начинается дѣйствіями въ полѣ и только постепенно переходитъ въ борьбу за обладаніе верками, съ примѣненіемъ могущественнаго дѣйствія артилеріи и всѣхъ техническихъ средствъ*». Дѣйствительно, въ этихъ короткихъ словахъ полевого устава заключаются всѣ видоизмѣненія борьбы за крѣпость: подходъ къ крѣпости, привлеченіе всѣхъ осадныхъ средствъ и самая борьба при взаимной поддержкѣ другъ друга всѣхъ родовъ войскъ, вплоть до рѣшительнаго ближняго удара. Въ этомъ положеніи я нахожу созрѣвшіе наконецъ и у нѣмцевъ взгляды: что осада крѣпости не есть какая либо частность, находящаяся внѣ зависимости отъ дѣйствій полевой арміи, и выполнение коей можетъ быть возложено на второочередныя части; что въ борьбѣ за крѣпость нельзя рассчитывать на рѣшающее дѣйствіе артилеріи, а потому необходимо озаботиться еще и привлеченіемъ всѣхъ вспомогательныхъ техническихъ средствъ; наконецъ, что рѣшеніе принадлежитъ пѣхотѣ въ ея ближнемъ бою,—и что вслѣдствіе того артилерія и саперы должны оказывать другъ другу полную взаимную поддержку, болѣе всего для того, чтобы помочь пѣхотѣ продвинуться впередъ.

Нѣсколько несогласно съ моими взглядами судить итальянское новое наставленіе для дѣйствія подъ крѣпостями. Оно различаетъ подходъ, завязку и рѣшеніе, причемъ первый заканчивается обложеніемъ, послѣдній же заключаетъ лишь приступъ. Завязка обнимаетъ не только дальнюю, но и ближнюю артилерійскую подготовку. Достойно, однако, вниманія, что уже при подходѣ къ крѣпости полевая артилерія должна усиливаться не только тяжелыми полевыми батареями, но и частью «подвижнаго отдѣленія осаднаго артилерійскаго парка», т. е. запряженными осадными батареями вмѣстѣ съ ихъ муниціонными колонами. Подобное усиленіе полевой артилеріи вызывается необходимостью *захвата выдвинутыхъ впередъ укрѣпленныхъ позицій*, вооруженныхъ нерѣдко орудіями среднихъ калибровъ, съ цѣлью завершить обложеніе возможно полнѣе и ближе къ крѣпости. Видимо, итальянцы, ввиду общихъ успѣховъ германскихъ взглядовъ, взяли эту частность изъ стараго германскаго наставленія для осадъ (1902 г.).

Въ свою очередь, извѣстный молодой австрійскій писатель, пор. Ханика, находитъ возможнымъ, при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, открывать огонь противъ фортовъ однѣми тяжелыми мортирными батареями, которыя поэтому должны быть доставлены ранѣе другой артилеріи.

Противъ упрека, что этимъ самымъ обнаруживается направленіе удара, и противникъ можетъ принять мѣры противодѣйствія, онъ справедливо возражаетъ: *«Кто допускаетъ, что обороняющійся можетъ быть введенъ въ заблужденіе, и кто считаетъ невозможнымъ развернуть осадную артилерію подъ непріятельскимъ огнемъ, тотъ, конечно, не согласится съ раннимъ открытіемъ мортирнаго огня. Тотъ же, кто допускаетъ, что развѣдка, шпіоны и наблюденія дадутъ возможность противнику выяснитъ хотя бы отчасти обстановку у осаждающаго, кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ за обороной лишнюю данную въ смыслъ наличія «артилерійскаго резерва», тотъ не долженъ видѣть въ обнаруженіи направленія удара особыя невыгоды, даже въ томъ случаѣ, если осадная артилерія и развернется сосредоточенно».*

Четвертый выводъ—подраздѣленіе удара на дальній и ближній ведетъ начало съ тѣхъ временъ, когда признавали, что пѣхота должна начинать наступленіе только послѣ того, какъ осадная артилерія обезпечитъ за собою перевѣсъ въ огнѣ. *Нынѣ было бы цѣлесообразнѣе, чтобы ближній ударъ начинался со вступленія*

въ дѣйствительный ружейный огонь фортового пояса, до чего артилерія осады обязана приготовить въ достаточной степени намѣченный прорывъ, если она вообще стоитъ на высотѣ поставленной ей задачи,—т. е. именно то, что не разъ высказано мною выше ввидѣ требованій взаимодѣйствія силъ на началахъ подавленія встрѣчныхъ ударовъ обороны.

При такомъ одновременномъ артилерійскомъ и пѣхотномъ дальнемъ ударѣ, усложняется, конечно, задача артилеріи—поддерживать наступленіе своей пѣхоты. И здѣсь я предостерегаю отъ той крайности, въ которую вновь ударяются нѣмцы. Нынѣ они признаютъ за артилеріей уже значеніе лишь вспомогательнаго оружія. *«Главный же родъ войскъ осады и обороны крѣпости, это—пѣхота»*. Но мало того:

«Крѣпость, защищаемая стойкой пѣхотой, можетъ долго держаться, несмотря на слабость своей артилеріи. Наоборотъ, многочисленная артилерія, при недостаткѣ пѣхоты, не можетъ оказать на исходъ борьбы рѣшительнаго вліянія». Нѣтъ сомнѣнія, что это не такъ, хотя и говорится для того, чтобы: *«стремленіе подавить, ослабить и потрясти непріятельскую пѣхоту»* было *«красной нитью всѣхъ мѣропріятій артилеріи»*.

Пятый выводъ. Въ отношеніи важности, цѣли артилеріи надо нынѣ дѣлать слѣдующимъ образомъ: 1) верки на участкѣ удара; 2) открыто стрѣляющая артилерія противника и та, мѣстоположеніе коей можетъ быть точно развѣдано; 3) боевыя мѣста пѣхоты. *Виды огня*: а) противъ укрѣпленій—исключительно навѣсный огонь мортирь, соединяя ихъ въ возможно большемъ числѣ; б) для борьбы съ промежуточными батареями противника,—огонь главныхъ силъ артилеріи осады. Здѣсь, очевидно, бой сведется къ состязанію двухъ большей частью невидимыхъ противниковъ. Поэтому борьба будетъ затяжная и нерѣшительная. Важны воздухоплавательные приборы и особенно, по моему, управляемые. Вновь выступитъ на первое мѣсто огонь гранатный. Наиболѣе подходящее для этого орудіе гаубица, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ у насъ, что лучше 6 дм. пушки въ 200 п. (нескорострѣльной, тяжелой и пр.)—выдумать ничего нельзя.

Укажу, что итальянцы считаютъ еще, по старому, артилерійскій поединокъ главною задачей осадной артилеріи, а все остальное второстепеннымъ. Наоборотъ, германскій полевой уставъ короче и яснѣе обуславливаетъ, что: *«По мѣрѣ отступленія обороны на главную позицію, сторожевое охраненіе обѣихъ сторонъ*

постепенно обращается въ передовую боевую линію и переходитъ, наконецъ, въ боевое расположеніе. Расположеніе и дѣятельность сторожевого охраненія, особенно передъ атакованными фортами, служатъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія осады. Самостоятельныя дѣйствія сторожевыхъ постовъ во многихъ случаяхъ облегчаютъ осаду, такъ какъ, находясь въ самомъ полѣ наступленія, часто только они въ состояніи правильно оцѣнить благопріятную обстановку и использовать ее быстрыми рѣшительными дѣйствіями. Однако, при такихъ предпріятіяхъ, имѣя ввиду цѣльность общей задачи, необходимо, чтобы младшіе начальники были ознакомлены съ послѣдующими ближними цѣлями осады (311)». И далѣе: «Сторожевое охраненіе, во всякомъ случаѣ, должно быть въ состояніи обезпечить достигнутый успѣхъ и удержать на боевой линіи вылазки непріятеля до подхода подкрѣпленій. Полевая артиллерія или придается сторожевому охраненію, или держится наготовѣ позади. Піонеры, осветительныя части и шанцевый инструментъ придается, если нужно, изъ піонерныхъ осадныхъ парковъ (312)». Если къ этому прибавить еще ст. 321 устава: «Части, до ротъ включительно, несутъ обыкновенную службу въ однихъ и тѣхъ же участкахъ», то мы будемъ имѣть полную и ясную картину дѣйствій осады. Какой шагъ впередъ послѣ 1900 года! Какая разница со столь восхваляемыми наставленіями Тотлебена подъ Плевной, гдѣ все было предусмотрено и расписано на 24 случая, а турки, между тѣмъ, выбрали 25-й, и притомъ поразительный по своей простотѣ, наиболѣе естественный и наиболѣе предсказывавшійся Скобелевымъ. Да не потому ли и держали безпокойнаго «Бѣлаго генерала» подальше отъ мѣста прорыва Османа 28 ноября 1877 г.! Сравнимъ эти §§ 311, 312 и 321 хотя бы со ст. 297 стараго полевого устава: «Оз развитіемъ наступленія, сторожевое охраненіе исполняетъ свою задачу въ предѣлахъ хода дѣйствій, опредѣляемаго особыми наставленіями», которыя держались въ тайнѣ и тѣмъ, какъ справедливо говоритъ «Ежегодникъ», препятствовали подготовкѣ пѣхоты для борьбы за крѣпости.

Наша тайна и понынѣ здѣсь даже полнѣе, нежели германская прежняя: у насъ просто нѣтъ никакихъ указаній, кромѣ отдѣльной попытки ген. Казбека, да прописныхъ истинъ въ учебникахъ.

Шестой выводъ—и при ближнемъ ударѣ слѣдуетъ опредѣлить главнѣйшія цѣли, дабы цѣлесообразнымъ распределеніемъ огня предупредить его разбрасываніе. «Пѣхота оборо-

няющагося дать себя чувствовать все больше и больше по мѣрѣ вступленія въ полосу средней дальности ружейнаго огня. Близость наступающаго заставитъ большую часть ея держать на боевыхъ позиціяхъ или въ небольшомъ удаленіи отъ нихъ. Если съ самаго начала слѣдовало стремиться къ обстрѣливанію открыто появляющейся пѣхоты, то теперь это стремленіе выдвигается рѣшительно на первое мѣсто, безразлично будь то пѣхота укрытая или открытая. Окопы и промежуточные укрѣпленія въ промежуткахъ, прилегающихъ къ фортамъ, обстрѣливаемымъ тяжелыми мортирами, должны быть, какъ и сами форты, приведены къ молчанію до начала приступа. Эта задача возлагается на осадныя гаубицы, сосредоточивая огонь нѣсколькихъ батарей постоянно на одной и той же цѣли».

«Непріятельскія батареи, которыя до того не могли быть приведены къ молчанію, а также и батареи, выдвигаемыя противникомъ впередъ въ ожиданіи приступа обстрѣливаются полевыми гаубицами».

Въ отношеніи *ближняго удара пѣхоты* признано, наконецъ, что въ дѣйствительномъ ружейномъ огнѣ пѣхота можетъ продолжать свое наступленіе скачками, а равно и повести приступъ съ разстоянія 300—400 ш. отъ противника,—*лишь при особо благоприятныхъ къ тому условіяхъ*. Не то ли говорилъ еще въ 1902 г. Смекаль?

Въ достоинство итальянцевъ я поставлю здѣсь, что они не скрываютъ необходимости, имѣя дѣло съ дѣятельнымъ противникомъ, прикрываться соотвѣтствующими работами вплоть до наружнаго рва и даже выдержать борьбу за контръ-эскарпъ: опыты П.-Артура здѣсь весьма убѣдительны.

Седьмой выводъ: сознаніе, что артиллерія не въ силахъ подготовитъ приступа долговременныхъ верковъ, болѣе всего должно проявиться при борьбѣ за отдѣльный веркъ, какъ, напримѣръ, фортъ-заставу, или за отдѣльный фортъ въ горахъ. Естественнo, это сквозитъ болѣе всего у итальянцевъ, и итальянское наставленіе удѣляетъ этому отдѣлу цѣлую главу. Имъ же занялся и подп. Пьеронъ-де-Мондезиръ, взгляды котораго также заслуживаютъ особаго вниманія.

Фортъ-застава, по Мондезиру, только тогда выполняетъ задачу, когда онъ своимъ расположеніемъ и артилерійскимъ вооруженіемъ *можетъ помѣшать противнику возстановитъ предназначенно разрушенныя искусственныя сооруженія преграждаемаго пути,*

9*

напримѣръ, желѣзной дороги. Только для этой цѣли и долженъ служить огонь его тяжелыхъ орудій въ броневыхъ установкахъ. Въ иныхъ случаяхъ эти орудія должны молчать, не стараясь удерживать противника возможно дальше отъ себя или же состязаться съ его артилеріей. Правильно или неправильно, но Мондезиръ придаетъ главное значеніе мертвому препятствію, а потому у него лишь въ борьбѣ за обладаніе этимъ препятствіемъ артилерія должна проявить свою силу для поддержки пѣхоты. Броневыя орудія, во всякомъ случаѣ, должны укрываться отъ непріятельскаго огня: вращающіяся броневыя башни—поворотомъ купола, а подъемныя—опусканіемъ. Наступающему представляется три способа для обезвреживанія форта: а) приступъ, съ усиленнымъ предварительнымъ обстрѣливаніемъ; б) уничтоженіе фортовыхъ орудій, послѣ чего можетъ быть восстановленъ запираемый путь; и в) правильная осада.

Наименѣе исполнимымъ Мондезиръ считаетъ приступъ. По этому поводу ген. Ланглуа высказываетъ, что даже только бригада пѣхоты съ полевыми гаубицами можетъ *въ 1 минуту* выпустить противъ подобнаго форта-заставы *144 снаряда* и воспрепятствовать всякому проявленію его дѣятельности. Подъ покровомъ этого града снарядовъ и подъ защитой дыма 60-ти шрапнелей въ минуту пѣхота можетъ безпрепятственно подойти къ наружному рву форта. И хотя артилерія наступающаго должна будетъ прекратить огонь, но оборона поспѣетъ занять валъ лишь тогда, если не будутъ засыпаны выходы и разрушены лѣстницы ¹⁾).

Въ этомъ случаѣ, оборона должна будетъ уступить превосходнымъ силамъ противника.

Мондезиръ возражаетъ на это,—но я съ нимъ согласиться не могу,—что: *«Какъ бы велико ни было превосходство силъ, все же совмѣстный ружейный и орудійный огонь обороны заставитъ противника, ворвавшася въ обезпеченный отъ приступа ровъ, повернуть назадъ».*

Я опускаю здѣсь, далѣе, споръ нѣмца Шмальца и француза Гумберта, способны ли *именно французскіе офицеры* на такое доблестное поведеніе обороны. Укажу только, что этотъ споръ вполне понятенъ при обиліи фортовъ-заставъ на франко-германской границѣ, и что столь же безнадежной, какъ ударъ открытою силою, Мондезиръ считаетъ попытку вывести изъ строя тяжелыя

¹⁾ См. выше мой взглядъ на наши противотурмовыя орудія и убѣжища для ихъ выкатки при приступѣ по изрытой землѣ и черезъ заваленные сквозняки.

орудія форта, укрытыя въ броневыхъ установкахъ, съ тѣмъ, чтобы безнаказанно возстановить пути, запираемые фортомъ. Хотя амбразуры вращающихся башенъ, говорить онъ, и подвергаются опасности разрушенія, т. к. для полного поворота башни требуется двѣ мин. времени, но башни подъемныя неуязвимы, ибо для поднятія или опусканія своего онъ требуютъ лишь $4\frac{1}{2}$ сек. Но, глубоко вѣря, что фортъ-заставу (броневой) можно *взять* лишь *осадою*, Мондезиръ срокъ этой осады исчисляетъ всего въ двѣ недѣли, а включая время, необходимое для предварительныхъ работъ по подготовкѣ атаки, не болѣе трехъ недѣль... Какъ далеко это отъ мечтаній нѣкоторыхъ лицъ у насъ имѣть на *ровной мѣстности фортъ-заставы сопротивляемости до 4—6 мѣсяцевъ*.

Восьмой выводъ, по развитію взглядовъ на постройку крѣпостей,—примыкаетъ весьма сильно къ высоко-почтеннымъ трудамъ А. В. ф.-Шварца, переведеннымъ на иностранные языки и заслужившимъ себѣ самую почетную извѣстность. Соперникомъ ему, но съ преимуществами все же для А. В. ф.-Шварца, признается лишь Дегизъ. А именно, принимаются взгляды нашего П.-Артурскаго защитника: 1) на *ружейный огонь, какъ основу обороны* ¹⁾; 2) на устройство фортовъ; 3) на обезпеченіе фортовъ отъ приступа; 4) на укрѣпленіе промежутковъ, и 5) на расчлененіе обороны въ глубину съ огромнымъ уваженіемъ къ передовымъ позиціямъ. Къ сожалѣнію, упущенъ важнѣйшій вопросъ—объ оборонѣ, какъ это предлагалъ я, рововъ укрѣпленій не изъ сооружений въ самыхъ этихъ рвахъ, а изъ сосѣднихъ верковъ. Мало также рѣчи и о пресловутыхъ промежуточныхъ капонирахъ.

Девятый выводъ—по вопросу о «группахъ укрѣпленій». Послѣ 1870 г., при возведеніи новыхъ укрѣпленій, во Франціи неоднократно приходилось прибѣгать, вслѣдствіе особенностей мѣстности, къ расположенію опоръ фортового пояса отдѣльными «группами». Позднѣе, крупные успѣхи артилеріи (дальность, мѣткость и разрушительное дѣйствіе снарядовъ) натолкнули на мысль избѣжать невыгодъ скученнаго расположенія разсредоточеніемъ главнѣйшихъ составныхъ частей и самаго форта, чтобы тѣмъ вызвать раздѣленіе непріятельскаго огня. То и другое повело къ устройству «укрѣпленныхъ группъ». Въ 1908 г. заграницей этимъ вопросомъ занялись особенно два писателя ²⁾: Дегизъ и Ханика, но каждый

¹⁾ См. также часть 1-ю моего труда, мое о томъ предложеніе.

²⁾ О спорѣ за первенство нашихъ инженеровъ, опоздавшихъ въ этомъ вопросѣ на 20 лѣтъ, я уже говорилъ въ 1-й части.

изъ нихъ понимаетъ его по своему. *Первый*—какъ усиленіе самостоятельнаго форта или группы нѣсколькихъ фортовъ небольшими вспомогательными сооруженіями; *второй же*, наоборотъ, какъ *полное раздѣленіе укрѣпленія на его составныя части*.

Ханика находить, что современный отдѣльный фортъ, подвергнувшись огню многочисленныхъ тяжелыхъ мортиръ, будетъ приведенъ въ короткое время въ совершенную негодность. Онъ приводитъ расчетъ, что 4 соединенія, по 16 мортиръ каждое (всего 64 ор.), при наименьшей глубинѣ укрѣпленія въ 14 саж. и при 40% попаданія, засыпать его 768 бомбами въ сутки, что соотвѣтствуетъ почти 1,000 пуд. взрывчатаго вещества. «*Даже самые малые современные форты*», говоритъ онъ, «*все-таки еще такъ велики, что перехватываютъ самую густую часть снапа выстрѣловъ, и такъ малы, что могутъ быть поражены самымъ дѣйствительнымъ огнемъ незначительнаго числа орудій*». Поэтому Ханика предлагаетъ разложить укрѣпленія въ рядъ «группъ», вооруженныхъ скорострѣльными пушками и соединенныхъ стрѣлковыми валами, дающими возможность поддерживать оборону «группъ», какъ впередъ, такъ и въ стороны. Таковы и суть, напр., болѣе новыя нѣмецкія «Feste» въ Мецѣ и пр. мѣстахъ, тогда какъ болѣе старыя изъ нихъ ближе къ мыслямъ Дегица.

Нельзя отрицать, что задача непріятельскихъ мортиръ—привести въ негодность подобную,—ту или другую,—опорную точку,—чрезвычайно затрудняется.

Но особенно любопытно отмѣтить, что *ту же мысль разсѣдопоченія жизненныхъ частей укрѣпленія предложилъ еще около 1886 г. неизвѣстный нѣмецкій писатель подъ именемъ «Пионера», отзываясь на успѣхи бомбъ-торпедъ*, просмотрѣнные (см. ч. I) инженерами вообще, Бріальмономъ особенно. Презрительное молчаніе инженеровъ встрѣтило тогда этотъ трудъ. Писатель такъ и не открылъ себя, вѣроятно, устыдясь своей смѣлости. Но вотъ, 20 лѣтъ спустя, его твореніе ожило, но тогда, когда самъ родоначальникъ его, быть можетъ, уже въ могилѣ. Любопытно также и то, что когда наши инженеры въ 1908 г. спорили, кто изъ нихъ первый изобрѣлъ «группы» (см. ч. I и прим. выше), они забыли, что въ Краковѣ эти «группы» широко примѣнены еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія...

XVII. Окончательные выводы.

Итакъ, всё двинулись впередъ: австрійцы, нѣмцы, французы италянцы, какъ будто даже и мы... Но мы именно *какъ будто*, ибо ни А. В. ф.-Шварцъ, ни Н. А. Буйницкій, ни г. Голенкинъ, съ его блестящимъ трудомъ о бронѣ въ крѣпостяхъ, ни другіе поклонники «обновленія» нашего военно-инженернаго дѣла, изъ рутины и косности, «но обстоятельствамъ», не дожили, да и не доживутъ, вѣроятно, до осуществленія своихъ взглядовъ.

Между тѣмъ, нѣмцы уже перестроили и *забронировали* крѣпости, имѣють могущественные осадные парки съ орудіями новѣйшихъ образцовъ, громадной дальности и большой разрушительной силы и грозятъ перейти на калибры еще болѣе могущественные. *Огню* у нихъ, такимъ образомъ,—хоть можетъ быть и преувеличенный,—но все же почетъ. *Техника* тоже ставится нынѣ на надлежащее мѣсто возрожденіемъ должнаго вниманія къ піонерамъ. *Въкз сильно огневой и сильно техническій нѣмцами учитывается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ войска гораздо больше учатся брать чужія крѣпости, нежели защищать свои и учатся по единому полевому уставу*¹⁾.

У австрійцевъ,—судя по Ханикъ,—мысли Смекала встрѣтили горячую поддержку, и нынѣ даже австрійцы, по цѣлому ряду свѣдѣній, впереди всѣхъ *въ усиленіи калибровъ своей навѣсной осадной артилеріи*. Общеизвѣстны также ихъ постоянныя *осадныя* ученія.

Французы постарались повѣрить опытъ войны дѣйствительнымъ огнемъ подъ Лангромъ, а цѣнность его выразили отпускомъ 90 м. франковъ на броню, да 150 м. фр. на усиленіе крѣпостей на в. границѣ въ дни Альжезираса. Конечно, однако, разбиралъ въ печати «la manoeuvre de Langres» военный инженеръ (подполк. Клейнъ). Конечно, онъ свелъ все дѣло къ торжеству «*принциповъ крѣпостной войны Вобана*»,—но все же французы что-то дѣлали и къ чему-то дѣйствительно,—какъ и съ опытами стрѣльбы по старымъ судамъ и броненосцу «Лена»,—шли...

Японцы, очевидно, учтутъ весь свой опытъ войны по нѣмецкимъ истолкованіямъ, а по новымъ предположеніямъ войска и флотъ удваиваются, артилерія соразмѣрно усиливается, заказываются новые осадные парки новѣйшихъ и наиболѣе сильныхъ образцовъ,

¹⁾ Имѣются свѣдѣнія о нѣмецкихъ *разборныхъ 27 см. (11 дм.) мортирахъ, переносимыхъ по ходамъ сообщеній по частямъ на рукахъ*. Ихъ снарядъ 5 пуд. вѣса, взрывчатого вещества у него 1 пудъ.

и каждая дивизія снабжается сильной тяжелой артиллеріей и большимъ количествомъ техническихъ войскъ и средствъ. Огонь и техника особенно сильно учтены японцами, а духъ наступленія, духъ неудовлетворенной жажды славы еще ярче горитъ въ нихъ, нежели въ 1904—5 гг.

У насъ...

Неужели, какъ и послѣ 1877—78 гг., когда мы своей кровью научили нѣмцевъ правильному бою пѣхоты, а они это передали японцамъ,—мы же свое хорошее (Скобелева подъ Шейновымъ) растратили и даже умудрились извратить Суворова въ одну пулю дуру—штыка молодца,—неужели же мы и теперь, послѣ горя и стыда минувшей войны, послѣ мукъ и страданій П.-Артура, опять отдадимъ свой опытъ другимъ, сумѣемъ его направить *противъ насъ же*, а сами ничего не учтемъ и почіемъ на лаврахъ счастливаго сознанія, что такъ или иначе, а заслужили за П.-Артуръ хвалу и удивленіе враговъ...

Будемъ ясно понимать, что заслужили эту хвалу *одни войска*, т. е. та самая сила, которую нужно ставить, и военно-инженернымъ искусствомъ въ особенности, въ наивыгоднѣйшія условія для борьбы, чтобы имѣть тѣмъ больше права на рѣшительную ставку. Будемъ помнить, что ихъ, эти войска, нельзя пигдѣ, а особенно подъ крѣпостями, ставить въ невозможныя условія съ тѣмъ, чтобы являться потомъ, —здѣсь или тамъ,—дешевыми героями дешевыхъ отступленій и сдачъ для «спасенія войскъ», самими же доведенныхъ до невозможности исполнить до конца свое основное назначеніе *бить врага*, но отнюдь «не исправно ретироваться» или «*умирать въ окопахъ*», «*ложиться костями*» и «*почетно сдаваться*»...

Будемъ также твердо помнить, что *истинная война ведется въ мирное время*,—и что поэтому нужно, *не покладая рукъ*, вести разумную и научно-освященную подготовку къ войнѣ.

Въ частности, по крѣпостному дѣлу, намъ больше, чѣмъ кому либо, надо вспомнить, что успѣхъ въ осадахъ родится изъ искусства въ полѣ, и что искуснымъ въ полѣ будетъ наноситель *громовыхъ ударовъ, обоснованныхъ на Суворовскихъ «глазомъръ, быстротѣ и натискѣ»*, съ приложеніемъ ихъ къ современному сильно огневому и сильно техническому вѣку.

И для меня несомнѣнно, что какъ и въ полевой войнѣ, такъ и подъ крѣпостями, умѣющій наступать и брать—будетъ хорошо и

защищаться, умѣющій же продѣлывать всегда только одну «подлую оборону» — *наступать и брать не сумѣетъ...*

Изъ того же сродства духа дѣйствій и въ полѣ, и подъ крѣпостями, будемъ стараться уловить единство духа и *въ проведеніи этихъ дѣйствій въ жизнь...* «Единство даетъ согласіе», говоритъ Суворовъ... Но единство будетъ достигнуто прежде всего тогда, когда въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостью мы будемъ учитывать взаимныя отношенія родовъ войскъ такъ же, какъ и въ полевомъ бою, лишь сильнѣе считаясь съ огнемъ и техникой, — а также заранѣе учитывая то, что, наприм., то же самое, по существу, преобладаніе въ огнѣ надъ врагомъ потребуетъ, для достиженія своего, не нѣсколькихъ часовъ или дней, а нѣсколькихъ недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ... Тогда снова дѣйствія, разумно направленные къ Суворовской «единой главной цѣли», дадутъ «согласіе», а *въ согласіи всегда и вездѣ лежитъ залогъ успѣха...*

Но это согласіе явится лишь изъ согласія огня и техники между собою. Нашъ сильно огневой и сильно техническій вѣкъ требуетъ отъ насъ пробужденія отъ долгаго и сладкаго сна. Онъ требуетъ скорѣйшей новой артилеріи, на $\frac{2}{3}$ навѣсной, и лишь на $\frac{1}{3}$ настильной (а не наоборотъ, какъ у насъ), скорострѣльной, единообразной и для осады, и для крѣпости, стрѣляющей безъ платформъ, — ибо мы еще любовно держимся образцовъ 1877 г. (!!), а если и создаемъ болѣе новые образцы, то весьма неудачные (пушка 6 дм. въ 200 п.) ¹⁾. Онъ требуетъ скорѣйшаго снабженія хорошими снарядами. Онъ настойчиво требуетъ примѣненія брони для противотанковыхъ орудій, для наблюдательныхъ и начальническихъ мѣстъ, для гаубичныхъ батарей на промежуткахъ, а также щитовъ и броневыхъ каретокъ для осадныхъ и контръ-апрошныхъ работъ.

Попутно же будемъ, наконецъ, учить не одни наши крѣпостныя войска, и не только оборонять, *но и брать крѣпости*, не застывая притомъ въ методикѣ «паралелей», «одновременности открытія огня» и т. п. отжившей шаблонной схематизаціи. «Методу прочь...» «Глазomъръзъ, быстрота и натискъ», выравненные на огонь и технику, — должны намъ дать то, «измѣненіе по обстоя-

¹⁾ Нынѣ вообще вездѣ принять взглядъ, что 6 дм. пушка не имѣетъ для себя хорошихъ цѣлей подъ крѣпостью (прочныя закрытія отъ настильнаго огня хорошо обезпечены и разрушны лишь навѣсно, а м. т. по мѣткости пушка 42 л. образца, скорострѣльная и со щитомъ, гораздо выше, и дальностью уступаетъ весьма не много).

*тельствамъ», съ которымъ, по Суворову же, нужно «преслѣдовать врага до сокрушенія», стремясь все время «къ единой главной цѣли и забывая о ретирадѣ»... Но, понятно, идти на конечное рѣшеніе нужно только тогда, когда все для успѣха назрѣло, и успѣхъ, т. ск., виситъ на воздухѣ... Не даромъ же великій старецъ, даже по тому времени, *сегодня учился, завтра молился, и только послѣзавтра, — бралъ, — но бралъ безъ отказа, —* Измаиль...*

Тѣмъ, кто имѣлъ Псковъ, Троицко-Сергіевскую лавру, Измаиль, Прагу, Карсъ, Гданскъ, Кольбергъ, Полтаву и пр. — вернуться на истинный путь не трудно. Нужно только, чтобы отдѣлъ военной науки, который гласитъ о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями, не былъ неотъемлемо въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ обособленныхъ взглядовъ. Пора передать этотъ отдѣлъ науки въ общія руководства по тактикѣ, отдѣлу этому давно пора проходиться въ Императорской Николаевской военной академіи и быть въ разработкѣ ея сыновъ, лишь передающихъ затѣмъ отдѣлку или выясненіе подробностей инженерамъ, артилеристамъ и т. д. *Но мало того. Нынѣшнее время особенно настойчиво подчеркиваетъ необходимость провести наконецъ, въ жизнь взглядъ, что техника должна быть въ подчиненіи у тактики, и что никому иному, какъ Генеральному Штабу, долженъ принадлежать рѣшающій голосъ при разработкѣ и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ о выработкѣ и примѣненіи средствъ вооруженной борьбы.* Только такое направленіе дѣла «породитъ согласіе», а изъ согласія будетъ вытекать и стремленіе всѣхъ къ «единой главной цѣли» — къ познанію истины, — и притомъ не врозь, какъ нынѣ, а по одному общему пути, *предначертанному тактикою, т. е. иначе говоря, именно по пути къ столь тщетно нами и доселѣ разыскиваемой доктринѣ...* Имы уже видѣли, что нѣтъ ни одного угла работы подъ крѣпостью, который бы не имѣлъ, по духу, себѣ подобнаго въ полѣ и не управлялся бы одними съ этимъ послѣднимъ основами и руководящими взглядами...

Много высказано мною было горькаго на предшествующихъ страницахъ, и вниманіе мое невольно повернулось на инженеровъ съ ихъ засильемъ у насъ со временъ Императора Николая до вліянія на весь ходъ войны 1904—5 гг. включительно ¹⁾. Но справедливость требуетъ сказать, что они далеко не одни понесли на себѣ

¹⁾ Недаромъ же недавно въ «Инженерномъ журналѣ» одинъ убѣжденный инженерный писатель заявилъ, что *что-бы тамъ ни говорили т. н. тактики, а судьбы полей сраженій все больше переходятъ въ руки инженеровъ...* Дальше уже идти некуда...

отпечатокъ всѣхъ нашихъ вѣковыхъ заблужденій по розни родовъ войскъ. Какія любопытныя страницы могъ бы я развернуть о нашей артилеріи, предоставленной долго также самой себѣ и черпавшей свои дѣянія изъ области однихъ своихъ обособленныхъ познаній, *онѣ управленія тактики.*

Въ оборонѣ проникнемся прежде всего сознаніемъ, что она сильна *лишь встрѣчнымъ ударомъ*, и что надо строить крѣпости именно на этомъ духѣ, внѣ всякихъ мудрованій чистой обороны и *примѣняя все тѣ средства*, которыя даютъ намъ, въ нашъ сильно огневой и сильно техническій вѣкъ, огонь и техника. Нельзя взвинчивать одного въ ущербъ другому: должно быть разумное согласіе всѣхъ средствъ,—и какъ бы ни былъ хорошъ бетонъ, изъ-за него нельзя забрасывать брони, которая даетъ неисчислимые выгоды въ числѣ орудій и людей, ею прикрытыхъ, и въ пользованіи первыми изъ нихъ,—а какъ бы, въ свою очередь, ни были хороши промежуточные и тыловые капониры,—они все же *не средство отъ всѣхъ болѣзней, не цѣль* современнаго строительства, *а лишь одна изъ многихъ данныхъ*, облегчающихъ конечный успѣхъ обороны, и данная, притомъ,—*при развитіи современнаго огня осады, бьющаго издалека ихъ щеки,—далеко не рѣшающая.* Вѣдь всякій согласится, что гораздо большее значеніе имѣетъ *недопустить противника прорваться, нежели отражать уже готовые прорывы.* А тогда, разъ природа борьбы за крѣпости не допускаетъ многого способа дѣйствій, какъ прорывъ (ибо кольцевой обводъ не даетъ *обойти* его), и современный крѣпостной обводъ доступенъ прорыву черезъ широкія куртины (промежутокъ между фортами) легче, нежели черезъ бастіоны (форты), то надо прикрыть эти куртины рavelинами, *т. е. выдвинуться впередъ передовыми позиціями*, дабы, опираясь на нихъ, создать всюду и вездѣ основу живыхъ дѣйствій защиты и обезпеченіе этихъ дѣйствій Суворовскими «*крестными огнями*»... *Крѣпость должна бороться за время*,—это обще-признано. Но борьба за время только тогда полезна, когда, приковавъ къ себѣ противника, крѣпость удержитъ его на все время намъ нужное. «*Крѣпость* ¹⁾ *должна держаться до заключенія мира...*» А путь къ тому, кромѣ соответственнаго устройства и снабженія въ мирное время,—*какъ можно дольше не допускать обложенія, какъ можно, въ особенности, дольше не давать неприятелю выставить своей осадной артилеріи, или, зна-*

¹⁾ Настоящая, большая маневренная...

читать, не дать ей мѣста,—и, слѣдовательно, снова путь этотъ—разумно подготовленные передовыя позиціи, съ разумно-же подготовленными, «искусными взломи», защитниками крѣпостей на нихъ.

Создавая крѣпости, будемъ сразу, по всему ихъ обводу, захватывать подъ нихъ все то, что опасно имъ, какъ предметамъ нашихъ особыхъ о нихъ заботъ, и при этомъ будемъ сами господствовать надъ врагомъ (Волчьи горы), а не будемъ отдавать ему этого господства во имя «пассивной силы сопротивленія», т. е. «подлой обороны» въ ея самомъ чистомъ видѣ, или во имя какихъ нибудь иныхъ тому подобныхъ «методикъ».

Далѣе, будемъ создавать крѣпость сразу *извнѣ*, а не путемъ сначала созданія ненужныхъ ¹⁾ оградъ, какъ въ П.-Артурѣ, и лишь затѣмъ уже пояса фортовъ. Заложимъ сразу и быстро основы всѣхъ передовыхъ позицій изъ прочныхъ убѣжищъ съ запасами огня и техники такъ, чтобы крѣпость могла упорно драться хоть черезъ малое число мѣсяцевъ послѣ ея начала, а на зачаткахъ своихъ будущихъ позицій (кругозоры, обстрѣлы и т. п.) могла бы задерживать противника хотя бы даже черезъ нѣсколько дней. Примѣняясь затѣмъ *къ удобствамъ войскъ на мѣстности*, а не къ правилу «войска для укрѣпленій», создадимъ за передовымъ обводомъ *главный*, который и будетъ обезпеченъ въ своемъ ростѣ уже готовыми передовыми участками, а самъ будетъ расти на началахъ постепеннаго превращенія *каждаго верка во все болѣе и болѣе сильное сооруженіе изъ своего первоначальнаго основнаго, зародышевого ядра*,—придерживаясь притомъ разсередоточенности всѣхъ жизненныхъ частей укрѣпленія (см. выше). Но при этомъ поставимъ обзоры, обстрѣлы и закрытія *раньше препятствій*... Короче, будемъ имѣть въ виду *тактику, укрѣпленія для войскъ*, а не «инженерную» или «инженерно-артилерійскую оборону» и не «войска для укрѣпленій».

Не будемъ также гнаться за *чрезмѣрнымъ* ростомъ обводовъ крѣпостей. Броня, убѣжища для людей и запасовъ, подземныя сообщенія, богатое снабженіе всѣми средствами боевыми, продовольственными и техническими, надлежащее начертаніе путей сообщеній,—не по продолженію непріятельскихъ выстрѣловъ, а зигзагами, обильныя маски и пр. средства—съ лихвой намъ замѣнятъ эти чудовищныя обводы и сильно сэкономятъ отъ напраснаго расхода наши войска. Тогда обводы и возьмутъ въ себя все для насъ важное и все, что идетъ во вредъ противнику,—но не болѣе...

¹⁾ Т. е., конечно, тактически ненужныхъ.

Во всякомъ случаѣ, должно быть, чтобы надлежаще устроенная и снабженная крѣпость не требовала на себя въ военное время излишнихъ рабочихъ рукъ: все должно быть готово въ мирное время. Я поднимаю, конечно, этимъ вопросъ о большихъ расходахъ на крѣпости,—но они неизбежны, разъ мы хотимъ «обновиться по обстоятельствамъ» и застраховать себя отъ проигрыша новой войны,—и молодая наша новая государственная учрежденія должны намъ въ этомъ помочь отпускомъ денегъ (см. выше Францію въ дни Альжезираса).

Защитники, раздѣленные разумно и соотвѣтственно съ обстановкой на *наступательную* и *оборонительную части*, должны быть ввѣрены лицу, которое знаетъ, что оно должно держаться вѣнъ «науки, какъ сдавать крѣпости». Законы наши разъяснили теперь этотъ вопросъ, и требованія отъ начальника крѣпости должны быть нынѣ еще болѣе повышены.

Вся оборона должна вестись на встрѣчныхъ ударахъ, на живой борьбѣ за каждую пядь земли. Но главная цѣль—не допустить обложенія,—и здѣсь прежде всего—«искусство въ полѣ»... Печальной же памяти «контръ-атаки», съ вѣрнѣйшимъ самоистребленіемъ своихъ, должны быть изъяты вовсе. Мы, русскіе, должны быть строже всѣхъ къ хорошему веденію обороны крѣпости потому, что мы одни пока еще несемъ большіе расходы на особый видъ войскъ—крѣпостныя части и въ мирное время, а если бы мы когда нибудь и отказались отъ этихъ войскъ, то наши *полевые войска* должны внести въ защиту крѣпости всѣ лучшія стороны *былого своего духа* и *нынѣшняго обученія*... Но, полагаясь на доблесть войскъ, мы вовсе не должны буквально примѣнять словъ Баяра: «*Нѣтъ слабыхъ крѣпостей, государь, тамъ, гдѣ есть мужественные люди, которые ихъ обороняютъ...*» Понимая слова Баяра, какъ дань мужеству защитниковъ, будемъ наоборотъ, помнить, что *тѣмъ мужественнѣе они, тѣмъ они намъ дороже, и тѣмъ меньше, слѣдовательно, можемъ мы ихъ ставить въ условія, невозможныя для сохраненія чести Родины и своей собственной.*

Погоня за множествомъ крѣпостей, кордоны на сотни верстъ изъ 10 саженныхъ въ вышину промежуточныхъ капонировъ, вытаскивавшихъ сейчасъ же за собой *въ свою защиту* миллионныя форты и пр., и пр.,—стараніями лицъ общаго военнаго образованія, кажется, миновали насъ и ушли въ вѣчность... Но наслѣдіе этихъ увлеченій не могло не оставаться въ видѣ малаго вниманія къ существующему. Довольно прочитать книгу «35 сообщеній инже-

нернаго комитета» въ Берлинѣ 1905 г., чтобы видѣть, какъ отошли мы въ сторону отъ истиннаго пути... Вопросы дѣйствій подъ крѣпостями у насъ не разработаны; мы держимся слѣпо извѣстныхъ средствъ и приѣмовъ, беспощадно отрицая другіе,—и въ то же время мы создаемъ особую *«инженерную оборону государства»*, особые *«принципы крѣпостной войны»* и вязнемъ во всякаго рода *«нормальныхъ теоретическихъ расчетахъ»*...

Изъ опыта Портъ-Артура мы, прежде всего, черпаемъ необходимость... *соединять между собой форты долговременной преградой*, забывая, что самое цѣнное въ прерывчатой крѣпости—это именно то, что она—опора живыхъ ударовъ въ полѣ... Мы доходимъ даже до того, что создаемъ особые *«принципы сомкнутости крѣпостей»*.—понимая при этомъ *«сомкнутость»* въ видѣ *«непрерывности...»* *«Обороняющійся же сохраняетъ въ своемъ сердцѣ страхъ соразмѣрно оказанному на него стремленію»*, говорилъ про подобнаго рода заботы тоже одинъ изъ великихъ людей въ нашей военной жизни, Румянцевъ.

Мнѣ лично обстановка обращенія съ крѣпостями рисуется такъ. На каждомъ важномъ направленіи дѣйствій противника, преимущественно на пересѣченіи рѣкъ или вообще крупныхъ естественныхъ рубежей съ желѣзными дорогами—*сильная крѣпость*; отдѣльныя болѣе важныя мѣста—*малыя крѣпости*; ихъ дополненіе—*временныя укрѣпленія тамъ, гдѣ это нужно по общей обстановкѣ или по ходу дѣла*. Вся сѣть крѣпостей—*основа наступленія нашего на противника. Но тѣмъ сильнѣе и сами крѣпости для обороны, если противникъ перейдетъ къ намъ...*

Крѣпости — неограниченнаго времени сопротивленія. Онѣ развязываютъ руки полевымъ войскамъ, но не служатъ ихъ обузой; онѣ сами прикрываютъ и обезпечиваютъ и не требуютъ прикрятія и обезпеченія. Словомъ, онѣ—опора военныхъ дѣйствій, и не связываютъ хода (плана) ихъ. Сами дѣйствія подъ крѣпостями развиваются въ духѣ полевой войны, «по Суворову и, частью, по Смекалу...» Короче, вездѣ и во всемъ одинъ разумъ, безъ увлеченій, безъ *«методики»*, которую *«прочь»*,—и вездѣ общій духъ войны, общія ея требованія, но попутно и внимательный учетъ подъ крѣпостью той большой степени огня и техники, въ коихъ она нуждается. Во всякомъ же случаѣ: *«...время дороже всего!!»*, а потому для *наступленія*—надо стремиться властно и умѣло къ сокращенію овладѣнія крѣпостью, а для *обороны*, наоборотъ, цѣнить во всей силѣ свое время, тянуть борьбу, задерживать успѣхи насту-

пающаго и быть способнымъ *держаться до заключенія мира внѣ всякой помощи извнѣ...*

Намъ, съ нашими громадными разстояніями, со сравнительно слабыми сообщеніями, съ замедленной отсюда готовностью, съ глубиной пространствъ и особенностями нашихъ вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій,—намъ *крѣпости—опоры военныхъ дѣйствій*, а не *крѣпости, производныя отъ этихъ послѣднихъ,—нужныѣ, чѣмъ кому либо...* И тогда уже одна необходимость бороться за эти крѣпости до заключенія мира, одно вѣроятіе необходимости только успѣхами въ полѣ освобождать свои крѣпости,—должны подвинуть насъ на изученіе этого дѣла, на ясное проникновеніе главной основной мыслью, заключающейся въ словахъ:

«Чтобы имѣть успѣхъ въ осадахъ, надо быть искуснымъ въ полѣ...»

Но т. к. *«правильно называть есть правильно понимать»*, то необходимо одновременно съ проникновеніемъ общимъ духомъ войны измѣнить и внѣшность принятыхъ у насъ названій существенныхъ военныхъ явленій. Необходимо отказаться отъ всякихъ «крѣпостныхъ», «горныхъ», «степныхъ» и т. п. войнъ. Необходимо бросить всякіе особые *«принципы крѣпостной войны...»* Въ здоровомъ пониманіи военного дѣла нѣтъ мѣста «инженерной оборонѣ государствъ», «тактикѣ крѣпостной артилеріи» и прочимъ обособленностямъ... *Война едина*. Крѣпости, горы, степи и д. т. вызываютъ лишь извѣстныя въ нихъ особенности дѣйствій. Всѣ виды войскъ работаютъ по одной тактикѣ (*Наука побѣждать*). Равнымъ образомъ, война повсюду управляется одними основными законами, требуетъ самой тщательной подготовки, и, напр., вмѣсто «инженерной обороны государства», я допускаю лишь *«подготовку въ инженерномъ отношеніи»*, которой, однако вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ясно само собою,—*нѣтъ лишь въ смыслъ исполненія распоряженій свыше, а никакъ не въ смыслъ засилья ея самой надо встѣмъ остальнымъ.*

Короче, и здѣсь учрежденія, вѣдающія общей подготовкой къ войнѣ, должны быть поставлены во главѣ,—и *техника* особенно здѣсь должна быть лишь слугой и исполнительницей вѣдѣній тактики, какъ общеобязательной для всѣхъ *«Науки побѣждать»*.

Пуще же всего надо бороться съ пагубными стремленіями имѣть «крѣпости ограниченного сопротивленія» и «войска для укрѣпленій»,—и вновь созданная у насъ служба Главнаго управленія генеральнаго штаба именно и должна, по моему глубокому

убѣжденію, поставить первѣйшею почетною своей задачею *выводъ всѣхъ нынѣ разрозненныхъ воззрѣній и взглядовъ на путь единственно разумнаго общетактическаго мышленія по всѣмъ отдѣламъ военныхъ знаній*,—и все это, повторяю, во имя величайшихъ и безконечно глубокихъ по смыслу своему словъ Суворова: «*Единство даетъ согласіе*».

Только это «единство» поставитъ насъ, разошедшихся по всѣмъ швамъ, на ноги... Только это единство, на почвѣ вѣры въ свое славное прошлое и въ свои силы и на почвѣ желанія устранить свои недуги, воскресить нашу боевую славу... Только это единство увѣритъ всѣхъ, что укрѣпленія (крѣпости) для войскъ, а не войска для укрѣпленій (крѣпостей)... *Только это единство, наконецъ, заставитъ проникнуться глубочайшимъ смысломъ словъ «Науки побѣждать», которыя я умышленно приберегъ къ концу: «Баталія на окопы на основаніи полевой»*... Великій старецъ, какъ видимъ, и здѣсь проникъ въ природу вещей полнѣй и глубже, чѣмъ кто либо, — и намъ, его внукамъ, чтобы быть достойными его и его славныхъ предшественниковъ, надо усердно и *прилежно*, какъ дѣлали это они, «обновлять» бывшя славныя дѣянія по современнымъ, — огневымъ и техническимъ, — «обстоятельствамъ»¹⁾...

Въ окончательное выясненіе моихъ мыслей два слова о томъ, какъ же поставить дѣло, чтобы добиться желаемыхъ мной плодовъ.

Отвѣтъ вытекаетъ изъ словъ М. И. Драгомирова: «*Родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній*». Отсюда явствуется, что если «*родъ занятій*» уклоняетъ въ ненужную сторону, то необходимо отъ него оберечь¹⁾. Иначе говоря, необходимо дать правильный «*складъ понятій*» каждому военному раньше, нежели онъ изберетъ себѣ обособленный «*родъ занятій*». Лучшими средствами для этого будутъ *единая военная наука и единая военная школа*. Эта школа, эта наука должны быть основою и корнемъ военной подготовки всего офицерскаго состава. *И только тогда, когда совершенно однообразные тактическіе взгляды, совершенно одинаковое пониманіе цѣлей военнаго дѣла и средствъ для достиженія этихъ цѣлей* будутъ впѣдрены въ сознаніе, можно будетъ, какъ я понимаю, перейти къ выбору себѣ

¹⁾ «Побѣдивши, обновлять по обстоятельствамъ», — Суворовъ.

каждымъ того отдѣла службы и знаній, къ которому онъ считаетъ себя болѣе пригоднымъ ¹⁾).

Этотъ путь приложимъ къ военнымъ училищамъ,—(къ выпуску въ офицеры),—этотъ же путь приложимъ и къ высшему военному образованію,—(къ академіямъ). Какъ онъ будетъ выполненъ,—общимъ ли одинаковымъ перечнемъ *основныхъ тактическихъ знаній* (общими програмами) для всѣхъ военныхъ училищъ (академій), сохраняя въ нихъ и особенности по роду предстоящей службы ихъ питомцевъ,—или сначала обученіемъ *всѣхъ на одномъ курсѣ*, съ раздачей потомъ слушателей по обособленнымъ училищамъ (академіямъ), лишь по его окончаніи,—этого я рѣшать не берусь. Я только скажу попутно, что недавнее простое переименованіе Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ Императорскую Николаевскую Военную Академію дѣла отнюдь не рѣшаетъ, пока будутъ рядомъ съ ней, обособленно, всѣ прочія Академіи,—и что въ тѣсной близости съ даннымъ вопросомъ лежитъ и необходимость пересмотрѣть наши учебныя программы, какъ таковыя сами по себѣ, перераспредѣлить въ нихъ предметы, назвать ихъ правильными именами и, главное, имѣть ввиду, что надо *каждому*, какъ уже не разъ мной говорено, по Суворовски: *«смотреть на дѣло въ цѣломъ»*, дабы *«единство»* дало то *«согласіе»*, въ отсутствіи котораго въ нашемъ военномъ дѣлѣ пока,—въ сущности,—*«никого отдѣльно и винить нельзя...»* Настолько всѣ мы идемъ въ немъ обособленно, разрозненно и недружно, настолько мы напоминаемъ всего болѣе Крыловскихъ лебедя, рака и щуку, а не единую, единымъ духомъ знаній, единымъ сознаніемъ цѣли проникнутую могучую и цѣльную боевую силу... А вѣдь отсутствіе такой цѣли сейчасъ-же родитъ безволіе и дряблость, а за ними—*«дефензивъ»*, *«ретираду»* и *«Ласіевъ кордонъ»*...

Итакъ, въ окончательномъ выводѣ, я всецѣло за *«доктрину»* въ военномъ дѣлѣ для Россіи вообще, за *«доктрину»* въ много-страдальномъ крѣпостномъ нашемъ дѣлѣ въ частности,—но все это лишь *на почвъ общихъ здравыхъ тактическихъ началъ, общаго здраваго тактическаго освѣщенія каждаго, хотя бы частнаго, вопроса, раньше передачи его на разработку отдѣльнымъ исполнителямъ по той или другой особой отрасли ихъ вѣдѣнія и знаній.*

Тогда каждый будетъ знать *свой кругъ вѣдѣнія* (свою *цѣль* ²⁾), каждый будетъ имѣть соотвѣтственные тому *средства*, и дѣло от-

1) Примѣръ пользы такого сочетанія знаній—*Р. И. Кондратенко.*

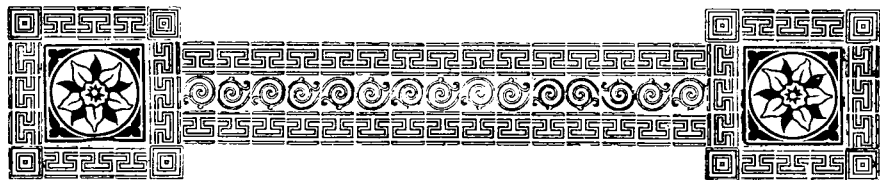
2) *«Всѣхъ солдатъ долженъ понимать свой маневръ»* (Суворовъ).

сюда только выиграетъ, ибо каждое знаніе, каждая способность будутъ приложены *«въ свое время и на своемъ мѣстѣ»*.

А затѣмъ я съ радостью выслушаю каждое слово, которое укажетъ мнѣ мои ошибки, каждое разъясненіе, которое выведетъ меня на истинный путь... Я прошу только вѣрить, что во всемъ, въ этой работѣ высказанномъ, мной руководило одно стремленіе—подойти возможно ближе къ истинѣ,—одно желаніе—счастья и блага,—хотя бы только и въ избранной мной для обсужденія скромной области,—тяжелыми 1904—5 годами измученной нашей дорогой Родинѣ...

А. Блчаниновъ.

СУДЪ ОБЩЕСТВА ОФИЦЕРОВЪ ВЪ РУССКОЙ АРМІИ.

(Историческій очеркъ).

Въ обществѣ и въ печати за послѣднее время проявляется большой интересъ къ судамъ общества офицеровъ. Предположенныя Военнымъ Министерствомъ измѣненія дѣйствующаго «Положенія» объ этихъ судахъ вызываютъ крайне разнообразныя сужденія—и о самой идеѣ офицерскихъ судовъ чести, и о способахъ ихъ функционированія. Надлежащая оцѣнка того или другого учрежденія, по нашему глубокому убѣжденію, должна покоиться на знакомствѣ съ его историческимъ развитіемъ, такъ какъ лишь при этомъ возможно отдать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, насколько данный институтъ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ; насколько онъ изжилъ самого себя и въ какихъ преобразованіяхъ онъ нуждается. Между тѣмъ у насъ въ военной литературѣ совершенно не имѣется сколько нибудь цѣльнаго и полного очерка по исторіи нашего суда общества офицеровъ, что и побуждаетъ насъ предложить вниманію читателей настоящую статью.

Обязанность охраненія достоинства военной службы и воинской чести была впервые возложена на общество офицеровъ еще основателемъ русской регулярной арміи—Петромъ Великимъ. Указомъ 25-го іюля 1721 года было повелѣно: «если гдѣ въ полевыхъ и гарнизонныхъ полкахъ явится офицеръ, которому за шумствомъ и другими непорядочными поступками въ службѣ быть невозмож-

но, и такихъ свидѣтельствовать всѣмъ того полка штабъ и оберъ-офицерамъ по совѣсти и подъ присягою, и такія свидѣтельства заручить имъ, обстоятельно описывая ихъ шумство и другіе непотребные поступки, и потомъ каждому аншефу такое подлинное свидѣтельство при своемъ донесеніи представлять для рѣшенія въ Военную Коллегію» (1 Полн. Соб. Зак., т. VII, № 3807).

Приведеннымъ указомъ было предоставлено обществу офицеровъ каждого полка выражать свое мнѣніе о поведеніи своихъ со товарищей; это право было предоставлено всему офицерскому обществу; свидѣтельство могло быть представлено и въ отношеніи штабъ-офицеровъ, такъ какъ въ указѣ никакихъ изыятій не установлено. Хотя окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало военной коллегіи, но все же права, предоставленныя указомъ 1721 г. обществу офицеровъ, являются довольно значительными. Объемъ этихъ правъ находился въ тѣснѣйшей связи съ большимъ довѣріемъ къ офицерской корпораціи, ярко выраженнымъ какъ въ военномъ законодательствѣ Петра Великаго, такъ и его ближайшихъ преемниковъ. Офицерской корпораціи принадлежалъ рѣшительный голосъ во многихъ военно-административныхъ вопросахъ въ теченіе всего XVIII вѣка и въ Александровскую эпоху. Законодатель, видимо, желалъ участіемъ офицерскаго общества создать извѣстный коррективъ къ обширной власти командировъ полковъ, нѣкоторую гарантію для законосообразнаго пользованія со стороны ихъ этою властью, немаловажную помѣху при желаніи совершить злоупотребленіе.

Такое довѣріе къ офицерской корпораціи тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что оно въ такихъ размѣрахъ не было оказываемо ни въ иностранныхъ арміяхъ того времени, ни у насъ въ послѣдующее время; нельзя при этомъ не замѣтить, что ни умственное, ни нравственное развитіе русскихъ офицеровъ Петровскаго времени не стояло на надлежащей высотѣ. Цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій свидѣлствуетъ о подобномъ довѣріи: указъ 1714 года устанавливаетъ производство въ слѣдующіе чины штабъ и оберъ-офицеровъ не иначе, какъ по свидѣтельству первыхъ—«всеі дивизіи генералитета и штабъ-офицеровъ», а вторыхъ—штабъ и оберъ-офицеровъ одного съ ними полка. Дальнѣйшими указами 1-го января и 24-го іюля 1719 г., 3-го апрѣля 1720 г. и 22-го февраля 1722 г. вводится баллотированіе офицеровъ на вакансіи въ чины, и этотъ порядокъ предписывается къ неуклонному исполненію подъ угрозой строгихъ наказаній. О томъ же баллотированіи

говорять указы 5-го февраля 1731 г., 1-го ноября 1733 г., 2-го августа 1736 г. и 3-го ноября 1740 г. Дѣйствіе этихъ указовъ приостанавливалось лишь иногда въ военное время. Указанное право офицеровъ по баллотированію товарищей въ чины исчезаетъ въ нашей арміи только ко времени Императора Павла I, и хотя затѣмъ не восстанавливается, но за то сохраняютъ полную силу и неоднократно подтверждаются другія, подобному этому, правила. Такъ, указъ 10-го августа 1808 г. предписываетъ офицерамъ, просящимся за ранами и увѣчьями въ отставку, представлять свидѣтельства за подписаніемъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ своихъ полковъ, что они «точно за ранами служить не могутъ», и лишь въ случаѣ представленія такого свидѣтельства они могли быть награждаемы пенсіономъ.

Что же касается права офицерской корпораціи обсуждать поведеніе своихъ сочленовъ, то оно все время сохранялось. Последнее официальное подтвержденіе этого права послѣдовало 5-го мая 1822 г. приказомъ начальника главнаго штаба Е. И. В., которымъ напоминалось обществамъ офицеровъ, чтобы они непремѣнно излагали причины, вслѣдствіе коихъ они увольняютъ изъ полковъ своихъ товарищей.

Какъ функционировали эти зародыши современныхъ судовъ общества офицеровъ, сохранилось немного свѣдѣній. Вотъ какъ представляются ихъ дѣйствія въ началѣ XIX вѣка, по воспоминаніямъ современниковъ, окрашеннымъ, надо думать, нѣсколько въ розовый цвѣтъ: «На обязанности каждаго офицера лежало довести до свѣдѣнія товарищей всякій унижительный для офицерскаго званія поступокъ другого офицера своего полка. Въ предварительномъ обсужденіи поступка принимали участіе всѣ офицерскіе чины полка (даже полковые медики) и, по удостовѣреніи, что поступокъ обнаруживаетъ отсутствіе чести у обвиняемаго офицера, докладывали черезъ старшаго штабъ-офицера полковому командиру о нежеланіи имѣть въ своемъ полку недостойнаго члена корпораціи. Полковой командиръ требовалъ къ себѣ обвиняемаго, объявлялъ ему, въ чемъ онъ обвиняется товарищами, и спрашивалъ его, признаетъ ли онъ себя виновнымъ или нѣтъ. Если онъ признавалъ себя виновнымъ, то тутъ же полковой командиръ, не входя болѣе ни въ какія разбирательства, приказывалъ ему подать прошеніе объ увольненіи отъ службы не далѣе, какъ черезъ 24 часа. Если же обвиняемый отрицалъ свою вину и изъявлялъ желаніе оправдаться, то полковой командиръ собиралъ всѣхъ наличныхъ штабъ

и оберъ-офицеровъ полка, и обвиняемый оправдывался или обличался ими въ виновности. Хотя полковой командиръ и присутствовалъ при этомъ словесномъ разбирательствѣ, но избѣгалъ всякаго участія въ преніяхъ и сохранялъ строгое безпристрастіе. По окончаніи разбирательства командиръ обращался къ офицерамъ съ вопросомъ, удостовѣрились ли они по совѣсти и чести въ невинности обвиняемаго, или остаются при прежнемъ своемъ мнѣніи. Если офицеры по большинству $\frac{2}{3}$ голосовъ подтверждали обвиненіе, то полковой командиръ объявлялъ обвиняемому, что онъ долженъ оставить службу. Этому окончательному рѣшенію, сколько извѣстно, осужденные безспорно подчинялись. Всѣ дѣла и проступки, касавшіеся служебныхъ отношеній, сужденію офицерскихъ обществъ не подлежали. Письменнаго производства не было» ¹⁾).

Описанный порядокъ, несомнѣнно, значительно отличался отъ первоначальнаго, установленнаго указомъ 1721 года. Въ Петровское время, какъ можно судить по указаніямъ изслѣдователей, имѣвшихъ возможность ознакомиться съ немногими сохранившимися дѣлами подобнаго рода, инициатива возбужденія дѣла принадлежала всегда военному начальству, иногда даже военной коллегіи, и все дѣлопроизводство было письменное ²⁾).

Интересно мнѣніе современниковъ о тогдашнихъ офицерскихъ судахъ. Генераль-адъютантъ баронъ Рамзай и генераль-лейтенантъ фонъ-Рейтернъ, начавшіе свою службу въ 1818 г., при обсужденіи въ 1862 г. вопроса о возстановленіи судовъ чести, слѣдующимъ образомъ отзывались о судахъ Александровскаго времени:

«Наши военныя знаменитости того времени поддерживали суды общества офицеровъ; они справедливо видѣли въ этомъ нравѣ суда высокое нравственное учрежденіе, единственное для правительства ручательство въ томъ, чтобы въ рядахъ арміи не было недостойныхъ офицеровъ, и чтобы офицеры всегда и вездѣ исполняли свой долгъ. Это учрежденіе было одною изъ главныхъ нравственныхъ причинъ успѣховъ нашей арміи. Судъ этотъ былъ справедливъ и въ то же время неумолимъ: интригъ и партій не могло быть, потому что въ обществѣ офицеровъ, рѣшавшемъ о судьбѣ и чести товарища, всегда находились люди достаточно твердые и правдивые, чтобы раскрыть и уничтожить предубѣжденіе или клевету. Дис-

¹⁾ Этотъ рассказъ принадлежитъ ген.-адъютанту барону Рамзаю, командовавшему въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія Гренадерскимъ корпусомъ.

²⁾ Сравн. у Розенгейма «Очеркъ исторіи военно-судныхъ учреждений въ Россіи до кончины Петра В. Сиб. 1878 г.», стр. 191—192.

циплина отъ этого порядка не страдала, такъ какъ общество офицеровъ ни въ какомъ случаѣ не имѣло права сужденія поступковъ, касающихся до служебныхъ отношеній, и допущеніе всѣхъ безъ изъятія офицеровъ до участія въ дѣлахъ, гдѣ разсуждалось о чести товарища, не встрѣчало неудобствъ».

Въ 1829, Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ 21-го января, всѣ постановленія о свидѣтельствахъ, выдаваемыхъ обществами офицеровъ, были отмѣнены. Это Высочайшее повелѣніе указывало, что удостовѣренія со стороны офицерскихъ обществъ являются «уменьшающими довѣріе къ аттестаціи начальства и слѣдственно съ правилами строгой военной дисциплины несообразными». Поэтому предписывалось: «на будущее время всякаго рода свидѣтельства и подписки, выдаваемыя до сего времени обществомъ офицеровъ товарищамъ своимъ,—прекратить, вмѣсто же оныхъ принимать во всякомъ случаѣ въ основаніе удостовѣреніе полковыхъ и прочихъ частей командировъ, которыхъ за неправильныя аттестаціи о своихъ подчиненныхъ, если таковыя окажутся впослѣдствіи, подвергать строгой отвѣтственности». Поводомъ къ такой отмѣнѣ послужило происшествіе въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ первой гусарской дивизіи, случившееся въ 1825 году.

Офицеръ нанесъ подполковнику своего полка ударъ, почти безъ всякихъ къ тому побудительныхъ причинъ. Бригадный командиръ и подчиненные ему командиры полковъ просили позволенія у начальника дивизіи написать обиженному письмо за подписью всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ съ изъясненіемъ сожалѣнія о случившемся и о своемъ желаніи, несмотря на происшествіе, продолжать съ нимъ службу. Начальникъ дивизіи не только разрѣшилъ имъ это сдѣлать, но вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ офицерамъ другой бригады ввѣренной ему дивизіи написать подобное же письмо по-несшему невинно оскорбленіе штабъ-офицеру. Полагая, что подписаніе письма не обязательно, но предоставляется усмотрѣнію каждаго, нѣкоторые офицеры этой бригады первоначально отказались дать свою подпись, хотя впослѣдствіи и подписались. Находя въ поступкѣ этихъ офицеровъ уклоненіе отъ исполненія приказанія начальника дивизіи, командиръ корпуса приказалъ арестовать всѣхъ виновныхъ; сверхъ того, по особому представленію начальника дивизіи, нѣкоторые изъ нихъ были уволены отъ службы подъ предлогомъ дурного поведенія. Уволенные, прибывъ въ Петербургъ, подали на Высочайшее имя прошеніе о преданіи ихъ суду для представленія доказательствъ своей невинности. Просьба

была уважена, наряженъ военный судъ. Судъ оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ, съ приговоромъ согласился и военный министръ. Но при этомъ было принято во вниманіе особое мнѣніе аудиторіатскаго департамента, который, усматривая, что упомянутое дѣло было «единственно слѣдствіемъ лишь письма, предложеннаго начальникомъ для подписанія офицеровъ, полагалъ: «воспретить требовать на будущее время такого рода письма, какъ дающія поводъ къ нарушенію военной дисциплины».

Это заключеніе было одобрено Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, и результатомъ его было вышецитированное повелѣніе 21-го января 1829 г.

Нельзя не замѣтить, что описанное происшествіе, подавшее поводъ къ запрещенію выраженія обществами офицеровъ мнѣній о поведеніи своихъ товарищей, въ сущности очень мало относилось къ праву, дарованному этимъ обществамъ Петромъ Великимъ. Впослѣдствіи это было признано и офиціально. Объяснительная записка о судахъ общества офицеровъ, удостоившаяся 5-го марта 1861 г. одобренія Императора Александра II, указываетъ, что «докладъ Аудиторіатскаго Департамента не заключалъ въ себѣ всѣхъ нужныхъ для обсужденія столь важнаго предмета обстоятельствъ». «Въ дѣлѣ, продолжаетъ записка, обнаружилось нѣкоторое стремленіе начальства къ превышенію предоставленной ему закономъ власти, но оно едва ли могло, по строгой справедливости, требовать, чтобы подчиненные безусловно раздѣляли мнѣніе начальника объ ихъ сослуживцѣ».

Такимъ образомъ, въ 1829 году постановленія, введенныя Петромъ Великимъ и получившія затѣмъ на практикѣ за 100 лѣтъ своего существованія своеобразное развитіе, подверглись отмѣнѣ, оставивъ однако жъ не разрѣшеннымъ вопросъ, какъ впредь поступать съ офицерами, оскорбляющими своимъ поведеніемъ достоинство офицерскаго званія, особенно когда при этомъ не было налицо такого дѣянія, которое по свойству своему подлежитъ дѣйствию уголовныхъ законовъ.

Этотъ пробѣлъ въ военномъ законодательствѣ очень чувствительно отзывался на нашей арміи временъ Императора Николая I. Составители «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ» (такъ называлось первое изданіе Дисциплинарнаго Устава въ 1863 г.) съ положительностью утверждали, что уничтоженіе права офицерской корпораціи обсуждать проступки своихъ сочленовъ было одною изъ причинъ обнаружив-

шагося послѣ Крымской войны неудовлетворительнаго состоянія нашего корпуса армейскихъ офицеровъ ¹⁾: «общества офицеровъ лишились существовавшей дотолѣ тѣсной между офицерами связи, ибо каждая отдѣльная личность перестала дорожить мнѣніемъ своихъ сослуживцевъ въ той мѣрѣ, какъ это прежде существовало. Охраненіе неприкосновеннымъ достоинства офицерскаго званія, если можно такъ выразиться, сдѣлалось менѣе возможнымъ. Самый добросовѣстный начальникъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящій за нравственностью своихъ подчиненныхъ, не въ состояніи оцѣнить характеръ каждаго изъ нихъ и его наклонностей,—поэтому многіе проступки, оскорбляющіе мундиръ и честь офицерскаго званія, совершенно ускользаютъ отъ вниманія начальства. Офицеръ, пользующійся общимъ уваженіемъ, трудно рѣшается не только заявить, но и высказать откровенно своему начальнику мнѣніе о поведеніи товарища, болѣе или менѣе неблагородномъ, считая это доносомъ, несомѣстнымъ съ честью порядочнаго человѣка. Поступки офицеровъ, доходящія въ иныхъ случаяхъ до свѣдѣнія ближайшихъ начальниковъ, нерѣдко судятся ими неправильно по отсутствію всѣхъ необходимыхъ данныхъ и, притомъ, или слишкомъ слабо, или напротивъ, излишне строго, по невозможности въ дѣлахъ этого рода розысканіемъ обнаружить всю истину».

Безсиліе единоличной власти военныхъ начальниковъ въ дѣлѣ обезпеченія надлежащаго поведенія офицеровъ «чувствовалось» и въ царствованіе Императора Николая I. Это съ достаточностью выясняется изъ разсмотрѣнія очень интересныхъ архивныхъ матеріаловъ — законодательныхъ работъ по составленію въ 30-хъ и 40-хъ гг. прошлаго столѣтія проекта «Военно-полицейскаго Устава», соотвѣтствовавшаго по своимъ цѣлямъ отчасти нынѣшнему Уставу Дисциплинарному.

При первоначальныхъ работахъ по составленію «Военно-полицейскаго Устава (въ 1837 г.) имѣлось, между прочимъ, въ виду также «опредѣлить мѣры удержанія молодыхъ офицеровъ отъ безпорядковъ и охраненія ихъ нравственности». По проекту 1840 г. охраненіе «добрыхъ нравовъ» было предположено главнымъ образомъ предоставить военнымъ начальникамъ (§§ 8 и 9), на обязанности которыхъ лежитъ преслѣдовать «развратное поведеніе, коимъ почитается преданность пьянству или распутству», а также «роскошъ и мотовство» (§§ 133 и 160). «Но,—устанавливалъ проектъ,—

¹⁾ Труды комитета ген.-ад. Сухозапета. Объяснительная записка, стр. 18 и слѣдующія.

если ни старанія начальства, ни многократно испытанныя военно-полицейскія исправленія, не могли удержать отъ развратнаго поведенія офицера, или лицо, пользующееся особыми правами состоянія, тогда по распоряженію начальника дивизіи (или другого командира съ равною властью), для изслѣдованія всѣхъ проступковъ его назначается комиссія». Составъ этой комиссіи и число ея членовъ не указаны въ проектѣ, но ее предложено было снабдить большими полномочіями. Комиссія эта могла сдѣлать постановленіе «о преданіи суду лицъ штабъ-офицерскаго званія и оберъ-офицеровъ, имѣющихъ не менѣе 10 лѣтъ службы», а относительно прочихъ оберъ-офицеровъ (а также нижнихъ чиновъ, пользующихся особыми правами состоянія)—«объ отосланіи ихъ для дальнѣйшаго исправленія, по распоряженію главнокомандующаго арміей (или командира отдѣл. корпуса или отдѣльнаго въ военное время дивизіоннаго начальника), на определенное ими время въ крѣпость».

Проектъ «Военно-полицейскаго Устава» 1840 г. не определялъ срока заключенія въ крѣпости, вполнѣ предоставляя его усмотрѣнію начальства; въ проектѣ же 1846 г. указывается минимум и максимум срока (отъ 1 недѣли до 3 мѣсяцевъ), причемъ добавляется, что такое крѣпостное заключеніе не связано съ праволішеніями (§ 192 пр. 1846 г.). Относительно режима для содержащихся въ крѣпости въ видахъ военно-полицейскаго исправленія предполагалось постановить слѣдующія правила: «тамъ содержать ихъ въ казематѣ, дабы они, находясь въ уединеніи, могли предаться размышленію о себѣ и раскаянію; по истеченіи же недѣли содержанія дозволить имъ выходить подъ присмотромъ въ церковь къ слушанію богослуженія въ праздничные и другіе дни; во все время содержанія поручать ихъ назиданію опытныхъ духовныхъ лицъ» (объясн. зап. л. 20; пр. § 194). Кромѣ общаго для всѣхъ оберъ-офицеровъ военно-полицейскаго взысканія—заключенія въ крѣпость—упоминается еще о специальномъ наказаніи для исправленія офицеровъ гвардіи:—переводѣ изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ (§ 162).

Неблагопріятныя для арміи послѣдствія отсутствія офицерскихъ судовъ особенно рѣзко стали замѣчаться въ началѣ царствованія Императора Александра II. По окончаніи Крымской войны и уничтоженіи вслѣдъ за симъ резервныхъ частей войскъ, корпуса внутренней стражи и др., полки арміи пополнились офицерами, офиціально охарактеризованными (напр. въ извѣстномъ всеподд.

докладъ ген.-ад. гр. Милютинъ за 1862 г.), какъ «не только не соотвѣтствующими своему назначенію, но даже порочащими офицерское званіе»; накопленіе въ арміи неподходящихъ элементовъ произошло отъ невозможности быть строго разборчивымъ въ выборѣ желающихъ опредѣлиться въ военную службу, когда нужно было одновременно организовать кадры вновь формировавшихся полевыхъ частей и пополнять огромную убыль офицеровъ въ рядахъ сражавшихся полковъ.

Избавить отъ подобныхъ офицеровъ полки арміи въ возможно скоромъ времени было одною изъ первыхъ заботъ Военнаго Министрства. По докладу аудиторіатскаго департамента было испрошено Высочайшее повелѣніе, объявленное въ прик. по воен. вѣд. 8-го августа 1856 г., впоследствии дополненное и разъясненное приказомъ 6-го декабря того же года.

Приказами этими предоставлялось полковымъ командирамъ и начальникамъ, пользующимся одинаковой съ ними властью, войти по командѣ съ рапортами объ офицерахъ, не аттестуемыхъ по кондуитнымъ спискамъ за дурное поведеніе, и по разсмотрѣніи этихъ донесеній корпусными командирами и утвержденіи ихъ, предлагать такимъ офицерамъ подавать просьбы объ увольненіи въ отставку; въ случаѣ же несогласія на это предложеніе—представлять объ увольненіи безъ прошенія, но съ тѣмъ, чтобы въ Высочайшихъ приказахъ не обозначалось причинъ ихъ увольненія. вмѣстѣ съ этимъ признано было необходимымъ, для огражденія военныхъ начальниковъ отъ подачи на нихъ неосновательныхъ жалобъ,—запретить принимать отъ уволенныхъ въ указанномъ порядкѣ офицеровъ просьбы объ изслѣдованіи ихъ проступковъ и о преданіи ихъ суду для доказательства своей невинности.

Подобное законоположеніе, воспрещавшее офицеру, уволенному отъ службы, подавать жалобу, оправдывалось, какъ мѣра необходимости, вызванная чрезвычайными обстоятельствами. Но оставленіе этого правила при нормальной обстановкѣ, по справедливому указанію членовъ законодательнаго комитета, состоявшаго подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Сухожанета, «представляло бы произволу ближайшихъ начальниковъ обширное поле, котораго ограничить не въ силахъ самый строгій надзоръ». Сужденіе это подтверждалось и цѣлымъ рядомъ дѣлъ о несправедливыхъ увольненіяхъ по правиламъ 1856 г. и мнѣніями военныхъ начальниковъ, выраженными при разсмотрѣніи проекта Воинскаго Устава о наказ., разосланнаго на ихъ заключеніе. При этомъ многими изъ нихъ

была высказана мысль объ учрежденіи въ русской арміи судовъ чести по прусскому образцу, или о возстановленіи судовъ общества офицеровъ, существовавшихъ у насъ до 1829 г.

Еще будучи военнымъ министромъ, ген.-ад. Сухозанетъ очень заинтересовался этой мыслью. Въ началѣ 1859 г. сенаторъ Капгеръ (одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей по составленію, какъ Военно-судебнаго устава, такъ и Воин. Устава о наказ.) представилъ ему личный докладъ по вопросу «о судахъ чести». Къ концу того же года Капгеромъ былъ составленъ первоначальный проектъ положенія о подобныхъ судахъ, а къ началу 1861 г.—и «объяснительная записка о судахъ общества офицеровъ», заслужившая собственноручную отмѣтку Императора Александра II: «весьма дѣльно» (5 го марта 1861 г.). Засимъ вопросъ о судахъ общества офицеровъ былъ переданъ военнымъ министромъ для заключенія всѣмъ высшимъ начальствующимъ лицамъ военно-сухопутнаго вѣдомства, и сообщенъ кромѣ того Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ для обсужденія чинамъ флота и адмиралтейства.

Доставленные заключенія показали, что мысль объ учрежденіи офицерскихъ судовъ встрѣтила общее одобреніе, какъ мѣра, которая можетъ имѣть лишь благотѣльное вліяніе на возвышеніе нравственнаго-духа арміи. Только въ одномъ заключеніи представителей военно-сухопутнаго вѣдомства, не возражавшемъ принципиально противъ суда общества, офицеровъ, онъ признавался преждевременнымъ, «такъ какъ понятія о чести и достоинствѣ военнаго званія не развиты между обществами офицеровъ во всѣхъ частяхъ войскъ въ одинаковой степени».

Точно также чинами морского вѣдомства почти единогласно суды общества офицеровъ были признаны чрезвычайно полезнымъ учрежденіемъ. Введеніе этихъ судовъ, по мнѣнію моряковъ, «разовьетъ скорѣе понятіе о военной чести и значеніи военнаго словія». «Больно видѣть, говорить въ своемъ мнѣніи другой морякъ, какъ нашъ мундиръ иногда унижается, и многимъ уже приходилось краснѣть за своихъ сослуживцевъ. Въ понятіяхъ о чести мундира и значеніи офицерскаго званія въ прусской арміи огромная разница съ нашими понятіями объ офицерской чести: тамъ каждый поступокъ офицера, помрачающій честь мундира, обсуждается всѣми офицерами полка со всею строгостью, не ожидая на то предложенія начальства. На этомъ распространенномъ понятіи объ офицерской чести и основано взаимное уваженіе офицеровъ, которое не оставляетъ ихъ ни въ публичномъ мѣстѣ, ни въ гости-

ной; безъ этого понятія и сознанія не можетъ быть и настоящей дисциплины».

Наконецъ, обсужденіе вопроса о судахъ общества офицеровъ переходитъ въ особый «Высочайше учрежденный комитетъ для разсмотрѣнія замѣчаній на проектъ положенія о взысканіяхъ по правиламъ военной дисциплины», образованный въ 1862 г. подъ предсѣдательствомъ бывшаго военного министра генер.-адъют. Сухожанета изъ членовъ отъ вознаго и морского вѣдомствъ.

Разсмотрѣвъ въ 3 засѣданіяхъ данный вопросъ и констатировавъ общее одобреніе военныхъ начальниковъ мысли объ учрежденіи судовъ общества офицеровъ, комитетъ остановился прежде всего на высказанномъ нѣкоторыми лицами мнѣніи, — должно ли ввести этотъ институтъ безъ замедленія во всѣхъ полкахъ и командахъ, или слѣдуетъ допустить его только въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ по нравственному состоянію офицерскаго общества можно ожидать благотворныхъ послѣдствій?, причемъ единогласно разрѣшили этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ.

При разрѣшеніи слѣдующаго вопроса — объ организаціи суда общества офицеровъ — комитетъ имѣлъ въ виду нѣсколько предположеній о желательномъ устройствѣ этихъ судовъ.

Въ 1861 г. сен. Капгеромъ было проектировано учредить суды общества офицеровъ въ видѣ особыхъ полковыхъ комитетовъ по представленію командира полка, съ разрѣшенія начальника дивизіи, — для разсмотрѣнія оберъ-офицерскихъ дѣлъ; для сужденія штабъ-офицеровъ — въ видѣ дивизионныхъ комитетовъ. Составъ этихъ комитетовъ проектировался изъ 8 штабъ-офицеровъ дивизіи, по старшинству чиновъ, — въ штабъ-офицерскихъ судахъ, и изъ 4 штабъ-офицеровъ и 4 оберъ-офицеровъ полка, назначаемыхъ также по старшинству чиновъ и службы, — въ оберъ-офицерскихъ судахъ. При сообщеніи проекта высшимъ военнымъ начальникамъ, были, между прочимъ, выражены очень многими лицами мнѣнія о желательности установленія выборнаго начала въ члены комитетовъ порядкомъ, существовавшимъ въ то время въ арміи для избранія полковыхъ казначеевъ и квартирмистеровъ, вмѣсто того чтобы предоставлять назначеніе судей случайности старшинства, ибо «между старшими офицерами могутъ быть и такіе, которые не внушаютъ довѣренности обществу офицеровъ». Великій Князь Константинъ Николаевичъ при этомъ высказалъ, что суды общества офицеровъ «могутъ принести всю ожидаемую пользу только тогда, когда будутъ служить живымъ выраженіемъ мнѣнія лицъ,

тѣсно связанныхъ между собою, когда получать они, такъ сказать, характеръ суда семейнаго. Суды въ томъ устройствѣ, какъ они предлагаются проектомъ, будутъ болѣе походить на временныя военно-судныя комиссіи, наряжаемыя начальствомъ, чѣмъ на суды семейныя, ибо, естественно, что между офицерами цѣлой дивизіи, но разныхъ полковъ, расположенныхъ часто на довольно большомъ пространствѣ, слѣдовательно вовсе не знающими иногда другъ друга, не можетъ быть той тѣсной, сознательной и живой связи, которая составляетъ существенную основу въ судахъ сего рода. При устраненіи всякаго участія сампхъ офицеровъ въ назначеніи суда и выборѣ судей, основываемомъ единственно на старшинствѣ чина, приговоръ суда будетъ имѣть законообязательную силу, но не можетъ имѣть нравственно-обязательной. Поэтому судъ общества офицеровъ долженъ быть образованъ съ допущеніемъ участвовать въ немъ всѣмъ наличнымъ офицерамъ, или, по крайней мѣрѣ, съ допущеніемъ учреждать особыя для сего комиссіи, по общему, свободному всѣхъ офицеровъ полка, выбору». Подобное же мнѣніе изложилъ командиръ гвардейскаго корпуса генераль-адъютантъ Плаутинъ, добавивъ, что, «если ужъ нельзя допустить выборнаго начала въ обществѣ офицеровъ, то гораздо было бы рациональнѣе замѣнить предполагаемое въ проектѣ правило назначеніемъ въ составъ суда по одному старшему отъ cadaго чина до поручика включительно». Тотъ же взглядъ—о необходимости приданія суду общества офицеровъ характера суда семейнаго—выразили также Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и другіе высшіе начальники. Существо ихъ мнѣній сводилось къ тому, что «судъ общества офицеровъ долженъ быть предоставляемъ не отдѣльному какому либо комитету, составленному по распоряженію начальства изъ опредѣленнаго числа офицеровъ, по всему наличному обществу ихъ, не касаясь вопроса о старшинствѣ въ чинахъ и не допуская никакого участія начальства въ назначеніи офицеровъ для этого суда по личному своему избранію. Только такой судъ можетъ заинтересовать всѣхъ офицеровъ полка до младшаго включительно».

Комитетъ ген.-ад. Сухозанета, вполнѣ присоединившись къ вышеприведеннымъ соображеніямъ Великаго Князя Константина Николаевича, нашелъ необходимымъ, чтобы въ каждомъ полку «по выбору всего общества оберъ-офицеровъ былъ составляемъ совѣтъ посредниковъ для предварительнаго дознанія или собранія свѣдѣній объ офицерѣ, подвергшемъ себя нареканію, и чтобы за-

тѣмъ къ постановленію о немъ приговора допущено было все общество оберъ-офицеровъ, находящихся на лицо, не исключая ни прапорщиковъ, ни состоящихъ въ полку или командѣ военныхъ чиновниковъ». Далѣе комитетъ призналъ, что «опасеніе, будто черезъ допущеніе всего общества офицеровъ къ выборамъ и постановленію приговора данъ будетъ поводъ къ шумнымъ сборищамъ, едва ли справедливо, ибо и нынѣ (т. е. въ 60-хъ г.г.) все общество офицеровъ избираетъ казначея полка и квартирмистра». Совѣтъ посредниковъ комитетъ рѣшилъ составить въ каждомъ полку изъ 5-ти (по одному изъ каждаго чина), а въ отдѣльныхъ баталіонахъ и артилерійскихъ бригадахъ—изъ 3-хъ лицъ, избираемыхъ на годъ всѣми оберъ-офицерами полка; въ составъ посредниковъ не воспрещалось избирать и штабъ-офицеровъ.

Предположенная комитетомъ организація суда, съ нѣкоторыми частными измѣненіями, составила содержаніе §§ 99—102 «Положенія объ охраненіи воинской дисциплины и взысканіяхъ дисциплинарныхъ», Высочайше утвержденнаго 6 іюля 1863 г.

Что касается круга лицъ, подвѣдомственнымъ судамъ общества офицеровъ, то слѣдуетъ замѣтить, что первоначально (въ 1859 и въ 1861 г.г.) предполагалось подвергать этимъ судамъ и оберъ-офицеровъ, и штабъ-офицеровъ. Въ заключеніяхъ военныхъ начальниковъ на проектъ 1861 г. подсудность штабъ-офицеровъ вызвала возраженія. Высказывалось при этомъ о неудобствѣ «выражать въ законѣ сомнѣніе, что дослужившійся до званія штабъ-офицера могъ бы унижать себя до поступковъ, недостойныхъ офицерскаго званія».

Комитетъ ген.-ад. Сухозанета разсуждалъ по поводу этого слѣдующимъ образомъ:

«По существу учрежденія судовъ общества офицеровъ, въ дѣлѣ чести всѣ офицерскія званія, не исключая и штабъ-офицерскаго, не должны различествовать между собою, и поэтому слѣдовало бы, казалось, штабъ-офицеровъ наравнѣ съ оберъ-офицерами подвергать суду общества офицеровъ. Но осуществленіе сей мысли представляетъ многія важныя неудобства. Званіе штабъ-офицера пріобрѣтается продолжительною службою и соединено съ занятіемъ или исправленіемъ важныхъ въ военной службѣ должностей; въ этомъ званіи находятся баталіонные, дивизіонные и батарейные командиры—лица, испытанныя въ служебной опытности и знаніи своего долга; обязанности ихъ вообще, начиная съ младшаго штабъ-офицера, совершенно иныя, чѣмъ обязанности ротныхъ команди-

ровъ, и часто совпадаютъ съ начальственными правами полковыхъ командировъ, а потому несообразно было бы подвергать штабъ-офицера въ одномъ случаѣ, т. е. когда онъ не начальствуетъ, суду общества офицеровъ, а въ другомъ, когда онъ командуетъ какою либо частью, таковому суду его не подвергать; сверхъ того, въ офицерскомъ судѣ штабъ-офицеръ не будетъ имѣть достаточнаго числа защитниковъ, пользующихся съ нимъ одинаковыми правами, и большинство голосовъ всегда будетъ на сторонѣ оберъ-офицеровъ; судъ офицерскій едва ли будетъ безпристрастенъ надъ штабъ-офицеромъ, особенно, когда онъ облеченъ былъ званіемъ начальника, хотя и временно, но обращалъ строгое вниманіе на упущенія подчиненныхъ; или когда штабъ-офицеръ поступилъ изъ другого вѣдомства или другой части войскъ въ такую, гдѣ старшему капитану нужна только одна вакансія»... По мнѣнію комитета, допущеніе подобнаго суда надъ штабъ-офицеромъ «уронило бы значеніе штабъ-офицерскаго званія не только безъ пользы для службы, но даже въ противность духу воинскаго чинопочитанія»; «неоправдывающій своего значенія штабъ-офицеръ можетъ всегда, безъ всякой огласки, быть удаленъ по распоряженію начальства». Введеніе особаго штабъ-офицерскаго суда изъ штабъ-офицеровъ дивизіи комитетъ нашелъ практически неудобнымъ и въ виду всего вышеизложеннаго единогласно призналъ, что изъ суда общества офицеровъ слѣдуетъ изъять не однихъ полковыхъ командировъ и командировъ равной съ ними власти, но и всѣхъ штабъ-офицеровъ. Такое правило и вошло въ жизнь.

По вопросу о компетенціи судовъ общества офицеровъ, при первоначальной разработкѣ предположеній объ этихъ судахъ, былъ проектированъ (въ 1859 г.) перечень тѣхъ дѣлъ, которыя имъ были бы подвѣдомственны. Перечень этотъ заключалъ въ себѣ 12 пунктовъ, большею частью заимствованныхъ изъ прусскаго положенія 1843 г.: недостатокъ рѣшительности, задолженность, неправильный выборъ знакомствъ, склонность къ пьянству или къ игрѣ, неприличное поведеніе въ публичныхъ мѣстахъ и т. п. Въ перечень указаны и нѣкоторыя чисто уголовныя дѣянія: «воровство и грабежъ, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и на театрѣ войны» (п. 7), «дозванное корыстолюбіе по ротному, или баталіонному, или полковому хозяйству» (п. 12) и т. п. Но затѣмъ эти предположенія, по очевидной невозможности составить вполне исчерпывающій перечень, были оставлены, и компетенція судовъ была опредѣлена въ общихъ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ нынѣ дѣйствующему закону (ст.

130 Дисц. Уст. изд. 1900 г.). Относительно сдѣланнаго нѣкоторыми военными начальниками предложенія присоединить къ числу дѣлъ, разбираемыхъ офицерскими судами, дѣла о поединкахъ, комитетъ ген. ад. Сухозанета единогласно призналъ, что «неудобно узаконить право на поединокъ, какъ сіе отчасти сдѣлано въ Пруссіи, чрезъ предоставленіе обществу офицеровъ обсужденія необходимости поединка и, въ случаѣ утвердительнаго его разрѣшенія, обязывать съ тѣмъ вмѣстѣ военный судъ смягчать положенное за поединокъ наказаніе. Законъ не можетъ дать такого права обществу и дозволить кровопролитіе, ибо самоуправство вооруженною рукою никогда не должно быть формально разрѣшаемо. Но такъ какъ встрѣчаются случаи, къ коихъ необходимо предостеречь молодого человѣка отъ заблужденія по пылкости его возраста, а человѣка заносчиваго — отъ нанесенія другому безвинно оскорбленія, то разборъ случающихся между офицерами ссоръ, по поводу нанесенныхъ обидъ, можетъ быть предоставленъ посредникамъ и судамъ общества офицеровъ. Цѣль такого разбора заключается въ предупрежденіи поединка изъ за пустыхъ причинъ; при благоразумномъ и справедливомъ разбирательствѣ дѣла товарищами, можно допустить, что возникшая вражда будетъ прекращена примиреніемъ чрезъ представленіе обѣимъ сторонамъ дружескихъ убѣжденій, или несправедливо обидѣвшій будетъ принужденъ извиниться передъ невинно имъ оскорбленнымъ, или, наконецъ, будетъ удаленъ самими офицерами изъ полка или команды, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ доставитъ удовлетвореніе и самому обиженному».

Въ 1867 г., въ связи съ общимъ пересмотромъ «Положенія о взысканіяхъ дисциплинарныхъ» (во 2-мъ его изданіи 1855 г.), подверглась пересмотру и 9-я глава этого «Положенія» — о судѣ общества офицеровъ. Офицерскіе суды при этомъ встрѣтили крайне рѣзкое и отрицательное къ себѣ отношеніе. Мнѣніе такого рода было хотя и единственнымъ среди другихъ, но за то исходило отъ высоко-авторитетнаго лица. Рѣшительнымъ противникомъ судовъ общества офицеровъ явился въ 1868 г. Великій Князь Николай Николаевичъ, бывшій раньше ихъ сторонникомъ, но потомъ, видимо, окончательно въ нихъ разочаровавшійся. «Правила о судѣ общества офицеровъ, гласитъ мнѣніе Великаго Князя, подлежатъ исключенію изъ «Положенія». Судъ этотъ заимствованъ у насъ изъ прусскихъ военныхъ законовъ. Но и въ Пруссіи онъ врядъ ли приноситъ какую либо пользу; заимствованный и тамъ изъ германскихъ университетовъ и студенческихъ корпорацій, онъ ведетъ

прямо и совершенно послѣдовательно къ узаконенію поединка, что и видимъ изъ постановленій о прусскомъ Ehrengericht. Впрочемъ, не предрѣшая въ какой мѣрѣ полезенъ въ Пруссіи судъ общества офицеровъ, можно положительно сказать, что у насъ въ Россіи онъ оказался вреднымъ. На практикѣ онъ является до сихъ поръ только орудіемъ въ рукахъ партіи въ полку, желающей выжить не принадлежащаго къ ней товарища, и орудіемъ всесильнымъ, ибо судъ общества офицеровъ—безапелляціонный, и приговоры его не могутъ быть кассированы даже высшимъ военнымъ начальствомъ. Эта то безапелляціонность суда и составляетъ главный его недостатокъ; между тѣмъ характеръ суда таковъ, что онъ не допускаетъ апелляціи. По всѣмъ этимъ причинамъ, а также и потому, что судъ общества офицеровъ былъ введенъ у насъ ввидѣ опыта, и что почти четырехлѣтній опытъ не доказалъ пользы учрежденія, лучше бы, казалось, самое учрежденіе это упразднить»...

Мнѣнія военныхъ начальниковъ обсуждались въ особой комиссіи ген. отъ инф. Ушакова, вырабатывавшей нынѣ дѣйствующій Дисциплинарный Уставъ (въ 1-мъ изданіи кн. XXIII С. В. П. 1869 г.). Комиссія эта нашла, что такъ какъ «учрежденіе суда общества офицеровъ составляетъ знакъ Монаршаго довѣрія къ нашимъ офицерамъ, предоставляющее имъ право самимъ охранять честь своего полка и мундира, и такъ какъ уровень нравственности и образованія между нашими офицерами, какъ положительно удостовѣряють о томъ главные военные начальники, не упадаетъ, а напротивъ ежегодно возвышается,—то едва ли возможно лишить армію той Монаршей милости, которая была имъ дарована въ 1863 г. возобновленіемъ существовавшаго прежде суда общества офицеровъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ большинство комиссіи генерала Ушакова выразило мнѣніе о настоятельной необходимости переустройства офицерскихъ судовъ на иныхъ началахъ, сравнительно съ «Положеніемъ» 1863 г. «Начала эти, какъ формулировало свои пожеланія большинство, состоятъ въ томъ, въ 1-хъ, что судъ долженъ производиться не всѣмъ обществомъ, а только отдѣльнымъ числомъ избранныхъ представителей офицерской семьи; во 2-хъ,—въ участіи въ судѣ лишь офицеровъ старшихъ чиновъ, такъ какъ военный бытъ основывается на іерархическомъ отношеніи чиновъ, и старшинство чина опредѣляетъ уже большее служебное значеніе и нравственное вліяніе въ полку» А потому предлагаемый большинствомъ комиссіи проектъ допускалъ выборы въ члены офицерскаго суда лишь только изъ числа штабъ-

офицеровъ, ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ не ниже штабсъ-капитанскаго чина.

Всѣ эти измѣненія были приняты и Главнымъ Военнымъ Судомъ, обсуждавшемъ вопросъ въ засѣдательномъ порядкѣ, и затѣмъ удостоились утвержденія, составивъ XIV главу Дисциплинарнаго Устава (изд. 1869 г.).

Очень скоро вновь возникъ вопросъ о пересмотрѣ «Положенія о судахъ общества офицеровъ». Въ 1872 г. Императоръ Александръ II обратилъ вниманіе на несовершенство дѣйствовавшихъ правилъ, и въ слѣдующемъ году была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ ген. адъют. Ланского изъ 20-ти членовъ—исключительно военно-сухопутнаго вѣдомства—для переработки этихъ правилъ.

Въ коммиссіи почти одинаковымъ числомъ членовъ (6 и 7) были представлены два довольно противоположныхъ взгляда на задачи и цѣли офицерскаго суда. Одни высказывали, что дѣйствительный контроль надъ поведеніемъ офицера возможенъ лишь со стороны его товарищей. Общество офицеровъ, будучи облечено правомъ такого контроля и въ силу этого невольно слѣдя за жизнью и дѣйствіями своихъ членовъ, дѣлается строже и къ самому себѣ, самосовершенствуется, вырабатываетъ для себя руководящіе принципы и слѣдовательно является прямымъ и самымъ лучшимъ пособникомъ своего начальника въ дѣлѣ нравственнаго руководства подвѣдомственныхъ ему офицеровъ. Такимъ образомъ, офицерскій судъ, поднимая общество офицеровъ до полной нравственной самостоятельности, способствуетъ сплоченію его въ одно цѣлое и поддержанію въ его средѣ такихъ началъ, которыя, составляя духъ части, составляютъ и главный залогъ ея успѣховъ въ военное время. При этомъ весьма важно то, что подобная самостоятельность общества офицеровъ не подрываетъ власти начальника и не нарушаетъ дисциплинарныхъ отношеній къ нему со стороны офицерскаго кружка, ибо судъ открывается не иначе какъ съ разрѣшенія начальника части, имѣющаго, слѣдовательно, полную возможность оцѣнить значеніе причинъ, заставляющихъ общество прибѣгнуть къ столь серьезной мѣрѣ, какъ сужденіе товарища. По изложеннымъ соображеніямъ сторонники этого теченія стояли за восстановленіе въ полномъ объемѣ «Положенія» 1863 г.—т. е. совѣта посредниковъ и суда всѣхъ офицеровъ.

Представители другого теченія исходили изъ иного основного начала—изъ опредѣленія въ законѣ обязанностей и круга служеб-

ной дѣятельности полкового командира, обязаннаго знать поведеніе и способности своихъ подчиненныхъ и удерживать ихъ отъ безпорядковъ и являющагося, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ руководителемъ всего общества офицеровъ. Законодатель, по ихъ мнѣнію, имѣлъ въ виду учрежденіемъ судовъ общества офицеровъ лишь облегчить полковому командиру исполненіе его обязанностей по надзору за ввѣренными ему чинами, а вовсе не желалъ создавать въ полку самостоятельное учрежденіе, которому было бы представлено исключительное право рѣшать всѣ вопросы, касающіеся чести полка. Съ этой точки зрѣнія они находили «Положеніе» объ офицерскихъ судахъ невыдержаннымъ, не всегда отводящимъ должную роль военному начальству и поэтому нуждающимся въ соотвѣтственномъ исправленіи. Отдѣльными членами комисіи ген. ад. Ланского были предложены и оригинальные проекты желательнаго порядка. Такъ, нѣкоторыми предлагался институтъ выборныхъ делегатовъ отъ офицерскаго общества съ правомъ не суда, а лишь обсужденія поступковъ того или другого изъ товарищей. Мнѣніе выборныхъ должно быть представляемо командиру полка для окончательнаго разрѣшенія дѣла, или для дальнѣйшаго направленія его по командѣ.

Очень подробное и интересное заключеніе для комисіи ген.-ад. Ланского было дано въ 1874 году. Командующимъ войсками Кіевскаго военного округа ген. ад. Дрентельномъ. Это заключеніе заслуживаетъ быть приведеннымъ съ нѣкоторою подробностью.

Выразивъ прежде всего предположеніе, что мысль о необходимости существеннаго измѣненія правилъ объ офицерскихъ судахъ явилась главнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на многихъ начальниковъ дѣломъ Квитницкаго, разбиравшимся въ Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ въ началѣ 1874 г., ген.-ад. Дрентельнъ продолжаетъ:

«Дѣйствительно, если и слышались иногда жалобы на офицерскіе суды, то онѣ имѣли характеръ общаго недовольства начальствующихъ лицъ, и нареканія падаютъ на это учрежденіе вообще а не на подробности положенія о семъ предметѣ. Изъ этого я вывожу то заключеніе, что большинство лицъ, желающихъ измѣненія правилъ о судахъ чести, неясно отдають себѣ отчетъ въ существѣ побужденій, которыми они руководятся. Сущность правъ, предоставленныхъ дисциплинарнымъ уставомъ обществу офицеровъ каждой отдѣльной части, заключается въ возможности исключать изъ своей среды товарища, который поведеніемъ своимъ вообще, или

какимъ либо неодобрительнымъ поступкомъ, роняетъ достоинство офицера и бросаетъ тѣнь на корпусъ офицеровъ, или употребляя обще-принятое выраженіе «мараешь мундиръ». Указывая затѣмъ на условность сложившихся въ офицерской средѣ взглядовъ о томъ, что именно можетъ считаться предосудительнымъ для достоинства и чести мундира, Ген. ад. Дрентельнъ не только не считаетъ на основаніи этого суды чести безнолезными, а напротивъ полагаетъ, что они и должны оставаться «со свойственными имъ недостатками и предразсудками, на которыхъ нерѣдко зиждется мнѣніе офицерскаго общества о чести и достоинствѣ мундира». «Офицерскіе суды несомнѣнно должны способствовать къ поддержанію чувства чести въ офицерской средѣ, которая начинаетъ теперь (т. е. въ началѣ 70-хъ гг. XIX в) пополняться людьми изъ такихъ слоевъ общества, въ которыхъ понятіе о добрѣ и злѣ не ниже того, которое имѣетъ дворянское сословіе, но гдѣ понятіе о чести весьма мало развито. Съ другой стороны гражданская жизнь общества и его воззрѣнія врываються въ среду военнаго общества, на которомъ уже, видимо, начинаютъ отражаться меркантильныя соображенія вѣка. Въ былое время офицеръ считалъ всякій трудъ за денежное вознагражденіе ниже своего достоинства, всякое коммерческое предпріятіе—унизительнымъ, ссуду денегъ кому бы то ни было за проценты—позорнымъ; въ настоящее время—офицеры служатъ по частнымъ дѣламъ, пускаются въ разныя торгovyя предпріятія, содержатъ фотографіи и т. п. Конечно, всякій трудъ честенъ, но, во первыхъ, нельзя опредѣлить границы, на которой должно остановиться по этому пути; можно дойти до того, что офицеръ будетъ содержать гласную кассу ссудъ или табачную лавочку, гдѣ будетъ торговать въ свободное отъ службы время; во вторыхъ, слѣдуетъ опасаться, что подобное коммерческое направленіе приведетъ къ тому, что служебныя обязанности останутся на заднемъ планѣ. Къ сожалѣнію, надо сказать, что это уже и случается. Полагаю, что въ интересахъ арміи и поддержанія офицерскаго достоинства слѣдуетъ ухватиться и за предразсудки, когда въ нихъ не заключается ничего вреднаго и нротивнаго нравственности, и не отнимать у себя одного изъ средствъ для достиженія цѣли, ради желанія не лишать законной защиты передъ судомъ общества офицеровъ тѣхъ изъ обвиняемыхъ, которые въ рѣдкихъ случаяхъ будутъ осуждены чрезмѣрно строго. Слѣдуетъ отказаться отъ желанія предоставить эту защиту, въ особенности въ виду того, что приговоръ суда чести обязываетъ подвергшагося оному исключительно

только къ выходу изъ общества, которое не желаетъ имѣть его въ своей средѣ». Полагая поэтому, что необходимо сохранить за офицерами право суда надъ своими товарищами, ген. адъютантъ Дрентельнъ не усматривалъ оснований для измѣненія въ существѣ дѣйствовавшаго закона, будучи убѣжденъ, что неудачное приложеніе къ дѣлу тѣхъ или иныхъ правилъ о судѣ общества офицеровъ происходитъ преимущественно отъ того, что самые вопросы, обсуждаемые въ этомъ судѣ, не могутъ быть рѣшаемы на основаніи точныхъ опредѣленій закона, а приговоры постановляются нерѣдко на основаніи воззрѣній, сложившихся въ офицерской средѣ, не всегда согласныхъ съ писаннымъ закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Свое мнѣніе о необходимости существованія офицерскихъ судовъ чести ген.-ад. Дрентельнъ подкрѣплялъ указаніемъ на тотъ фактъ, что всегда, и до изданія закона 1863 г., офицеры неофициальнымъ путемъ исключали изъ полковъ нежелательныхъ имъ товарищей, и что, если правила будутъ отмѣнены, — «результатъ будетъ тотъ же»¹⁾.

Пересмотръ «Положенія о судахъ общества офицеровъ» комисіей ген.-ад. Ланского, а затѣмъ — Главнымъ Военнымъ Судомъ, свелся въ концѣ концовъ къ нѣкоторымъ частнымъ измѣненіямъ закона объ этихъ судахъ, утвержденнымъ 31-го января 1877 г., и въ этомъ видѣ «Положеніе» вошло во 2-е изданіе XXIII кн. св. В. П. (1879 г.). Самое крупное нововведеніе состояло въ установленіи кассационнаго порядка обжалованія приговоровъ.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по инициативѣ ген.-ад. Ванновскаго и князя Имеретинскаго, снова возникъ вопросъ о желательности измѣненія «Положенія о судѣ общества офицеровъ».

При этомъ ген.-адъют. князь Имеретинскій, занимавшій въ то время постъ главнаго военнаго прокурора, представилъ обширныя соображенія по данному вопросу.

«Вникая въ значеніе приговоровъ суда общества офицеровъ, а также принимая во вниманіе порядокъ, существовавшій у насъ до 1829 г. относительно удаленія изъ среды войскъ офицеровъ, недостойныхъ по своимъ поступкамъ оставаться на службѣ, и организацію такъ называемыхъ судовъ чести въ Германіи и Австріи», князь Имеретинскій склонялся въ пользу возстановленія суда общества офицеровъ въ томъ первоначальномъ его видѣ, въ кото-

¹⁾ Впослѣдствіи, въ 80-хъ годахъ, ген.-ад. Дрентельнъ значительно измѣнилъ свои воззрѣнія на значеніе суда общества офицеровъ.

ромъ онъ былъ учрежденъ у насъ въ 1863 г. и существовалъ до 1869 года.

«По самой идеѣ суда общества офицеровъ, полагалъ кн. Имеретинскій, приговоръ его долженъ выражать взглядъ всѣхъ вообще офицеровъ отдѣльной части войскъ. Приговоръ этотъ долженъ слагаться изъ единичныхъ мнѣній всѣхъ товарищей обвиняемаго о томъ, насколько дѣйствія послѣдняго противны правиламъ нравственности и благородства». «Отсюда очевидно, продолжалъ онъ, что въ произнесеніи такого приговора должно участвовать все общество офицеровъ, и притомъ непосредственно, лично. Только такой приговоръ можетъ имѣть въ глазахъ судимаго полную нравственно-обязательную силу, и только такому приговору онъ не можетъ не подчиниться сознательно и безпрекословно. Въ принципѣ съ этимъ соглашаются и противники состава суда изъ всѣхъ офицеровъ части, потому что они не допускаютъ членовъ офицерскаго суда по назначенію или по старшинству чиновъ, но по выбору всего общества офицеровъ, признавая, что приговоръ этихъ выборныхъ лицъ и долженъ представлять приговоръ какъ бы всего офицерскаго общества. Въ существѣ же между тѣмъ и другимъ большая разница. Выборъ офицера въ члены суда выражаетъ только извѣстное довѣріе къ нему товарищей, но отнюдь не полную солидарность съ нимъ во взглядахъ и понятіяхъ...»

Проектируя организацію суда общества офицеровъ въ общемъ по типу «Положенія 1863» (совѣтъ посредниковъ и судъ общаго собранія офицеровъ), кн. Имеретинскій предполагалъ въ то же время весьма значительное расширеніе круга лицъ, подлежащихъ дѣйствію судовъ чести. Въ первомъ проектѣ (1884 года) этимъ судамъ предлагалось подчинить штабъ-офицеровъ, генераловъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства. Впослѣдствіи вопросъ о подсудности генераловъ отпалъ «въ виду высокаго, изолированнаго положенія генераловъ въ Россіи»; отпалъ точно также вопросъ и о подчиненіи офицерскимъ судамъ военныхъ чиновниковъ. «При настоящемъ (въ 80-хъ гг.) положеніи у насъ военныхъ чиновниковъ едва-ли послѣдовательно установить правила о сужденіи ихъ въ судахъ общества офицеровъ» — разсуждали составители окончательнаго проекта (1885 г.). «На званіе чиновника и на носимый имъ мундиръ далеко не установилось такого взгляда въ военной средѣ, который давалъ бы основаніе заботиться объ охраненіи достоинства и чести этого званія, а равно и внѣшнихъ его признаковъ». Они считали несправедливымъ предъявлять къ воен-

нымъ чиновникамъ «тѣ же требованія къ поддержанію чести мундира и достоинства званія, а равно и связанныхъ исключительно съ этимъ правилъ доблести и благородства, которыя обязательны для корпуса офицеровъ», при этомъ примѣръ Германіи и Австріи, гдѣ иногда чиновники подлежатъ офицерскимъ судамъ чести, не былъ признанъ достаточно убѣдительнымъ, «ибо въ сихъ странахъ положеніе военныхъ чиновниковъ совершенно иное, чѣмъ у насъ». Впрочемъ, принципиально польза подчиненія гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства судамъ общества офицеровъ—не отвергалась.

Что касается подсудности штабъ-офицеровъ, то она считалась исполнѣ желательною княземъ Имеретинскимъ и составителями проекта 1885 г.

«Такъ какъ нельзя отрицать возможности со стороны штабъ-офицеровъ такихъ поступковъ и дѣйствій, которые роняютъ достоинство офицерскаго званія и которые расходятся съ правилами нравственности и благородства, то, казалось бы, нѣтъ основаній дѣлать для нихъ въ семъ отношеніи какое-либо изъятіе». Обсужденіе проступковъ штабъ-офицеровъ, по мнѣнію объяснительной записки къ проекту, могло бы лишь въ томъ случаѣ умалить ихъ служебное достоинство и авторитетъ, если бы было допущено ихъ сужденіе въ томъ же судѣ, который установленъ и для оберъ-офицеровъ, т. е. если бы оберъ-офицеры были допущены къ суду надъ штабъ-офицерами. Поэтому для суда надъ штабъ-офицерами проектировался особый судъ—изъ «всѣхъ наличныхъ штабъ-офицеровъ, состоящихъ въ мѣстѣ нахождения окружного штаба, въ числѣ не менѣе 12-ти, подъ предѣдательствомъ генерала, назначаемого по усмотрѣнію командующаго войсками округа». Этотъ же судъ долженъ былъ явиться и апелляціонною инстанціею для оберъ-офицерскихъ судовъ.

Возникалъ, между прочимъ, и вопросъ о распространеніи вѣдомства суда общества офицеровъ на офицеровъ отставныхъ. По этому вопросу были высказаны не безынтересныя соображенія:

«Едва ли при учрежденіи суда общества офицеровъ имѣлось въ виду содѣйствовать поднятію уровня взглядовъ на честь и доблесть воинскаго званія среди отставныхъ. Подобная задача была бы излишня при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся офицеры, оставившіе службу, и, кромѣ того, осуществленіе ея на практикѣ представлялось бы крайне затруднительнымъ, потому что трудно вообще услѣдить за образомъ дѣйствій и поведеніемъ офицеровъ, не со-

стоящихъ на дѣйствительной службѣ, а также выяснитъ, какія съ ихъ стороны дѣйствія могутъ считаться настолько же предосудительными, насколько они признаются таковыми со стороны офицеровъ, состоящихъ на службѣ, для которыхъ строго обязательно соблюденіе правилъ и требованій, вытекающихъ изъ понятія корпоративной воинской чести, но совершенно теряющихъ значеніе въ обыденной жизни отставныхъ. Разница между корпусомъ офицеровъ, состоящихъ на службѣ, и между оставившими ее, хотя бы и съ воинскимъ званіемъ, доказывается уже и тѣмъ, что признанный виновнымъ въ поступкахъ, роняющихъ честь и достоинство офицерскаго званія, не лишается послѣдняго, а только удаляется изъ офицерской среды на общемъ основаніи увольненіемъ въ отставку. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что при охраненіи воинской чести и доблести офицерскаго званія не малое значеніе имѣетъ и охраненіе собственно чести мундира, какъ внѣшняго выраженія офицерскаго достоинства. А потому казалось бы возможнымъ и достаточнымъ распространить дѣйствіе суда общества офицеровъ на состоящихъ въ запасѣ и пользующихся правомъ ношенія или обязательно носящихъ офицерскій мундиръ».

Проектъ 1885 г., разосланный на заключеніе главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ и корпусныхъ командировъ, не встрѣтилъ въ общемъ сочувствія большинства запрошенныхъ лицъ; были высказаны пожеланія остаться при прежнихъ порядкахъ, выставлялись отдѣльныя замѣчанія лишь по поводу тѣхъ или иныхъ частныхъ неудобствъ дѣйствовавшаго закона. Принципіальныхъ противниковъ суда общества офицеровъ среди военныхъ начальниковъ на этотъ разъ не оказалось.

Отзывы военныхъ начальниковъ на проектъ 1885 г. представляютъ не мало очень любопытныхъ сужденій и замѣчаній о разныхъ сторонахъ дѣятельности офицерскихъ судовъ того времени. Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности сдѣлать общій обзоръ и характеристику всѣхъ этихъ заключеній. Ограничимся лишь самыми существенными и оригинальными мнѣніями.

Суды общества офицеровъ въ той формѣ, въ какой они были учреждены въ 1863 г. и въ какой предлагались проектомъ, большинство признавало «мало соответствующими требованіямъ порядка и дисциплины». «Суды эти дѣйствуютъ съ небольшимъ успѣхомъ, съ нѣкоторымъ успѣхомъ они дѣйствуютъ лишь тамъ, гдѣ командиры руководятъ всѣмъ относящимся до дѣятельности офицерскаго суда»,—замѣчаетъ ген.-ад. Дренгельнъ. Съ другой сто-

роны, онъ считаетъ общеизвѣстнымъ, что «во многихъ, и надо прибавить, самыхъ именитыхъ, полкахъ положеніе о судѣ общества офицеровъ остается мертвой буквой: въ официальныхъ ежегодныхъ отчетахъ значится, что въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ не было случаевъ, подвергавшихся разсмотрѣнію офицерскаго суда; а между тѣмъ въ этихъ именно полкахъ, въ которыхъ офицеры особенно строго относятся къ тому, что по преемственно сложившимся въ обществѣ офицеровъ полка понятіямъ считается предосудительнымъ,—не проходитъ года, чтобы одинъ, а иногда и нѣсколько офицеровъ, не были присуждены оставить полкъ по требованіямъ товарищей. Никакой организаціи для этого не существуетъ, видимаго разногласія не бываетъ, и дѣло подъ вліяніемъ старшихъ товарищей, пользующихся большимъ авторитетомъ, рѣшается безапелляціонно и безъ всякой огласки. Командиру полка бываетъ все извѣстно, но изъ полка соръ не выносятъ, и дѣло остается тайною для всѣхъ, кромѣ офицеровъ полка».

Ген.-ад. Свѣчинъ (командиръ 10-го армейскаго корпуса) находилъ, что «офицерскіе суды плохо привились въ нашей арміи, не составляютъ живой части ея организма, не возвысили понятія и чести въ арміи и не развили въ ней корпоративнаго духа».

Къ офицерскимъ судамъ внѣ полка (напримѣръ, къ штабъ-офицерскимъ, проектированнымъ по одному на округъ)—отношеніе давшихъ заключеніе лицъ въ общемъ вполнѣ отрицательное: «офицерскій судъ можетъ имѣть значеніе только въ своей семьѣ ограниченной кружкомъ офицеровъ каждой отдѣльной части, или не болѣе, какъ семьей офицеровъ одного рода оружія, гдѣ существуютъ свои обычаи и понятія» (ген.-ад. Гурко).

Въ проектѣ, или вѣрнѣе въ объяснительной къ нему запискѣ, между прочимъ, высказывалось мнѣніе, что «суды общества офицеровъ должны руководствоваться не взглядами замкнутаго кружка офицеровъ какой-либо отдѣльной части, а разумнымъ взглядомъ, установившимся во всемъ корпусѣ офицеровъ». Это мнѣніе встрѣтило со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ энергичныя возраженія: «если бы отъ офицерскаго суда, говорили они, дѣйствительно требовалось выраженіе взглядовъ корпуса офицеровъ всей арміи, то гораздо логичнѣе было бы составлять офицерскіе суды не въ каждомъ полку отдѣльно, а сборные, изъ представителей различныхъ частей, что устранило бы лицепріятіе, расчетъ на ускореніе вакансіоннаго производства и т. п. Однако, въ такомъ видѣ офицерскій судъ не существуетъ нигдѣ. Всюду понимаютъ, что

офицерскій судъ есть учрежденіе чисто корпоративное, принадлежащее не всей арміи, а каждой отдѣльной части; всюду сознають, что полки арміи отнюдь не тождественныя единицы, отличающіяся только одеждою и обмундированіемъ, но суть коллективныя нравственныя особи, имѣющія, конечно, много общаго, какъ члены одной семьи, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющія и ясно обозначенныя особенности—послѣдствіе ихъ исторической жизни. Можно опасаться поэтому, что то, что «записка» называетъ «мелочнымъ интересомъ кружка» въ дѣйствительности составляетъ индивидуальныя особенности полка, его духъ, его фizioномію. Стремиться къ уничтоженію всего этого, къ приведенію всѣхъ полковъ къ одному лицу, нивелировать ихъ,—было бы величайшею ошибкою, во-первыхъ, потому, что немыслимо въ большой арміи, комплектуемой изъ элементовъ столь разнородныхъ, добиться одного нравственного уровня; во-вторыхъ, потому—и это главное,—что, касаясь особенностей части, мы неминуемо разрушимъ ея нравственную индивидуальность, тотъ духъ ея, который связываетъ во едино отдѣльныхъ лицъ, привязываетъ ихъ къ своей части такую горячею привязанностью, о которой вдали отъ войскъ нельзя составить себѣ и представленія...»

Въ концѣ 1887 г. была, съ соизволенія Государя Императора Александра III, образована комисія изъ 17 членовъ военного вѣдомства, подъ предѣлательствомъ генераль-адъютанта Гурко, назначеніе которой было выработать окончательный текстъ новаго изданія Устава Дисциплинарнаго; вопросы, касающіеся судовъ общества офицеровъ, эта комисія рассмотрѣла въ трехъ засѣданіяхъ.

Предположеній о коренной переработкѣ дѣйствовавшаго закона объ офицерскихъ судахъ чести при этомъ вовсе уже не возбуждалось; обсужденію и измѣненію подверглись лишь отдѣльныя статьи.

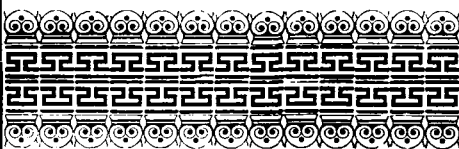
За двадцать одинъ годъ, протекшій со времени изданія въ 1888 г. нынѣшняго Устава Дисциплинарнаго, «Положеніе о судахъ общества офицеровъ» почти не подвергалось какимъ-либо измѣненіямъ. Надо лишь отмѣтить изданіе въ 1894 г. «Правилъ о порядкѣ разбирательства ссоръ въ офицерской средѣ» (такъ называемый законъ о поединкахъ), которыя составляютъ нынѣ приложеніе къ «Положенію» объ офицерскихъ судахъ (къ ст. 130 Уст. Дисц.).

Было бы не лишено интереса остановиться для сравненія на организаціи судовъ чести въ морскомъ вѣдомствѣ, но это вывело бы насъ за предѣлы поставленной себѣ задачи. Достаточно здѣсь отмѣтить, что во флотѣ, строго говоря, не существуетъ судовъ *общества офицеровъ*: у моряковъ по Положенію 1864 г. имѣлся судъ *общаго собранія флагмановъ и капитановъ*; по нынѣ дѣйствующему военно-морскому дисциплинарному уставу (кн. XVII Св. Мор. Пост.) судъ этотъ называется судомъ капитановъ. Онъ составляется при каждой флотской дивизіи (или отрядѣ) изъ всѣхъ наличныхъ командировъ экипажей, подъ предсѣдательствомъ младшаго флагмана. Для производства дознанія избирается оберъ-офицерами изъ своей среды совѣтъ посредниковъ, причемъ требуется, чтобы въ составъ этого совѣта входилъ непременно одинъ представитель отъ каждаго экипажа. Сверхъ того, совѣтъ иногда играетъ роль суда чести первой инстанціи, но окончательное рѣшеніе каждаго вопроса объ увольненіи въ отставку, или объ оправданіи обвиняемаго, принадлежитъ исключительно суду капитановъ. Суду капитановъ подвѣдомственны и офицеры корпуса инженеръ-механиковъ, и офицеры, числящіеся по адмиралтейству.

Какъ извѣстно, нынѣ дѣйствующее «Положеніе о судѣ общества офицеровъ» нашей арміи вновь вступило въ фазу пересмотра. Изложеніе сущности предполагаемой реформы и оцѣнка проектируемыхъ измѣненій существующаго порядка не входятъ въ цѣли настоящаго очерка.

Н. Вишняковъ.

Общества вспомошествованія бывшихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній.

Въ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія начали постепенно учреждаться общества вспомошествованія бывшимъ воспитанникамъ различныхъ военно-учебныхъ заведеній и ихъ семьямъ, впавшимъ въ нужду, и въ настоящее время существуютъ подобныя общества почти во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

Возникшія подъ впечатлѣніемъ тяжелаго положенія, въ которомъ часто находились бывшіе воспитанники военно-учебныхъ заведеній, потерпѣвшіе неудачи на жизненномъ пути какъ по своей винѣ, такъ и по независявшимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, эти общества, учрежденныя ихъ болѣе счастливыми товарищами, среди которыхъ было конечно не мало людей, съ значительнымъ служебнымъ и административнымъ опытомъ, сразу были поставлены, по ихъ организаціи, на достаточно прочныя основанія. Средства же тѣхъ обществъ, получаемыя добровольными взносами и пожертвованіями, постепенно увеличиваясь, достигли значительныхъ размѣровъ, простираясь у нѣкоторыхъ изъ нихъ до 20—30 тысячъ неприкосновеннаго капитала, при ежегодной смѣтѣ доходовъ и расходовъ до трехъ тысячъ рублей.

Но указанныя суммы, значительныя самп по себѣ, всетаки, въ большинствѣ случаевъ, недостаточны для оказанія помощи въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ желательно было бы оказывать помощь, судя по степени нужды обращающихся за ней, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ отчеты большинства обществъ.

Это обстоятельство заставляет обратить вниманіе на современную организацію обществъ, чтобы дальнѣйшимъ ея усовершенствованіемъ дать средства къ еще болѣе продуктивной ихъ дѣятельности. Необходимо при этомъ еще имѣть въ виду, что указанные общества, кромѣ непосредственной цѣли, для которой они учреждены, служатъ попутно еще отличнымъ средствомъ для объединенія бывшихъ воспитанниковъ каждаго заведенія, давая имъ возможность собираться періодически, для того чтобы работать въ такомъ истинно товарищескомъ дѣлѣ, какъ помощь однокашникамъ, впавшимъ въ нужду.

Цѣли и устройство всѣхъ обществъ вспомоствованія бывшихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній почти совершенно одинаковы, и уставы ихъ отличаются другъ отъ друга, по большей части, несущественными подробностями, что объясняется конечно, прежде всего, однородностью состава обществъ и тождественностью преслѣдуемыхъ ими задачъ, почему при выработкѣ уставовъ вновь учреждаемыхъ обществъ представлялась, обыкновенно, возможность пользоваться, какъ образцами, уставами уже существовавшихъ къ тому времени обществъ.

Всѣ общества ставятъ своей задачей оказывать бывшимъ воспитанникамъ своего учебнаго заведенія, а иногда и служившимъ въ немъ на классныхъ должностяхъ лицамъ, впавшимъ въ нужду, и ихъ семьямъ, слѣдующіе виды помощи: а) выдавать нуждающимся лицамъ единовременныя или періодическія денежныя пособія; б) прискивать занятія лицамъ еще способнымъ къ труду; в) помѣщать на свои средства больныхъ въ больницы, а неспособныхъ къ труду и немощныхъ въ богадѣлни и т. п. учрежденія и г) давать средства на ученіе и воспитаніе въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ дѣтей бывшихъ воспитанниковъ даннаго военно-учебнаго заведенія.

Дѣйствительными членами обществъ, съ правомъ рѣшающаго голоса на общихъ собраніяхъ, могутъ быть бывшіе воспитанники своего учебнаго заведенія, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и служившіе въ немъ на классныхъ должностяхъ лица, уплачивающія ежегодно опредѣленный уставомъ членскій взносъ (2—3 рубля) или внесшія сразу опредѣленную уставомъ сумму (50—100 руб.). Средства обществъ составляются изъ указанныхъ членскихъ взносов дѣйствительныхъ и пожизненныхъ членовъ, изъ пожертвованій какъ членовъ обществъ, такъ и постороннихъ лицъ, изъ доходовъ съ устраиваемыхъ обществами платныхъ спектаклей, музыкальныхъ и танцевальныхъ вечеровъ и т. п.

Главное руководство дѣлами обществъ, утвержденіе смѣтъ доходовъ и расходовъ и провѣрка дѣятельности распорядительныхъ органовъ обществъ (правленія, комитеты, комиссіи) лежитъ на общихъ собраніяхъ членовъ обществъ, созываемыхъ разъ въ годъ обязательно, а по мѣрѣ надобности—и чаще. Непосредственное веденіе дѣлъ обществъ лежитъ на ихъ правленіяхъ (комитетахъ), члены которыхъ, въ числѣ отъ 9 до 15, выбираются общимъ собраніемъ на извѣстные сроки (обыкновенно 3 года); члены правленій сами изъ своей среды выбираютъ предсѣдателя, секретаря и казначея, которые, какъ и всѣ остальные члены правленій, служатъ дѣлу общества безвозмездно. Въ уставахъ всѣхъ обществъ введено, что часть денежныхъ поступленій (обыкновенно 10⁰/о) обращается въ неприкосновенный капиталъ общества, что гарантируетъ непрерывный ростъ этого капитала. Правленія почти всѣхъ обществъ находятся въ Петербургѣ, и здѣсь же происходятъ и общія собранія членовъ обществъ.

Изъ всѣхъ видовъ помощи, осуществляемой обществами, чаще всего приходится оказывать помощь выдачею единовременныхъ или періодическихъ пособій, и это представляется неизбѣжнымъ потому, что въ тѣхъ тяжелыхъ случаяхъ бѣдственнаго положенія, въ которыхъ часто оказываются просители, прежде всего является необходимымъ оказать имъ немедленно денежную помощь, а затѣмъ принять, если нужно, и другія мѣры. Но этотъ видъ помощи является въ то же время и самымъ несовершеннымъ, такъ какъ, несмотря на принимаемыя, въ большинствѣ случаевъ, членами правленій и обществъ тщательныя обслѣдованія семейнаго и имущественнаго положенія просителей, всетаки далеко не всегда можно быть увѣренностью, что помощь оказана дѣйствительно безусловно въ ней нуждающимся, такъ какъ всегда могутъ найтись люди, легко смотрящіе на полученіе помощи отъ обществъ и потому просящіе о ней далеко еще не въ случаѣ крайней нужды. Къ этому необходимо еще прибавить, что обслѣдованія семейнаго и имущественнаго положенія иногороднихъ просителей является довольно медленнымъ и сложнымъ дѣломъ, вслѣдствіе затруднительности обыкновенно подыскать лицъ, которые взяли бы на себя производство обслѣдованія, и значительнаго времени, необходимаго на обслѣдованіе и сообщеніе объ его результатахъ.

Изложенныя обстоятельства приводятъ къ тому, что указанный видъ помощи, доставляя всего болѣе работы членамъ правленій, въ то же время даетъ наиболѣе поводовъ къ неудовольствію про-

сителей на недостаточность и несвоевременность выдачи пособій и къ нареканіямъ со стороны отдѣльных членовъ обществъ на недостаточную осмотрительность правленій при выдачѣ пособій.

Второй видъ помощи, оказываемой обществами,—пріисканіе занятій лицамъ, еще способнымъ къ работѣ, въ дѣйствительности очень рѣдко можетъ быть осуществляемъ обществами, несмотря на то, что онъ является, казалось бы, наиболѣе желательнымъ. Большинство воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній избираютъ своей карьерой Государственную службу, и тѣ изъ нихъ, которые оставляютъ эту службу безъ достаточнаго пенсіоннаго обезпеченія, принуждены дѣлать это или вслѣдствіе утраты или значительнаго пониженія трудоспособности, или же вслѣдствіе совершенныхъ ими проступковъ по службѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они врядъ ли могутъ быть полезными и въ иномъ какомъ либо родѣ дѣятельности, тѣмъ болѣе, что къ ней они обыкновенно являются и совершенно неподготовленными. Этими обстоятельствами объясняется тщетность хлопотъ большинства обществъ о доставленіи ихъ бывшимъ однокашникамъ, впадшимъ въ нужду, какихъ либо занятій.

Не много сравнительно успѣшнѣе бываютъ ходатайства обществъ о доставленіи занятій и членамъ семействъ ихъ однокашниковъ. При значительномъ предложеніи у насъ всѣхъ видовъ интеллигентнаго труда, далеко превышающемъ спросъ, только наиболѣе способныя и энергичныя лица могутъ получить такія занятія, которыя давали бы имъ достаточныя средства къ жизни. Но такія лица и не обращаются обыкновенно къ помощи обществъ, а прибѣгаютъ къ ней только наименѣе приспособленныя къ жизни, которыя или совсѣмъ не могутъ найти себѣ занятій, или имѣютъ такой ничтожный заработокъ, что не могутъ все-таки обходиться безъ посторонней матеріальной помощи. Хотя хлопоты обществъ о доставленіи занятій для членовъ семействъ и бываютъ обыкновенно сравнительно успѣшнѣе, чѣмъ хлопоты о томъ же для главъ семействъ, оставившихъ государственную службу, вслѣдствіе не полной пригодности къ ней, тѣмъ не менѣе довольно часто бываютъ случаи, что съ большимъ трудомъ доставленное мѣсто все-таки не удерживается получившимъ его лицомъ, вслѣдствіе недостаточной его энергіи и трудоспособности.

Опредѣленіе больныхъ и престарѣлыхъ бывшихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній и членовъ ихъ семей въ лечебныя заведенія и благотворительныя учрежденія не можетъ получить

пока широкаго примѣненія вслѣдствіе недостаточности на это средствъ у большинства обществъ. Содержаніе больныхъ за плату въ сколько нибудь благоустроенныхъ лечебныхъ заведеніяхъ, а престарѣлыхъ въ богадѣльняхъ, стоитъ въ Россіи отъ 30 до 100 р. въ мѣсяцъ, или отъ 360 до 1200 руб. въ годъ, что составитъ для самыхъ богатыхъ обществъ отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{3}$ ихъ годового бюджета. Между тѣмъ, это расходъ такого рода, что разъ начатый по отношенію какого либо лица онъ уже обыкновенно не можетъ быть прекращенъ до выздоровленія больного или до смерти призрѣаемаго въ богадѣльнѣ, почему этотъ расходъ является особенно ощутительнымъ для средствъ обществъ не только вслѣдствіе своего размѣра, но и вслѣдствіе своего ддящагося характера. При недостаточности у насъ вообще лечебныхъ и благотворительныхъ заведеній, гдѣ можно было бы даже за плату помѣстить больного или престарѣлаго, станетъ понятнымъ, почему общества вспомошествованія практикуютъ этотъ видъ помощи въ недостаточныхъ размѣрахъ, несмотря на его желательность.

Выдача пособій на ученіе и воспитаніе дѣтей практикуется большинствомъ обществъ въ довольно широкихъ размѣрахъ, причемъ пособія выдаются не только на начальное и среднее образованіе, но иногда даже и на высшее образованіе.

Объясняется это какъ сознаніемъ всего нашего интеллигентнаго общества пользы образованія, такъ и строго опредѣленнымъ въ большинствѣ случаевъ размѣромъ этихъ пособій, обусловливаемыхъ установленной платой въ учебныхъ заведеніяхъ, а также возможностью принять мѣры, чтобы выданныя на эту надобность деньги не получили другого назначенія, для чего большинство правленій вносятъ плату за обученіе непосредственно въ учебное заведеніе, не выдавая денегъ на руки родителямъ.

При выдачѣ пособій на ученіе и воспитаніе дѣтей большинство обществъ признаетъ, что хотя эти пособія и выдаются единовременно пополугодно или погодно, но что выдача пособія одинъ разъ не достигаетъ цѣли и что разъ выданное пособіе уже налагаетъ нѣкоторое нравственное обязательство на общество поддерживать матеріально выбранное лицо во все время прохожденія имъ курса учебнаго заведенія. Это воззрѣніе обществъ заставляетъ съ одной стороны особенно осмотнительно выбирать кандидатовъ для оказанія помощи этого рода, а съ другой стороны побудило многія общества выдѣлить особые капиталы, проценты съ которыхъ идутъ исключительно только на ученіе и воспитаніе дѣтей, что обеспечи-

ваетъ постоянную наличность средствъ на эту надобность, независимо отъ размѣра поступленій въ данномъ году въ кассу общества. Наибольшее расположеніе обществъ именно къ этому виду помощи своимъ одноклассникамъ выражается нагляднымъ образомъ въ томъ, что почти всѣмъ капиталамъ, спеціально собраннымъ или выдѣленнымъ изъ общихъ капиталовъ обществъ, для увѣковѣченія памяти лицъ, особенно потрудившихся для образованія и развитія обществъ, придано именно это назначеніе—служить дѣлу воспитанія дѣтей.

Такова въ общемъ дѣятельность всѣхъ существующихъ обществъ вспомошествованій. Наиболѣе же существенныя различія въ дѣятельности обществъ, зависящія отчасти отъ ихъ уставовъ, а отчасти и отъ установившихся въ нихъ порядковъ заключаются въ слѣдующемъ.

Какъ было уже выше сказано, въ однихъ обществахъ дѣйствительными членами могутъ быть только бывшіе воспитанники даннаго учебнаго заведенія, въ другихъ же обществахъ въ дѣйствительные члены могутъ вступать и служащіе и служившіе въ немъ на офицерскихъ и класныхъ должностяхъ лица. Въ однихъ обществахъ производится выдача пособій лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, въ другихъ же обществахъ это не допускается. Точно также только въ нѣкоторыхъ обществахъ допускается выдача заимообразныхъ пособій, въ другихъ же обществахъ выдача заимообразныхъ пособій признается неудобной, такъ какъ взыскивать таковыя пособія принудительнымъ образомъ невозможно, всякій же получившій пособіе при желаніи, конечно, можетъ его возвратить.

Первыя, по времени основанія, общества вспомошествованія военно-учебныхъ заведеній состояли въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, учреждаемыя же въ послѣднее время вводили въ свои уставы указаніе, что они состоятъ въ вѣдѣніи военнаго министерства; съ 1905 года, согласно Высочайше утвержденному 14-го февраля того года положенію военнаго совѣта (приказъ по военному вѣдомству 1905 г. № 163) всѣ общества вспомошествованія военно-учебныхъ заведеній должны состоять въ вѣдѣніи военнаго министерства. Но въ означенномъ положеніи военнаго совѣта не оговорено, къ вѣдѣнію какого именно главнаго управленія военнаго министерства должны относиться общества вспомошествованія, и въ настоящее время на практикѣ каждое общество числится въ томъ главномъ управленіи, въ которомъ числится и соответствующее военно-учебное заведеніе, а именно: общества вспомошествованія Михайловскаго и Константиновскаго артилерійскихъ училищъ—въ главномъ артилерійскомъ управленіи, Николаевскаго

инженернаго училища—въ главномъ инженерномъ управленіи, остальныхъ же военно-учебныхъ заведеній въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Передача всѣхъ обществъ въ вѣдѣніе военнаго министерства дать возможность установить въ настоящее время ихъ дѣятельность на вполнѣ одинаковыхъ основаніяхъ и принять мѣры къ еще болѣе продуктивному расходованію ихъ средствъ.

Въ отношеніи организаціи всѣхъ обществъ прежде всего, казалось бы, необходимымъ сосредоточить всѣ ихъ неприкосновенные капиталы при какомъ нибудь казенномъ учрежденіи. Не желая допускать даже и мысли о возможности растраты кѣмъ либо изъ членовъ правленій общественныхъ денегъ, необходимо всетаки имѣть въ виду, что храненіе не только денегъ, но даже и документовъ общества на дому у частныхъ лицъ представляетъ опасность въ смыслѣ возможности ихъ покражи и полученія съ помощью ихъ подложнымъ способомъ процентныхъ бумагъ или денегъ изъ банка. При сосредоточеніи же всѣхъ неприкосновенныхъ капиталовъ обществъ въ казенномъ учрежденіи эта опасность въ значительной степени устраняется, такъ какъ на рукахъ у членовъ правленій и вообще въ ихъ распоряженіи будутъ сравнительно незначительныя суммы, необходимыя лишь на текущіе расходы ¹⁾.

Затѣмъ было бы весьма полезно если бы военное министерство выработало одинъ общій нормальный уставъ для обществъ, по которому и должны будутъ открываться новыя общества, существующимъ же обществамъ слѣдуетъ предоставить перейти къ новому уставу или остаться при старыхъ, по ихъ желанію. При выработкѣ нормальнаго устава необходимо прежде всего разрѣшить вопросъ, могутъ ли лица учебно-административнаго состава даннаго учебнаго заведенія, получившія воспитаніе не въ немъ, быть членами общества. Вопросъ этотъ слѣдовало бы рѣшить опросомъ обществъ, но въ тѣхъ обществахъ, гдѣ эти лица въ настоящее время могутъ быть дѣйствительными членами, они не должны, казалось бы, быть лишены этого права, и во всякомъ случаѣ это право должно быть сохранено за тѣми лицами, которыя нынѣ состоятъ дѣйствительными членами обществъ, вмѣстѣ съ правомъ на помощь отъ обществъ, въ случаѣ нужды, имъ самимъ и ихъ семьямъ.

¹⁾ *Отъ редакціи.* Существующими уставами разныхъ обществъ предусмтрѣнъ способъ храненія принадлежащихъ обществамъ капиталовъ, и врядъ ли какимъ нибудь уставомъ допускается храненіе общественныхъ денегъ на дому у частныхъ лицъ, въ размѣрахъ большихъ, чѣмъ необходимо для удовлетворенія текущихъ потребностей.

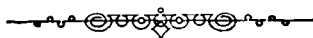
Точно также, казалось бы, долженъ быть рѣшенъ совершенно опредѣленно и категорически вопросъ, могутъ ли лица, состоящіе на Государственной службѣ, пользоваться денежною помощью отъ обществъ.

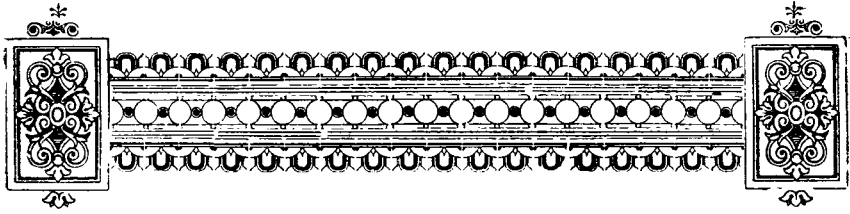
Затѣмъ слѣдовало бы для всѣхъ обществъ установить одинъ и тотъ же отчетный годъ, съ 1-го января, потому, что установленные въ настоящее время для многихъ обществъ начальные сроки отчетнаго года: со дня храмоваго праздника соотвѣтствующаго учебнаго заведенія, съ 1-го сентября, какъ начала учебнаго года и т. п. не представляя существенныхъ выгодъ, создаютъ неудобства въ веденіи кассовой отчетности. Это относится особенно къ тѣмъ случаямъ, когда начальнымъ срокомъ отчетнаго года дѣятельности общества считается день храмоваго праздника учебнаго заведенія; отчетъ за истекшій годъ къ этому сроку все равно не можетъ быть составленъ, ибо необходимо дать время правленію общества на составленіе отчета уже по окончаніи отчетнаго года, а между тѣмъ этотъ срокъ потому то и назначенъ, что предполагалось ко дню праздника собирать общія собранія, которымъ и докладывать отчетъ за прошлый годъ.

Кромѣ храненія неприкосновенныхъ капиталовъ обществъ и составленія нормальнаго устава военное министерство можетъ оказать содѣйствіе обществамъ еще предоставленіемъ въ существующихъ лечебныхъ заведеніяхъ свободныхъ мѣстъ для помѣщенія въ нихъ *за плату* лицъ, нуждающихся въ медицинской помощи и состоящихъ подъ покровительствомъ общества, такъ какъ устройство собственныхъ лечебныхъ заведеній не подѣ силу ни одному изъ обществъ.

Изложенныя мѣры, въ случаѣ ихъ осуществленія, должны значительно облегчить дѣятельность обществъ вспомошествованій бывшимъ воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній; если же кромѣ изложеннаго ежегодно будетъ объявляться въ газетахъ officialный отчетъ о дѣятельности всѣхъ существующихъ таковыхъ обществъ, то это несомнѣнно возбудитъ къ нимъ интересъ со стороны многихъ изъ бывшихъ воспитанниковъ, до сего времени по различнымъ причинамъ не состоящихъ членами этихъ обществъ, и даже породитъ извѣстное соревнованіе между различными обществами въ дѣлѣ наилучшаго осуществленія взятыхъ ими на себя задачъ.

М. Т.

Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Приамурья, Сахалина и Уссурийскаго края.

(Окончаніе ¹⁾).

ГЛАВА V.

Дипломатическія сношенія съ Китаемъ. — Наша нота въ трибуналъ 1853 года. — Предоставленіе Муравьеву вести непосредственныя сношенія съ китайскимъ правительствомъ. — Ургинская разграничительная комсія и ея переговоры съ кяхтинскимъ градоначальникомъ. — Записка Ребиндера. — Высочайшая директива о необходимости для Россіи владѣть лѣвымъ берегомъ Амура. — Переговоры въ Маринскѣ. — Первая мысль о заселеніи Амура казаками. — Отношеніе къ этой мысли петербургской дипломатіи. — Перемены въ личномъ составѣ правительства. — Взглядъ Императора Александра II на амурскій вопросъ. — Посольство гр. Путятина и мнѣніе по этому поводу Муравьева. — Прибытіе гр. Путятина въ Кяхту. — Мѣры Муравьева для поддержанія престижа посольства. — Отъѣздъ гр. Путятина изъ Кяхты въ Печелійскій заливъ. — Путятинъ въ устьѣ Нейхо. — Полная неудача посольства въ отношеніи амурскаго вопроса. — Тяньцзинскій трактатъ. — Переговоры въ Айгунѣ. — Тактика Муравьева по отношенію къ китайскимъ уполномоченнымъ. — Заключеніе трактата 16 мая 1858 года. — Муравьевъ — графъ Амурскій. — Его знаменательное письмо Ковалевскому. — Планъ гр. Муравьева о производствѣ на Амурѣ ряда работъ: по усиленію обороны устьевъ рѣки, по созданію опорныхъ точекъ на среднемъ и нижнемъ теченіи, по устройству гавани въ Николаевскѣ, по занятію и укрѣпленію Де-Кастри, по урегулированію судоходства на Ингодѣ, Шилкѣ и Амурѣ. — Заключеніе по этому плану гр. Путятина и сужденія Сибирскаго комитета. — Поселеніе на Амурѣ забайкальскихъ казаковъ. — Первые станицы. — Образованію Амурскаго казачьяго войска. — Казаки на Уссуріи и условія ихъ водворенія. — Положеніе объ Амурскомъ казачьемъ войскѣ. — Штабъ-квартиры регулярныхъ войскъ. — Возбужденіе вопроса о точномъ установленіи границъ въ Уссурийскомъ краѣ. — Посольство Игнатьева. — Его прибытіе въ Пекинъ и переговоры. — Мѣропріятія гр. Муравьева демонстративнаго характера. — Засѣданіе Амурскаго комитета въ Высочайшемъ присутствіи. — Заключеніе Пекинскаго договора 2 ноября 1860 года.

Приморская область была организована еще въ то время, когда вопросъ о разграниченіи нашихъ и китайскихъ владѣній въ Восточной Сибири былъ далекъ отъ окончательнаго разрѣшенія. По этому поводу велись дипломатическія сношенія.

¹⁾ См. «Воен. Сборн.» № 11

Еще въ 1853 году, когда Невельской, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ, чтобы доказать неотъемлемую по Нерчинскому трактату принадлежность Россіи низовій Амура и Уссурійскаго края, когда фактъ этотъ онъ устанавливалъ не только теоретически, но и практически, путемъ занятія военными постами все новыхъ и новыхъ пунктовъ, когда Муравьевъ пошелъ уже и дальше, настаивая на необходимости закрѣпленія за Россіей всего лѣваго берега Амура отъ Усть-Стрѣлки до Великаго океана,—въ это самое время, 16 іюня 1853 года, отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ полетѣла въ Пекинъ дипломатическая нота удивительнаго содержания: въ ней восточному, приморскому, району присвоивалось значеніе второстепенное, ею лишь просили китайцевъ сообразовать высылкою уполномоченныхъ для установки пограничныхъ знаковъ въ западной части Восточной Сибири, у верховьевъ рѣки Горбицы. Этою нотою китайцамъ предоставили прекрасную и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую почву для борьбы съ настояніями сибирскихъ властей. Китайцы, конечно, съ удовольствіемъ пошли на встрѣчу желаніямъ нашей дипломатіи, желаніямъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ русскими интересами. Благополучное разрѣшеніе вопроса было заторможено прочно и надолго. Горько сѣтовалъ на эту ноту Муравьевъ и сѣтовалъ не одинъ годъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Великому Князю Константину Николаевичу онъ говоритъ даже, что счелъ своимъ долгомъ представить Государю Императору, въ собственные руки, секретную записку, «въ которой не могъ скрыть затрудненій, возникающихъ отъ извѣстнаго листа изъ нашего сената въ китайскій трибуналъ 16 іюня 1853 года; *недобросовѣстность этого документа очевидна, и цѣль министерства иностранныхъ дѣлъ вполне достигнута*» (курсомой).

Идя на встрѣчу пожеланіямъ, выраженнымъ нашею дипломатіею въ 1853 году, пекинскій трибуналъ отвѣтилъ, что распоряженіе о высылкѣ чиновниковъ, пока въ Ургу, сдѣлано. «Но—значилось далѣе въ отвѣтномъ листѣ—вашъ генераль-губернаторъ, для защиты отъ нападенія англійскаго флота, занялъ на рѣкѣ Сунгари (читай—Амурѣ) отъ моря нѣсколько городовъ и нѣсколько селеній, издавна платящихъ дань нашему государю. Муравьевъ вовсе не заботится о поддержаніи двухсотлѣтняго дружественнаго согласія и твердаго мира, и потому просимъ вразумить Муравьева».

Само собою разумѣется, Муравьевъ не могъ не усмотрѣть въ такомъ оборотѣ вопроса увѣренности китайцевъ, что дѣйствія его,

генераль-губернатора, являются самовольными и расходящимися со взглядами высшаго русскаго правительства. Оставлять трибуналъ въ такой увѣренности, по его мнѣнію, было невозможно, какъ не представлялось соотвѣтственнымъ интересамъ дѣла и отстраненіе мѣстной сибирской власти отъ веденія переговоровъ съ Китаемъ и тѣмъ болѣе при тогдашней обстановкѣ. Внутри Китая шло сильное броженіе; внутреннія смуты грозили переменой династии; страна, незадолго передъ тѣмъ закончившая войну съ англо-французами, была наканунѣ новой войны съ ними же. Всѣмъ этимъ можно было воспользоваться въ нашихъ интересахъ, воспользоваться въ удобную минуту, а учесть выгодный моментъ было гораздо легче на границахъ Китая, чѣмъ за тридевять земель отъ него. И вотъ, Муравьевъ подаетъ въ январѣ 1854 г. въ Амурскій комитетъ, состоявшій тогда подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника Цесаревича, записку, въ которой проситъ «сообщить изъ нашего сената въ трибуналъ внѣшнихъ сношеній для свѣдѣнія, что, по отдаленности и настоящимъ смутнымъ обстоятельствамъ въ Китаѣ, предоставлено именно генераль-губернатору Восточной Сибири входить въ сношенія въ нужныхъ случаяхъ съ симъ трибуналомъ». При этомъ Муравьевъ думалъ установить такой порядокъ: по предметамъ, не терпящимъ отлагательства, онъ можетъ сноситься съ Китаемъ «по усмотрѣнію», доводя о важнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ для доклада Государю Императору; по предметамъ особой важности, но не весьма спѣшнымъ, онъ обязанъ представлять въ то же министерство, на Высочайшее утвержденіе, проекты нотъ; наконецъ, по всѣмъ прочимъ дѣламъ генераль-губернатору сообщаются Высочайшія повелѣнія. Результатомъ разсмотрѣнія записки Муравьева, въ общемъ одобренной, явился «листъ» въ трибуналъ отъ 6 февраля 1854 года, въ которомъ, между прочимъ, было изложено: «Такъ какъ..... ходъ обстоятельствъ можетъ потребовать скорѣйшихъ сношеній съ вашимъ правительствомъ, то помянутому генераль-губернатору, по Высочайшей волѣ всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора, разрѣшено: въ потребныхъ случаяхъ непосредственно сноситься съ трибуналомъ внѣшнихъ сношеній». При этомъ Муравьеву было преподано наставленіе: «Пользы Россіи указываютъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла китайскія и ожидать, чѣмъ кончится настоящій переворотъ, не упуская только изъ вида интересовъ нашихъ и, буде можно, пользуясь съ умѣніемъ и осторожностью нынѣшними обстоятель-

ствами Китайской имперіи, чтобъ поставить себя въ сколь возможно *выгодное* (курс. подл.) положеніе, обезопасить и утвердить наши границы и т. п., не расторгая давнихъ связей съ китайскимъ государствомъ, связей, полезныхъ какъ въ политическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи».

Муравьевъ еще былъ въ Петербургѣ, когда сибирское начальство освѣдомилось, что въ Ургѣ собрана особая китайская комисія по вопросу о нашихъ съ Китаемъ границахъ и что ей велѣно, не задерживаясь, ѣхать въ Кяхту и окончить дѣло елико возможно «дружелюбнѣ». Кяхтинскому градоначальнику, Ребиндеру, замѣнявшій на мѣстѣ Муравьева, генераль Венцель, предложилъ, чтобы онъ «далъ понять» китайцамъ, «что намъ необходимъ весь лѣвый берегъ Амура до манчжурскаго пограничнаго селенія Мелки (на правомъ берегу рѣки ниже устья Уссури), а какъ туда далѣе Амуръ протекаетъ по землямъ, гдѣ проживаютъ племена независимыя отъ Китая, то потому объ этомъ, независимомъ отъ нихъ, пространствѣ и нѣтъ никакихъ основаній имъ вступать съ нами въ сношенія». Объ этомъ было сообщено съ мѣста и въ министерство иностранныхъ дѣлъ, которое, не касаясь вопроса по существу, отвѣтило, что переговоры о границахъ предоставлено вести Муравьеву. Также оставила наша дипломатія безъ разсмотрѣнія и представленіе кяхтинскаго градоначальника о томъ, что, по его свѣдѣніямъ, хотя китайцы и считаютъ Даурію (нынѣшнюю Амурскую область) своею, но «весьма встревожены слухами о намѣреніяхъ рыжихъ европейцевъ («подъ симъ общимъ названіемъ они смѣшиваютъ, кажется, англичанъ и американцевъ») завладѣть землями, лежащими къ сѣверу отъ Манчжуріи и проникнуть съ вооруженными судами въ Амуръ». Желаніе Россіи—имѣть границу по Амуру—собственно манчжурскія власти, почитающія Даурію пустыней, по слухамъ, находятъ скромнымъ.

Въ мартѣ 1854 г. ургинская комисія сообщила Ребиндеру, что опредѣленіе нашихъ съ Китаемъ границъ необходимо отложить до открытія навигаціи и что китайскіе уполномоченные—амурскій и гириискій дзянь-дзюни—«по дружеской связи» явятся къ тому времени на р. Горбицу.

Освѣдомившись о такомъ увѣдомленіи только лѣтомъ, въ бытность свою въ Николаевскѣ, усматривая, надо полагать, въ словахъ «по дружеской связи» намеки китайцевъ на выполненіе ими пожеланія, выраженного въ русской нотѣ 1853 г., и признавая вопросъ о пограничныхъ знакахъ на Горбицѣ—вопросомъ вздорнымъ, Му-

равьевъ пока что отвѣтилъ, что теперь де не время переговариваться, что теперь идетъ война.

Муравьеву и дѣйствительно было тогда не до переговоровъ, въ особенности на той зыбкой почвѣ, на которую поставила Амурскій вопросъ нессельродовская дипломатія. Эта почва не могла не повести къ ряду недоразумѣній и къ непроизводительной потерѣ времени, а свободнаго времени у Муравьева не было. Тогда амурскимъ вопросомъ занялся болѣе свободный человѣкъ, единомышленникъ Муравьева—кяхтинскій градоначальникъ Ребиндеръ. Онъ представилъ въ Петербургъ обширную записку, записку, которая, по заголовку своему, касалась дѣла, непосредственно входившаго въ кругъ его служебныхъ обязанностей—кяхтинской торговли. Однако, подъ этимъ умѣло поднятымъ флагомъ, онъ повелъ рѣчь о необходимости обладанія лѣвымъ берегомъ Амура, выставляя такіе мотивы сказанной необходимости: пока русскія суда не будутъ свободно плавать по Амуру—намъ не удержать укрѣпленнаго положенія въ устьѣ рѣки; если входъ въ Амуръ будетъ открытъ для всѣхъ—первыми придутъ въ рѣку англичане, займутъ ее, будутъ держать Манчжурію въ своихъ рукахъ и черезъ манчжуръ вредить Россіи; съ обладаніемъ Амуромъ связано обладаніе Сахалиномъ и его богатствами—каменнымъ углемъ и селедочнымъ тукомъ; накопецъ, китайцы несомнѣнно согласятся предоставить намъ и лѣвый берегъ Амура и свободу плаванія по рѣкѣ.

Записка Ребиндера была въ общемъ одобрена Государемъ Императоромъ и передана Великому Князю Константину Николаевичу, который вошелъ по существу ея въ сношеніе съ государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде. Въ отвѣтъ графа, между прочимъ, читаемъ: «Сомнительно, мнѣ кажется, чтобы китайцы добровольно согласились уступить намъ все огромное пространство, составляющее лѣвый берегъ Амура, не получая ничего съ нашей стороны взамѣнъ такой уступки». Впрочемъ—нисаль онъ—пусть де старается Муравьевъ.

Великій Князь доложилъ Царю лично, а 4 іюня 1855 года увѣдомилъ Муравьева, что Государь Императоръ «соизволилъ признать необходимымъ, въ видахъ успѣшнаго и быстрого развитія благосостоянія Сибирскаго края, *утвердить за Россіей весь лѣвый берегъ Амура и получить право свободной торговли въ сѣверныхъ областяхъ Китайской имперіи*» (курс. подл.). Посему Его Величество предоставляетъ Муравьеву войти въ соотвѣтственные переговоры «для достиженія спѣхъ двухъ цѣлей посредствомъ

миролюбивыхъ соглашеній, и не щадя необходимыхъ, по китайскимъ обычаямъ, издержекъ, чтобы расположить китайскихъ государственныхъ мужей въ пользу просвѣщенія и обоюднаго блага».

Итакъ, съ высоты Престола амурскій вопросъ былъ поставленъ на путь твердый, правильный и въполнѣ отвѣчающій жгучимъ нуждамъ Сибири. Конечно, Муравьевъ съ благоговѣніемъ принялъ къ руководству такую Высочайшую директиву. Но иначе къ этому отнеслись наши дипломаты. Даже послѣ столь категорическаго повелѣнія, именно 25 февраля слѣдующаго 1856 года, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ, не отрицая пользы плаванія русскихъ судовъ по Амуру, писалъ: «что же касается до требованія, чтобы китайцы уступили намъ огромное пространство земли, находящееся между Становымъ хребтомъ и лѣвымъ берегомъ Амура, то я нахожу сіе *преждевременнымъ, неудобоисполнимымъ и не представляющимъ даже особенныхъ, необходимыхъ для насъ выгодъ*» (курс. мой).

Когда въ 1855 году Муравьевъ спускался по Амуру, онъ встрѣтилъ у р. Кумары четыре большія манчжурскія лодки, поднимавшіяся по рѣкѣ къ устью Горбицы для постановки совмѣстно съ нашими уполномоченными пограничныхъ знаковъ въ глубинѣ нынѣшней нашей территоріи. Но такъ какъ еще 28 апрѣля того года генералъ-губернаторъ Восточной Сибири направилъ въ Пекинъ «листъ» съ предложеніемъ выслать уполномоченныхъ для переговоровъ къ устью Амура, то онъ и пригласилъ повстрѣчавшихся ему китайцевъ идти въ Маріинскъ, на что они, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласились.

Маленькая конференція открылась въ Маріинскѣ только въ концѣ лѣта. Китайскимъ уполномоченнымъ — Дзир-га-шаню, Фунян-гу, Хой-ли-ню и Ул-дзи, и монгольскимъ сановникамъ — Батуцынгелу, Идамродзи и Батуджиргалу, Муравьевъ прежде всего вручилъ письменно изложенную имъ «мысль», подъ заголовкомъ «Соображенія и виды Россіи». Въ этой запискѣ онъ излагалъ, что въ стародавнія времена наши съ Китаемъ трактаты касались огражденія границъ отъ разбойничьихъ шаякъ и что въ нихъ совершенно не имѣлись въ виду иностранцы, которые были далеко. Россія — писалъ онъ далѣе — «желая сохранить дружескія свои отношенія съ Китаемъ, сняла даже посты, находившіеся въ то время по лѣвому и правому берегамъ рѣки Сахалянъ-ула (Амура), и хотя плаваніе по этой рѣкѣ не воспрещалось русскимъ судамъ, но, желая возбуждать опасенія Китая, правительство, не имѣя

тогда надобности, имъ не пользовалось». За 200 лѣтъ обстановка измѣнилась: Англія проявляетъ явныя стремленія къ захвату береговъ Великаго океана, мы принимаемъ противъ этого мѣры и сосредоточили въ Сибири свыше 100.000 войска, въ Китаѣ идутъ внутреннія смуты, «произведенныя, конечно, тѣми же иностранцами». Повторяя свои соображенія о нашихъ сплавахъ, изложенныя въ «листѣ» отъ 30 октября 1854 г., о которомъ въ своемъ мѣстѣ уже было сказано, Муравьевъ утверждалъ, что такіе сплавы вовсе не являются нарушеніемъ державныхъ правъ Китая. Эти сплавы позволили намъ сосредоточить въ устьяхъ Амура сильное войско, возвести прочныя укрѣпленія и принять необходимыя мѣры противъ вторженія въ рѣку непріятеля. Безъ такихъ мѣръ иностранныя суда проникли бы въ глубь Китая, какъ они проникнуть туда и въ томъ случаѣ, если нашихъ укрѣпленій и гарнизоновъ на устьѣ не будетъ. Посему сказанныя укрѣпленія и гарнизоны должны существовать постоянно, для этого намъ нуженъ путь сообщенія по Амуру и устройство по лѣвому берегу рѣки станцій и тѣмъ болѣе потому, что «сообщеніе горами, во всѣмъ изслѣдованіи, совершенно невозможно ни зимой, ни лѣтомъ». Все это указываетъ де, что между Россіей и Китаемъ Амуръ «представляетъ самую естественную и безспорную границу», и что утвержденіе ея устранить въ будущемъ всякія недоразумѣнія. Россія заботится не о расширеніи своей, и безъ того громадной, территоріи: она должна принять мѣры къ защитѣ Сибири отъ иностранцевъ, и мѣры сіи обоюдно выгодны и для русскихъ, и для китайцевъ.

На совѣщаніи 11 сентября китайскіе уполномоченные, ознакомившіеся съ запиской Муравьева, какъ и слѣдовало ожидать, заявили, что они знаютъ лишь нашу дипломатическую ноту 1853 года, въ которой говорилось о постановкѣ пограничныхъ знаковъ у верховьевъ р. Горбицы, и что ничего другого они больше и знать не хотятъ. При дальнѣйшихъ же переговорахъ, при которыхъ Муравьевъ какъ будто носелъ даже на компромисъ—соглашаясь на проведеніе границы по Амуру отъ Усть-Стрѣлки до моря, съ оставленіемъ, значитъ, Уссурійскаго края подъ властью Китая—китайскіе сановники, не отрицая въ общемъ взгляда на Амуръ, какъ на естественную границу, уклонились отъ какого-либо рѣшенія, ссылаясь на неимѣніе соотвѣтственныхъ полномочій. Указавъ затѣмъ, «что они чрезвычайно спѣшатъ отплыть обратно, чтобы не замерзнуть въ рѣкѣ», китайцы покинули Маріинскъ. Амурскій же вопросъ не подвинулся впередъ ни на шагъ.

Не подвинулся онъ и при полученіи въ Петербургѣ, въ сенатѣ, извѣщенія гиринаго дзянь-дзюня, жаловавшагося, что Муравьевъ сдѣлалъ въ Маріинскѣ китайскимъ уполномоченнымъ такія предложенія, «которые они не смѣютъ показать своему правительству». Жалобу эту переслали Муравьеву, а онъ отвѣтилъ дзянь-дзюню, что, вскрывъ его [пакетъ по предоставленному генераль-губернатору праву, онъ самъ не рѣшился показать столь неосновательный документъ русскому сенату ¹⁾).

Однако, не въ однихъ дипломатическихъ переговорахъ видѣлъ Муравьевъ средство для полученія лѣваго берега Амура. Тактика Невельского—занятіе желанныхъ мѣстъ русскими военными постами—никогда не была чужда и самому Муравьеву. Еще въ самомъ началѣ 1855 г. онъ обратился къ военному министру, князю Долгорукову—преемнику и единомышленнику князя Чернышева—съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на заселеніе лѣваго берега Амура забайкальскими казаками съ открытіемъ навигаціи 1856 г. Необходимость спѣшнаго осуществленія этой мѣры онъ пояснялъ тѣмъ, что «всѣми, воспослѣдовавшими уже по волѣ блаженныя памяти въ Божѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, распоряженіями, мы положительно упрочиваемся на Амурѣ, и такъ какъ возложенныя на меня переговоры о разграниченіи тѣхъ мѣстъ съ Китаемъ, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ и свойственной китайскому правительству во всѣхъ дѣлахъ медлительности, могутъ еще долго не состояться, а между тѣмъ установленіе прочнаго сообщенія по Амуру, на устьяхъ котораго съ мая мѣсяца нынѣшняго года будутъ находиться значительныя сухопутныя и морскія наши силы—есть первою необходимостью». Къ этому Муравьевъ прибавлялъ, что, отправляя второй амурскій сплавъ, онъ предполагаетъ оставить у устья Буреи сотню казаковъ, поставивъ имъ цѣль—«обозрѣніе мѣстности для поселенія тамъ значительныхъ казачьихъ силъ».

Князь Долгоруковъ, вѣрный завѣтамъ своего предшественника и толкованіямъ Нерчинскаго трактата по способу гр. Нессельроде, представлялъ по этому поводу Государю, что предназначаемыя генераль-лейтенантомъ Муравьевымъ мѣста для поселенія полка находятся внѣ умственной границы нашей съ Китаемъ, проходя-

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 7/70, записка Муравьева 22-го января 1854 г. и журн. Амур. ком. и № 6/69, лл. 10—43, 45—48, 50—55, 68, 69, 112—115, 118, 168—175, 206—273; Морск. арх., канц., № 14,839, лл. 52, 75, 76; Барсуковъ, т. I: стр. 445 и т. II, стр. 128; Невельской, стр. 337, 375, 381.

щей по хребту горъ и даже, какъ можно полагать, внѣ той границы, какую въ 1853 году Высочайше повелѣно было показывать на картахъ, что хотя поселеніе полка на означенныхъ мѣстахъ было бы желательно, но тѣмъ не менѣе можетъ представиться опасеніе, дабы это поселеніе не породило какихъ-либо неблагопріятныхъ въ будущемъ времени послѣдствій по сношеніямъ нашимъ съ Китаемъ, при производящихся еще съ китайскимъ правительствомъ переговоровъ о разграниченіи упомянутой мѣстности и что, вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, возбуждается вопросъ: возможно и удобно ли будетъ произвести нынѣ же поселеніе казаковъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ полагаетъ генераль-лейтенантъ Муравьевъ?» Государь Императоръ новелѣлъ дѣло разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго генераль-адмирала.

До созванія комитета, Великій Князь Константинъ Николаевичъ затребовалъ заключеніе по дѣлу отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а управлявшій въ то время этимъ министерствомъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ больше всего обрушился на Муравьева за его намѣреніе поселить сотню казаковъ у устья Буреи, находя эту мѣру, кстати, какъ мы видѣли, не осуществленную, явнымъ нарушеніемъ державныхъ правъ Китая. По общему же вопросу онъ уклонился отъ выраженія категорическаго мнѣнія. «Имѣя въ виду—писалъ Сенявинъ—что нами заняты уже, безъ всякихъ съ китайцами предварительныхъ объясненій, нѣсколько пунктовъ не только при устьяхъ Амура, но и гораздо южнѣе оныхъ, я не могу не сознать, что разрѣшеніе настоящаго вопроса должно быть болѣе подчинено соображеніямъ *военнымъ*, чѣмъ *политическимъ* (курсивъ подл.). По моему мнѣнію, успѣхъ всякой предпринимаемой мѣры зависитъ отъ предусмотрительности распоряженій, обезпечивающихъ достиженіе цѣли. Такимъ образомъ, и въ настоящемъ дѣлѣ занятіе устья Буреи есть ничто иное, какъ послѣдствіе принятой системы дѣйствій на устьяхъ Амура, и при сосредоточеніи тамъ нынѣ оборонительныхъ ередствъ всякаго рода, не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что необходимо установить вѣрное и наиболѣе удобное сообщеніе между Сибирью и тѣми отдаленными мѣстами, которыя нами заняты на сѣверъ и на югъ отъ устьевъ Амура. Въ сихъ видахъ занятіе нѣкоторыхъ пунктовъ на самой рѣкѣ Амурѣ оказывается уже дѣломъ почти необходимымъ, несмотря на то, что рано или поздно подобная мѣра можетъ подать поводъ къ столкновеніямъ съ китайскимъ правительствомъ».

Особый комитетъ призналъ, что «въ настоящее время, когда политическое положеніе Европы еще не опредѣлилось, и всеобщее раздраженіе, возбужденное кровопролитной войной, еще сильно» — торопиться съ заселеніемъ Амура казаками не слѣдуетъ, и мѣру эту представлялось бы болѣе правильнымъ отложить хотя бы до весны 1858 года. Амурскій же комитетъ, въ который было внесено заключеніе комитета Августѣйшаго генераль-адмирала, учелъ совершенно новое обстоятельство — назрѣвавшее рѣшеніе направить въ Пекинъ специальное по амурскому дѣлу посольство. «Нѣтъ сомнѣній — говорится въ журналѣ комитета — что занятіе русскими военными поселеніями части китайскихъ земель въ то самое время, когда о нихъ будетъ возбужденъ вопросъ нашимъ правительствомъ въ Пекинѣ, не можетъ не отразиться на самые переговоры и не имѣть на нихъ самага вреднаго вліянія». Посольство должно быть миролюбиваго характера — это прежде всего. Если оно увѣнчается успѣхомъ — проектируемая мѣра можетъ быть оговорена въ трактатѣ. Если же «по неопредѣленности восточной политики» нашего посольства въ Пекинѣ даже не примутъ, тогда Амуръ можно будетъ занять именно по этой причинѣ и такая мѣра сохранить «видъ законной необходимости». На основаніи такихъ соображеній, Амурскій комитетъ постановилъ съ поселеніемъ казаковъ пріостановиться до окончанія переговоровъ нашего посла съ трибуналомъ или до принятія этими переговорами характера опредѣленности.

Въ 1856 году въ высшихъ правительственныхъ сферахъ произошли перемѣны, существенно отразившіяся на амурскихъ дѣлахъ. Графа Нессельроде замѣнилъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, директора азіатскаго департамента Сенявина — генераль-маіоръ Егоръ Петровичъ Ковалевскій, военного министра князя Долгорукова — Николай Онуфріевичъ Сухазанетъ. Въ томъ же году Великій Князь Константинъ Николаевичъ поставилъ пашу дипломатію въ извѣстность о мнѣніи Императора Александра II, «что для пользы Сибирскаго края намъ необходимо или нынѣ, или черезъ нѣсколько времени получить отъ китайцевъ совершенную уступку всего лѣваго берега Амура и приморскаго берега до Императорской гавани включительно». Слѣдствіемъ же этого явилось подтвержденіе полномочій Муравьева вести сношенія съ Китаемъ, оповѣщеніе о томъ пекинскаго трибунала и просьба къ послѣднему «давать при предстоящихъ переговорахъ полную вѣру словамъ помянутаго генерала Муравьева, яко лица, облечен-

наго всею довѣренностью и полномочіемъ отъ своего правительства» ¹⁾).

Несмотря на такое вполне определенное рѣшеніе—предоставить амурскій вопросъ попеченію генералъ-губернатора Восточной Сибири — въ февралѣ 1857 года, стараніями нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ старой школы, весьма не долюбивавшихъ Муравьева, было достигнуто нерерѣшеніе: было повелѣно, согласно прежнимъ предположеніямъ, отправить въ Пекинъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, адмирала Путятина, возведеннаго, послѣ его посольства въ Японію, въ графское достоинство. Правда, въ задачу Путятина входило, между прочимъ, отстаиваніе притязаній Россіи на открытіе для русскихъ судовъ нѣкоторыхъ китайскихъ портовъ, подлежащихъ открытію для иностранцевъ, но кардинальной его миссіей являлось все же рѣшеніе именно амурскаго вопроса въ духѣ желанія Государя.

Выборъ для такого дѣла гр. Путятина далеко не былъ изъ особенно удачныхъ. Графъ никогда не былъ сторонникомъ нашего водворенія на Амурѣ и всегда былъ склоненъ раздѣлять въ этомъ отношеніи взгляды нессельродовской дипломатіи. По свидѣтельству Шумахера, еще въ 1853 году капитанъ-лейтенантъ Римскій-Корсаковъ, прибывшій на шхунѣ «Востокъ» изъ Японіи въ Петровское, объявилъ, что Путятинъ «рѣшительно противъ всякихъ занятій на материкѣ, противъ всякихъ видовъ на Амуръ; запретилъ ему, Римскому-Корсакову, входить въ эту рѣку... Вліяніе графа Нессельроде было явное». Тяжелое путешествіе графа по Амуру еще болѣе повліяло на его личные взгляды по отношенію къ амурскому дѣлу и, конечно, повліяло отрицательно. Врученіе же вопроса человѣку, несочувственно къ нему относившемуся, не обѣщало ничего хорошаго. Такъ понималъ дѣло и Муравьевъ, писавшій по этому поводу Корсакову: «*Жаль, что (Путятинъ) вмѣшался въ амурскія дѣла* (курс. подл.), которымъ можетъ и повредить». Кроме того, онъ доносилъ Великому Князю Константину Николаевичу, что весьма сомнѣвается въ успѣшности переговоровъ графа и главнымъ образомъ потому, что «заключеніе этого трактата весьма сомнительно по извѣстному упрямству китайцевъ, а быть можетъ и по расчету ихъ уступать намъ негласно, чтобы другіе не требовали такихъ же уступокъ». Но относясь несочувственно къ посольству Путятина, относясь къ нему такъ исключительно

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 40—журналы Амур. ком. и № 6/69, лл. 82—90, 95—97, 275, 281—284.

по соображеніямъ высшаго порядка, генераль-губернаторъ не только не принялъ политики вставляванія палокъ въ колеса, но совершенно обратно—стремился сдѣлать все, да, пожалуй, и сдѣлалъ все возможное для облегченія задачи посольства.

Какъ только вѣсть о выѣздѣ Путятина въ Кяхту дошла до Иркутска, Муравьевъ тотчасъ же приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для возможно торжественнаго приема графа на мѣстѣ. «Чѣмъ болѣе будетъ при встрѣчѣ Путятина грома пышности—писалъ онъ Корсакову—тѣмъ больше это будетъ имѣть впечатлѣнія на нашихъ глупыхъ сосѣдей». Принялъ онъ и болѣе существенныя мѣры, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Гр. Путятинъ прибылъ въ Кяхту въ апрѣлѣ 1857 г. и тотчасъ же потребовалъ для себя пропускъ въ Пекинъ. Отвѣтъ пришелъ лишь въ концѣ мая, и въ этомъ отвѣтѣ сразу подтвердились опасенія Муравьева. Китайскіе сановники писали, что «у нихъ нѣтъ никакихъ особо важныхъ дѣлъ съ Россіей, для которыхъ стоило бы такой высокой особѣ, какъ посланникъ, предпринимать трудный и далекій путь». Путятинъ такого отвѣта не ожидалъ и растерялся. Его растерянность дошла до предложенія министру иностранныхъ дѣлъ отвѣтить на отказъ въ пріемѣ посольства взятіемъ вооруженною силою Айгуна. Когда же такое предложеніе было отвергнуто и Путятину было указано ѣхать на Амуръ, Амуромъ въ море и моремъ въ Печелійскій заливъ, на нашу эскадру—онъ проектировалъ не настаивать на проведеніи нашей границы по Уссурі, ограничиться границею по хребту Сихотэ-Алинь и уплатить Китаю за уступку части *его* территоріи 3—5 миліоновъ рублей серебромъ.

Какъ къ мѣрѣ существенной для поддержанія престижа нашего посольства, Муравьевъ прибѣгнулъ къ сосредоточенію на манчжурской границѣ значительнаго количества вооруженной силы, что не могло не повліять весьма внушительнымъ образомъ на правительство Китая, тщетно боровшагося съ внутренними смутами и вновь втянутого въ серьезную войну съ двумя такими сильными европейскими державами, какъ Англія и Франція. Еще въ февралѣ 1857 г. Муравьевъ писалъ князю А. М. Горчакову: «Неожиданныя событія въ Китаѣ и Шанхаѣ чрезвычайно упрощаютъ наше амурское дѣло, а послѣднія, наводящія большое сомнѣніе о долговременномъ продолженіи существованія нынѣшней китайской династіи, заставляютъ насъ даже поспѣшить утвердиться на Амурѣ». Для утвержденія же на этой рѣкѣ, онъ опять просилъ разрѣшенія занять ее казачьими поселками.

На сей разъ просьба генераль-губернатора была уважена, а 19-го марта послѣдовало Высочайшее соизволеніе на поселеніе въ предѣлахъ средняго Амура трехъ сотенъ забайкальскихъ казаковъ съ ихъ семействами. Но казаками Муравьевъ не ограничился. Въ маѣ онъ писалъ, между прочимъ, военному министру генералу Су-хазанету.

„Принимая во вниманіе, что при возникшей перепискѣ о приѣмѣ по-сольства нашего въ Пекинѣ и при тѣхъ справедливыхъ настояніяхъ, ко-торыя сдѣлалъ посланникъ для достиженія этой цѣли, нужны нѣкоторыя мѣры предосторожности и настойчивости, я нашелъ необходимымъ, по соглашенію же съ графомъ Путятинымъ, сплавить по Амуру до города Сахалинъ-Ула-Хотокъ два линейныхъ баталіона съ дивизиономъ полевой артилеріи. Съ войсками этими отправится туда же и самъ посланникъ, если въ маѣ мѣсяцѣ не получитъ въ Кяхтѣ надлежащаго отвѣта отъ кит-айскаго правительства. Два баталіона эти съ артилеріей будутъ распо-ложены на лѣвомъ берегу Амура, невдалекѣ отъ города Сахалинъ-Ула-Хотокъ, куда графъ Путятинъ намѣренъ послать еще послѣднее требо-ваніе о приѣмѣ посольства нашего въ Пекинѣ, и, въ случаѣ новаго от-каза, Путятинъ предполагаетъ уже отправиться къ устью Амура; отрядъ же нашъ останется на своемъ мѣстѣ для прикрытія и содѣйствія пере-селяющимся казакамъ въ устройствѣ ими своихъ жилищъ и пашенъ на лѣвомъ берегу рѣки, въ мѣстахъ, имъ предназначенныхъ. Важность всѣхъ этихъ обстоятельствъ заставляетъ и меня отправиться вмѣстѣ съ графомъ Путятинымъ, дабы поддержать во всѣхъ случайностяхъ посольство наше личными своими распоряженіями, избѣгая всемѣрно неблагоприятныхъ столкновеній, ибо, оставляя безъ отвѣта столь долгое время листъ нашъ о посольствѣ, китайское правительство оказываетъ къ намъ явное пре-небреженіе и нарушаетъ трактатъ, о чемъ посланникъ и сообщилъ уже въ китайскій трибуналъ. А послѣ этого нельзя уже ожидать сохраненія прежняго съ Китаемъ дружескія и слѣдуетъ быть вездѣ, а въ особен-ности на Амурѣ, въ надлежащей готовности. Поселеніе же на лѣвомъ берегу Амура, по всему протяженію его, Амурскаго коннаго казачьяго полка необходимо безотлагательно, какъ фактъ занятія нами этого бе-рега, и для сей цѣли, равно какъ и для сообщеній нашихъ, будетъ до-статочно этого полка впредь до времени, когда разъяснятся всѣ обстоя-тельства относительно китайской имперіи и нашихъ съ нею отношеній“

Во второй половинѣ мая у устья Зеи сосредоточились 13-й и 14-й сибирскіе линейные баталіоны при двухъ горныхъ орудіяхъ и дивизионъ легкой артилеріи, а также нѣсколько канонерскихъ лодокъ; постепенно стали прибывать и три сотни казаковъ—451 семья. Всего же на границахъ Манчжуріи и Монголіи къ лѣту 1857 года было сосредоточено 16,000 пѣхоты, 5,000 конницы и 40 орудій, именно: линейные баталіоны №№ 13, 14, 15 и 16 (4 т.), 12 пѣшихъ казачьихъ баталіоновъ Забайкальскаго войска (12 т.), 6 конныхъ полковъ того же войска (5 т.), 8 батарейныхъ, 24 лег-кихъ и 8 горныхъ орудій.

Сосредоточивая такія силы, Муравьевъ былъ все-таки далекъ отъ мысли употребить ихъ въ качествѣ активнаго средства; въ своихъ войскахъ онъ видѣлъ внушительную угрозу китайцамъ и былъ увѣренъ, что для достиженія преслѣдуемой цѣли будетъ достаточно только этой угрозы. При такой же точкѣ зрѣнія онъ не былъ чуждъ заботъ по отношенію къ благовременному затушенію возможныхъ проявленій излишней воинственности и задора частныхъ войсковыхъ начальниковъ, не былъ чуждъ заботъ, умѣстныхъ тѣмъ болѣе потому, что въ войскахъ шли разговоры о необходимости бросить «миндальничанье» и хорошенько «вздуть» желтокожихъ. «Постарайся—писалъ онъ, между прочимъ, Корсакову—убѣдить любителей легкой войны съ китайцами, что ея не будетъ, а что если будемъ драться, то *съ англичанами на смерть* (курс. подл.); *c'est à dire: on n'aura pas de gloire à bon marché.*»

Вскорѣ на Амуръ прибылъ и Путятинъ. Требованіе его о пропускѣ въ Пекинъ черезъ Сахалинъ-Ула также не увѣнчалось успѣхомъ, и онъ собирался идти въ море, въ Печели и на Пейхо, чтобы кончить съ амурскимъ вопросомъ все-таки въ сердцѣ Китая. Такимъ образомъ, у амурскаго дѣла оказалось два лица: одно уполномоченное для даннаго момента, въ душѣ не сочувствовавшее этому дѣлу, стремившееся разрѣшить его тамъ, гдѣ это было наиболѣе неудобнымъ—графъ Путятинъ; другое неуполномоченное, насквозь пропитанное жгучимъ желаніемъ поставить вопросъ на твердую почву, вполнѣ учитывавшее обстановку и понимавшее невозможность торговаться съ Китаемъ на глазахъ иностранцевъ—генералъ Муравьевъ. Кромѣ того, Путятинъ не пользовался никакой авторитетностью въ глазахъ китайцевъ, Муравьевъ же имѣлъ возможность писать князю Горчакову въ іюнѣ 1857 г. съ Усть-Зейскаго поста: «Народъ насъ здѣсь любитъ и уважаетъ, а власти страшно боятся и вѣрятъ каждому слову моему, имъ отъ меня сказанному, какъ закону». И преувеличенія тутъ не было никакого.

При такомъ положеніи врядъ ли кто найдетъ страннымъ, что, передъ отплытіемъ Путятина къ морю, Муравьевъ вручилъ ему письменныя свои по амурскому дѣлу соображенія въ качествѣ канвы для предстоящихъ переговоровъ. Общій тонъ записки былъ таковъ.

Семь лѣтъ занимаемъ мы устья Амура «безспорно и безпрепятственно, безъ всякаго со стороны китайцевъ протеста и противоѣдствія»; мы употребили значительныя силы и затратили большія денежныя средства на укрѣпленія въ устьяхъ рѣки, на Сахалинѣ,

въ Де-Кастри и въ Императорской гавани; «наши военныя силы, воздвигнутыя на вѣчныя времена укрѣпленія должны еще усиливаться»; мы стоимъ на Амурѣ твердо, будемъ твердо стоять и впредь; не объ уступкѣ территорій идетъ рѣчь, а лишь о разграниченіи, полезномъ только для устраненія недоразумѣній между сосѣдями. Къ запискѣ былъ приложенъ перечень войскъ, стоящихъ въ боевой готовности на нашей съ Китаемъ границѣ.

Однако, записка повидимому показалась Путятину странной. Личное самолюбіе восторжествовало надъ чувствомъ патріотизма. Путятинъ рѣшилъ дѣйствовать по своему. Это рѣшеніе не осталось неизвѣстнымъ Муравьеву и вызвало категорическое заявленіе послѣдняго министру иностранныхъ дѣлъ: «*Вопроса объ Амурѣ онъ (Путятинъ) не долженъ и возбуждать, c'est un fait accompli; и если бы другіе его возбудили, то отвечать, что Амуръ намъ издревле принадлежалъ*» (курс. подл.). Ту же мысль онъ сообщилъ и самому Путятину.

Не стану говорить, что въ настояніяхъ Муравьева не было и мысли о томъ памятникѣ себѣ, который нынѣ гордо красуется у офицерскаго собранія въ Хабаровскѣ; дальнѣйшія событія—лучшіе показатели безусловной правоты знаменитаго государственнаго мужа ¹⁾).

Спустившись по Амуру, графъ Путятинъ взомель на бортъ специально для того зафрахтованнаго американскаго судна «Америка» и, конвоируемый военнымъ тендеромъ «Камчадалъ», ушель въ Печели, гдѣ пересѣлъ на одно изъ судовъ находившейся тамъ русской эскадры. 24-го іюля онъ находился уже у устья р. Пейхо и направилъ экстренный пакетъ въ пекинскій трибуналъ съ требованіемъ приѣма и приступа къ переговорамъ объ Амурѣ. Прошелъ іюль, прошелъ и августъ—отвѣта не было. Это заставило графа проектировать различныя давленія на Китай. Такъ, онъ представлялъ Великому Князю Константину Николаевичу о соотвѣтственности прервать нашу торговлю черезъ Кяхту, дабы разсѣять въ китайцахъ убѣжденіе, что мы ею дорожимъ и потому опасаемся дѣйствовать энергично; высказывалъ и предположеніе о желательности полученія въ его, графа, распоряженіе нѣсколькихъ миліоновъ рублей на взятки, безъ коихъ посольство врядъ ли увѣнчается успѣхомъ; представилъ въ Амурскій комитетъ свои соображенія о

¹⁾ Государ. арх., аз. д-тъ, № 40—журналы Амурск. комит- и № 6/69, лл. 349, 350, 365; Воен.-учен. арх., отд. С, № 73; Барсуковъ, т. I, стр. 331, 482 и т. II стр. 156; Назаровъ, стр. 68, 69, 71—73.

вооруженномъ воздѣйствіи на Китай совмѣстно съ англо-французами, о блокадѣ нашими судами устья Пейхо для пресѣченія подвоза хлѣба въ Пекинъ и о необходимости принятія въ Сибири серьезныхъ мѣръ въ виду значительныхъ и очевидныхъ военныхъ приготовленій Китая противъ Россіи. А тѣмъ временемъ, въ началѣ сентября, изъ Пекина Путятину былъ доставленъ отвѣтъ трибунала и опять съ категорическимъ отказомъ принять посланника.

Въ распоряженіи Амурскаго комитета, кромѣ приведенныхъ донесеній Путятина, имѣлся также новый «листъ» пекинскаго трибунала, въ которомъ указывалось, что вести переговоры объ Амурѣ въ Пекинѣ или Тяньцзинѣ, по удаленности, неудобно, что объ этомъ надо стовориться съ манчжурскимъ дзянь-дзюнемъ, что мѣстомъ для переговоровъ надо избрать Айгунь и т. д. Тогда же было получено донесеніе Муравьева, что «китайское правительство рѣшилось протестовать противъ заселенія нами лѣваго берега» Амура и рѣшилось на такой протестъ «тогда только, когда графъ Путятинъ прибылъ въ Печелійскій заливъ», другими словами, когда амурскій вопросъ изъ частнаго нашего съ Китаемъ дѣла превратился въ вопросъ характера международнаго и явился звеномъ въ рядѣ домогательствъ европейскихъ державъ, предъявленныхъ ими Невесной имперіи.

Обсудивъ всѣ эти обстоятельства, Амурскій комитетъ, во-первыхъ, нашелъ, что предложенія графа Путятина о вооруженномъ воздѣйствіи на Китай совмѣстно съ англо-французами совершенно непріемлемы. Намъ слѣдуетъ соблюдать въ Печелійскомъ заливѣ осторожность и не идти далѣе бдительнаго наблюденія, дабы не пострадали русскіе интересы отъ тѣхъ или другихъ соглашеній китайскаго правительства съ иностранцами. Путятину же надлежитъ дѣйствовать за одно не съ англо-французами—съ официальными врагами Китая—а съ Америкой, «правительство которой остается до сихъ поръ неизмѣннымъ въ отношеніи общей съ нами мпролюбивой политики въ вопросѣ китайскомъ». Къ тому же находеніе нашей эскадры лишь «въ наблюдательномъ положеніи» тѣмъ болѣе разумно потому, что Англія и Франція торжественно поручились за распространеніе на всѣ европейскія державы всяческихъ выгодъ, кои могутъ быть ими достигнуты. Во-вторыхъ, комитетъ нашелъ, что страхи графа Путятина по отношенію военныхъ приготовленій Китая противъ Россіи совершенно неосновательны. «При нынѣшнемъ бѣдственномъ положеніи китайской имперіи—говорится въ одномъ изъ журналовъ комитета—борьбѣ инсургентовъ

внутри нея, вторженіи иностранцевъ извнѣ, недостатокъ денегъ повсюду и голодѣ въ самомъ Пекинѣ—угрозы намъ не страшны. Неуспѣхъ же посольства по отношенію къ амурскому вопросу былъ признанъ комитетомъ дѣйствительно грознымъ, и тогда рѣшили кончить тѣмъ, съ чего, собственно говоря, слѣдовало начать: Муравьева, лечившагося въ то время за границей, экстренно вызвали въ Петербургъ и предоставили ему вести переговоры съ китайскимъ правительствомъ вполнѣ самостоятельно. Иначе разсуждая, Муравьеву вмѣнили въ обязанность исправить испорченное дѣло. Далѣе, званіе чрезвычайнаго посланника въ Китаѣ было признано «безполезнымъ», графу Путятину велѣно было именоваться «Императорскимъ комиссаромъ», слѣдить только за сношеніями иностранцевъ съ трибуналомъ и имѣть въ виду, что «вопросъ объ опредѣленіи нашей границы съ Китаемъ оставленъ въ исключительномъ завѣдываніи генераль-адъютанта Муравьева». Званіе генераль-адъютанта было даровано Муравьеву передъ его выѣздомъ въ Сибирь.

Когда амурскій вопросъ былъ изъятъ изъ круга обязанностей Путятинъ и о томъ узнали въ Пекинѣ, трибуналъ болѣе не противоѣйствовалъ стремленіямъ графа закончить свою мисію. Въ Тяньцзинѣ были высланы китайскіе уполномоченные—«государственный мужъ» Гуляй-Лянъ и «дивизионный начальникъ» Хуа-Шанъ. Съ ними, 1-го (13-го) іюня 1858 г., гр. Путятинъ заключилъ трактатъ, по которому были установлены нѣкоторыя льготы для нашей сухопутной съ Китаемъ торговли и были для нашихъ судовъ открыты китайскіе порты: Шанхай, Нинбо, Фуджоу-Фу, Сямынь, Гуандунъ, Тайвань-Фу, Цюнчжоу, а также всѣ остальные, кои подлежали открытію для иностранцевъ вообще по предстоявшему трактату съ англо-французами. Дѣло въ томъ, что Путятинъ почему-то заторопился заключить трактатъ ранѣе заключенія такового между Китаемъ и иностранными державами, причемъ торопливость его пользы Россіи не принесла: трактатъ иностранцевъ оказался болѣе выгоднымъ.

Тяньцзинскій договоръ былъ заключенъ гр. Путятинымъ безъ взятки Китаю. Онъ, отъ лица нашего правительства, но по собственной инициативѣ, обязался предоставить китайскому правительству 10,000 ружей и 50 тяжелыхъ орудій съ боевыми комплектами, а также русскихъ военныхъ инструкторовъ—двухъ артиллерійскихъ офицеровъ, двухъ инженерныхъ и одного пѣхотнаго. Амурскій комитетъ, разсмотрѣвъ представленіе по послѣднему по-

воду, Высочайше утвержденнымъ 8-го октября мѣнѣемъ положили: запасъ ружей направить въ Китай сухимъ путемъ «во избѣжаніе огласки и случайностей морского перехода»; орудія переслать въ Николаевскъ, а оттуда въ Китай—по мѣрѣ возможности; инструкторовъ командировать на мѣсто черезъ Монголію «обычнымъ путемъ, которымъ слѣдуютъ мисіи наши въ Китай, но не одновременно съ отправленіемъ оружія, дабы не подать повода къ какимъ либо толкованіямъ». Тяжелыя орудія хотя и были отправлены какъ и все остальное, но по назначенію не дошли; они остались на Амурѣ.

Снабженіе Китая оружіемъ и инструкторами по инициативѣ гр. Путятина, какъ и обученіе имъ же японцевъ ностройкѣ и управленію мореходными судами (шхуна «Хеда») сильно не нравились Муравьеву. Въ ряду его мыслей по этому поводу, замѣчательнымъ, *по истинѣ пророческимъ*, является такой отрывокъ изъ письма его къ Корсакову, отправленнаго изъ Японіи, въ бытность его въ этой странѣ въ 1859 году: «но и здѣсь не понимаю страсти Путятина *учить* (курс. подл.). Выучатся они всему и безъ насъ, особенно морскому дѣлу; а намъ бы лучше самимъ учиться, чѣмъ учить людей, которые скоро насъ перецеголяютъ» ¹⁾).

Рѣшивъ амурскій вопросъ передать всецѣло на попеченіе генералъ-адъютанта Муравьева и оповѣстивъ некинскій трибуналъ о согласіи опредѣлить Айгунъ мѣстомъ свиданія уполномоченныхъ, наше правительство, въ лицѣ Амурскаго комитета, было далеко отъ оптимизма. «Что же касается до отправленныхъ въ Сахалинъ-Ула китайскихъ уполномоченныхъ—читаемъ въ одномъ изъ журналовъ комитета—то комитетъ не полагаетъ, чтобы переговоры съ ними повели къ какимъ либо результатамъ». Но Муравьевъ думалъ иначе. «Слава Богу—писалъ онъ Сухазанету—что у насъ здѣсь есть теперь войска, въ которыя однако министерство иностранныхъ дѣлъ и до сихъ поръ не вѣритъ, а кабинетъ, говорятъ, и сердится, зачѣмъ эти войска созданы». Главныя свои надежды Муравьевъ возлагалъ именно на присутствіе войскъ да на свой личный авторитетъ въ глазахъ китайцевъ. Давно уже, по свидѣтельству Ф. Шперка, «онъ сумѣлъ поставить себя съ китайскими властями на Амурѣ такъ, что онѣ его сильно побаивались и, видя въ немъ распорядителя крайне энергичнаго, а въ случаѣ необходимости

¹⁾ Государ. Арх., Аз. Д-тъ, № 40—журн. Амур. ком. и № 6—69, лл. 386, 448; II Полн. Собр. Зак., № 34,697; Барсуковъ, т. I, стр. 503, 504, 559 и т. II, стр. 159.

готоваго рѣшиться на все, боялись его прогнѣвить, часто, помимо своего желанія, соглашались съ его доводами». А чтобы быть еще болѣе убѣдительнымъ, онъ принялъ передъ айгунскимъ свиданіемъ рѣшеніе—отнюдь не показывать китайцамъ вида, что разграниченіе нужно *намъ*; наоборотъ, путемъ намека на то, что необходимы намъ пространства мы займемъ безъ стѣсненія, какъ занимали и раньше, онъ хотѣлъ вселить въ нихъ мысль, что это разграниченіе нужно именно *имъ*, дабы русскіе не распространились и за тѣ предѣлы, о которыхъ идетъ рѣчь.

На Амуръ Муравьевъ выѣхалъ съ весьма дѣльнымъ и цѣльнымъ помощникомъ—приставомъ нашей духовной мисіи въ Пекинѣ, ст. совѣтн. Петромъ Николаевичемъ Перовскимъ. При подходѣ къ Зеѣ, къ нему явился айгунскій амбанъ и сообщилъ, что въ городъ уже прибылъ уполномоченный вести съ нимъ переговоры—цицикарскій главнокомандующій (дзянь-дзюнь), родственникъ царствующаго богдыхана, И-Шань, а вскорѣ послѣ этого, видя, что Муравьевъ не торопится и торопиться не намѣренъ, явился и другой гонецъ, съ просьбою И-Шаня прибыть въ Айгунъ—«переговорить съ нимъ о разграниченіи, такъ какъ дѣло это крайне заботитъ ихъ правительство, а пограничные люди ихъ находятся въ тревогѣ и оторваны отъ сельскихъ занятій»; амбанъ же приглашалъ генераль-губернатора къ обѣду.

Муравьевъ приглашеніе амбана принялъ и 10-го мая направился съ Усть-Зейскаго поста (гдѣ наканунѣ былъ торжественно заложенъ храмъ Благовѣщенья) къ Айгуну, конвоируемый флотиліей канонерокъ. При стѣздѣ генерала на берегъ, китайцы произвели въ его честь салютъ изъ маленькихъ мортирокъ, производившихъ при выстрѣлахъ весьма слабый звукъ. Наши канонерки отвѣчали на это оглушительнымъ громомъ крупныхъ пушекъ, не жалѣя пороху на заряды. Дисонансъ салютовъ пришелся не особенно по вкусу китайцамъ; но эффектъ произвелъ. Дружескую трапезу Муравьевъ не пожелалъ уснащать разговорами о дѣлахъ: «объ этомъ завтра»—сказалъ онъ.

Первое засѣданіе состоялось утромъ 11-го мая. Муравьевъ сказалъ рѣчь, въ которой повѣдалъ о своихъ взглядахъ на амурскій вопросъ, взглядахъ, намъ уже извѣстныхъ. На это И-Шань возражалъ соображеніями Китая и его вѣрнаго союзника—графа Нессельроде, соображеніями, также намъ уже прекрасно извѣстными. Далѣе начались пренія по мелочнымъ вопросамъ, совершенно не двигавшія дѣло. Къ 4 часамъ дня Муравьевъ прекратилъ

пренія не безъ рѣзкости, передалъ И-Шаню заготовленный Перовскимъ проектъ трактата и уѣхалъ въ Благовѣщенскъ. Существо проекта заключалось въ установленіи границы по Амуру и Уссури до Кореи, въ предоставленіи Россіи свободы плаванія по Амуру и свободы торговли по всей границѣ, а также въ обязательствѣ для манчжуръ, проживавшихъ въ устьяхъ Зеи на лѣвомъ берегу Амура, переселиться на правый берегъ рѣки.

Такъ какъ 11-го мая И-Шанъ неоднократно упоминалъ, что Китай хочетъ сохранить съ нами дружбу во что бы то ни стало, то Муравьевъ рѣшилъ пока-что воздержаться отъ личнаго участія въ переговорахъ, рассчитывая, что его помощнику легче будетъ объясняться съ китайцами безъ него, опираясь именно на взгляды отсутствовавшего сановника, не подлежащіе оспариванію; легче второстепенному лицу и припугнуть китайцевъ выраженіемъ личныхъ его, помощника, предположеній о возможности репрессій со стороны рѣшительнаго генерала.

На другой день отправили въ Айгунъ переводчика Шишмарева и поручили ему передать И-Шаню, что Муравьевъ боленъ и поручаетъ вести дальнѣйшіе переговоры Перовскому, который при этомъ былъ названъ служащимъ въ нашемъ сенатѣ.

Начались ежедневныя свиданія Перовскаго то съ айгунскимъ амбанемъ, то съ главнымъ переводчикомъ И-Шаня и другими лицами, свиданія, происходившія по утрамъ и по вечерамъ и продолжавшіяся по 3, по 4 часа. «Трудно передать—читаемъ въ запискѣ Перовскаго, хранящейся въ государственномъ архивѣ— всѣ хитрости, всѣ уловки китайскихъ чиновниковъ съ цѣлью внушить слушателю убѣжденіе о ихъ славѣ, о неоспоримомъ превосходствѣ ихъ надъ другими народами; но трудно имъ было выдерживать постоянно эту роль и скрыть собственное сознаніе о своемъ безсиліи, о шаткомъ положеніи дѣлъ въ ихъ государствѣ, о страхѣ, чтобы мы не дѣйствовали противъ нихъ вмѣстѣ съ англичанами, которыхъ они столько же не любятъ, сколько боятся». Перовскій не упустилъ удобнаго случая дать китайцамъ почувствовать, что положеніе ихъ намъ вполне извѣстно; когда же, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, онъ замѣтилъ, что упорство китайцевъ не ослабѣваетъ, то рѣшительно объявилъ, что только великодушію русскаго Монарха обязаны они сохраненіемъ дружественныхъ отношеній между обоими государствами, тогда какъ поступки ихъ въ послѣдніе годы давали намъ полное право дѣйствовать иначе; что напрасно они опираются въ дѣлѣ опредѣленія границъ на прежніе трактаты, ибо

при заключеніи основного трактата 1689 года съ русскими поступили недобросовѣстно и т. д. Это произвело впечатлѣніе, и согласіе на заключеніе договора послѣдовало. При этомъ китайцы просили не говорить объ Амурѣ, какъ о границѣ, а сказать, что «лѣвый берегъ, до устья моря, составляетъ владѣніе Россійскаго государства» и просьба эта, по идентичности понятій, была принята. «Надобно полагать—разсуждаетъ Перовскій въ той же запискѣ—что уполномоченные, которые неоднократно упоминали, что они не знаютъ, какъ для нихъ это дѣло окончится въ Пекинѣ, имѣютъ въ виду представить въ свое оправданіе какое либо хитрое поясненіе этой статьи». Затѣмъ, китайцы настаивали, чтобы земли по Уссури и у Японскаго моря остались по трактату неразграниченными и чтобы ихъ разграниченіе было произведено впослѣдствіи, непосредственнымъ распоряженіемъ пекинскаго трибунала. Здѣсь, по догадкѣ Невельскаго, крылось незнаніе китайцами своей географіи и боязнь уступить Россіи земли, составляющія вотчины царствующей династіи.

Когда договоръ былъ выработанъ окончательно, и соглашеніе по его тексту уже послѣдовало, китайскіе уполномоченные неожиданно заявили, что подписать его они не могутъ, а должны послать на предварительное утвержденіе въ Пекинъ. Тогда съ нашей стороны рѣшено было прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ. Муравьевъ—пишетъ Перовскій—«котораго я, во время переговоровъ, старался представить, какъ человѣка военнаго, не любящаго много говорить, но любящаго дѣйствовать», отправился къ И-Шаню самолично. Онъ заявилъ дзянь-дзюню, что никакихъ измѣненій въ проектъ договора больше не сдѣлаетъ, что весьма удивляется нерѣшительности китайскаго сановника, что договоръ нуженъ китайцамъ самимъ и что если слѣдствіемъ его нерѣшительности явятся крупныя для китайцевъ непріятности со стороны англичанъ, «то должны пенять на себя». Категоричность заявленія, наличность бравыхъ русскихъ войскъ, снабженныхъ пушками, такъ громко стрѣляющими, подѣйствовали: 16-го мая 1858 года договоръ былъ подписанъ, а 18-го числа отправленъ въ Петербургъ князю Горчакову.

Пунктъ первый Айгунскаго договора гласилъ:

«Лѣвый берегъ рѣки Амура, начиная отъ рѣки Аргуни до морскаго устья рѣки Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго государства, а правый берегъ, считая внизъ по теченію до рѣки Уссури, владѣніемъ Дайцинскаго государства; отъ рѣки Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ

мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дайцинскаго и Россійскаго государства». Плаваніе по Амуру, Сунгари и Уссури разрѣшается только русскимъ и китайскимъ судамъ. Манчжуръ, обитающихъ у Зеи, на лѣвомъ берегу Амура, «оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства, подъ владѣніемъ манчжурскаго правительства съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидѣ и притѣсненій имъ не дѣлали».

По второму пункту договора, русскимъ предоставлялась свобода торговли по Уссури, Сунгари и Амуру, а третій пунктъ гласилъ, что договоръ должно сохранять свято и нерушимо.

На всеподданнѣйшемъ объ этомъ докладѣ Государь Императоръ начерталъ: *«Лучшаго мы желать не могли»*. Муравьеву было даровано званіе *графа Амурскаго*.

Въ письмѣ своемъ отъ 22-го августа того же года къ Ковалевскому Муравьевъ пронизировалъ: «иллюминація въ Пекинѣ по случаю Айгунскаго договора 16-го мая была даже лучше вчерашней Иркутской; я этому вѣрю; судя по тому, какъ великолѣпна была въ Петербургѣ иллюминація по случаю Парижскаго договора. Вообще для меня крайне трогательно сходство наше съ любезными сосѣдями».

Айгунскій договоръ былъ ратификованъ богдыханомъ весьма скоро. Въ Айгунъ прибылъ изъ Пекина курьеръ съ этою вѣстью еще въ іюнѣ и просилъ о различныхъ распоряженіяхъ. Ему, отъ имени Муравьева, было сказано, что просимыя распоряженія будутъ сдѣланы черезъ два мѣсяца, когда ожидается въ Сибири увѣдомленіе объ утвержденіи трактата Государемъ Императоромъ. Такой срокъ былъ назначенъ по соображенію, что курьеръ Муравьева прибылъ въ Петербургъ 4-го іюля и въ тотъ же день вручилъ договоръ князю Горчакову. Но наступилъ и конецъ августа, а вѣсти изъ Петербурга не было. «Курьеръ въ Айгунѣ ждетъ—писалъ Муравьевъ тому же Ковалевскому—но бумаги писать не смѣю, ибо Богъ васъ знаетъ, что вы рѣшитесь взять на *ответственность* (курс. подл.) министерства иностранныхъ дѣлъ передъ англичанами, а чего не рѣшитесь; можетъ быть Айгунскій договоръ еще страшнѣе учрежденія Амурской компаніи? Тогда мы съ богдыханомъ останемся въ дуракахъ: онъ иллюминировалъ Пекинъ, и здѣсь освѣтили Иркутскъ въ честь 16-го мая, а вы не утвердите!»

Но вскорѣ случилось увѣдомленіе объ утвержденіи Государемъ договора, а вслѣдъ затѣмъ и поздравительное письмо директора азіатскаго департамента Ковалевскаго, повидимому большого

пріятеля Муравьева, въ которомъ сообщалось о возведеніи послѣдняго въ графское достоинство. На это письмо графъ Амурскій отвѣтилъ длиннѣйшимъ и глубоколюбопытнымъ посланіемъ совершенно конфиденціального характера. Привожу выдержку изъ него.

....Не вѣрится мнѣ однакожь, чтобы всѣ радовались возвращенію Амура, когда занялись уменьшеніемъ наградъ, мною представленныхъ, почти какъ счета портного.. Не слѣдовало бы мнѣ теперь обращаться къ прошедшему; но въ огражденіе себя и дѣла отъ будущихъ затрудненій, необходимо разобрать ошибки наши по амурскому дѣлу. Министерство г. Нессельроде желало приобрѣсти Амуръ гораздо прежде, чѣмъ я былъ назначенъ въ Восточную Сибирь генераль-губернаторомъ; этому служить доказательствомъ секретная инструкція приставу (нашей духовной мисіи въ Пекинѣ) Любимову въ 1840 году; но когда этотъ канцелярскій чиновникъ не успѣлъ затѣять переговоры объ Амурѣ въ Пекинѣ, то министерство стало отвергать и противодѣйствовать всѣмъ соображеніямъ по этому (вопросу) мѣстнаго начальства, которыя были представляемы еще при моемъ предшественникѣ; частью тутъ дѣйствовала англофобія, развивавшаяся въ сильной степени гораздо прежде войны 1854 года, но большею частью *esprit de caste*, то-есть: чего не сдѣлалъ канцелярскій чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, того, конечно, никто другой не можетъ сдѣлать и предпринимать не долженъ,—вотъ причины борьбы, продолжавшейся такъ долго. Перемѣнился министръ и директоръ (азіатскаго департамента), но канцелярія осталась та же, и Муравьевъ продолжалъ быть *la bête noire du ministère*, несмотря на дружескія ваши съ вами отношенія и на благонамѣренность министра; подъ вліяніемъ этого направленія отправленъ сюда и Путятинъ въ 1857 году. Начало его назначенія, конечно, не принадлежитъ министерству иностранныхъ дѣлъ, но что онъ посланъ былъ сюда совершенно независимо, даже отъ моего совѣта, есть (представляется) яснымъ послѣдствіемъ этого направленія. и, конечно, Россія обязана *одному* (курс. подл.) Провидѣнію, что вредъ, произведенный посольствомъ и вообще командировкою г. Путятина, оказался не такъ великъ, какъ должно было его ожидать. Но въ какое странное, невыносимое положеніе поставленъ былъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири! Путятинъ можно было и должно послать съ эскадрою гораздо ранѣе въ тамошнія воды; но непремѣнно обязать его не только получать совѣты, но и приказанія генераль-губернатора. Тогда бы онъ, несмотря на все упрямство, *долженъ* (то же) былъ предъявить англо-французамъ записку мою о числѣ войскъ, готовыхъ дѣйствовать на границахъ Манчжуріи и Монголіи, а не игралъ бы той несчастной роли, которую онъ передъ ними выдѣлывалъ, а могъ бы прямо участвовать въ ихъ переговорахъ; тогда бы онъ не огорчилъ господина Рида (уполномоченнаго Америки) своимъ равнодушіемъ и, конечно, заключилъ бы трактатъ съ англичанами и французами, и выѣхалъ съ ними, а не прежде ихъ, что нельзя не признать большою ошибкою, а въ особенности не не усиливался (бы) заставлять китайцевъ переговариваться съ нимъ о границахъ Амура, когда я еще въ прошлогоднемъ письмѣ написалъ ему, что дѣло это должно предоставить домашнему разбору пограничныхъ начальствъ, чтобы не вмѣшивалъ эту статью въ переговоры при англо-французахъ. А иностранные журналы всегда понимали, что Путятинъ

дѣйствуетъ по пиструкціямъ генераль-губернатора. Зачѣмъ же министерство иностранныхъ дѣлъ не хотѣло принять, съ самаго начала разговора о Путятинѣ, это направленіе, вполне естественное, и неужели оно и теперь не убѣдилось, что новаго нашего посланника въ Пекпінѣ надо поставить въ непосредственныя сношенія или, пожалуй выражусь, въ зависимость (отъ) генераль-губернатора? Но я надѣюсь достигнуть того же дружбою моею съ Перовскимъ и нѣкоторымъ довѣріемъ, которое я у него приобрѣлъ“...

Это частное, конфиденціальное письмо хранится нынѣ среди официальныхъ документовъ въ Государственномъ архивѣ, а на немъ имѣется собственноручная резолюція Императора Александра Николаевича: *«Ею не передѣлаешь, а надобно умѣть воспользо-ваться, отдавая ему справедливость за услуги имъ оказанныя»* ¹⁾.

Непосредственно по заключеніи Айгунскаго договора, именно 16-го сентября 1858 г., гр. Муравьевъ-Амурскій представилъ Великому Князю Константину Николаевичу обширнѣйшій планъ производства на Амурѣ цѣлаго ряда работъ, признанныхъ имъ необходимыми въ видахъ организаціи надежной обороны края, въ связи съ развитіемъ и улучшеніемъ путей сообщенія. «Обозрѣвъ—писалъ онъ—въ теченіе лѣта нынѣшняго года При-Амурскій край и поручивъ состоявшимъ при мнѣ инженернымъ офицерамъ произвести предварительныя изслѣдованія, по указаніямъ моимъ, теченія рѣкъ Амуре, Шилки и Ингоды, я считаю долгомъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества соображенія относительно работъ въ При-Амурскомъ краѣ, которыя, по мнѣнію моему, необходимо будетъ исполнить, по возможности не откладывая на долгое время». Сущность этихъ соображеній сводилась къ слѣдующему.

Для обороны устьевъ Амуре, въ лѣтній періодъ 1855 г., строились и были сооружены три батареи: Николаевская, Михайловская и Александровская, всего на 70 орудій; въ зиму же на 1856 годъ было приступлено къ сооруженію форта Константиновскаго на 24 пушки. Всѣ эти работы надлежало закончить къ открытію навигаціи 1856 года; но извѣстіе о заключеніи мира, полученное на мѣстѣ раннею весною, заставило обратить всѣ наличныя рабочія руки на снаряженіе къ плаванію судовъ, на достройку жилыхъ помѣщеній и на другія работы, представившіяся, по измѣнившейся обстановкѣ, болѣе неотложными; батареи же остались

¹⁾ Государ. Арх. Аз. Д-тъ, № 40—журн. Амур. ком. и № 6—69, лл. 183, 186—197, 472, 499—503; II Полн. Собр. Зак., № 36787; Барсуковъ, т. I, стр. 478 и т. II, стр. 181; Пазаровъ, стр. 73; Невельской, стр. 392, 401.

въ томъ состояніи, въ какое были приведены къ концу войны. Сказанныя батареи и фортъ представляли собою оборонительную линію, достаточно сильную для противодѣйствія непріятелю, не подготовившемуся специально для атаки береговыхъ батарей, и даже англо-французская эскадра, крейсировавшая въ Восточную войну въ Тихомъ океанѣ въ числѣ 27 вымпеловъ, не была бы въ состояніи бороться съ успѣхомъ съ нашими укрѣпленіями. Однако, въ настоящее время устье Амура необходимо укрѣпить болѣе сильными верками, а при проектированіи таковыхъ слѣдуетъ учитывать возможность появленія передъ ними врага, способнаго атаковать береговыя батареи не только помощью судовъ, но и посредствомъ сильного десанта. Къ устройству такихъ верковъ надлежитъ приступить теперь же, въ мирное время, какъ по соображенію о томъ, что въ условіяхъ мирнаго времени работы обойдутся гораздо дешевле, такъ и потому, что во время военное, при ограниченности мѣстныхъ средствъ, мы не будемъ въ состояніи сдѣлать даже самаго необходимаго.

Далѣе, такъ какъ по Айгунскому договору свободное плаваніе по Амуру предоставлено только судамъ русскимъ и китайскимъ, такъ какъ для сохраненія такого условія намъ необходимо принять мѣры къ пресѣченію плаванія судовъ другихъ державъ «дальше опредѣленнаго мѣста» и такъ какъ намъ необходимо сохранить вліяніе на китайское правительство и на Манчжурію—представляется неизбѣжнымъ соорудженіе береговыхъ батарей и въ иныхъ пунктахъ Амура, батарей, при помощи которыхъ, въ случаѣ надобности, можно было бы прекратить сообщеніе по рѣкѣ. Кромѣ этого, «неблагоразумно оставлять безъ защиты устья рѣкъ Сунгари и Уссури, по берегамъ которыхъ расположено значительное народонаселеніе китайское и манчжурское, а по берегамъ первой—и многіе города». На первое время графъ Муравьевъ предполагалъ ограничиться постройкою всего четырехъ батарей—у выхода Амура изъ Хинганскаго хребта, у впаденія Уссури въ большой рукавъ Амура, у соединенія усть-уссурійскаго рукава Амура съ главнымъ русломъ рѣки и на мысѣ Джай, гдѣ предполагалось основать городъ Софійскъ. Съ развитіемъ же торговли и промышленности на Амурѣ, число укрѣпленныхъ пунктовъ, по мнѣнію гр. Муравьева, безъ сомнѣнія слѣдуетъ увеличить.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на заливъ Де-Кастри. Лиманъ Амура вскрывается отъ льда около 20-го мая и замерзаетъ въ первыхъ числахъ ноября; выше же, около мыса Джай (Софійска), на-

ходящагося всего въ 60 верстахъ отъ бухты Де-Кастри, открытой для судоходства съ конца марта по декабрь, рѣка вскрывается отъ льда въ половинѣ апрѣля и замерзаетъ во второй половинѣ ноября, т. е. навигація по рѣкѣ выше мыса Джай продолжается почти на два мѣсяца дольше, чѣмъ по лиману. Затѣмъ, водный путь отъ Де-Кастри до мыса Джай, длиною въ 550 верстъ, доступенъ только для судовъ съ осадкою менѣе 14 футъ и вообще затруднителенъ, въ особенности по лиману и въ особенности для парусныхъ судовъ. Это указываетъ на крайнюю желательность устройства сухонутнаго сообщенія между Де-Кастри и мысомъ Джай, «и безъ сомнѣнія въ скоромъ времени образуется частная компанія для постройки желѣзной дороги». Но чтобы сказанное сообщеніе принесло существенную пользу въ отношеніи пользованія Амуромъ какъ путевою артеріею между центромъ Сибири и Тихимъ океаномъ, въ Де-Кастри необходимо устроить пристани и гавань, въ которой суда могли бы во всякую погоду выгружать свои товары и принимать новые. Имѣя же въ виду близость бухты Де-Кастри къ главному руслу Амура, необходимо эту бухту защитить оборонительными сооружениями, дабы тѣмъ воспрепятствовать нашимъ возможнымъ врагамъ высадиться въ ней, выйти сухимъ путемъ на Амуръ, захватить мѣстность у мыса Джай, отрѣзать сообщеніе по рѣкѣ съ Николаевскомъ и поставить тѣмъ этотъ послѣдній нортъ въ весьма опасное положеніе. Кромѣ того, совершенно необходимо организовать телеграфное сообщеніе между Николаевскомъ, Де-Кастри и Софійскомъ, безъ котораго совокупная оборона этихъ мѣстъ въ военное время будетъ крайне затруднена, безъ котораго не обойтись и въ мирное время, въ послѣдствіи потребности въ быстротѣ сношеній между главнымъ управленіемъ края, пребывающимъ въ Николаевскѣ, и такимъ важнымъ приморскимъ торговымъ пунктомъ какъ Де-Кастри.

Весьма неудобно, что мѣсто зимовки нашихъ судовъ—протока Пальво—находится въ 70 верстахъ отъ Николаевска и при томъ въ сторонѣ отъ главнаго русла Амура. Часто приходится отправлять туда значительныя команды, а иногда только на нѣсколько часовъ работы, чтобы вытащить или кренговать судно, вынуть котлы, снять мачту и т. п. Бывали случаи, что суда, опоздавшія приходомъ на зимовку въ Николаевскъ, не достигали Пальво и застревали во льду на пути къ протоку. Затѣмъ, палвинская зимовка тѣсна и неудобна въ отношеніи доставки строевого лѣса, могущаго быть приплавленнымъ только съ озера Орель, что вызываетъ крайнюю за-

труднительность въ дѣлѣ постройки въ Пальво новыхъ судовъ, тогда какъ въ Николаевскѣ можетъ идти сплавомъ строевой лѣсъ со всего Амура и его притоковъ. Неудобна пальвинская зимовка и потому, что командиръ тихоокеанскихъ портовъ и военный губернаторъ Приморской области, который долженъ жить въ Николаевскѣ, лишень возможности слѣдить за портовыми работами. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляется прямо необходимымъ построить въ Николаевскѣ искусственную гавань, расположивъ ее на Константиновскомъ полуостровѣ какъ на самомъ удобномъ, ибо тамъ, при постройкѣ Константиновскаго форта, углублялись безъ затрудненій ниже горизонта воды амурскаго ординара на 6 сажень (тутъ на документѣ чья то поправка карандашемъ— «не сажень, а футъ»).

Для удобства сообщенія по Амуру, необходима регулировка верхней части его теченія. Начиная отъ Анганской станицы, и въ особенности по рѣкамъ Шилкѣ и Ингодѣ, встрѣчаются мѣста, въ которыхъ, отъ раздѣленія русла на множество рукавовъ, фарватеръ въ малую воду бываетъ несравненно мельче, чѣмъ во всѣхъ прочихъ участкахъ теченія этихъ рѣкъ. На Шилкѣ и Ингодѣ, кромѣ того, изобилуютъ такъ называемые перекаты, образующіеся большею частью въ мѣстахъ крутыхъ поворотовъ рѣкъ; плаваніе по перекатамъ крайне затруднительно, ибо суда, быстрымъ теченіемъ, зачастую отбрасываются съ фарватера на мели. Препятствуютъ судоходству и большіе камни, разбросанные по ложу Шилки и Ингоды. Безъ устраненія этихъ изъязновъ, безъ исправленія русла рѣкъ, плаваніе по нимъ останется затруднительнымъ во всякое время года,

Наконецъ, по всему Амуру, Шилкѣ и Ингодѣ, отъ Николаевска до Читы, въ мѣстахъ, гдѣ пароходы запасаются дровами, принимаютъ и сгружаютъ тяжести, необходимо построить пристани, а на главныхъ станціяхъ и гавани для зимовки судовъ, съ извѣстнымъ ихъ оборудованіемъ для возможности производства ремонтныхъ судовыхъ работъ.

Къ изложенному графъ Муравьевъ прибавлялъ, что, по его распоряженію уже приступлено къ устройству гавани и пристани на Шилкѣ у станицы Срѣтенской, а для оживленія работъ по усиленію батарей на устьяхъ Амура въ навигацію 1859 г. предназначена къ сплаву партія рабочихъ въ 500 человекъ изъ числа ссыльныхъ. Послѣднія работы будутъ исполнены за счетъ суммъ, имѣющихся въ распоряженіи генераль-губернатора. На всѣ же прочія операціи требуются новыя асигнованія.

На подлинной запискѣ гр. Муравьева собственноручная резолюція Государя Императора: «О томъ, что касается военно-сухопутнаго вѣдомства, сообщить военному министру для нужныхъ соображеній. Прочее предъавить въ Сибирскій комитетъ».

Сибирскій комитетъ прежде всего обратился по этому дѣлу къ графу Путятину и просилъ его дать по запискѣ графа Муравьева подробное заключеніе. Это заключеніе, въ основной и самой существенной своей части, гласило, что первымъ препятствіемъ къ осуществленію плана генераль-губернатора явится отсутствіе на мѣстѣ рабочихъ рукъ. «Главною потребностью, на значительное время впредь, будетъ переселеніе сколь возможно большаго числа семействъ въ самыя отдаленныя части вновь пріобрѣтенныхъ земель. Это передвиженіе потребуетъ не мало денежныхъ средствъ, чтобы произвести его безъ потери людей. Экономія въ такомъ случаѣ, не говоря уже о долгѣ челоуѣколюбія, не достигнетъ своей цѣли, ибо если половина или болѣе переселенцевъ погибнетъ на пути, то издержки на каждого челоуѣка возрастуть для казны вдвое и трое; край по прежнему останется безлюднымъ и слѣдовательно бесполезнымъ. По этимъ причинамъ, мнѣ кажется, необходимо прежде всего обратить преимущественное вниманіе на заселеніе пути къ Восточному океану и главныхъ пунктовъ его побережья». Дальнѣйшихъ сужденій гр. Путятина передавать не буду: они почти полностью повторились въ нижеизлагаемомъ вкратцѣ журналѣ Сибирскаго комитета; скажу больше: добрыя три четверти комитетскаго журнала являютъ собою воспроизведеніе мыслей и даже словъ графа Путятина.

При обсужденіи представленія гр. Муравьева въ Сибирскомъ комитетѣ, присутствовавшій на засѣданіи генераль-маіоръ Корсаковъ пояснилъ, что для работъ въ Пріамурскомъ краѣ, кромѣ 500 рабочихъ изъ ссыльныхъ, предполагается пользоваться личнымъ составомъ находящихся тамъ линейнаго баталіона и флотскихъ экипажей. Комитетъ хотя и нашелъ, что при такомъ рѣшеніи на работы можетъ быть обращено до 3,000 чел., но, съ другой стороны, не могъ «не принять въ уваженіе, что большая часть флотскихъ экипажей лѣтомъ должна быть на судахъ и что, такимъ образомъ, предполагаемые способы будутъ весьма недостаточны для производства всѣхъ обширныхъ работъ, предположенныхъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ». Хотя для заселенія края комитетомъ уже предугазаны различныя мѣры, но заселеніе это не можетъ де совершиться скоро; къ тому же поселенцы, по прибытіи въ край,

принуждены будутъ заняться работами, необходимыми для будущаго ихъ тамъ устройства. При такомъ очевидномъ недостаткѣ рабочихъ рукъ, по мнѣнію комитета, на первое время слѣдуетъ ограничиться только тѣми работами, кои могутъ быть дѣйствительно исполнены находящимися тамъ личными средствами и «исполненіе коихъ болѣе другихъ важно, необходимо и полезно». Нельзя де упускать изъ вида и того, что на проектированныя мѣропріятія требуются весьма значительныя денежныя средства, что таковыя должны быть отпущены изъ государственнаго казначейства, что послѣднее находится въ крайне стѣсненномъ положеніи и что посему слѣдуетъ прежде всего соблюдать экономію. По мнѣнію комитета, въ первую очередь надлежало бы приступить къ укрѣпленію устьевъ Амура, на случай разрыва съ какою либо изъ морскихъ державъ, а для сего теперь же «необходимо составить основательный планъ возможно твердаго оплота для преграды военнымъ судамъ проникать во внутрь страны». Относительно же возведенія укрѣпленій въ иныхъ по Амуру пунктахъ, въ комитетѣ возникло сомнѣніе: «представляется ли въ сихъ укрѣпленіяхъ дѣйствительная надобность?» Фактически такія укрѣпленія могутъ служить только противъ китайцевъ, «со стороны которыхъ намъ никакъ нельзя ожидать нападеній еще долгое время», такъ какъ опасенія высадки европейскихъ десантовъ врядъ ли основательны. «Сомнительно, чтобы непріятель, переплывшій столько морей, покусился оставлять побережье, и отдаляться отъ своихъ запасовъ и подкрѣпленій на разстояніи, въ которыхъ находятся отъ моря важнѣйшіе пункты на Амурѣ. Допустивъ даже, что непріятель займетъ мысъ Джай, то и тогда канонирскія лодки наши съ бомбическими орудіями могутъ отогнать его отъ берега и плаваніе по рѣкѣ останется свободнымъ. Такимъ образомъ, безопасность сообщеній по Амуру едва ли не будетъ вполне обезпечена твердою защитою одного устья».

Устройство пристани въ Де-Кастри, по мнѣнію комитета, явится полезнымъ и не сопряженнымъ съ большими расходами. «Но входъ въ сей заливъ, по своей обширности, едва ли можетъ быть достаточно сильно укрѣпленъ». Что же касается гавани, то на ея оборудованіе потребовались бы огромныя деньги, затрата которыхъ нецѣлесообразна тѣмъ болѣе потому, что на значительное развитіе коммерческаго судоходства въ водахъ Тихаго океана рассчитывать пока нельзя. «Можетъ быть, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи при-Амурскаго края, откроется, что торговлю Сибири удобнѣе будетъ направлять черезъ Уссури къ южнымъ портамъ, зимою не замерза-

ющимъ (?); тогда заливъ Де-Кастри потеряетъ все свое значеніе». Въ ближайшее же время то небольшое число купеческихъ судовъ, которое плаваетъ въ тамошнихъ водахъ, всегда можетъ найти въ случаѣ войны защиту подъ батареями Николаевска. «Вообще, недостаточное укрѣпленіе мѣста служило бы только приманкою непріятелю для испытанія своихъ силъ; дѣйствительная же защита огромной открытой бухты, какъ заливъ Де-Кастри, всегда будетъ представлять, если не совершенную невозможность, то большія затрудненія».

Обращеніе Николаевска въ главный военный портъ на Тихомъ океанѣ, по свѣдѣніямъ морского министерства, также представляетъ свои неудобства. Къ Николаевску прилегаютъ отмели, распространенныя на значительной площади; ихъ устраненіе искусственнымъ образомъ не завершится удачею, ибо стихійныхъ условій не измѣнить, ибо причины образованія этихъ отмелей останутся на лицо; посему и гавань, искусственно вырытая, скоро будетъ вновь занесена иломъ или пескомъ. Суровость же и продолжительность зимы всегда будутъ служить немалымъ препятствіемъ къ успѣшному производству въ Николаевскѣ кораблестроительныхъ работъ. Въ общемъ, обращеніе Николаевска въ главный военный тихоокеанскій портъ еще можно было бы допустить, «ежели бы въ томъ краѣ не представлялось другого удобнаго порта для нашего флота». Въ дѣйствительности же «все побережье Татарскаго пролива заключаетъ въ себѣ не малое число ихъ, изъ которыхъ долженъ быть только избранъ лучший».

Пользы очищенія русла рѣкъ Амура, Шилки и Ингоды оспаривать невозможно; «но для сего необходимо сперва удостовѣриться, что работы по этому предмету удобоисполнимы и не требуютъ какихъ либо чрезвычайныхъ издержекъ», и лишь послѣ соответственныхъ изысканій вопросъ можетъ быть рѣшенъ правильно. «Внимательный предварительный расчетъ тѣмъ болѣе тутъ нуженъ, что время судоходства краткое, препятствій—и мѣстныхъ, и климатическихъ—особенно по Шилкѣ и Ингодѣ, должно ожидать значительныхъ; и затѣмъ, будутъ ли предстоящіе расходы соответствовать ожидаемой пользѣ?»

Наконецъ, цѣлесообразность устройства въ различныхъ мѣстахъ амурскаго воднаго пути зимовочныхъ и ремонтныхъ убѣжищъ для судовъ комитетомъ была отвергнута; сооруженіе же пристаней признано желательнымъ, но пристаней недорогихъ, какими будутъ онѣ при условіи приданія имъ типа временного и при уборкѣ ихъ на зиму.

Резюмируя изложенное Сибирскій комитетъ положилъ:

„Въ общемъ порядкѣ техническихъ работъ въ При-Амурскомъ краѣ прежде всего приступить къ укрѣпленію устьевъ Амура. Составленные по этому предмету планъ и проектъ, по присылкѣ ихъ сюда, рассмотреть и утвердить тѣмъ порядкомъ, какъ разсматриваются и утверждаются всѣ вообще подобные планы и проекты. Предоставить управляющему морскимъ министерствомъ сообщить тому вѣдомству, гдѣ будутъ разсматриваться означенный проектъ и планъ, замѣчанія, сдѣланныя графомъ Путиннымъ относительно обороны устьевъ Амура. На счетъ асигнованія суммъ, какія потребуются на этотъ предметъ, войти въ предварительное сношеніе съ министерствомъ финансовъ установленнымъ порядкомъ. Развѣitie прочихъ затѣмъ предположеній, относящихся до техническихъ работъ въ При-Амурскомъ краѣ, предоставить ближайшему соображенію генералъ-губернатора Восточной Сибири и командующаго расположенными тамъ войсками. Поручить ему при этомъ войти въ обсужденіе всѣхъ тѣхъ замѣчаній, кои изложены выше относительно каждаго его предположенія. Просить его, при составленіи окончательныхъ предположеній вообще имѣть въ виду слѣдующія главные условія: чтобы всѣ расходы были производимы не иначе, какъ постепенно, соответственно рабочимъ силамъ и денежнымъ средствамъ, кои на этотъ предметъ могутъ быть асигнованы; чтобы сначала были производимы работы, дѣйствительно необходимыя для обороны края и укрѣпленія его, а затѣмъ уже въ видахъ развитія въ краѣ торговли и промышленности; чтобы требованіе новаго отпуска денегъ на работы было дѣлаемо со всевозможною умѣренностью, такъ какъ положеніе государственнаго казначейства не позволяетъ ежегодно отдѣлять на работы въ При-Амурскомъ краѣ значительныя суммы, тѣмъ болѣе, что въ другихъ мѣстностяхъ имперіи есть много предметовъ, требующихъ также большихъ денежныхъ средствъ“.

На журналѣ комитета имѣется резолюція Государя Императора: «исполнить».

Приведенное постановленіе Сибирскаго комитета, какъ и слѣдовало ожидать, привело на практикѣ къ тому, что всѣ широкіе планы гр. Муравьева, кромѣ укрѣпленія устьевъ Амура, были отложены въ долгій ящикъ. Даже и вопросъ объ укрѣпленіи устьевъ Амура далеко не завершился въ соотвѣтствіе съ предположеніями генералъ-губернатора: до 1862 г. были произведены лишь «приготовительныя» работы, а въ томъ году всѣ операціи по укрѣпленіямъ у Николаевска приказано было ликвидировать ¹⁾.

Въ ряду мѣръ военно-политическаго характера, направленныхъ къ прочности обладанія новымъ краемъ, значительно большимъ успѣхомъ завершилась мысль гр. Муравьева—учредить на границахъ военныя поселенія.

Какъ мы видѣли, гр. Муравьевъ предполагалъ поселить на Амурѣ часть забайкальскихъ казаковъ еще въ 1856 году, а затѣмъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, принужденъ былъ

¹⁾ Инженерн. Арх., Инж. Д-тъ, отд. I, ст. 3, № 2—1859 г., штабъ генералъ-инспектора, отд. I, ст. 1, № 2—1859 г.

отложить эту мѣру до слѣдующаго года. 27-го февраля 1857 г. онъ писалъ военному министру, что сдѣлалъ уже всѣ приготовленія для поселенія на Амурѣ трехъ сотенъ казаковъ и что задержка въ разрѣшеніи осуществить его предположенія, вызванная «политическими видами» министерства иностранныхъ дѣлъ и медлительностью обсужденія вопроса, можетъ повести къ необходимости мѣропріятіе отложить вновь, а произведенные расходы обречь на непроизводительность, ибо позднее разрѣшеніе исключить для переселяемыхъ казаковъ возможность устроиться на зиму. Эти соображенія подѣйствовали, и раннею же весною состоялось Высочайшее повелѣніе — поселить казаковъ на Амурѣ безотлагательно.

Три конныя сотни забайкальцевъ съ ихъ семьями были водворены на Амурѣ въ навигацію 1857 года, и тогда же было образовано девять первыхъ прибрежныхъ казачьихъ станицъ. Этими первыми станицами, считая внизъ по теченію, явились: Албазинская, Толбузина, Ольгина, Аносова, Корсакова, Буссе, Бибикова, Июкентьевская и Пашкова. Въ слѣдующемъ 1858 г., 5-го сентября, гр. Муравьевъ доносилъ Августѣйшему генералъ-адмиралу, что Амурскій конный казачій полкъ, въ полномъ шестисотенномъ составѣ, сформированъ окончательно и поселенъ отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана. Но переселеніе продолжалось и послѣ этого, ибо Муравьевъ не признавалъ возможнымъ ограничиться занятіемъ Амурской долины однимъ полкомъ. Въ 1858 г. возникло вновь 30 казачьихъ станицъ.

Переселеніе забайкальцевъ сопровождалось большою о нихъ заботливостью. Переселяющимся по жребію служилымъ казакамъ было дано отъ войска даровое полное обмундированіе; семьямъ выдавали денежныя пособія, съ тщательной провѣркой употребленія таковыхъ; провѣряли состояніе одежды и домашней утвари; приказывали брать съ собою земледѣльческія орудія, колеса, жернова для мельницъ, точила и проч.; обязывали перевезти на новыя мѣста рогатый скотъ, лошадей, поросятъ, птицу. Имѣя въ виду отсутствіе на Амурѣ мѣстныхъ рынковъ и неорганизованность сообщенія по рѣкѣ, въ счетъ пособій, по цѣнамъ несравненно болѣе дешевымъ, чѣмъ то могли купить сами казаки, заготовили и роздали переселявшимся различныя матеріи для платья, иголки, ножницы, наперстки, шилья и имъ подобные предметы. Казакамъ безлошаднымъ выдали коней изъ «экономическихъ войсковыхъ табуновъ». Въ отдѣльныхъ случаяхъ была допущена замѣна жеребьевыхъ казаковъ охотниками, но въ охотники брали только физически вполне здоровыхъ людей и притомъ либо женатыхъ, либо обязавшихся немед-

ленно жениться на дѣвушкахъ изъ семей, неподлежавшихъ переселенію. Въ сплавъ на семью было разрѣшено брать не болѣе 50 пудовъ багажа, 4 лошадей и 4 штукъ рогатаго скота—лошадей и быковъ обязательно рабочихъ, а коровъ дойныхъ; тѣ же казаки, которые хотѣли взять съ собою большое количество живого и мертваго инвентаря, были обязаны строить артелями паромы своимъ иждивеніемъ. При поселеніи казаковъ на мѣстахъ старались не разъединять родственниковъ и односельчанъ. Во многія станицы назначили фельдшеровъ и снабдили ихъ медикаментами; не забыли и о ветеринарной помощи.

Несомнѣнно, такая заботливость во многомъ облегчила участь переселявшихся; но она во всякомъ случаѣ не исключила многихъ крайне тяжелыхъ условій водворенія на новыхъ, совершенно дикихъ мѣстахъ. Казаки поселялись близъ урѣза водъ Амура, въ полосѣ, подверженной наводненіямъ и неудобной для иного пользования землею какъ сѣнокосомъ. Край представлялъ собою совершенную пустыню, и только небольшое пространство земли у слиянія Зеи съ Амуромъ было густо заселено манчжурами, которыхъ трогать мы не могли по условіямъ Айгунскаго договора и которые, оставаясь китайскими подданными, полновластно владѣли лучшею землею вплоть до «выгона» ихъ въ 1900 году за Амуръ. Казаковъ водворили на Амурѣ небольшими поселками, поселокъ отъ поселка верстахъ въ 20—30, водворили, равномерно распредѣляя по всему теченію рѣки какъ съ цѣлью образованія «кордонной линіи», такъ и въ видахъ учрежденія вдоль Амура почтовой гоньбы. Природа была вполнѣ дѣвственной. Непроходимая, въ большинствѣ случаевъ заболоченная, тайга зачастую жалась къ самому Амуру и изолировалась хищниками—волкомъ, медвѣдемъ, тигромъ. Болѣе низменные мѣста были покрыты травой, скрывавшей всадника, травой съ толстыми деревянистыми стеблями, негодной для корма скота. Осенью трава эта плотнымъ слоемъ ложилась на землю, что, естественно, порождало образованіе такихъ болотъ, по которымъ ни пройти, ни проѣхать не представлялось возможнымъ. Мириады «гнуся» носились по всему побережью Амура все теплое время и отравляли жизнь и казаку, и его коню, и иному домашнему животному. Но казаки не унывали. Разумною рубкою лѣса, да умѣлымъ пусканіемъ по лугамъ «паловъ» они побороли природу. Болота стали просыхать, травы по качеству улучшились, гнуся убавилось. И какой цѣной достигли этого забайкальцы—можно лишь догадываться. Если искать по Амуру насаждателя культуры, то, пожалуй, кромѣ казака никого не отыщешь. Крестьяне наши явились уже на готовенькое.

Первоначально лучше всего жилось тѣмъ казакамъ, которые, расположились по близости отъ Зеи, неподалеку отъ «манчжурскаго обрѣза». Манчжуры прекрасно ужились бокъ о бокъ съ нашими и продавали казакамъ продукты своего сельскаго хозяйства по весьма дешевой цѣнѣ: куль овса—20 коп., кураца—2 к. и т. п. «Я употребляю всѣ средства—читаю по этому поводу въ письмѣ гр. Муравьева къ Ковалевскому отъ 25 февраля 1858 г.—чтобы не тревожить съ нашего лѣваго берега такихъ милыхъ хозяевъ земледѣльцевъ».

8-го декабря 1858 г. была учреждена, кромѣ Приморской, еще и особая Амурская область, съ центромъ ея въ Благовѣщенскѣ и съ высшимъ начальствомъ въ лицѣ военного губернатора, пользовавшагося по отношенію къ войсковымъ частямъ правами: по регулярнымъ войскамъ—начальника дивизіи, по казачьимъ—наказного атамана. Тогда же Охотская округа была выдѣлена изъ состава Якутской области и включена въ область Приморскую. Одновременно съ этимъ было установлено вдоль Амура и почтовое сообщеніе: отъ Усть-Стрѣлки до устья Уссури почту должны были перевозить казаки; далѣе до Маріинска ее перевозили на лошадахъ, купленныхъ за счетъ сибирскаго военного капитала; отъ Маріинска до устья подъ почту нанимали перевозочныя средства у поселенныхъ тамъ крестьянъ, съ платою по 3 к. съ версты и лошади.

29-го декабря того же 1858 г., Государь Императоръ, «признавая необходимымъ обезпечить возвращенный Россіи При-Амурскій край военнымъ населеніемъ», Высочайше повелѣлъ: «для охраненія юго-восточной границы нашей и содержанія сообщенія по рѣкамъ Амуру и Уссури», образовать Амурское казачье войско, частью изъ забайкальскихъ казаковъ, частью изъ нижнихъ чиновъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, общеою численностью въ 15—20 тысячъ душъ обоихъ половъ. Все побережье названныхъ рѣкъ, т. е. лѣвый берегъ Амура до Уссури и правый берегъ Уссури, было повелѣно раздѣлить на четыре округа: два полковыхъ (конныхъ)—отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана и два баталіонныхъ (пѣшихъ) изъ послѣднихъ одинъ отъ Хангана до устья Уссури и другой отъ устья Уссури до Японскаго моря. Собственно амурскіе казаки происходили всѣ изъ Забайкалья; смѣшанный же составъ получили казаки уссурійскіе.

На Уссури казаки появились еще за годъ до приведеннаго Высочайшаго повелѣнія: 150 семей забайкальцевъ было тамъ водворено по личному распоряженію Муравьева. На слѣдующій годъ

туда же начали прибывать и *штрафованные* солдаты изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, а также новыя партіи забайкальцевъ. Прошло еще два года, и уссурійское казачье населеніе достигло цифры въ 5,000 душъ, основавшихъ 23 станицы.

Первое время уссурійскимъ казакамъ жилось еще хуже, чѣмъ амурскимъ. Особыя климатическія условія, главнымъ образомъ чрезвычайная дождливость лѣта, неумѣніе примѣниться къ этимъ условіямъ, а пожалуй и отсутствіе энергіи завершились совершеннымъ и окончательнымъ неуспѣхомъ хлѣбопашества. Недороды слѣдовали за недородами, а то, что рождалось, было весьма плохого качества. Хотя казна отчасти и пошла навстрѣчу жгучимъ нуждамъ казаковъ и выдавала имъ бесплатно нѣкоторое количество провіанта, но такія выдачи не исчерпывали потребности. По свидѣтельству Пржевальскаго, въ хлѣбъ подмѣшивали не только сѣмена сорныхъ травъ, но даже простую глину; вмѣсто чая пили такъ называемую «шульту»—настой изъ высушенныхъ гнилушекъ березы и дуба. Переселенные на новыя мѣста по жребію, поголовно чувствовавшіе къ краю враждебность, смотрѣвшіе на себя какъ на ссыльныхъ, уссурійцы, по словамъ знаменитаго путешественника, прониклись апатіей и пальца о палецъ не ударили для пользованія тѣхъ естественныхъ богатствъ, которыя сами давались имъ въ руки и кои выражались главнымъ образомъ несмѣтнымъ обиліемъ рыбы и дичи. За апатіей слѣдовала нищета, за нищетою—развратъ, доходившій до торговли женами и дочерьми. Одно время боялись даже поголовнаго бунта. Но постепенно все образовалось; казаки оправились и зажили жизнью порядочныхъ людей.

Организація Амурскаго казачьяго войска завершилась въ 1860 году, когда, 1-го іюня, было Высочайше утверждено положеніе объ этомъ войскѣ.

Согласно положенію, распредѣленіе округовъ сохранилось прежнее. Казаки были обязаны имѣть въ повседневной боевой готовности два конныхъ полка, два дѣйствующихъ и два резервныхъ пѣшихъ баталіона; конные полки имѣли четырехсотенный составъ, а пѣшіе баталіоны пятиротный. Командный персоналъ комплектовался либо казачьими офицерами, либо офицерами регулярной кавалеріи; разрѣшалось имѣть и «заурядъ-офицеровъ» изъ достойныхъ урядниковъ. Въ обязанности войскового атамана—военнаго губернатора Амурской области—между прочимъ, входило заботиться, «чтобы казаки постоянно и повсюду внушали къ себѣ уваженіе туземцевъ и сосѣднихъ иностранныхъ властей и жителей; чтобы по всей границѣ поддерживалось взаимное согласіе и друж-

ба между властями и жителями обоихъ государствъ; чтобы новое казачье заселеніе края укоренилось на основаніяхъ вѣчныхъ и неизблемыхъ; чтобы казачье населеніе заботилось о развитіи въ войскѣ всѣхъ отраслей мѣстной промышленности, не упуская въ этомъ отношеніи изъ виду всего того, на что укажутъ торговыя предпріятія на Амурѣ и Восточномъ океанѣ, и извлекая изъ всего пользу для края и собственнаго благосостоянія; чтобы войско разумно пользовалось правами свободной торговли и плаванія по рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури». На обязанностяхъ войска лежало: а) содержаніе сообщенія по Амуру до Уссури, по Уссури и далѣе по сухопутной границѣ до моря—лѣтомъ на пароходахъ, переданныхъ войску, и на лодкахъ, а зимою, а также всегда по сухопутной границѣ, на лошадяхъ; б) охраненіе границы; в) отправленіе службы по особымъ распоряженіямъ какъ въ Амурской и Приморской областяхъ, такъ и внѣ оныхъ. Для строевого обученія, каждая изъ шести воинскихъ частей должна была сосредоточиваться въ удобныхъ мѣстахъ въ подвижные сборы на срокъ не болѣе одного мѣсяца. Казаки, кромѣ того, были обязаны заготовлять въ указанныхъ имъ пунктахъ дрова и каменный уголь для пароходовъ, для казачьихъ—бездвозмездно, а для прочихъ казенныхъ—по особой цѣнѣ, устанавливаемой генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Ихъ же обязали заготовлять лѣсные и другіе матеріалы для постройки штабъ-квартиръ мѣстныхъ регулярныхъ войскъ. Конные казаки (распоряженіемъ артилерійскаго вѣдомства) были вооружены для боевой службы драгунскими нарѣзными ружьями, шашками, пистолетами и пиками; для службы же внутренней имъ выдали второй комплектъ ружей, гладкоствольныхъ, изъ складовъ Забайкальскаго войска. Пѣшіе казаки дѣйствующихъ баталіоновъ получили отъ артилерійскаго вѣдомства такія же нарѣзные ружья и пистолеты, а баталіоновъ резервныхъ—кремневые ружья изъ запасовъ Забайкалья. Содержалось войско на счетъ казны (§ 144), т. е. изъ казны отпускалось жалованье, провіантъ, приварочныя деньги и проч.; казна же строила для войсковыхъ учрежденій помѣщенія (§ 173). Всѣ казаки, офицеры и нижніе чины, имѣли право на земельныя надѣлы, при чемъ величину таковыхъ на первое время рѣшено было устанавливать «общественными приговорами» соразмѣрно «съ силою и возможностью каждаго домохозяина обработать оную (землю), расчистить изъ подъ лѣса, осушить изъ подъ болотъ и обратить въ полезное хозяйственное употребленіе». Размежеваніе и разграниченіе казачьихъ земель было отложено на будущее время; указывалось

лишь, что высшему мѣстному начальству предоставляется право отводить *войску* «потребное» количество земель, а *отдѣльнымъ* казакамъ, въ пожизненную собственность: штабъ-офицеру — не болѣе 400 десятинъ, оберъ-офицеру — 200, казаку — 30. Буде же окажется, что кто-либо изъ казаковъ уже расчистилъ, осушилъ и обратилъ въ «полезное хозяйственное употребленіе» большее количество земли, превышающее приведенныя нормы, то всю культивированную землю казакъ можетъ пользоваться еще 40 лѣтъ. Срокъ службы для казаковъ былъ установленъ въ 30 лѣтъ: 22 года полевой службы и 8 лѣтъ внутренней.

Одновременно съ волвореніемъ въ новомъ краѣ казаковъ, водворялись тамъ же и регулярныя войска — линейныя баталіоны — «въ подкрѣпленіе казачьей липіи». Еще въ 1856 году, при эвакуаціи Николаевска, тамъ былъ оставленъ 15-й линейный баталіонъ; лѣтомъ 1858 года 14-й линейный баталіонъ съ батареей былъ размѣщенъ у Благовѣщенска, а 13-й — у Хабаровска, близъ устья Уссури. Затѣмъ, послѣдовательно заняли баталіонами и отдѣльными командами Софійскъ, Маріинскъ, Камень-Рыболовъ, Владивостокъ, Раздольное, Новгородское, Новокіевское, Никольскъ, Ануцино, Барабашъ и Славянку; отдѣльными же постами — Сучанъ, св. Ольгу, св. Владиміра, Императорскую гавань и Де-Кастри.

Хотя большинство названныхъ пунктовъ, изъ числа находящихся въ Уссурійскомъ краѣ, заняли регулярными войсками уже послѣ заключенія Пекинскаго трактата, но наши войска вошли въ этотъ край еще до окончательнаго разграниченія «земель общаго пользованія» Китая и Россіи. 12-го января 1860 года графъ Муравьевъ писалъ Ковалевскому: «Я очень радъ, что въ Петербургѣ рѣшились дать мнѣ приказаніе занять правый берегъ рѣки Уссури; но, къ сожалѣнію, не могу этого теперъ исполнить, ибо это сдѣлано уже годъ тому назадъ».

Условія водворенія русскаго воинства въ дикомъ краѣ было далеко не изъ легкихъ. Вотъ какъ, приблизительно, рисуетъ картину устройства штабъ-квартиръ свидѣтель событій, генералъ П. О. Унтербергеръ.

Въ походномъ порядкѣ приходитъ воинская часть въ назначенную для ея квартированія мѣстность. Раздается команда: «стой! ружья составь! ранцы долой!» Перекрестившись, люди приступаютъ къ устройству прикрытій отъ палящаго солнца, отъ дождя, къ устройству убогихъ шалашей. Шалаши вскорѣ замѣняются землянками; ихъ сооружаютъ тщательно — въ нихъ придется прожить годъ, а то и другой. Устроившись такимъ образомъ, выби-

раютъ мѣста для расположенія постоянныхъ казармъ; люди рассчитываются на команды по мастерствамъ, и закипаетъ работа: лѣсорубы идутъ въ лѣсъ и заготовляютъ бревна; знакомые съ кирпичнымъ дѣломъ ищутъ глину и выдѣлываютъ сырецъ; пристраиваются подъ навѣсами столяры, слесаря и кузнецы; отыскиваются мѣста съ камнемъ, пригоднымъ для обжига извести и т. д. Одновременно въ глухой тайгѣ прорубаются просѣки и устраиваются неприхотливые пути сообщенія съ ближайшими складами; ꙗвляются колодцы; проводятся дренажныя канавы. Трудомъ упорнымъ, преодолевая всякія затрудненія, борясь со стихіей, русскій воинъ создастъ свою «штабъ-квартиру», и жизнь входитъ въ нормальныя рамки ¹⁾.

Русская жизнь въ новомъ краѣ развивалась, а границы съ Китаемъ все еще не были установлены окончательно. Вопросъ о разграниченіи представлялся для насъ чрезвычайно важнымъ; интересовались тѣмъ же и мѣстныя манчжурскія власти. Еще 10 ноября 1858 г. гр. Муравьевъ-Амурскій сообщалъ канцлеру кн. Горчакову, что манчжуры не менѣе насъ заинтересованы скорѣйшимъ установленіемъ границы и что, согласно депешѣ айгунскаго амбана, они принимаютъ «за базисъ» границы системы Уссури и Суйфуна. Однако, съ своей стороны онъ находить желательнымъ примкнуть границу къ Корей. Въ этомъ духѣ имъ и даны соотвѣтствующія директивы особой комисіи, организованной для предварительнаго опредѣленія пограничной линіи подъ предѣтельствомъ оберъ-квартирмейстера восточно-сибирскихъ войскъ полковника Будогосскаго.

Результатомъ этого сообщенія явилось рѣшеніе отправить въ Пекинъ особое посольство, при чемъ обязанности чрезвычайнаго посланника были возложены ꙗвъ январѣ 1859 г. на свиты Его Величества генераль-маіора Николая Павловича Игнатъева.

Въ ожиданіи прибытія Игнатъева, графъ Муравьевъ-Амурскій все же не прерывалъ своихъ сношеній съ китайскими властями, съ цѣлью подготовки почвы для нашего посольства, и сношенія свои велъ черезъ русскую духовную мисію въ Пекинѣ. Одною изъ первостепенныхъ задачъ онъ считалъ скорѣйшее опредѣленіе границы на мѣстѣ путемъ соглашенія съ китайцами, опредѣленіе, хотя бы и предварительное, и посему убѣдительно просилъ Перовскаго,

¹⁾ II Полн. Собр. Зак., №№ 33,862, 33,910, 33,988, 35,857; Н. Пржевальскій. «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ». Спб. 1870 г., стр. 31, 68, 143; П. Ф. Унтербергеръ. «Приморская область 1856—1898 гг.», Спб. 1900 г., стр. 53, 54, 250, 252; Барсуковъ, т. I, стр. 523, 524 и т. II, стр. 150, 151, 162, 185, 287.

стоявшаго во главѣ нашей мисіи, настоять на высылкѣ къ веснѣ 1859 года китайскихъ комисаровъ къ озеру Ханка, куда къ тому времени должна была собраться комисія Будогосскаго. При этомъ онъ сообщалъ ему, что Будогосскій получилъ инструкцію приступить къ работамъ даже и въ томъ случаѣ, если китайскіе комисары не прибудутъ къ назначенному сроку, поясняя эту мѣру тѣмъ соображеніемъ, что медлить намъ нельзя, ибо при проволочкѣ иностранцы не преминутъ урвать въ свою пользу часть территоріи у сѣверныхъ границъ Кореи, чтобы имѣть путь внутрь Манчжуріи. Такого же оборота дѣла гр. Муравьевъ опасался особенно.

Однако, желанною успѣшностью сношенія съ Перовскимъ не завершились. 21-го февраля гр. Муравьевъ писалъ кн. Горчакову, что китайское правительство попрежнему медлитъ и занимается бесполезной перепиской и церемоніями, а лица нашей пекинской мисіи вопроса не двигаютъ нисколько; они «трусятъ, по свойственной имъ привычкѣ» и «рѣшительно ничего не знаютъ о томъ, что нужно было бы знать».

Игнатьевъ прибылъ въ Ургу въ апрѣлѣ 1859 года. Оттуда онъ думалъ тотчасъ же направиться въ Пекинъ, но это ему не удалось: мѣстныя власти категорически отказались выдать ему пропускъ безъ разрѣшенія трибунала внѣшнихъ сношеній. Произошла задержка, и нашъ посланникъ прибылъ въ столицу имперіи богдыхана только къ лѣту.

Тѣмъ временемъ, комисія Будогосскаго достигла озера Ханка, тщетно прождала тамъ нѣкоторое время встрѣчи съ китайскими уполномоченными, а затѣмъ приступила къ самостоятельнымъ работамъ по составленію карты пограничнаго раіона и по нанесенію на нее границы, согласно указаніямъ генералъ-губернатора. Карту эту Будогосскій закончилъ въ концѣ іюня уже на нароходѣ «Америка», шедшемъ подъ флагомъ графа Муравьева въ Печелійскій заливъ.

«Америка» подошла къ устью Пейхо 2-го іюля, и тутъ гр. Муравьевъ узналъ, что китайцы незадолго до того отразили нападеніе англо-французовъ и потопили нѣсколько ихъ канонерокъ. Хотя событіе это непосредственно насъ не касалось, но все же оно вызвало необходимость дѣйствовать осторожно. Разсуждая, что желтые преисполнены по случаю побѣды надъ европейцами кичливостью и заносчивостью, графъ Муравьевъ не рѣшился предъявить пекинскому трибуналу категорическихъ требованій. Онъ ограничился отправкою Будогосскаго съ картою въ Пекинъ къ Игнатьеву, а самъ спѣшно отправился на Амуръ и обосновался въ Благовѣщенскѣ. Этотъ маневръ онъ самъ называлъ «демонстраціей» съ

цѣлью помочь Игнатьеву и до извѣстной степени въ своихъ ожиданіяхъ не ошибся. Пребываніе генераль-губернатора въ Благовѣщенскѣ сильно напугало айгунскія власти: въ Пекинѣ полетѣли изъ Айгуна представленія о томъ, что русскіе затѣваютъ что-то недоброе.

Испугъ айгунскихъ властей не отразился, однако, въ Пекинѣ въ той мѣрѣ, какъ того желалъ графъ Муравьевъ: переговоры Игнатьева съ трибуналомъ къ конечной пѣли не подвинулись ни на шагъ. Освѣдомленное объ этомъ наше правительство уполномочило гр. Муравьева занять пограничные раіоны и гавани въ сѣверной части Японскаго моря, первые—войсками, вторыя—военными судами. Кстати замѣчу, что въ Тихій океанъ еще въ сентябрѣ 1857 года былъ отправленъ изъ Кронштадта отрядъ военныхъ судовъ, подъ начальствомъ капитана 1-го ранга Кузнецова, состоявшій изъ фрегата «Аскольдъ», корветовъ «Новикъ», {«Воевода» и «Бояринъ» и клиперовъ «Пластунъ», «Джигитъ» и «Стрѣлокъ». Но, давая Муравьеву сказанныя полномочія, наша дипломатія не преминула поставить его въ крайне затруднительное положеніе: въ разрѣзъ соображеніямъ генераль-губернатора и наперекоръ его настояніямъ, настрого предписывалось, что нашу границу слѣдуетъ де проектировать отъ верховьевъ Уссури прямо на востокъ, къ морю, отнюдь не занимая бухты Посѣта; только въ самомъ благопріятномъ случаѣ разрѣшалось хлопотать о границѣ по Суифуну. Этимъ карта Будогосскаго и труды его комисіи сводились къ круглому нулю, и естественно Муравьеву пришлось еще разъ принять директивы свыше къ свѣдѣнію, но не къ исполненію.

Первою мѣрою графа Муравьева было предписаніе военному губернатору Приморской области, контръ-адмиралу Казакевичу, съ открытіемъ навигаціи 1860 года, занять воинскими командами бухту Золотого Рога и запретную бухту Посѣта (Новгородскую) и укрѣпить ихъ, занять двумя ротами заливъ Аниву и учредить крейсерство въ заливѣ Петра Великаго, для чего предназначить три корвета, два клипера, пароходо-фрегатъ «Америка» и два винтовыхъ транспорта. Далѣе, войскамъ, расположеннымъ по Амуру, приказано было производить, по возможности ежедневно, маневры и различныя упражненія боевого характера. Самъ гр. Муравьевъ намѣревался большую часть времени проводить при амурскихъ войскахъ. Всѣ эти приготовленія, какъ сообщалъ онъ Игнатьеву, дѣлались «не скрытно, а, напротивъ, открыто, въ виду китайцевъ и манчжуръ». Мало того: было отдано распоряженіе «распространить слухъ о вѣроятномъ движеніи нашихъ войскъ весною за границу». Письмо свое графъ Муравьевъ заканчивалъ словами: «Свѣдѣнія

объ этомъ съ разныхъ сторонъ должны достигнуть до Пекина, что я считаю полезнымъ для хода вашихъ переговоровъ».

Между тѣмъ, въ Петербургѣ было получено новое донесеніе отъ Игнатьева, въ которомъ онъ сообщалъ, что сношенія свои съ пекинскимъ трибуналомъ о границахъ, по ихъ безрезультатности, онъ прервалъ, и что наступилъ моментъ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій: сдѣлать послѣднее предложеніе объ исполненіи китайцами условій Айгунскаго трактата, при отказѣ—ему, посланнику, покинуть Пекинъ и перевести переговоры на Амуръ, «подкрѣпляя наши домогательства понудительными мѣрами и движеніями войскъ на границахъ». При непринятіи же такой тактики, по мнѣнію Игнатьева, оставалось выжидать окончанія войны Китая съ англо-французами и воспользоваться пораженіемъ желтыхъ, воспользоваться неминуемымъ упадкомъ духа побѣжденныхъ.

Это представленіе было передано на обсужденіе Амурскаго комитета. Журналъ засѣданія комитета, происходившаго въ Высочайшемъ присутствіи, приводя его въ сжатомъ видѣ, заключался въ слѣдующемъ.

Принявъ во вниманіе, что военныя дѣйствія въ Китаѣ могутъ закончиться подъ стѣнами Пекина, комитетъ полагалъ предложить Игнатьеву направиться въ Бейтанъ и водвориться на русскомъ военномъ суднѣ, сдѣлавъ, однако, раньше послѣднее представленіе трибуналу съ предупрежденіемъ, что при отказѣ утвердить границы по картѣ Будогосскаго, доставленной китайскому правительству нашимъ посланникомъ, — «сибирскій генераль-губернаторъ сдѣлаетъ надлежащія распоряженія о приведеніи въ исполненіе Айгунскаго трактата». Если же трибуналъ пойдетъ на соглашеніе, то объявить китайскимъ министрамъ, что посланникъ «останется нѣкоторое время съ русскою эскадрою въ заливѣ Печели, чтобы въ случаѣ нужды оказать дружеское содѣйствіе въ пользу богдыхана во время переговоровъ его уполномоченныхъ съ уполномоченными союзныхъ державъ». Нынѣ же распорядиться о направленіи въ Бейтанъ военного судна и о сосредоточеніи всей нашей тихоокеанской эскадры въ Печели, куда направить изъ Средиземнаго моря и фрегатъ «Свѣтлану». Журналъ былъ утвержденъ Государемъ Императоромъ 12-го января 1860 года.

Освѣдомленный о такомъ рѣшеніи и полагая, что выѣздъ нашего посланника изъ Пекина будетъ понятъ китайцами какъ «угроза разрыву», графъ Муравьевъ, лѣтомъ того же года, усугубилъ свои «демонстраціи» на Амурѣ и сообщилъ айгунскому амбаню, что хотя наши приготовленія и не носятъ враждебнаго ха-

рактера, но случиться можетъ все, и вина тогда падеть на китайскія власти, которыя не хотятъ утвердить доставленной имъ карты. Къ этому генераль-губернаторъ прибавлялъ, что *намъ* разграниченіе даже не нужно: «въ Айгунскомъ трактатѣ мѣста эти, впредь до разграниченія, оставлены въ общемъ владѣніи, и слѣдовательно, такъ какъ мы располагаемъ тамъ большими силами, то скорѣе люди наши могутъ захватить лишнее у нихъ, чѣмъ они у насъ». Начальнику же гарнизона Благовѣщенска генераль-губернаторъ предписалъ, въ случаѣ обнаруженія вооруженія китайцевъ у Айгуна, немедленно занять островъ противъ названнаго города одною ротою линейцевъ и установить тамъ четыре орудія.

Рѣшительныя заявленія нашего правительства и «демонстраціи» графа Муравьева въ концѣ концовъ на китайцевъ воздѣйствовали. Переговоры Игнатьева съ трибуналомъ наладились и завершились 2-го ноября 1860 года договоромъ въ Пекинѣ между нимъ и уполномоченнымъ богдыхана, «княземъ первой степени» Гун-и-синь. По Пекинскому договору, русско-китайская граница на востокѣ была проведена по Амуру до Уссури, далѣе по Уссури, Сунгачѣ, черезъ озеро Ханка къ рѣчкѣ Беленхэ (Турь), отъ устья послѣдней по горному хребту къ устью р. Хубиту, оттуда по горамъ между р. Хунчунъ и моремъ до р. Тумынь-дзянь и по послѣдней до Японскаго моря. «Если бы—гласилъ договоръ—въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались бы поселенія китайскихъ подданныхъ, то русское правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ и дозволить по прежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». По границамъ была разрѣшена безошлинная мѣновая торговля. Русскимъ купцамъ было предоставлено право ѣздить изъ Кяхты въ Пекинъ и торговать въ Ургѣ и Калганѣ, однако, безъ права заводить тамъ оптовые склады. Китайскимъ купцамъ дозволено проникать въ русскія области. Наконецъ, былъ открытъ для русской торговли Кашгаръ, и подтверждено право нашихъ купцовъ торговать въ Или и Тарбагатаѣ ¹⁾.

Пекинскимъ трактатомъ завершался актъ присоединенія къ Россіи Пріамурья и Уссурийскаго края. Имъ исчерпывается и тема настоящаго очерка.

Г. Тимче, ко-Рубанъ.

¹⁾ Государ. арх., Азіат. д-тъ, № 2/37—журналы Амурскаго комитета; Морск. арх., канц., № 16,354; Инженерн. арх., ниж. д-тъ, отд. I, ст. 3 № 2,—1859 г.; II Полн. Собр. Зак., № 36,459; Барсуковъ, т. I, стр. 549, 559, 560, 568—571 и т. II, стр. 205, 206, 214, 245, 261, 267, 280, 289, 291—293, 312.

ИЗЪ ПОХОДНАГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе!).

11-го августа. Къ полудню подѣхалъ изъ штаба 1-го Сибирскаго корпуса О. В. Теперь уже были на лицо всѣ четверо однополчанъ.

Мы провели весь день не разлучаясь. Вмѣстѣ обѣдали и ужинали въ той же столовой, гуляли по городу, снимались группой и толковали о прошлой жизни въ полку и войнѣ, рассказывая другъ другу все, что пережили, чего насмотрѣлись.

Въ 11 часовъ мы распрощались съ Эдуардомъ; онъ поѣхалъ въ свой штабъ, чтобы завтра отправиться въ передовой отрядъ и участвовать 14-го въ такой же боевой развѣдкѣ, какая была у Грекова при мнѣ.

Только состоится ли она ¹⁾? Когда Эдуардъ уже сидѣлъ на конѣ, приближалъ капитанъ М. и объявилъ намъ послѣднюю телеграмму:

— Переговоры кончены! Мы согласились на уступку южной половины Сахалина и уплату ничтожной контрибуціи въ видѣ вознагражденія за содержаніе плѣнныхъ!

Быть можетъ все кончено.

Но слуховъ такъ много, что еще рано вѣрить.

Сердце подсказываетъ — конецъ!

Нѣсколько дней и... перемиріе.

Подождемъ подводить итоги своимъ треволненіямъ.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 10.

²⁾ Рекогносцировка состоялась, а бравый Э. В. нынѣ полковникъ получилъ за нее золотое оружіе.

12-го августа. Въ 11 ч. утра мы распрощались. Жан остался въ Херсу, Лода отправился на дальній востокъ, въ Инчензу къ Мадритову, и я на западъ въ нашъ Маймакай.

Когда то теперь, въ какой обстановкѣ Богъ приведетъ съ ними встрѣтиться?

Обратный путь мы сдѣлали съ Крандашовымъ уже знакомой дорогой, тѣми же живописными долинами, которыя сегодня при великолѣпной погодѣ показались еще красивѣй, еще уютнѣй и сильнѣе ихъ плѣняющей красотой.

Всѣ эти горныя долины похожи одна на другую, но этотъ путь между Херсу и желѣзной дорогой кажется мягче и поэтичнѣй, чѣмъ всѣ панорамы, какія мнѣ случалось встрѣчать въ походѣ.

На серединѣ пути къ разѣзду у д. Ишдяона, гдѣ сливаются два горныхъ ручья, мы привязали лошадей у деревьевъ и купались на солнцѣ въ хрустальной водѣ, несущейся говорливымъ потокомъ по песчаному руслу, — въ такой тишинѣ и безлюдьи среди задумчивыхъ сопокъ, что библейская идилия мнѣ показалась ближе въ эти минуты, чѣмъ обаяніе войны и позицій.

На 84 разѣздѣ мы сдѣлали большой привалъ для лошадей и для обѣда. Мой обѣдъ въ деревянномъ сараѣ, гдѣ оказывается уже водворился «буфетъ I, II и III классовъ» былъ настолько скромнень изобиліемъ и роскошенъ поданнымъ счетомъ, что достоинъ исторіи:

Двѣ бутылки лимонада	1 р. 20 к.
Рюмка удѣльнаго вина	1 „ — „
Супъ съ вермишелью, фаршированные баклажаны и блинчики	2 „ 20 „
Стаканъ чаю	— 10 „
Слугѣ	— 50 „
Итого	5 р. — „

Заплатилъ и размѣялся, до того это «по ту сторону» нашихъ понятій о цѣнностяхъ.

Въ 8 ч. мы вернулись домой.

Я ждалъ, откровенно сказать, что весь нашъ дворикъ будетъ въ затишьи, уныніи и что услышу со всѣхъ сторонъ объявленіе мира, но, вмѣсто того, столкнулся сразу съ вѣщими признаками иныхъ настроеній.

Въ саду повстрѣчался съ генераль-квартирмейстерами — главнокомандующаго — Орановскимъ и 3-й арміи Алексѣевымъ, во дворикѣ шумѣли наши ординарцы и толковали о чемъ то съ адъютантами.

тантомъ Орановскаго А.; въ нашей фанзѣ командующій совѣщался съ начальникомъ штаба и Б. Какой тутъ миръ! Никто не вѣрить ни въ какія телеграммы, и говорятъ только о завтрашнемъ совѣщаніи съ пріѣзжими о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ 2 и 3 арміи.

Въ 10 ч. вечера прискакалъ еще ординарецъ отъ главнокомандующаго съ «секретнымъ пакетомъ», и черезъ минуту мы зашикали другъ на друга и слушали, какъ Б. громко читаетъ командующему этотъ «секретъ».

— Въ виду прибытія на театръ войны 9 и 19 корпусовъ, прошу прибыть 16-го всѣхъ командующихъ арміями на совѣщаніе о наступательныхъ дѣйствіяхъ и представить письменно свои соображенія по главнымъ вопросамъ; завтра же пріѣзжаетъ вызванный на предварительное совѣщаніе Мищенко.

Всѣ возбуждены, командующій весь вечеръ переходитъ изъ кумирни то въ нашу фанзу, то въ кумирню Флуга, слышатся отдѣльныя фразы о разныхъ комбинаціяхъ, готовятся карты и все—возможные подсчеты.

И все таки, искренно, едва ли хоть кто нибудь вѣрить въ возможность продолженія войны. А ординарецъ Н. В. С. твердитъ по прежнему.

99 шансовъ за миръ!

13-го августа. Съ утра до завтрака подъ шатромъ у командующаго происходило совѣщаніе.

Въ половинѣ четвертаго мы выѣхали изъ Маймака пѣлымъ поѣздомъ въ Ламатензу на завтрашнюю стрѣльбу гаубичной батареи по китайскимъ фанзамъ съ позицій 10-го корпуса. Въ трехъ тройкахъ ѣхали: командующій съ Орановскимъ, Алексѣевъ съ Б. и съ дежурнымъ ординарцемъ Л. И. К. на козлахъ, генералъ Флугъ съ Эйхгольцемъ и я, верхомъ съ моей симпатіей—умнымъ и порядочнымъ жандармомъ Кухарчукомъ.

Я ѣхалъ съ тѣмъ, чтобы повидаться съ Ц. и Б., у Кукко остаться на ночь и утромъ быть на стрѣльбѣ.

Впереди нашего поѣзда скакали три конвойныхъ казака и показывали дорогу.

Мы съ Кухарчукомъ то отставали, то обгоняли экипажи, спрямляя зигзаги дороги, и толковали безъ умолку на тѣ мои излюбленныя темы, которыя даютъ самый дорогой матеріалъ, чтобы знать солдатское міровоззрѣніе.

Сегодня мы говорили больше всего о Государственной Думѣ. Я спросилъ Кухарчука, читалъ ли онъ Царскій манифестъ и какъ понимаетъ все, что случилось въ Россіи?

Онъ отвѣчалъ разумно и ясно, что теперь «самый простой народъ будетъ говорить, что ему нужно и сообща съ правительствомъ разсуждать о пользѣ всего государства». Но это пониманіе такого исключительнаго солдата каковъ Кухарчукъ.

— А что другіе солдаты—много говорятъ, теперь объ этомъ манифестѣ и Думѣ?

— Никакъ нѣтъ, в. в., что то не слышно.

— Такъ какъ же это—вѣдь газеты же читали?

Читать читали,—только не поняли... Да и дѣла имъ до этого мало. У насъ, в. в. на этотъ счетъ разговоровъ никогда не бываетъ, что Дума, что безъ Думы—солдатамъ это не любопытно.

Вотъ насчетъ замиренія—это толкуемъ.

— Какова пропасть между народомъ и «народниками», и много ли послѣдніе отошли отъ наивныхъ японскихъ сочинителей «прокламацій», кричащихъ нашимъ солдатамъ «здоровствуй свобода».

Послѣ одного изъ загибовъ дороги уже верстахъ въ 6-ти отъ Ламатензы (какъ потомъ оказалось) я опередилъ еще разъ экипажъ командующаго и выѣхалъ на передовыхъ конвойнымъ казаковъ.

— Что это, братцы вы ведете какъ будто незнакомой дорогой?

— Такъ точно, в. в., мы и сами васъ хотѣли спросить, гдѣ будетъ лучше?

— Да вы дорогу-то знаете?

— Нпкакъ нѣтъ, в. в., мы въ первый разъ...

Не зная самъ дороги, я повернулъ назадъ, чтобы предупредить ординарца Л. И. К., но тутъ случилась еще и другая бѣда. На одной изъ рытвинъ, на которыя завели, блуждая, казаки, у экипажа командующаго свалилось колесо. Послѣ починки на скорую руку, командующій и Орановскій сѣли опять, но снова попали въ ухабы, и колесо разсыпалось вдребезги.

Весь поѣздъ вышелъ на дорогу и не знали, что дѣлать. Въ концѣ концовъ, командующій принялъ мое предложеніе и сѣлъ на моего коня; Л. И. К. посадили на лошадь жандарма, мы съ Кухарчукомъ пересѣли на казачьихъ и вчетверомъ поѣхали впередъ; сзади въ двухъ экипажахъ размѣстились четыре генерала и Б.

Въ верстѣ отъ Ламатензы командующаго встрѣтилъ вр. и. д. начальника штаба 10-го корпуса, вмѣсто больного генерала Маркова, командующій 2-й бригадой 31-й дивизіи полковникъ Миллеръ со свитой Церпицкаго—подполковникомъ З. (бывшій кирасиръ Его Величества) и цѣлой группой офицеровъ, нѣкоторые на превосходныхъ лошадяхъ. Я думаю, что наша кавалькада, пока дѣло не объяснилось, должна была на нихъ произвести довольно странное впечатлѣніе,—командующій еще, положимъ, такъ подобралъ моего Ваську, что узнать нельзя, но я за то на казачьей крысѣ съ солдатскимъ व्यюкомъ былъ, вѣроятно, весьма эксцентриченъ.

У двора Церпицкаго мы слѣзли съ лошадей, я распрощался и поѣхалъ дальше къ Б., отказавшись отъ приглашенія на обѣдъ.

У Б. уже дожидался моего приѣзда и Ц.,—слава Богу, и здоровый, и веселый.

Кукку угостилъ насъ, конечно, превосходнымъ ужиномъ съ тонкими французскими винами и такимъ рокфоромъ, что мы восхищались имъ до тѣхъ поръ, покуда не расхотались, увидавъ, что кусочекъ сыру *ползаетъ* по тарелкѣ. Я столкнулся съ этимъ явленіемъ первый разъ въ жизни и не могъ согласиться съ хлѣбосольнымъ хозяиномъ, что «эти шервяшки должны бить самія фвкуснія вешши».

Мы ужинали въ садикѣ за фанзой, какъ въ загородномъ ресторанѣ, и говоря о полкѣ, о товарищахъ, о войнѣ, обо всемъ, что всѣмъ троимъ было близко и дорого вспомнить,—провели одинъ изъ лучшихъ нашихъ вечеровъ въ Маньчжуріи.

Я остался ночевать у Кукко, чтобы завтра утромъ ближе было выѣзжать въ Ламатензу. Ц. поѣхалъ къ себѣ.

14-го августа. Я могъ бы спать отлично, если бъ не панический страхъ, въ который меня повергали ночныя приключенія Маньчжурскаго гастронома. Бѣдный Кукко подвергся жесточайшимъ приступамъ холеры, и я просыпался каждые полъ-часа, слыша его сборы въ походъ и съ ужасомъ смотрѣлъ на гибель товарища по грѣхамъ, ожидая такой же казни за уничтоженіе «шервяшковъ». Но судьба была милостива — онъ не погибъ, а я остался безнаказанъ.

Въ 9 ч. утра я приѣхалъ на редутъ, гдѣ собирались всѣ присутствовавшіе на стрѣльбѣ. Командующаго еще не было. На валахъ стояли толпы офицеровъ, внизу такая масса лошадей и коно-

водовъ, точно впереди гдѣ-то спѣшился кавалерійскій полкъ. На редутъ собрались и подъѣзжали одинъ за другимъ командиры корпусовъ—Топорнинъ, Флейшеръ, Васильевъ (вмѣсто Церпицкаго) съ начальниками своихъ штабовъ, всѣ начальники артилерій, начальники дивизій, командиры артилерійскихъ и пѣхотныхъ бригадъ и массы «свободныхъ отъ служебныхъ нарядовъ» офицеровъ 9-й и 31-й дивизій. На самомъ видномъ мѣстѣ редута подъ открытой палаткой ожидали командующаго—Орановскій, Алексѣевъ, германскій военный агентъ баронъ Теттау съ военнымъ врачомъ и наши адъютанты и ординарцы, пріѣхавшіе изъ Маймака. Стрѣльба изъ гаубицъ, очевидно, заинтересовала всѣхъ офицеровъ.

У палатки были разставлены телескопы, трубы и мудреные бинокли на треногахъ; позади редута уже качался шаръ; во рву позванивали телефонные аппараты,—однимъ словомъ было сдѣлано все для наблюденія и связи между наблюдателями и батареей. Самая батарея стояла верстахъ въ 1½ сзади и влѣво отъ редута.

Цѣль стрѣльбы, какъ было указано въ программѣ, состояла въ слѣдующемъ: 1) испытать пробиваемость фанзы, для опредѣленія степени безопасности укрытія въ между канномъ пространствѣ ея; 2) испытать степень разрушенія мѣстной глиняной ограды, укрѣпленной насыпью снаружи или внутри; 3) испытать такое же разрушеніе полевого бруствера; 4) испытать пробиваемость бомбой блиндажа; 5) испытать степень порчи бомбой проволочнаго загражденія, и 6) испытать порчу бомбой участка волчьихъ ямъ».

Для всѣхъ этихъ опытовъ была избрана фанза на фронтѣ позиціи, внизу на подступахъ и укрѣплена на ширинѣ 50 шаговъ всѣми видами испытываемыхъ закрытій и препятствій. Стрѣльба была назначена только бомбами,—24-мя съ первой позиціи въ 2,000 саженьяхъ и 36-ю со второй въ 1,200 саженьяхъ отъ фанзы; огонь рѣдкій и очередями послѣ пристрѣлки; батарея въ окопахъ за гребнемъ,—цѣль невидимая; разстоянія измѣрены; наблюдательный пунктъ на одной высотѣ съ пѣлюю и въ верстѣ отъ нее въ сторону фланга.

Такимъ образомъ, вся стрѣльба была обставлена условіями стрѣльбища и рассчитана на испытаніе двухъ свойствъ новой системы—мѣткости на среднія и близкія разстоянія и разрушительнаго дѣйствія.

Въ 10 ч. галопомъ подъѣхалъ командующій вмѣстѣ съ Мишенкой, ѣхавшимъ, однако, въ сторонкѣ, поодаль, и прошелъ подъ палатку, кланаясь на всѣ стороны офицерамъ.

Въ 10½ часовъ дали сигналъ по телефону, и стрѣльба началась.

Выстрѣлы съ батареи изъ-за перегибовъ едва были слышны, затѣмъ раздавался долгій металлическій вой полета и, послѣ видимаго эффекта, мягкій ударъ или страшный трескъ отъ разрыва снаряда. Взрывы бомбъ въ бинокли казались громадны. Сравненіе ихъ съ фонтанами было бы не выразительно,—изъ земли вырывались громадныя, широкіе конусы, воронкой книзу, черныхъ комьевъ земли и обломковъ и охватывались затѣмъ, какъ облакомъ, пышными и высокими клубами бураго дыма. Тѣ бомбы, которыя врывались въ землю, давали звукъ глухого выстрѣла, тѣ же, которыя взрывались на поверхности, давали трескъ, похожій рѣзкостью на разрывы японской шимозы.

Всѣ офицеры напряженно слѣдили въ бинокли за понаданіемъ и разрывомъ снарядовъ, хоромъ вскрикивали «идеть!» послѣ выстрѣла, и гудѣли одобрительно послѣ громкаго взрыва.

Но въ общемъ всѣ остались неудовлетворенными стрѣльбой,—всѣмъ почему-то хотѣлось непременно, чтобы артиллеристы попали въ самую фанзу. Но бомбы какъ нарочно падали вокругъ и около, щадя заколдованный домъ. Послѣ 18 выстрѣловъ, батарея дала двѣ очереди, и вся усадьба скрылась въ облакѣ дыма, поднимавшемся къ небу, какъ на фотографіи, запечатлѣвшей гибель Петропавловска. Въ публикѣ прошелъ одобрительный ропотъ, слышались догадки, что отъ фанзы ничего не осталось, но... дымъ понемногу разсѣялся, а фанза стоитъ какъ нетронутая!

Стрѣльба съ 1-й позиціи (2 т. саж.) была на этомъ закончена. и командующій отправился верхомъ «со всѣми своими» и съ приглашенными старшими начальниками осматривать пораженія, покуда батарея мѣняла позицію. И то, несмотря на ограниченіе свиты, собралось человекъ до семидесяти.

Первое, на что мы наткнулись, когда слѣзли съ лошадей, были черныя ямы воронокъ въ глинистомъ черноземѣ; глубина ихъ была по плечо, діаметръ немного больше сажени. Затѣмъ оказались пораженія—въ волчьихъ ямахъ, въ глиняномъ заборѣ и въ брустверѣ, толщиною въ 5—6 шаговъ. Разрушительное дѣйствіе бомбы на волчьи ямы оказалось не очень могучимъ,—одинъ снарядъ раз-

рушилъ двѣ-три ямы и далъ почти такую-же воронку; въ глинобитной стѣнкѣ, шедшей почти по направленію огня, образовался проломъ шага въ 3; на брустверѣ была такая же какъ въ грунтѣ воронка съ небольшимъ сотрясеніемъ внутренней крутости; изъ досокъ, приставленныхъ на разстояніи одна отъ другой въ два шага къ внутренней крутости, для означенія стрѣлковъ, только три были откинута на заднюю отлогость стрѣлковаго рва безъ расщепленія и безъ пробоинъ; по всей усадьбѣ были разбросаны мелкіе острорванные осколки стальныхъ стакановъ, величиной отъ большого ногтя до 2—3 вершковъ, совершенно сходные съ осколками шимозы.

Осмотръ усадьбы, повидимому, произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе—всѣ ждали большаго.

Чтобы слѣдить за стрѣлбой со 2-й позиціи, мы переѣхали къ наблюдательному пункту въ верстѣ отъ усадьбы, подѣ прямымъ угломъ къ направленію огня. Въ бинокль было видно отлично всю площадь обстрѣливанія и особенно удобно наблюдать перелеты и недолеты. На крышѣ стоялъ на треногѣ спеціальнѣйшій цейсовскій бинокль и офицеръ-наблюдатель; внизу телефонистъ съ трубкой наготовѣ.

По приказанію командующаго началась вторая стрѣлба. Первая бомба—недолетъ. Наблюдатель черезъ нѣсколько секундъ кричитъ телефонисту.

— Минусъ 37.

Мнѣ думается, когда я слышу передачу этого незвучнаго «минусъ», мало контрастнаго съ «плюсъ»,—почему бы не говорить «меньше» и «больше»?

Вторая бомба опять «минусъ 37». Потомъ «минусъ 9» и на четвертой батарея пристрѣлялась, но продолжаетъ еще нѣкоторое время одиночный огонь и подѣ конецъ бросаетъ 3 очереди. Вся усадьба въ дыму, вокругъ фанзы извергаются вулканы, летятъ комья земли, какія-то палки, щепки, осколки; два снаряда попадаютъ въ фанзу, съ крыши что-то сыпется,—всѣ въ восторгѣ отъ кучности и точности попаданій и убѣждены, что фанза погибла. Но дымъ разсѣивается, а фанза все стоитъ!

Стрѣлба окончена, выпущено еще 36 бомбъ.

Мы ѣдемъ опять для осмотра.

Теперь снаряды попали снова въ брустверъ, въ проволочную сѣть, подѣ корень могучато пня и въ самую фанзу. Блиндажъ остался, къ сожалѣнію, не затронутъ.

Двѣ воронки въ брустверѣ почти-что слились съ первой и разрушили его очень сильно въ глубину и по наружной отлогости, но слабѣе опять-таки по внутренней крутости; отброшенныхъ, но все же не пораженныхъ, досокъ оказалось семь.

Въ проволочную сѣть попало двѣ бомбы, шагахъ въ шести одна отъ другой, на линіи перваго ряда кольевъ; колья выбросило и откинуло, такъ что первый рядъ сѣти на длинѣ 10—12 шаговъ былъ разрушенъ, но проволока мало порвана и частью закинута на слѣдующіе ряды; самыя воронки образовали нѣчто вродѣ волчьихъ ямъ.

Взрывъ подъ старымъ пнемъ былъ самымъ эффектнымъ — всѣ корни перервало, пень откинуло шага на три въ сторону, а на мѣстѣ его образовалась воронка.

И, наконецъ, поражение фанзы оказалось ничтожнымъ. Обѣ бомбы сдѣлали пробойны съ полъ-аршина въ діаметрѣ, настолько мало разрушительныя, что возникло даже сомнѣніе, прошла ли вся бомба или снопъ осколковъ черезъ глиняную стѣну. Внутри въ той же комнатѣ, въ которую вела одна изъ пробоинъ въ «междуканномъ пространствѣ», въ глиняномъ полу была небольшая воронка съ полъ-аршина глубиной, засыпанная всякой рухлядью и глиной; по стѣнамъ до двадцати *не сквозныхъ* пробоинъ осколками, изъ копъхъ нѣсколько только впились и торчали. Въ смежной комнатѣ поражений не было, а сотрясеніе выразилось только тѣмъ, что обрушилось гнѣздо ласточекъ, но птенчики остались живы; на порогѣ лежала собака, которой перебило ноги; кто-то изъ офицеровъ ее прикончилъ изъ револьвера, выпустивъ четыре пули, покуда она, наконецъ, замолкла.

Командующій долго стоялъ внутри фанзы, осматриваясь и обсуждая съ артиллеристами—можно ли удовольствоваться такимъ разрушительнымъ дѣйствіемъ. Ждали, очевидно, большаго и, убѣдившись, что разрушеніе собственно ничтожно, утѣшались тѣмъ, что защитники фанзы все-таки были бы принуждены ее покинуть.

Мищенко вошелъ въ другую дверь, заглянулъ въ ту комнату, куда попала бомба, сказалъ, что сила разрушенія пропорціональна сопротивленію, а фанза дряблая, и перешелъ туда, гдѣ лежала собака и ласточки.

Видъ у него былъ скучающій. Кто-то показалъ ему на «жертвы» бомбардировки. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ съ какой-то грустью.

— Собаку убили, гнѣздо разорили—пойду-ка я отсюда, пока самого не придавило крышей.

Изъ усадьбы командующій поѣхалъ галопомъ и рысью на батарею. У меня случилось несчастье: лошадь не перековали послѣ поѣздки въ Херсу, подкова переломилась и сильно обломила копыто, лошадь не жаловалась, но ѣхать приходилось шагомъ. Всѣ уже давно умчались впередъ, и мы ѣхали вдвоемъ съ барономъ де-П., уже подполковникомъ N—го полка. Когда отъѣхали съ версту, насъ нагнала рысцой какая-то группа офицеровъ. Я обернулся только, когда передняя лошадь равнялась съ моей—Мищенко! На маленькой, но хорошей вороной лошаdkѣ, съ легкимъ чернымъ сѣдломъ на малиновомъ бархатномъ потникѣ.

— Что это вы шагомъ, господа?

П. отвѣтилъ, что у него горячится конь (превосходная выводная лошадь), а я показалъ на обломанное копыто.

— Ну, поѣдьте вмѣстѣ, я тоже шажкомъ. Славныя у васъ, господа, лошадки! Я смотрю, что за кавалеристы—не похоже что-то на нашихъ пѣхотныхъ офицеровъ,—да вы, должно быть, съ командующимъ.

Мы объяснили, гдѣ служимъ.

Сначала Мищенко долго спрашивалъ П. о его лошади, потомъ повернулся къ моей.

— А у васъ какая лошадь?

— Говорятъ, в пр., это улучшенная донская порода,—но самъ я мало понимаю.

— Чтожъ! лошадь хорошая,—это настоящій походный конь... Эка бѣдная, заломила! Вы поосторожнѣй, вотъ здѣсь поѣзжайте по мягонькому, а какъ вернетесь, дайте ей деньковъ пять отдохнуть, пока отостетъ копыто.

Нашъ разговоръ, пока доѣхали до батареи, почти не коснулся какихъ-нибудь интересныхъ темъ, и мнѣ хочется, передавая его, слова уловить только тотъ мягкій, простой и добродушный тонъ, какимъ онъ привыкъ очевидно говорить съ офицерами. Впрочемъ, мы затронули мелькомъ и одинъ любопытный вопросъ,—я спросилъ, дошли ли уже до отряда партизаны III—ва, и ждалъ, откровенно сказать, что онъ отзовется о нихъ неодобрительно, но сильно ошибся: Мищенко и тутъ сказался гораздо болѣе мягкимъ и добродушнымъ, чѣмъ я могъ это думать по наслышкѣ.

— Да, какъ же, прибыли. Ну, ничего.

— Плоховаты, в. пр.?

— Нѣ-ѣтъ, ничего,—обойдутся! Ну съ виду, конечно, не очень казисты, да этого покуда съ нихъ нельзя и потребовать,—откуда же взяться? Только видно, что ужъ начали подтягиваться. Лошадки исхудалыя,—да вѣдь это порода такая и гдѣ ихъ тутъ достанешь хорошихъ? Я пропустилъ ихъ по три,—прошли довольно порядочно... И офицеры у нихъ хорошіе, да вотъ посмотримъ,—я послалъ ихъ постоять на сторожевую службу для начала, а тамъ и впередъ!

— П. спросилъ. А какъ одѣты, в. пр.,—вѣроятно плохо?

— Да,—вотъ это нехорошо. Я вѣдь держусь того взгляда, что солдата надо одѣвать хорошо и въ хорошую форму, чтобъ ему приятно было ее надѣвать,—тогда и беречь будетъ и смотрѣть бодрѣе. Эти вѣдь всѣ обтрепанные замарашки духа не имѣютъ и первыми тянутся къ тылу изъ боя,—такова ужъ душа, съ этимъ надо считаться.

Дальше, когда я сказалъ, что русская армія могла бы и не прибѣгать къ такимъ импровизаціямъ и выдѣлить не три, а сколько угодно сотень хорошихъ партизановъ-солдатъ, Мищенко оживился и горячо отвѣтилъ:

— Вотъ это вотъ горе! Все выдумки, да выдумки,—точно силы нѣтъ настоящей... Мнѣ еще вотъ предлагаютъ взять какихъ-то хунхузовъ, ну на кой намъ этотъ сбродъ! Я взялъ, поставилъ ихъ сзади, а фронтомъ къ нимъ сторожевое охраненіе,—вотъ и усилили! А иначе не могу,—кто вѣдь ихъ знаетъ, что за народъ!

Когда мы подъѣхали къ батарее, еще стоявшей въ окопахъ вплотную къ гребню, за которымъ совершенно скрывалась цѣль, командующій съ громадной свитой осматривалъ что-то у второго орудія. Мищенко слѣзъ и сказалъ, ну, посмотримъ шестое! и направился къ гаубицѣ.

Наконецъ, распрошались и стали разъѣзжаться. Командующій поѣхалъ на завтракъ къ Васильеву, генералы и офицеры по штабамъ и бивакамъ, Мищенко къ Церпицкому обѣдать, а я къ П. ковать лошадь, чтобы добраться до Маймака.

Въ 4 часа мы выѣхали съ Кухарчукомъ изъ Ламатензы и въ половинѣ седьмого вернулись домой. Командующій вернулся раньше, и обѣдъ уже кончился.

Орановскій уѣхалъ къ себѣ.

Вечеромъ, когда Алексѣевъ, Э., Б., и я съ ординарцами сидѣли на скамеечкѣхъ подъ окнами нашей фанзы, къ намъ подошелъ командующій и сѣлъ вмѣстѣ со всѣми.

— Ну-съ, господа, подѣлитесь впечатлѣніями, я хочу выслушать, кто изъ васъ что думаетъ.

Въ разговорѣ участвовали всѣ совершенно запросто. Стрѣльбу разобрали во всѣхъ подробностяхъ и въ общемъ вывели приговоръ, что дальность и мѣткость поразительна, но разрушительное дѣйствіе вызвало споры. Съ одной стороны—Алексѣевъ былъ вполне удовлетворенъ и находилъ, что моральное дѣйствіе будетъ громадно, а разрушеніе, при условіи сосредоточенія огня и забрасыванія опредѣленнаго пункта массой снарядовъ, будетъ настолько страшно, что любой редутъ будетъ совершенно разбитъ и покинутъ защитниками. Съ другой стороны командующій высказалъ мнѣніе, что гаубица, какъ и все «унитарное», является «ни тѣмъ, ни другимъ», особенно его не удовлетворяло разрушительное дѣйствіе бомбы.

15-го августа. Часовъ въ 9 во дворикѣ появился Мищенко. «Гони природу въ двери—она влетитъ въ окно»,—едва онъ вошелъ, какъ всѣ ординарцы выскочили изъ фанзъ и подошли здороваться, чего не дѣлаетъ наша публика для другихъ генераловъ. «Мищенко»—имя единственное на войнѣ для солдатъ и офицеровъ. Быть можетъ, только Ренненкампфъ пользуется близкимъ къ его обаяніемъ, но Ренненкампфа я еще не встрѣчалъ и не видѣлъ, какъ относятся къ нему тѣ, кто видятъ передъ собою.

Командующій принялъ Мищенку сначала при Н. А. Б. подъ шатромъ, послѣ увелъ къ себѣ въ кумирню, и тамъ они пробыли запершись около часу. Въ 11 часовъ, за часъ до завтрака, они вышли изъ подъ шатра; были слышны слова командующаго:

— Въ 12 часовъ мы завтракаемъ—вы услышите сигналъ апеля и всѣ исполняйте,—тогда и приходите.

Мищенко поклонился уже со ступенекъ и ушелъ за ворота, чтобы побыть до завтрака у своего знакомаго генерала Лукашева.

Когда командующій пришелъ въ столовую, Мищенко уже дожидался, опять такъ скромно и просто, какъ ни одинъ изъ командировъ корпусовъ, когда они здѣсь бываютъ. Командующій посадилъ его по правую руку.

Тотчасъ послѣ обѣда командующій отправился верхомъ на «дековильку», чтобы пріѣхать на 84-й разъѣздъ, официально откры-

вая движеніе, и дальше, въ своемъ вагонѣ, на совѣтъ къ главнокомандующему. вмѣстѣ выѣхалъ Флугъ, дежурный С. Д. Н. съ любителями прокатиться Н. В. С., В. А. К. и Г. А. З. Я пошелъ пѣшкомъ съ нашимъ дипломатомъ Е. Ф. Ш. и княземъ А. И. Э. прогуляться и взглянуть на торжественный поѣздъ. Но еще не успѣли мы дойти до станціи, верстахъ въ двухъ отъ города, какъ набѣжали тучи, пригрозило дождемъ, мы повернули обратно, прибавили шагу, дождь уже шумѣлъ по полямъ, и я пустился бѣгомъ на бивакъ штабнаго обоза; и едва успѣлъ вбѣжать въ солдатскую палатку, какъ хлынулъ ливень.

Только я успѣлъ сказать нѣсколько словъ, какъ изъ сосѣдней палатки явился Игошинъ! Оказалось, что я забѣжалъ чуть-чуть не къ нему.

— Здравія желаю, в. в.!

Все тотъ же славный и веселый, только теперь уже и постригся глаже и почистился, какъ будто уже и покруглѣй немножко.

Когда онъ вышелъ достать мнѣ накидку, я спросилъ фельдфебеля, хорошо ли онъ служить?

— Очень хорошій солдатъ, в. в., веселый такой и охочъ на всякое дѣло, никогда не откажется; имъ и ротный командиръ все не нахвалятся.

Вмѣстѣ съ Игошинымъ мы вернулись домой, вспоминая, какъ годъ тому назадъ въ это время строили окопы изъ каменныхъ плитъ на сопкахъ надъ долиной Танхэ, а послѣ всю ночь принимали налѣво, уходя къ Ляояну. Э. и Ш. стойчески шли шагомъ, и денщики ихъ, когда я вернулся, уже выжимали бѣлье.

17-го августа. Въ 9 часовъ утра вернулся командующій. Мы встрѣтили его у воротъ всей ближней свитой. Но Н. А. Б. былъ правъ, и, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, ни по лицу его, ни по первымъ словамъ, — мы ничего не узнали о судьбахъ войны. И только одна интересная новость быстро облетѣла весь штабъ — генералъ Э. назначенъ дежурнымъ генераломъ.

Къ полудню Э. уже перебрался изъ нашей фанзы въ свою новую квартиру. На его мѣсто къ намъ водворился новый сожитель — дипломатическій чиновникъ Е. Ф. Ш.

У командующаго передъ самымъ завтракомъ началось большое совѣщаніе артиллеристовъ: инспекторъ и всѣ начальники артилерій корпусовъ, Топорнинъ, Соболевъ, Флугъ и Бабиловъ.

За завтракомъ были всѣ съѣхавшіеся генералы, возвращающіеся въ Годзядянь баронъ Теттау и двѣ сестры милосердія. Были

и тосты: за новаго дежурнаго генерала, за представителя друженственной націи и за нашихъ сестеръ. Послѣ обѣда весь вечеръ гуляли съ сестрами и веселились, но у меня послѣ нѣсколькихъ словъ, которыми мы обмѣнялись съ Н. А. Б. зародились далеко не веселыя мысли. Онъ сказалъ мнѣ, чѣмъ кончился вчерашній совѣтъ.

— Развѣ политическое положеніе такъ плохо?

— О, да! Почти безнадежно! Вчера у насъ получены свѣдѣнія о подвижкѣ на западъ японцевъ, вы сами понимаете, что это значить; а Линевицъ получилъ донесеніе изъ Пекина, что японцы и думать не хотятъ о мирѣ, и все это одна комедія...

Музыка играетъ, всѣ любезничаютъ съ сестрами, офицеры шумятъ, надъ головами ясныя звѣзды, а съ горизонта уже блещутъ молніи подходящей грозы...

Б. Адамобичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НАШИ ВОДНЫЕ ПУТИ

(отъ Варягъ въ Греки).

Недавно въ одной изъ книжекъ «Русскаго Вѣстника» за 1900 годъ прочелъ я «Современную лѣтопись» покойнаго Ф. Ромера.

Заключая соображенія, касающіяся нашего экономическаго положенія, характера внутренней финансовой политики и того значенія, которое имѣетъ правительственный ночинъ въ дѣлахъ, могущихъ оказать экономическую помощь населенію страны, статья эта не потеряла своего значенія и въ настоящее время.

Касаясь вопроса о соединеніи морей Чернаго и Балтійскаго непрерывною водною линіей, статья не содержитъ фактическихъ данныхъ, которыя указывали бы на путь проектируемаго канала, но она содержитъ драгоцѣнное указаніе на значеніе внутренняго транзита, на глубокое экономическое измѣненіе жизни страны, лишенной дешевыхъ путей сообщенія, и на происходящія отсюда ненормальности, какъ относительно направленія товарообмѣна, такъ и относительно чудовищной разницы въ стоимости предметовъ первой необходимости.

Въ ней заключаются указанія на громадное значеніе всесторонне устроенной базы и организаціи храненія запасовъ, что безусловно вѣрно.

Замѣчаніе, что благоустройство нашего желѣзнодорожнаго хозяйства зависитъ отъ согласованія интересовъ военнаго и финансоваго вѣдомствъ, не подлежитъ сомнѣнію, и излишняя скупость въ отпускѣ средствъ на постройку и оборудованіе желѣзныхъ дорогъ, которая можетъ быть объясняема лишь близорукостью въ дѣлахъ, требующихъ самаго широкаго и ретроспективнаго взгляда на ходъ и значеніе міровыхъ событій, часто зависящихъ отъ причинъ, повидимому, малыхъ и незаслуживающихъ вниманія.

Связь великаго воднаго пути—преемника пути отъ Варягъ въ Греки—съ желѣзными дорогами, при условіи предъявленія къ нему требованій операціоннаго базиса, ясна и неоспорима.

Сопоставленіе значенія солдата и нуда хлѣба, какъ самыхъ важныхъ пассажировъ,—глубоко вѣрно.

Мнѣніе, что желѣзный путь не устраняетъ водные пути, но почерпаетъ въ нихъ новыя силы и значеніе, что каждый проселокъ несетъ свою дань желѣзнымъ путямъ,—доказывается развитіемъ каналовъ и шоссейныхъ дорогъ въ Европѣ, изборожденной рельсами желѣзныхъ путей.

Безрасчетливая трата топлива—результата труда природы—можетъ привести къ плачевнымъ послѣдствіямъ; надо думать и о грядущемъ; и вопросы о пользованіи естественными силами природы:—водою, вѣтромъ, солнечнымъ свѣтомъ—начинаютъ все болѣе разрабатываться.

Все вышеприведенное, вытекающее изъ статьи Ромера, безусловно заслуживаетъ вниманія со стороны всякаго вѣдомства, касающагося жизни и охраны страны.

Въ виду основной мысли статьи, необходимости и неотложности постройки воднаго пути, связывающаго моря Черное и Балтійское,—необходимо коснуться нѣкоторыхъ подробностей, не заключающихся въ статьѣ, но невольно возникающихъ по прочтеніи ея и выясняющихъ затронутый вопросъ.

И въ настоящее время, если не считать Днѣпровскихъ пороговъ серьезнымъ препятствіемъ, водные пути, соединяющіе Черное море съ Балтійскимъ, существуютъ и даже по тремъ разнымъ направленіямъ, но всѣ они имѣютъ серьезные недостатки.

Днѣпроро — Бугская и Огинская системы, — соединяющія Днѣпръ съ Вислою и Нѣманомъ, никогда не будутъ имѣть для насъ

серьезнаго политико-экономическаго значенія,--ибо устья Вислы и Нѣмана не въ нашихъ рукахъ. Березинская система, — существующая почти сто лѣтъ,—въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ удовлетворять требованіямъ усиленныхъ перевозокъ, и для увеличенія ея судо-проводимости потребуеъ значительныхъ затратъ на улучшение. Къ тому же путь этотъ, благодаря изгибамъ рѣчекъ, входящихъ въ него, значительно удлиняетъ протяженіе соединенія Днѣпра съ Западной Двиной.

Но существуетъ направленіе почти параллельное линіи Петербургъ—Жлобинъ, по которому возможно было бы устроить непрерывный водный путь, соединяющій Черное море съ Балтійскимъ, это:—слѣдуя съ юга на сѣверъ—Днѣпръ (съ устройствомъ канала, обходящаго всѣ пороги) отъ устья до гор. Орши, затѣмъ Оршица, канализованная для этой цѣли до оз. Орѣхи. Изъ оз. Орѣхи каналъ:—или до оз. Белелинское (примѣрно въ 15 верстѣ), затѣмъ озеромъ Белелинскимъ и далѣе по р. Лучессъ до Двины, или до озера Девина (8 верстѣ) и отъ озера Девина каналомъ черезъ озера и притокъ рѣки Лучессы и по рѣкѣ Лучессъ до Двины. Этимъ достигнется соединеніе бассейна р. Днѣпра съ бассейномъ рѣки Двины.

Возможно также иное соединеніе: по рр. Двинѣ и Усвягъ до озера Усвятъ, далѣе—каналомъ до р. Ловати (около 8 верстѣ), или же по р. Двинкѣ до озера Двинье, затѣмъ каналомъ, соединяющимъ озеро Двинье съ озеромъ Жижинецкимъ, и изъ этого озера каналомъ до одного изъ притоковъ р. Куньи (по р. Ловати) до озера Ильменя и далѣе по р. Волхову до Ладожскаго озера, въ р. Неву.

Возможенъ и другой путь соединенія р. Западной Двины по р. Дриссъ и притоку ея Сволкѣ и по озерамъ до г. Себежа, откуда каналомъ (около 20 верстѣ) до р. Великой по направленію наиболѣе удобному, съ цѣлью использовать имѣющіяся по пути озера и рѣчки.

Намѣчая эти пути, какъ возможные, слѣдуетъ замѣтить, что первый путь (по рѣкѣ Ловати) соединитъ Днѣпръ съ Ладожскимъ озеромъ (по Волхову), а второй (по р. Великой) будетъ имѣть свободный выходъ прямо въ Финскій заливъ (черезъ рѣку Нарову).

При осуществленіи почти прямого соединенія воднаго Днѣпровскаго пути, съ условіемъ канала на порогахъ,—съ р. Западной

Двиной и рѣки Западной Двины съ Финскимъ заливомъ получится почти меридіональный путь отъ Петербурга къ Кіеву и Херсону. Имѣя направленіе кратчайшее и параллельное жел. дорогѣ Петербургъ — Черное море, водный путь будетъ дополнять желѣзнодорожную связь съѣвера съ югомъ и послужить дешевымъ путемъ подвоза значительныхъ грузовъ.

Продолженіемъ этой связи можетъ быть предложеніе инженера Тимонова о соединеніи морей Балтійскаго съ Бѣлымъ (черезъ Ладжское и Онежское озера въ Онежскую губу Бѣлаго моря).

Используя естественную силу воднаго движенія, Россія сэкономитъ и деньги, и топливо. Устройство каналовъ дастъ работу народу, а деньги, израсходованныя на ихъ устройство, вернутся въ казну будущими доходами и оживленіемъ нынѣ заброшеннаго пути «отъ Варягъ въ Греки», значеніе коего все болѣе выясняется.

Будущему надлежитъ рѣшить эту задачу. Военному вѣдомству, заинтересованному въ дешевомъ и обеспеченномъ доставленіи запасовъ продовольствія и военныхъ средствъ, нельзя оставаться безучастнымъ въ вопросѣ о соединеніи нашихъ внутреннихъ морей.

Съ возрастаніемъ армій и ихъ потребностей, увеличиваются требованія въ путяхъ и средствахъ передвиженія. Обыкновенныя и желѣзныя дороги не въ силахъ всегда и вездѣ удовлетворять всѣ предъявляемыя къ нимъ требованія.

Водные пути особенно пригодны для эвакуаціи больныхъ и раненыхъ (плаваніе лазареты).

По свойству своему водные пути предназначены для перевозки массовыхъ грузовъ, не обусловленныхъ срочностью.

То обстоятельство, что почти полгода водные пути будутъ не использованными, во-первыхъ не можетъ умалить ихъ значенія на остальное полугодіе, во-вторыхъ будущность ледоколовъ еще не вполне опредѣлена, и, можетъ быть, съ ихъ помощью періодъ бездѣйствія сократится вдвое.

Во всякомъ случаѣ предполагаемый водный путь рано или поздно осуществится, и значеніе его громадно.

Сѣтъ русской канализаціи и до сего времени еще весьма незначительна въ сравненіи съ тѣми размѣрами, которые хотѣлъ при-

дать ей Петръ Великій, восхищавшійся голландскими каналами, и до сихъ поръ нѣкоторыя изъ задуманныхъ имъ соединеній рѣкъ посредствомъ каналовъ еще не приведены въ исполненіе.

Въ 1882 году длина всѣхъ каналовъ въ Европейской Россіи равнялась (по Реклю) 683 верстѣ, и въ настоящее время цифра эта осталась почти та же, такъ какъ значительныхъ каналовъ открыто за послѣднее время не было. Мало того,—нѣкоторыя существующія водныя системы пришли въ упадокъ; изъ нихъ назовемъ Августовскую, затѣмъ Екатерининскій каналъ, соединявшій верховья Сѣверной Двины съ Камой; каналъ этотъ соединялъ рр. Сѣверную и Южную Кельтмы,—притоки рр. Камы и Вычегды. Затѣмъ каналъ, соединявшій рѣку Истру (притокъ рѣки Москвы) съ рѣкой Сестрой (притокъ Волги), построенный еще въ началѣ XVII вѣка.

Сюда же слѣдуетъ присоединить и Виндавскій каналъ между рѣкой Виндавой и Дубиссой—притокомъ рѣки Нѣмана, постройка котораго была прекращена еще въ 1833 году по просьбѣ Прусскаго правительства, такъ какъ каналъ этотъ могъ отвлечь часть грузовъ, направляющихся въ Германію. Въ іюнѣ 1902 года приступлено было къ изысканіямъ этого канала, но каковы результаты изысканій—неизвѣстно.

Въ настоящее время—наши водные пути, подъ вліяніемъ увлеченія желѣзными дорогами, отошли на задній планъ, а между тѣмъ именно водами Русь богата и обильна.

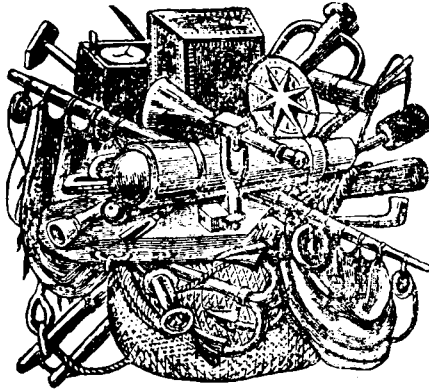
Въ то время,—когда наши водные пути находятся въ запустѣніи, сосѣдняя намъ Германія являетъ назидательный примѣръ разумнаго пользованія водами. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія Средне-Германскій судоходный каналъ, имѣющій для Германіи громадное стратегическое и экономическое значеніе.

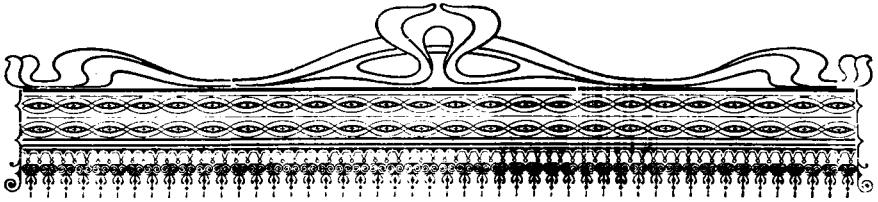
Каналъ этотъ прорѣжетъ Германію съ запада на востокъ, и свяжетъ всѣ судоходныя рѣки Германіи, которыя идутъ съ юга на сѣверъ (Рейнъ, Везеръ, Эльба, Одеръ и Висла); въ случаѣ войны на западной границѣ онъ послужитъ путемъ подвоза запасныхъ продовольственныхъ магазиновъ къ Рейнскимъ пристанямъ; въ случаѣ войны на Восточной границѣ дастъ возможность доставлять матеріалы въ сборные магазины по путямъ Одера, Варты и Вислы. Осуществленіе проектируемыхъ каналовъ значительно увеличитъ оборонительную силу Германіи. Быть можетъ, примѣръ

Германіи окажетъ на насъ плодотворное вліяніе, и водные пути займутъ свое мѣсто среди другихъ путей.

Дѣло техники и специалистовъ разработать вопросы водныхъ системъ и дать имъ практическое осуществленіе. Но нуженъ толчекъ для этого. Въ Россіи, гдѣ почти всѣ самыя серіозныя предпріятія возникали и осуществлялись лишь по инициативѣ правительства, починъ къ возбужденію затронутого вопроса долженъ принадлежать правительству.

А. Радченко.

ПЕРВАЯ ПЕТЛЯ.

РАЗСКАЗЪ.

(Окончаніе ¹⁾).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Навель Петровичъ сидѣлъ у окна. Темнота ранняго вечера уплотнялась съ каждой минутой. Черезъ проломъ черепитчатой крыши онъ безразлично глядѣлъ въ черный зѣвъ чердака, пока всюду не сдѣлалось черно. Тишина могильнаго склепа властно-давящею тяжестью осѣла вокругъ, чуть-чуть нарушаясь журчаніемъ надавшихъ съ крышъ тонкихъ струекъ воды; да изрѣдка случайно сорвавшемуся откуда-то вѣтру удавалось въ сильномъ порывѣ сокрушить на минуту тонкое сито дождя и, для разнообразія, шумомъ настоящаго ливня наполнить мертвое царство.

— Нѣтъ, нужно встряхнуться! Нужно встряхнуться!—произнесъ онъ почти вслухъ и, вставъ отъ окна, прошелся изъ угла въ уголь по мрачному номеру.

Зажегъ на столѣ свѣчку и опустился возлѣ на стулъ. Передъ нимъ лежалъ листъ почтовой бумаги, на которомъ давнымъ-давно ужъ засохло: «Милая мамочка!» а дальше ни слова.

— Нужно встряхнуться!—еще тверже рѣшилъ онъ опять и храбро схватилъ перо въ руку.

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

«Сегодня я благополучно добрался до мѣста, а потому считаю...» — однимъ махомъ продолжилъ Важинъ письмо, но въ мысляхъ получилась загвоздка, и листъ былъ уничтоженъ немедленно.

— Не такъ!

Взялъ чистой бумаги, вывелъ на ней обращеніе къ мамочкѣ, подумалъ немного, поставилъ сверху число и названіе города, опять подумалъ, закурилъ нехотя, бросилъ папиросу въ окно и спѣшно набросалъ неуклюжія фразы: «Спѣшу порадовать тебя. Сегодня я благополучно прибылъ въ О. Онъ, правда, небольшой городокъ, но въ немъ мнѣ...»

Подъ гнетомъ всего, въ высшей степени нуднаго, тупо ныла душа, въ сердцѣ, просясь выйти наружу, шевелились стоны и тусклая боль, мозги не работали вовсе, и рука, какъ бы сама по себѣ, выражала все это въ письмѣ, повторяя одно короткое слово: «скучно, скучно, скучно...» множество разъ.

И упалъ онъ, печальный и слабый, головою на столъ.

Постучалъ кто-то.

— Войдите,—уронилъ Павелъ Петровичъ обычное слово и повернулся къ двери.

Тамъ въ полумракѣ уже чернѣла фигура вошедшаго человѣка довольно высокаго роста.

— Виновать, норучикъ! — раздался при этомъ увѣсистый басъ. — Простите, что врываюсь непрошенный.

— Пожалуйста, — безразлично протянулъ еще не пришедшій въ себя молодой подпоручикъ и поднялся навстрѣчу.

— Позвольте, первымъ долгомъ, представиться вамъ, — продолжалъ тотъ же увѣсистый басъ, подойдя къ самому Важину: — отставной штабсъ-ротмистръ фонъ-Шаренбергъ.

— Очень пріятно.

Хозяинъ протянулъ гостю руку и тихо назвалъ. Тотъ схватилъ ее въ свою широкую, довольно мягкую и потную лапу и, потрясая съ явной развязностью, гремѣлъ безъ умолку:

— При такой громкой фамиліи баронскаго титула не ношу. Служилъ въ конной гвардіи, на невскихъ берегахъ, въ большомъ свѣтѣ столицы былъ когда-то свой человѣкъ. Въ-время бросилъ все это, такъ сказать, пренебрегъ мишурой призрачной жизни и скромнымъ помѣщикомъ осѣлъ на землѣ...

Точно внезапною силою библейской трубы, оглушило Павла Петровича голосовое богатство отставного штабсъ-ротмистра, и онъ не зналъ первыхъ двѣ-три минуты, что ему дѣлать. Но гость, оче-

видно, не очень стѣснился такимъ обстоятельствомъ, потому что продолжалъ удлинять громъ тирады своей все больше и больше, а когда кончилъ, чтобы перевести духъ, Важинъ нашелся спросить, чѣмъ можетъ служить своему поcѣтителю и пригласилъ его сѣсть.

Фонъ-Шаренбергъ угловато шаркнулъ ногой и, выждавъ приличный моментъ, погрузился въ мягкость подобія кресла, звенящую сталью старыхъ пружинъ.

— Гонимый мракомъ и тоской, къ тебѣ—о, юность! я явился,—чувствительно продекламировалъ онъ.—Это, поручикъ,—начало строфы изъ чего-то, въ родѣ поэмы, чѣмъ въ незабвенные годы разсвѣта своихъ жизни и силъ я любилъ трусливо пачкать бумагу. Сейчасъ потому вспомнилъ эту звучную фразу, что она какъ-разъ можетъ служить моимъ точнымъ отвѣтомъ на вашъ любезный вопросъ. Я, видите-ли, случайно нахожусь въ здѣшней дырѣ по дѣламъ одного изъ своихъ южныхъ имѣній. Вторые сутки прозябаю въ грязныхъ стѣнахъ этой проклятой гостиницы. Знакомствъ, какъ на грѣхъ, никакихъ абсолютно. Сидѣлъ, сидѣлъ сейчасъ въ своемъ номерѣ: уныніе, мерзость, мертвая тишина и все это,—выражаясь въ писательскомъ стилѣ,—на фонѣ осенняго дождика въ непроглядную ночь... Хотя волкомъ вой, изнывая въ такой обстановкѣ. Читалъ, отравлялся поминутно гаванной, глумилъ, забавляясь пасьянсомъ и не вытерпѣлъ подъ конецъ—взялъ за бока содержателя: «Говори, бестія, кто есть изъ жильцовъ интересный? Говори, а то сію минуту повѣшусь! Струсилъ еврей и назвалъ вашу фамилію. Ну, и пришелъ къ вамъ убить скуку-злодѣйку.

— Я очень радъ... Мнѣ самому... Курите, пожалуйста!... Я очень радъ.

Они закурили.

— Ваше имя-отчество?

— Павелъ Петровичъ.

Солидно молчали.

— Что начертаніемъ писемъ на родину пробавлялись, хе-хе? Это полезно съ финансовой точки, хе-хе...

— Да, написалъ нѣсколько... Нужно же порадовать... успокоить нужно же, какъ доѣхалъ, какъ что,—краснѣя, сказалъ въ отвѣтъ ему Важинъ и поспѣшно сталъ убирать со стола всѣ листы почтовой бумаги, на одномъ изъ которыхъ по-прежнему одиноко стояла «милая мамочка».

— Я, собственно говоря, поджидаю къ себѣ съ часу-на-часъ двухъ своихъ закадычныхъ пріятелей, но, видно, не пріѣдутъ въ

такую погоду. А то бы мы—охъ, какъ провели времячко!—забасилъ тѣмъ временемъ гость. Вотъ, батенька, люди, такъ люди—воплощенный разгулъ и веселье! Одинъ—инженеръ, управляющій фабрикой, а другой по лѣсной части крупное дѣло имѣеть... Не спроси незнающій ихъ—кто вы такіе?—не скажутъ. Ей-Богу, не скажутъ! Или такими некультурными тупицами на удивленіе ловко прикинутся, что взгляни на того, на другого—хулиганъ-хулиганомъ...

— Странно. Что же за цѣль имъ такъ невыгодно для себя при- творяться?—усмѣхнулся Павелъ Петровичъ.

— Ха-ха! не выгодно... Значить, выгодно... Мы, говорятъ они, не хотимъ жить вѣкъ цѣлый внатяжку и поступать изо дня въ день по шаблону, по рецептамъ всюда задающей свой тонъ интеллигенціи. Дайте, говорятъ они, намъ изрѣдка и такъ пожить вечеръ-другой, какъ живетъ нашъ сѣрый плебей—мужикъ, фабричный рабочій и т. д.

— Да какая же выгода въ томъ? Я не нахожу.

— Положа руку на сердце, и я не нахожу,—какъ-то неловко сознался бывшій «гвардеецъ»—но вотъ подите же, нравится людямъ валять дурака... За то взгляните на нихъ въ обыкновенное время—о-ё-ёй, что за головы!... Труды одного на восьми выставкахъ побывали и—первая премія, первая награда, первый дипломъ, а отзывы, отзывы!... Другой—на сем-над-цать дорогъ поставку строительныхъ матеріаловъ ведетъ и изъ года въ годъ—ни одного вершка браку!.. Дѣло вѣстимое, ордена и всякія привилегіи сыплются на него, какъ изъ щедраго рога... Душевно желалъ бы познакомиться васъ съ ними. Есть у меня чувство, что они хоть въ полночь, а должны сегодня ко мнѣ прикатить: давно не видались да и телеграму получилъ отъ нихъ утромъ... Подождите-ка, гдѣ жъ это она? Фонъ-Шаренбергъ порылся въ карманахъ.

— Въ номерѣ, въ другомъ костюмѣ оставилъ... Сообщаютъ—жди непременно, живые или мертвые—будемъ! Да. Интересный народецъ, смѣю увѣрить. Хотя...

— Что хотя?—поинтересовался Павелъ Петровичъ, когда прошла минутная пауза.

— Да то. . Можетъ быть, вы—красная дѣвица въ офицерскомъ мундирѣ? А? Тогда слѣдуетъ сберечь вашу невинность. Потому—глядишь, слово какое услышите, что непріятно рѣзанетъ ваше ушко институтское, оскорбитъ, гнетикомъ ляжетъ на нѣжное сердце, анекдотъ изъ пикантныхъ сюжетовъ, но главное—могутъ пристать, что-

бы вы не ударили лицомъ въ грязь, не осрамили погоновъ и рюмку-другую вина для компаніи выпили. Нѣтъ, ужъ лучше пощажу ваши зеленые годы, хе-хе!...

Большой и указательный палецъ правой руки машинально прошли по тому мѣсту на верхней губѣ Павла Петровича, гдѣ имъ предполагались усы. Но онъ не нашелся, что возразить отставному штабсъ-ротмистру, покраснѣлъ и смѣтился ужасно.

— Ну, ничего, ничего—не смущайтесь, ха-ха! Вижу, что невольно задѣлъ васъ за живое. Простите, Павелъ Петровичъ, великодушно простите. Я дуэлей страшно боюсь, а потому слова свои обратно беру. Беру съ удовольствіемъ еще и потому, что съ первой минуты знакомства понялъ, съ кѣмъ дѣло имѣю, хе-хе! Охъ, эти тихони! Держится, держится, а потомъ-вишь, какъ глаза засверкали!

Говорившій хитро прищурился, раза два подмигнулъ и, въ порывѣ какого-то чувства, похлопалъ Важина по плечу.

— Слушайте, господинъ, фонъ.. фонъ...—не выдержалъ тотъ уже ежесекундно готовый вспылить.

— Руку вашу, Павелъ Петровичъ! Вашу геройскую руку! Вотъ такъ!—вдругъ, воскликнулъ помѣщикъ, явно предупреждая возможность чего-либо, въ родѣ скандала.

И онъ, точно въ восторгѣ, схватилъ и началъ трясти руку Важина.

— Люблю джентльмена въ азартѣ, ха-ха! Люблю, какъ честный человѣкъ, увѣряю, ха-ха!

— Меня крайне удивляетъ, господинъ фонъ-Шаренбергъ, ваша неумѣстная...

— Ахъ, да плюньте же, дорогой Павелъ Петровичъ, на все! Клянусь честью потомковъ, испытанія ради, рискнулъ легонечко тронуть эту струну вашей благородной натуры. Не могу, хоть убей—не могу сойтись съ человѣкомъ и стать истиннымъ другомъ ему, пока не провѣрю, каковъ его градусъ крови и какого калибра сидитъ въ немъ джентльменъ...

Черезъ минуту-другую отставной «конно-гвардеецъ» уже подскочилъ къ двери номера и, пріоткрывши ее, оралъ въ коридоръ:

— Гей, кельнеръ! лакей! ча-экъ!... Кто есть въ живыхъ, разбей васъ тысячи громовъ?!

— По лѣстницѣ съ чердака съ грохотомъ скатился къ нему рыжій еврейчикъ.

— Заснули, каналы! Почему звонковъ нѣтъ?

— Кого нѣтъ? Кого пану нужно?

— Звонковъ почему нѣтъ, идіотъ? Приходится надсаживать грудь. Скажи моментально заморозить полдюжины «редереръ», миндаля при немъ, чтобы не пареный былъ, а хрустѣлъ на зубахъ, какъ конфетка,—рожи, иначе, побью!

Еврейчикъ недоумѣнно захлопалъ глазами.

— Ну, живо! Чего же ты мнешься? Иди!

— Никакъ я не знаю, за что панъ ругается такъ непонятно и куда онъ посылаетъ меня,—сжимаясь въ комокъ, лепеталъ рыжій прислужникъ.

— Тогда зачѣмъ же ты, бестія, явился ко мнѣ? За-чѣмъ ты я-вил-ся ко мнѣ? Пшелъ приведи содержателя! Гыхъ!!

И непонявшій ругани полетѣлъ отъ пинка фона турманомъ къверху.

Пришелъ рябой хозяинъ гостиницы. Черезъ четверть часа крѣпчайшей брани, сердитый помѣщикъ согласился на то, что вмѣсто ледяного шампанскаго съ поджаренымъ миндалемъ, ему добудутъ иныхъ какихъ-то очень замѣчательныхъ винъ.

На столѣ появился дешевый коньякъ, немного избытыхъ настояекъ и бутылки двѣ-три мутной кислятины съ этикетками, на которыхъ были написаны по-французски названія ароматныхъ нитей.

ГЛАВА IX.

Павелъ Петровичъ захмелѣлъ быстро и сильно. Казалось ему, что фопъ-Шаренбергъ благодушно говоритъ съ нимъ откуда-то сверху; голосъ мягкій, пріятный; все пространство межъ ними задержнуто дымкой, въ которой, вперегонку съ кругами зеленоватаго цвѣта, безшумно бѣгутъ другъ за другомъ нескончаемымъ рядомъ и прыгаютъ: стулья, кресло, подсвѣчникъ, бутылки... Стѣны то уходятъ далеко въ пространство, то, стоя на мѣстѣ, начинаютъ заодно съ потолкомъ рушиться, падать.

Дотолѣ удручавшая тяжесть душевная изъ груди перемѣстилась въ мозги и изгнала оттуда способность долго думать о чемъ бы то ни было, вести связную рѣчь и отличать абсурды отъ истины. Голова, правда, стала при этомъ непонятно-чужой, до ломоты

въ затылкѣ и до боли въ вискахъ налитой свинцомъ, но... на сердцѣ было такъ весело, такъ хотѣлось смѣяться, дурить, и такой этотъ Шаренбергъ симпатичный, добродушный, острякъ...

— Слушай, Поль, зови меня—Вова,—просилъ нѣжнымъ голосомъ «конно-гвардеецъ», когда они «хватили на ты» и поцѣловали другъ друга въ пьяныя губы.

— Во-ва, Во-ва-а,—тянулъ ни къ чему Важинъ.—Во-во-чка-а, ха-ха!...

— Ахъ, чесноковая шельма, какую онъ дрянью насъ надѣлилъ,—рычалъ новый другъ офицера, смакуя мутный стаканъ.—Ну, да ничего, милый Поль,—пріѣдешь ко мнѣ въ родовые Курганы, мы заднимъ числомъ справимъ нынѣшній вечеръ. Для тебя, даю слово, не стѣсняясь сорву печать съ завѣтной двери двухсотлѣтняго погреба. Во, гдѣ выборъ, богатство букета! во гдѣ—волшебная старина! что ни бутылка, то, клянусь, сотня, даже больше, рублей!.. У меня и еще есть, такъ сказать, расхожіе погреба, какихъ, не хвалясь, во всей-то Россіи—разъ, два, да и обчелся, ноть, ноть... При покойникѣ дѣдѣ,—онъ былъ раньше посланникомъ, а послѣ—министромъ двора. Охъ, Поль, ты не смѣйся, я плачу.

— Вова!.. Ну, Вова! зачѣмъ же того... Зачѣмъ же ты... Ну, какъ это называется... плачешь? Ну, государь, ну, министръ и пускай... и пускай,—смѣшно утѣшалъ Важинъ.

— Какъ же не плакать? Какъ же не плакать? Скажи, Поль, скажи!.. Я внукъ такого знаменитаго дѣда, у котораго гостили цари, вдругъ, попалъ въ такую трущобу, гдѣ не могу достать ничего, кромѣ этой бурды, чтобы угостить своего лучшаго друга...

Потомъ они вновь цѣловались, пили дешевый коньякъ и бурду опять цѣловались и пили.

Павель Петровичъ переживалъ все, какъ во снѣ. Смутно сознавалъ онъ, что дѣлаетъ что-то неладное, къ чему въ душѣ не имѣлъ никогда ни малѣйшей склонности, но какъ во снѣ же считалъ, что то—такъ должно и не прикладывалъ силъ и воли остановиться, а тѣмъ болѣе, подумавъ о томъ—что будетъ дальше? къ чему все поведетъ?

Видѣлъ, какъ въ номеръ вошли два какихъ то субъекта. Подошли къ столу-грязные; отъ нихъ разило махоркой. На моментъ мелькнуло, не оставляя, однако, слѣда, подозрѣніе; хотѣлось спросить—кто такіе? зачѣмъ? выгнать всѣхъ. Слышалъ, какъ Шаренбергъ произнесъ: «Нагрузился мальченка—«мама» не можетъ

сказать». Кто-то подло хихикалъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ за руку поздоровался съ ними. Увѣрилъ себя, что одинъ — дѣйствительно, инженеръ, а другой ведетъ подряды на семнадцать дорогъ.

— Ни одного вершка браку, здорово!—и онъ хохоталъ:—здорово!

Ему хотѣлось казаться не пьянымъ и быть развязнѣе всѣхъ.

— Я хозяинъ! Я угощаю васъ всѣхъ, ха-ха! Я...

Выпилъ со всѣми «на ты».

— Какія мокрыя губы, но совсѣмъ не противно...

По настоянію «инженера», требовалъ у еврея еще выпивки и какъ можно больше ѣды. Хоромъ пѣли »Не осеній мелкій дождичекъ«. Когда пѣли, онъ плакалъ, а потомъ увѣрялъ, что обязательно или уйдетъ изъ полка, или махнетъ въ академію, чтобы не служить въ О., гдѣ можно погибнуть.

— Слушайте, господа!.. Господа!.. Я хочу сказать изъ... ну, какъ это... изъ провинціи хочу сказать... О, Салтыковъ! ты растлѣваешь... Нѣтъ не такъ началъ... Погодите... Ну, однимъ словомъ ужасное положеніе молодого человѣка... тина, лѣнь, ни завтра ни сегодня... И это вѣрно, а потому...

— Bravo, Поль, bravo! Ха-ха, ну, и намазался, поросенокъ!—кричалъ не стѣсняясь помѣщикъ, и прочіе хохотали.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Ни за что! Никогда я не буду играть... потому что далъ честное слово... Поймите—матери далъ честное слово. Не буду! Уйдите—не буду!—твердилъ онъ и то было легкое просвѣтленіе.

Долго негодяйскому тріо не удавалось соблазнить упрямаго юношу «поддержать меленькій штосикъ». Но.. все-таки поддержалъ. Онъ не помнилъ момента, въ который взялъ и поставилъ первую карту, забылъ, сколько времени длилась игра, не замѣтилъ, какъ раннее утро влилось въ накуранный, полный пьянаго дыханія номеръ и когда погасили огни.

Кто-то требовалъ, а кто-то подалъ самоваръ. Видѣлъ ясно, какъ Берта, гремя, вносила посуду, потомъ налила и подала ему чай. Чувствовалъ, что она стояла возлѣ него. Но все было—сонъ, все—тяжелый кошмаръ. Очнулся, когда Берта, вдругъ, схватила его за плечо и закричала удивительнымъ голосомъ:

— Ахъ, панъ офицеръ, не играйте вы съ ними! Не играйте, я видѣла, какъ та карта была въ рукавѣ, а потомъ...

— Я самъ видѣлъ! Я самъ видѣлъ!!—гаркнулъ не своимъ голо-
сомъ Павелъ Петровичъ, подхватился со стула и на отмахъ хва-
тилъ рядомъ сидѣвшаго шулера въ ухо.

Ударъ былъ хлесткій и сильный настолько, что фонтъ Шарен-
бергъ вмѣстѣ съ кресломъ грохнулся объ полъ, на лету взметнув-
ши ногами, поддалъ карточный столъ, и все загудѣло, точно отъ
взрыва брошенной бомбы.

Вонь! негодяи!!

И «инженеръ» летѣлъ уже кубаремъ къ двери.

Третій шуллеръ тѣмъ временемъ съ звѣрской злобой сшибъ
Берту къ ногамъ и саногамъ наносилъ ей пинки.

— Вотъ же, чертенокъ, тебѣ! на! Не лѣзь, гдѣ не надо: на!
получай!

— Ай, скорѣй, панъ! А-а-ай!—раздался неистовый вопль.

Павелъ Петровичъ обернулся туда, но не успѣлъ онъ сдѣлать
и шагу, какъ истязавшій еврейку бросилъ ее и съ поразительной
быстротой задалъ стрекача въ корридоръ.

— Слушай, Поль!—говорилъ Вова, подымаясь съ грязнаго по-
ла:—чего ради ты такъ взволновался.

Важинъ прошелся по немъ угрожающимъ взглядомъ.

— Ну, прошу же, дружокъ, успокойся!

— Ради Бога, уйди!

— Не нервничай, милый, — твердилъ Шаренбергъ и, переставъ
массировать пострадавшій участокъ лица, опасливо протянулъ къ
Важину руки:—давай забудемъ эту глупую карту и опять станемъ
друзьями. Кстати, выяснимъ запись, чтобы ты могъ расчитаться.

— Я безъ записи помню!..

Поль ринулся къ Вовѣ. Вова струсиль его по истинѣ страш-
наго вида и моментально сыгралъ отступленіе къ двери.

— Ну-ка, скажи еще слово!

Помѣщикъ нырнулъ въ корридоръ. Важинъ кинулся къ стону-
щей Бертѣ.

— Поль, ты мнѣ долженъ по записи шестьсотъ пятьдесятъ, неужели не будешь порядочнымъ?..—кричалъ недавній помѣщикъ въ
чуть-чуть пріоткрытую дверь.

— Опять?!

Дверь моментально закрылась...

— Заплати за все хоть десять рублей! Не жадничай, Поль!—
басилъ опять Шаренбергъ.

— Ну, погоди жь! — произнесъ Павелъ Петровичъ, а самъ, между тѣмъ, поспѣшно сталъ хлопотать возлѣ Берты: онъ приподнялъ ее и усадилъ въ кресло.

— Ей Богу, мнѣ меньше всѣхъ наличными досталось. А, Поль!.. Дай хоть пятерикъ!..

И Вова рискнулъ даже изъ дверей немного просунуться въ номеръ. Важинъ подавалъ воду избитой.

— Не дашь?.. Пожалѣешь же—помни!..

Берта перестала стонать и потеряла сознание. Занятый ею, Павелъ Петровичъ слышалъ, какъ послѣдній разъ хлопнула дверь и какъ помѣщичій басъ кричалъ что то уже въ корридорѣ.

— Нужно позвать кого-нибудь въ помощь,—можетъ, докторъ есть близко, сбѣгаютъ,—рѣшилъ онъ и хотѣлъ выйти изъ номера, но задержался, чтобы перенести впавшую въ обморокъ изъ неудобнаго кресла въ постель.

А фонъ-Шаренбергъ, подойдя къ лѣстницѣ на чердакъ, оралъ во все горло:

— Гей, публика! скорѣ сюда!! Скорѣ идите, кто есть,—вашу дѣвченку офицеръ до полусмерти избилъ!

— Сразу затопотало нѣсколько ногъ, и ватага евреевъ одинъ за другимъ быстро спустилась къ нему. Онъ объяснилъ имъ то, о чемъ кричалъ раньше и добавилъ:

— Валите всѣ разомъ, а то онъ, Богъ знаетъ, что надъ ней сдѣлаетъ—до того озвѣрѣлъ.

И въ тотъ моментъ, когда Павелъ Петровичъ уложилъ Берту въ постель, передъ нимъ выросла гнусная фигура рябого еврея.

— Ага, хорошо, что пришелъ,—тихо сказалъ онъ еврею:—обязательно доктора нужно.

— Ай, панъ, что онъ надѣлалъ!.. Что онъ надѣлалъ,—вдругъ завспилъ дядя Берты.

— Молчи, ради Бога, молчи! Видишь—обморокъ.

— Что молчи, что молчи?! О, зачѣмъ же такъ убивать чловѣка?!—громче прежняго вопилъ жидъ.

Не владѣя собой, офицеръ круто перевернулъ его и съ такою силой швырнулъ вонъ за ширмы, что онъ полетѣлъ кубаремъ.

— Убирайся, если не можешь молчать!

— Уйду, ей Богу, уйду!

Обалдѣвшій еврей съ испугу бросился къ двери, но оттуда слышался голосъ:

— Слушай, Шмуль, зачего ты такъ убѣгаешь? Развѣ панъ можетъ такъ гнать?

Тутъ Павелъ Петровичъ замѣтилъ, что у входа въ открытую дверь толпились еще какіе-то люди.

— Развѣ онъ можетъ насъ гнать? Совсѣмъ онъ не долженъ такъ дѣлать, — орали въ толпѣ.

— И чего вы только кричите? Ей нуженъ покой, ей нужна помощь, за врачомъ пусть кто-нибудь сбѣгаетъ, — тѣшечно старался вразумить онъ евреевъ.

— Чего мы кричимъ? Ага! Чего кричимъ? Развѣ самъ панъ не знаетъ, какое дѣло онъ сдѣлалъ? не понимаетъ онъ, а? — постепенно приступая къ нему, заговорилъ опять рябой еврей.

Ошеломленный внезапною всего происшедшаго, Павелъ Петровичъ, какъ то вдругъ, потерялъ силы: словно въ лихорадкѣ колотило его; отъ жара внутри, пересохло во рту и съ болью заеклись губы; онъ хотѣлъ ругаться, кричать, схватить что-нибудь въ руки, выгнать всю эту араву, но не могъ: горло, точно клещами, перехватило силою спазмовъ, въ груди не хватало дыханія, а руки и ноги не хотѣли служить. Въ изнеможеніи онъ присѣлъ на первый попавшійся стулъ.

— Ай, какое страшное надѣлалъ панъ дѣло? У-ю-юй, у-ю-юй, какое ужасное дѣло! — потрясая руками, съ искусственнымъ трагизмомъ вопилъ, хозяинъ-еврей. — Бѣдная Берта, бѣдная Берта!

— Ахъ, какая бѣдная Берта! — выводили въ толпѣ.

— Посмотрите, скорѣй посмотрите, какъ она совсѣмъ почти умираетъ!

Бся ватага евреевъ отъ двери съ опаской придвинулась къ ширмамъ и припала глазами къ отверстіямъ въ нихъ. Невольно Павелъ Петровичъ перевелъ взглядъ свой въ сторону Берты. Она слабо открыла глаза, хотѣла что-то сказать, но, вмѣсто того, лишь чуть-чуть простионала и опять опустила тяжелыя вѣки.

Охватившая все существо Павла Петровича сильная слабость была, очевидно, замѣтна евреямъ: стаей онаглѣвшихъ дворняжекъ, толпа ихъ все ближе и ближе приступала къ нему.

— И что же будетъ теперь? И какъ мыслить панъ это дѣло исправить? — со слезой въ голосъ вопрошалъ дядя.

— Такое дѣло! Такое ужасное дѣло! — въ тонъ ему восклицалъ хоръ остальныхъ.

— Оставьте меня! — нѣсколько разъ просилъ Важинъ.

Но его ослабѣвшаго голоса никто не слышалъ.

— Слышите?.. Уберите Бертю отсюда,—помогите ей чѣмъ-нибудь. Уберите и оставьте меня!—немного погодя, возвысилъ онъ ногу.

— О-го-го! какъ панъ говорить—уберите. Какъ онъ мыслить, что мы теперь оставимъ его. Нѣтъ, мы не оставимъ! Никогда не уйдемъ!—изъ всѣхъ силъ горланила публика.

— Такъ избить честную панянку, и Богъ знаетъ что хотѣть надъ ней сдѣлать...

— Врешь! Врешь, негодяй!—задохнулся, пораженный страшною наглостію, Важинъ.

— И Богъ знаетъ, что хотѣть сдѣлать!.. Богъ знаетъ, что хотѣть сдѣлать!—стономъ стонала еврейская банда.

Павель Петровичъ приподнялся со стула, взявъ дядю Бертю за шиворотъ и началъ тряссти.

— Помолчи! помолчи минуточку, идиотъ! и я все разъясню по порядку.

— О, панъ офицеръ! зачѣмъ же такъ дѣлать, зачѣмъ же такъ можно?—дошелъ до фальцета рябой.

— Тьфу, анафема! дай же хоть слово сказать!

— У-ю-юй, у-ю-юй! зачѣмъ же такъ можно?—въ изступленіи галдѣли прочіе истязатели.

Изъ боязни, что вотъ-вотъ расколется голова, онъ зажалъ ладонями уши и бросился къ открытому настежь окну. Жадно хватая уличный воздухъ, онъ хотѣлъ успокоиться, выждать, когда тѣ замолчатъ и потомъ ужъ или приступить къ объясненію съ ними, или энергично всѣхъ вышвырнуть вонъ.

— Ой, Боже мой, Боже! чего жъ панъ молча стоитъ, чего медлить? Зачѣмъ не хочеть скорѣе устроить, чтобы не былъ скандалъ?—выводилъ за спиной фальцетъ дяди.

— Скандалъ... такой большущій скандалъ!—дополнялъ дружный хоръ, подошедшій вслѣдъ за дядей къ окну.

И съ каждой минутой еврейское гоготаніе, вопли, крики и стоны росли все больше и больше, еще сильнѣе терзали слухъ Важина, возмущали душу и сердце. Поистинѣ, онъ казался безпомощнымъ, и это ихъ окрыляло, безпредѣльнѣе крѣпла ихъ наглость.

— Нѣтъ, подлецы, постой же, съ вами, видно, такъ ничего не подѣлаешь,—сказалъ про себя Павель Петровичъ.

Быстро подошелъ онъ къ вѣшалкѣ у дверей и вынулъ изъ кармана пальто блестящій револьверъ.

— А ну-ка, пикни какой!

Трудно описать ту перемѣну, какая произошла въ одинъ мигъ въ каждомъ еврей поголовно, лишь только опасное дуло оружія глянуло на ихъ банду изъ простертой руки офицера. Двое, укрывши лица полами длинныхъ одеждъ, попадали на полъ, точно громомъ сраженные; одинъ, собравшись въ комочекъ, присѣлъ за спинкою кресла; одинъ, повернувшись задомъ къ страшному пану, сталъ на корячки; какой то хотѣлъ изъ окна выпрыгнуть вонъ, но, хва- тившись о край верхняго переплета, остался на мѣстѣ.

Павель Петровичъ не могъ удержаться отъ смѣха и опустилъ руку съ оружіемъ. Помаленьку трусы пришли въ норму.

— Шмуть! Слушай, Шмуть, зачего жъ ты стоишь, какъ дур- ная корова, когда панъ офицеръ уже давно не стрѣляетъ?—ска- залъ первый поднявшійся съ полу.

Затѣмъ измученный Важинъ приказалъ своимъ милымъ гостямъ, ставшимъ, вдругъ, тихо-послушными забрать Берту и исчезнуть подобру—поздорову.

Берту хотѣли нѣкоторые нести на рукахъ, но она сама подня- лась на ноги и, шатаясь отъ слабости, тихо вышла впереди всѣхъ.

Оставшись одинъ, молодой человѣкъ облегченно вздохнулъ, закурилъ, походилъ и взглянулъ на часы. Было сравнительно рано: пока что, можно было вздремнуть и оправиться малость отъ всего пережитаго, а потомъ ужъ идти въ городъ по дѣламъ службы.

Онъ проворно сбросилъ съ себя сапоги и тужурку, прилегъ на кровать, потянулся и только что успѣлъ глазъ съ глазомъ свести, какъ въ номеръ опять ворвалась банда.

— Пускай панъ хоть десять разъ меня застрѣляетъ, пускай сто разъ я помру, но намъ ему нужно все рассказать,—послышался голосъ рябого:—Берта, Берта, скажи намъ скорѣе при панѣ са- момъ, кто тебя билъ такъ больно до крови и зачѣмъ?—продолжалъ онъ и толкнулъ Берту къ кровати.

Берта съ мучительной краской въ лицѣ потупила взоръ и мол- чала.

— Ну, говори же, глупая дрянь!

И дядя наградилъ ее изряднымъ пинкомъ.

— Панъ офицеръ... билъ меня...

— Кто? Говори еще разъ, чтобы слышно.

— Господинъ панъ офицеръ.

— Что онъ тебѣ?

— Билъ сильно... до крови...

— Ага! Такъ! А зачѣмъ билъ? Отвѣчай, бѣдная дѣвочка!

Онъ хотѣлъ... панъ хотѣлъ...

Берта съ плачемъ убѣжала изъ номера...

— Ну, да ладно! Мы сами хорошо знаемъ, чего пану хотѣлось,—сказалъ еврей, недовольный бѣгствомъ Берты, послѣ минуты раздумья.—О, какъ мы знаемъ! и пусть не думаетъ офицеръ, что можетъ не слушать насъ больше.

Въ силу какой-то непонятной реакціи въ настроеніи духа, Важинъ казался совершенно спокойнымъ: спустилъ ноги съ постели, еще закурилъ и впервые хладнокровно посмотрѣлъ на бандитовъ.

ГЛАВА X.

Ихъ было всего пять человѣкъ. Кромѣ дяди Берты, Павелъ Петровичъ замѣтилъ между ними еще извѣстныхъ ему: долговязаго возницу, юркаго еврейчика рыжей масти и одного изъ того тріо, что встрѣтило его и говорило съ нимъ у воротъ дома. Пятый былъ незнакомый.

Это былъ невысокаго роста еврей, лѣтъ тридцати, съ длиннымъ блѣднымъ лицомъ и носомъ такихъ необъятныхъ размѣровъ, что содранной съ него кожи, казалось, вполне бы хватило на осушку сапогъ. Онъ держался немного въ сторонѣ отъ собратій, въ манерахъ своихъ былъ, замѣтно, развязнѣе ихъ и одѣтъ былъ по-иному: не въ лапсердакъ, какъ всѣ прочіе, а въ пиджачный костюмъ изъ англійской матеріи въ клѣтку, сшитый когда то по модѣ. Костюмъ былъ сильно поношенъ и имѣлъ на себѣ гораздо большее количество пятенъ, чѣмъ таковыхъ было на нечищенныхъ отъ роду одѣяніяхъ у остальныхъ членовъ банды.

Пикейный жилетъ, напоминавшій цвѣтомъ своимъ самую грязную часть фартука неопрятнаго кашевара въ артели рабочихъ; хомутообразный воротничекъ высотой до заткнутыхъ ватой ушей, изъ-за грязи потерявшій способность дальше грязниться; манжеты—а-ля-голеньища смазныхъ сапоговъ; ботинки фасона—выборось—никто не возьметъ; однимъ словомъ, все, на что не взгляни, дѣлало наружность этого франта противной.

Докуривъ папиросу, Павелъ Петровичъ раза два порывался разъяснить и доказать что то евреямъ, но...

— Не хотите слушать, и не надо!—наконецъ, крикнулъ онъ и, завалившись въ постель, завернулся съ головой въ одѣяло.

Такой маневръ съ его стороны страшно поразилъ всю эту публику. Они вразъ замолчали и недоумѣвающе переглянулись между собой. Даже дотолѣ храбрѣе другихъ дѣйствовавшаго рябого еврея охватило на время какое то разочарованіе. Теребя бороду, онъ смотрѣлъ въ сторону Важина, и его воспаленные глазки, часто-часто мигая, выгоняли двойную порцію слезъ.

— Ну, какъ же такъ можно?.. Пхе!—развелъ онъ руками и опять замолчалъ.

— Слушайте! — тихо произнесъ онъ и шагнулъ маленькимъ шагомъ впередъ.

— А слушайте!.. Господинъ офицеръ!—уже громче добавилъ еврей и опять шагнулъ.

— Панъ поручникъ, послушайте, что я скажу!

Говорившій подошелъ къ самой кровати и опасно наклонился надъ ней.

— Зачѣмъ же панъ не хочетъ послушать? А?.. Ну, зачѣмъ?..

Никакого отвѣта.

Будто хватаясь за что то горячее, еврей потянулъ двумя пальцами край одѣяла.

— Господинъ офицеръ—панъ поручникъ слушать не хочетъ, такъ, можетъ быть, онъ самъ говорить хочетъ?

Опять ни единого звука.

— Ну, что же панъ тогда хочетъ? А? Слушать онъ не желаетъ, говорить тоже... Не желаетъ ли ваше благородіе, чтобы я говорилъ съ нимъ одинъ потихоньку. А... Всѣ тогда немножко до двери уйдуть.

Важинъ упорно молчалъ.

— И этого пану не надо!.. Вотъ то такъ!.. А-я-яй, что же будетъ тогда?.. Что же будетъ, скажите! Ну-же, скажите, панъ! А?..

Панъ продолжалъ лежать, точно мертвый. Еврей взбѣленился. Кто то изъ публики сказалъ ему что то по-своему.

— Ага, теперь я уже догадался! Теперь ужъ я знаю, что задумалъ господинъ офицеръ между себѣ. Но только пусть помнитъ онъ, что такъ задумывать—скверно для пана. Ай, какъ совсѣмъ скверно! Онъ думаетъ, что мы, какъ глухие дурни, забудемъ про все, уйдемъ и оставимъ пана въ покоѣ. Онъ думаетъ, что послѣ того онъ будетъ надъ нами смѣяться. Смѣяться... Плакать панъ будетъ, а не смѣяться!.. Такую панянку въ такомъ мѣстѣ избить, чтобы она закричала,—нѣтъ, панъ, такъ не можно!.. Не можно потому, что пять цѣлыхъ людей, слышать, какъ кричитъ Берта.

скоро приходять и всѣми своими глазами глядять, какая страшная штука была между вами, какой безпорядокъ вы сдѣлали ей. И всѣ мы: и Мовша, и Янкель, и Шмуль, и другой Шмуль, и я поклянемся всѣмъ, что есть у честныхъ евреевъ святого, хотя бы прахомъ нашихъ отцевъ на томъ свѣтѣ, что мы не покажемъ такъ, чтобы тѣ, которые будутъ судить, повѣрили пану...

— Но намъ пана жалко. Онъ такой офицеръ, такой офицеръ! Такъ умѣеть ходить, такъ умѣеть кричать. И никѣмъ, какъ яснымъ офицеромъ, чтобы всегда ходить въ золотѣ, ему не идетъ быть. И хотѣли мы для него устроить все такъ, чтобы ни самъ панъ полковникъ, ни судъ, ни господа паны офицеры, ни даже другіе евреи и никто не зналъ, какъ было все то, отчего Берта кричала. Но панъ такой гордый, панъ не хочетъ говорить съ нами, панъ мыслить, что мы дураки,—и пусть будетъ гордый, и пусть онъ молчить, и пусть думаетъ, что мы дураки.

— А мы теперь знаемъ, какъ нужно намъ дѣлать. Намъ нужно идти до суда или до пана полковника, командира полка, жалобу подавать, до Берты доктора звать, бумагу отъ него получать, что Берта была не такая панянка...

ГЛАВА XI.

Какъ ужаленный, Важинъ подхватился и спрыгнулъ съ кровати.

— Такъ вы вотъ что задумали, шакалы презрѣнные! Постой же!!

Павель Петровичъ схватилъ въ руки шашку.

Точь-въ-точь, какъ трусливыя собаченки, испуганныя мѣтко брошенной палкой, евреи кинулись отъ него вразсыпную. Кто то съ шумомъ повалилъ ширмы; рябой ораторъ зацѣпился за нижнюю часть ихъ ногою и всею тяжестью своего дряблага тѣла грохнулся объ полъ.

— Трусы!.. Вѣдь васъ, жалкихъ прохвостовъ, и убивать то противно. Тьфу! пропади вы совсѣмъ!..

Презрительно отплюнулся Павель Петровичъ и бросилъ оружіе въ сторону.

Немного погодя, онъ, не обращая вниманія на евреевъ, подошелъ къ рукомойнику, освѣжилъ себѣ голову холодной водой и поспѣшно началъ одѣваться.

Евреи о чемъ то стали между собою совѣщаться.

— Слушай ты, долговязый!—застегивая сюртукъ, подошелъ Павелъ Петровичъ къ возницѣ.

— Ты свободенъ? Можешь меня отвезти?

— А куда панъ поѣхаетъ?

— Все равно, куда прикажу... Можешь?

Возница нерѣшительно мялся.

— Ну, отвѣчай!

— Что жъ пану отвѣтить?

— Ну, чортъ съ тобой! другого найду.

— Другого?.. Панъ другого найметъ? — глупо переспросилъ долговязый: — Ну, какъ еже ли панъ такъ говорить, то тогда почему же и мнѣ не везти пана?.. Вѣдь лошади все равно такъ отдыхаютъ.

Важинъ не слышалъ его.

— Панъ, слушайте!.. Господинъ офицеръ, я васъ повезу. Куда хотите, туда и поѣхаемъ съ Вами.

— Отлично, отлично!.. Подержи-ка вотъ здѣсь, да потяни за ремень...

Возница сталъ помогать собираться.

— Сейчасъ ты меня повезешь куда нибудь въ другую гостиницу. Понимаешь?

— Хорошо панъ!

— А теперь подавай лошадей и выноси вещи.

Возница направился къ двери.

— Кто здѣсь хозяинъ? Сколько съ меня?—уже берясь за пальто спрашивалъ Важинъ.

О, если бы онъ видѣлъ въ то время лица съ грустью молчавшихъ евреевъ! Если бы онъ сумѣлъ по нимъ прочитатъ настроеніе обезкураженной банды!.. Но... молодо—зелено!..

А на сцену ужъ выступилъ во всеоружіи своей наглости франтъ въ пятнистомъ костюмѣ.

— Господинъ офицеръ, разрѣшите мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ,—съ тяжелой для слушателя хрипотой въ голосѣ, обратился онъ къ Павлу Петровичу.

Тотъ молча прошелся по немъ презрительнымъ взглядомъ.

Стараясь держаться какъ можно непринужденнѣе, еврей разставилъ свои ноги, правую руку держалъ онъ за спиною, а лѣвой, забавляясь, перебиралъ грошевые брелоки на концѣ мѣдной цѣпочки, торчавшей изъ кармана жилета.

— По всему видно,—продолжалъ франтъ:—что вы хотите уѣхать отъ насъ,—но куда? позвольте спросить. Куда этотъ, съ извиненіемъ сказать, дуракъ повезетъ васъ?—онъ указалъ на остановившуюся у двери длинную фигуру возницы.

— А васъ интересуеть? — брезгливо кинулъ Павелъ Петровичъ.

— Что же торчишь здѣсь? Подавай лошадей!

— Нѣтъ, панъ, я не хочу! Мнѣ не можно, — угрюмо сказалъ долговязый.

— Почему?—удивился Павелъ Петровичъ.

— Потому, — опять подхватилъ пятнистый еврей,—что вамъ, собственно говоря, и ѣхать то некуда. Повѣрьте, что здѣсь вы не найдете болѣе приличнаго мѣста, гдѣ бы могъ остановиться порядочный человѣкъ.

— Къ чорту на кулички, въ грязной конурѣ помѣщусь, но не останусь въ этомъ вертепѣ прохвостовъ.

— Ну, а цѣль, цѣль вашего бѣгства, поручикъ?

— Я сказалъ!..

— Ахъ, молодой человѣкъ, какъ вы, однако, наивны! — воскликнулъ еврей и снисходительно растянулъ до ушей свои, точно долгое время лежавшія въ укусѣ, безкровныя губы:—неужели, убѣгая отъ насъ за два—за три квартала, вы полагаете, что спасетесь? Такъ сказать, окажетесь внѣ сферы нашего вліянія на васъ?

— Сферы вліянія?.. Да вы о чемъ собственно?

— Все о томъ же. Только я хочу, что неясно, разъяснить на болѣе понятномъ вамъ языкѣ. Я хочу, наконецъ, убѣдить васъ, что увильнуть отъ расплаты за свои донъ-жуанскія походы вамъ не придется. Въ силу чего отбросьте чрезмѣрную щепетильность и выслушайте меня до конца.

— А если я, вмѣсто щепетильности, отброшу чрезмѣрную брезгливость къ вашей поганой персонѣ и за такія слова разобью вдребезги, вашу богомерзскую рожу,—согласитесь вы тогда разъяснять и убѣждать? Ну-те-ка?!. Ха-ха-ха!.. Что жъ вы присѣли на корточки? А?.. О, какъ все вы противны! Тьфу!..

Павелъ Петровичъ опять сѣлъ на окно и затянулся нѣсколько разъ папирской.

ГЛАВА XII.

А черезъ пять минутъ тотъ же большеносый еврей извивался передъ ихъ благородіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, упиваясь своей діалектикой.

— Значить, вы не на шутку хотите запугать меня тѣмъ же, что говорилъ мнѣ вотъ тотъ олухъ?

Важинъ кивнулъ на дядю Берты.

— Вовсе онъ васъ не запугивалъ. Но только его неумѣнье владѣть языкомъ, его боязнь задѣть вашу амбицію и т. д., съ одной стороны, ваша неумѣстная раздражительность, ваше легкое отношеніе къ дѣлу—съ другой—послужили несомнѣнно причиной тому, что вы его не поняли.

— Да почему же вамъ кажется, что я не понималъ его? Я отлично понимаю всю мерзость, всю гадость вашей затѣи. Тѣфу, какъ какъ... Мнѣ говорить о ней даже противно.

— Вполнѣ вамъ сочувствую, молодой человѣкъ, потому что говорить—значить вспоминать, а вспоминать про такіе эксперименты человѣку съ горячей натурой...

— Что вы сказали?—не разслышалъ Павелъ Петровичъ.

— Я говорю, что вамъ необходимо про все позабыть и, пока есть время, исправить ошибку.

— Ошибку? какую ошибку, чортъ бы васъ бралъ!

— Ошибку, свойственную тѣмъ изъ любителей прекраснаго пола, которые смотрятъ на женщину, какъ на цвѣтокъ и для которыхъ, чѣмъ этотъ цвѣтокъ свѣжѣе и ближе къ бутону, тѣмъ интереснѣе, чтобы сорвать его, понюхать и бросить, но которые, къ ихъ сожалѣнію, иногда забываютъ, что не всякій цвѣтокъ безъ шиповъ. Глядишь, протянулъ руку, схватилъ—накололся...

Помятый цвѣтокъ остался на вѣткѣ, а рука-то болитъ.

— Да я-то при чемъ здѣсь? Подобной ошибки съ моей стороны не было. Рука у меня не болитъ и не болѣла, хотя она, скажу откровенно, здорово чешется изъ желанія поколотить...

— Вы опять шутите, господинъ офицеръ,—перебилъ Павла Петровича франтъ:—забывая, что такими вещами, какъ невинность черырнадцати-лѣтней дѣвушки, шутить далеко не возможно. За такія вещи, молодой человѣкъ, люди по Владиміркѣ путешествуютъ, богатства дальневосточныхъ рудниковъ изучаютъ.

— Ну, и пусть изучают!.. Уж не думаете ли вы и меня по этой части устроить?—захохоталъ Важинъ.

— Устроимъ.

— Ого!.. Какимъ же манеромъ?

— Очень простымъ. Вамъ уже объяснялъ дядя Берты. Хотя ему не такъ нужно было бы формулировать свою мысль по-русски. Онъ сразу же долженъ былъ бы сыграть съ вами въ открытую: вотъ, дескать, господинъ поручикъ, наши карты, а вотъ—ваши; наши—всѣ козыри, ваши—простыя; желаете спасовать—наши условія состоятъ въ томъ-то и томъ-то, не желаете—судебный слѣдователь, показаніе пяти свидѣтелей-очевидцевъ преступленія, совершеннаго вами, скамья подсудимыхъ, судъ, его приго-воръ, а дальше и изученіе рудниковъ.

— Преступленіе? Слѣдователь? Скамья подсудимыхъ? Да вѣдь это жъ—шантажъ! Наглая ложъ!—задыхался Павелъ Петровичъ.

— Что можетъ показать подъ присягой цѣлый рядъ постороннихъ для потерпѣвшей свидѣтелей, то называть ложью нельзя,—такъ смотрятъ юристы на это и съ ними законъ, а гдѣ законъ, тамъ и правда,

— Да гдѣ жъ она правда? Гдѣ?! Я самъ любую присягу приму и докажу...

— Ха-ха-ха!..—переливая мокроту въ хрипучей гортани, завизжалъ длинносицый.

За нимъ сочли нужнымъ похохотать и прочіе члены милой кампаніи.

— А кому же нужна она будетъ?.. Кто повѣритъ вашей присягѣ? Ха-ха-ха!.. какой вы наивный!..

— Ну и публика!—отдуваясь, зашагалъ Важинъ по комнатѣ.

— Въ такомъ случаѣ, скажите, же мнѣ, наконецъ, что вамъ отъ меня нужно? Вѣдь не даромъ же вы измышляете всю эту мерзость. Ну, вотъ ты,—по росту самый маленькій негодяй,—отвѣчай мнѣ откровенно, что тебѣ нужно?—обратился прижатый къ стѣнѣ Павелъ Петровичъ къ юркому еврейчику.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на Павла Петровича, потомъ вопросительно взглянулъ на дядю, потомъ опять на Павла Петровича и, опустивши глаза долу, ничего не отвѣтилъ.

— Что жъ ты молчишь? Отвѣчай!—волновался Павелъ Петровичъ.

Рыжій еврейчикъ поднесъ къ головѣ лѣвую руку и настойчиво всей пятерней сталъ кого-то преслѣдовать въ волосахъ нижней части затылка.

— Отвѣчай... Какъ отвѣчай?—нѣсколько разъ повторилъ онъ со вздохомъ.

— Я вотъ, панъ, не могу еще знать, какъ насчетъ этого думаютъ всѣ,—немного погодя опять началъ онъ, перенося лѣвую руку отъ головы къ кончику носа. Не знаю, какъ думаетъ Мовша, какъ думаютъ Янкель и Шмуль и другой Янкель съ ними. А разъ кто не знаетъ, какъ думаютъ тѣ, съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ, развѣ тотъ можетъ сказать такъ, чтобы у него вышло умно? Нѣтъ, завсегда глупо... Нѣтъ, панъ я не хочу портить гешефтъ!

— Ловко сказано!.. Ну а ты, долгоязыый, можешь сказать, что тебѣ нужно?

Возница ослабился.

— Сколько хочешь содрать—пять, десять, сто рублей?.. Говори!

— Гм!.. Зачемъ пять? Зачемъ десять? Можетъ быть, мнѣ дадутъ три, а можетъ и двѣсти. Насъ пять людей, а гешефтъ одинъ. И чтобы въ одномъ гешефтѣ всѣ пять по одному хотѣли свое, такъ панъ не можно.

— Господинъ поручикъ, время—деньги!—подходя къ Важину, произнесъ франтъ и съ парикмахерскимъ шикомъ вынулъ и посмотрѣлъ на часы. А потому, чтобы не тратить его понапрасну....

— Вамъ лучше всего убраться отсюда по добру-поздорову,—въ тонъ ему добавилъ Павелъ Петровичъ:—Вѣдь экіе гнусные люди! Изводятъ меня сколько часовъ, а чего ради—ни отъ кого не могу толку добиться.

— И не добьетесь, если будете поступать такимъ образомъ. Согласитесь, насъ пять человѣкъ, Берта—шестая. У всѣхъ аппетиты разные. Удвѣтворають каждого въ отдѣльности, при такихъ условіяхъ, вамъ невыгодно, даже невозможно если хотите. Вотъ я, какъ близко знакомый съ этой компаніей и хочу отъ лица всѣхъ объявить вамъ точно и опредѣленно наши условія. Согласитесь ихъ выполнить—все, что произошло здѣсь, будетъ забыто; нѣтъ—нашъ нравственный долгъ передать дѣло суду. !Понятно, изъ чувства гуманности къ вамъ и изъ желанія сохранить незапятнанной честь сироты—Берты, мы искренно хотимъ, чтобы вы приняли наши условія.

— Слушайте, ближе къ дѣлу!.. И, Бога ради, не говорите такихъ порядочныхъ словъ—нравственный долгъ, честь, чувство гуманности,—вѣдь это все-равно, что изъ помойной ямы грязнаго кабака, вдругъ—запахъ фіалки.

— Къ чему же вы опять раздражаетесь?

— Къ тому, что мнѣ хочется поскорѣй узнать, во сколько вы цѣните свое умѣнье обжужить.

— Какъ интеллигентъ душою и тѣломъ, я вполне вхожу въ ваше скверное положеніе, но зачѣмъ же такъ оскорблять?

Утомленный долгимъ стояніемъ, онъ напряженно присѣлъ на край кресла и закурилъ.

— Итакъ, я приступаю къ дѣлу,—сказалъ онъ, чувствуя на себѣ нетерпѣливые взгляды Павла Петровича:—Только вы потерпите нѣсколько минутъ, не ругаясь.

— Да ладно—потерплю! Тѣмъ болѣе, что какъ не ругай васъ, жалкихъ шакаловъ, все—какъ съ гуся вода.

— Принимая во вниманіе вашу молодость и неопытность, мы въ своихъ требованіяхъ къ вамъ будемъ, по возможности, справедливы,—продолжалъ франтъ:—За наше молчаніе вы намъ немедленно должны уплатить сто рублей и Бертъ—объекту вашего преступленія—пятьдесятъ. Итого—сто пятьдесятъ рублей...

ГЛАВА XIII.

На смоченной слюною ладони франтъ притушилъ свою папиросу и, ловко спустивши окурочъ въ карманъ, окинулъ побѣдоноснымъ взглядомъ разинувшихъ рты прочихъ бандитовъ.

— Сто пятьдесятъ рублей!—воскликала ошпаренный Павелъ Петровичъ:—Да вѣдь это—грабежъ, это... Нѣтъ, какъ хотите, а я протестую. Слышите,—протестую, кровопійцы вы гнусные!!.

— Протестуйте, а мы набавимъ еще двадцать пять,—съ солидною разстановкою произнесъ франтъ и, торжествуя побѣду, опять запалилъ свой окурочъ.

— Янкель, Янкель!.. Какой ты замѣчательный человекъ, Янкель!—тоненькимъ скрипучимъ голоскомъ, вдругъ, жалобно протянулъ рыжій еврейчикъ, все время не спускавшій восторженныхъ глазъ съ носа франта:—О, если бы мнѣ и всякому изъ бѣдныхъ евреевъ быть такимъ умнымъ всегда, какимъ былъ ты сейчасъ!..

— Полтора ста рублей:.... Нѣтъ, вѣдь это только подумать,—твердилъ слабымъ голосомъ Важинъ:—Да, наконецъ, у меня нѣтъ такихъ денегъ, нѣтъ—и достать мнѣ ихъ негдѣ. Красть-я что ли пойду въ самый дѣлѣ?!

— Красть, пхе!.. Къ чему же красть пану? И зачѣмъ панъ такъ говорить?—обратился къ Павлу Петровичу рябой еврей, выходя на средину комнаты.—Развѣ панъ такъ уже бѣденъ?

— Я не бѣденъ, но швырять такими деньгами я не могу—у меня ихъ нѣтъ!

— Панъ, такихъ людей, какіе всегда не имѣютъ столько денегъ, сколько отъ нихъ спрашиваютъ,—ой, какъ много на свѣтѣ! И такъ часто они, эти люди, чтобы дѣлать гешефты, гдѣ нужно платить, платятъ не только тѣмъ, что въ карманѣ сейчасъ, но и тѣмъ, что попадетъ туда послѣ,—разъ они пишутъ и могутъ писать вѣрные векселя. Панъ не имѣетъ такихъ денегъ теперь, но онъ будетъ имѣть ихъ потомъ. Пусть же панъ деньгами, что у него будутъ и расплатится съ нами, и пусть...

— Слушай, Шмуль, ты, вѣрно, совсѣмъ позабылъ, какъ панъ офицеръ ругалъ Янкеля?—перебилъ возница рябого еврея.

— Ну, развѣ можно то позабыть!

— Тогда за чего же тебѣ говорить пану такъ, чтобы опять порядочныя слова были,—вексель, деньги, гешефты? Ой, смотри, какъ бы панъ опять не началъ кричать и ругаться.

— Какой ты дуракъ!—немного подумавъ, обругалъ рябой долговязаго.—Совсѣмъ эти слова для пана не порядочныя. И гешефты, и вексель, и деньги хороши, когда получать надо, а если платить, то это—страшно поганая штука.

Несмотря на то, что Павелъ Петровичъ чувствовалъ себя въ тотъ моментъ изъ рукъ вонъ прескверно, онъ все-таки, слушая разговоръ дяди Берты съ возничей, не могъ удержаться отъ громкаго смѣха.

За компанію съ нимъ захохоталъ и франтъ.

Сдѣлавъ видъ, что нахохотался до слезъ, еврей порѣшилъ, наконецъ, воспользоваться видимой переменной, происшедшей въ строеніи Павла Петровича.

— Ну, каково же будетъ, поручикъ, ваше рѣшеніе?—спросилъ онъ и сталъ протирать свои глаза платкомъ табачнаго цвѣта отъ грязи.

— Противные вы... противные и... жалкіе,— съ разстановки произнесъ Важинъ: — Я не боюсь ничего... Я знаю, что по существу вашъ шантажъ для кого угодно спитъ бѣлыми нитками, но...

Знаете, въ моряхъ живетъ такое животное. {Оно не имѣетъ ни зубовъ острыхъ, ни плавниковъ сильныхъ; холодное, скользкое, слабое, какъ студень, противное тѣло его, само по себѣ, беззащитно, потому что не несетъ на себѣ никакихъ твердыхъ покрововъ. Добычи своей оно не можетъ проглатывать... По-истинѣ, что въ такой подгати страшнаго?.. Но не бояться общенія съ нимъ невозможно: все, подходящее для питанія, оно не пропускаетъ,— схватываетъ, запутываетъ своими липкими, цѣпкими ногами и душисть, и сосетъ... Поймите—не съѣдая, сосетъ до конца:..

Я видѣлъ однажды картину, гдѣ нарисованъ человѣкъ во власти такого животного.

Если бы художникъ изобразилъ на полотнѣ меня, окруженнаго вами, точно передавъ въ моемъ взглядѣ все, что я сейчасъ чувствую къ вамъ и вложивъ въ ваши движенія, въ выраженія лицъ вашихъ и въ самое положеніе вашихъ фигуръ одно лишь желаніе эксплуатировать меня и если бы это полотно поставить вмѣстѣ съ картиной, видѣнной мною, то обѣ онѣ внушали бы зрителю вполне одинаковое впечатлѣніе: какъ тамъ, такъ и здѣсь—человѣкъ окутанъ чѣмъ-то отвратительно-гадкимъ, скользкимъ и липкимъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь—человѣка душатъ существа съ однимъ и тѣмъ же инстинктомъ, сосутъ изъ него соки... Не съѣдая, сосутъ его до конца!..

— Борьба за существованіе, господинъ офицеръ,—вздыхнулъ франтъ, когда Важинъ на моментъ прервалъ свою рѣчь.

— Ха-ха-ха!.. Борьба за существованіе,—досадно засмѣялся Навель Петровичъ и зашагалъ изъ угла въ уголъ по номеру.

— Борьба за существованіе... Но вѣдь картина, гдѣ мощный звѣрь, пожирая, разрываетъ на части тѣло охотника, тоже борьба за существованіе; здѣсь также представленъ ужасный конецъ человѣка. А развѣ ее, эту картину, можно по производимому впечатлѣнію поставить наряду съ тѣми двумя? Развѣ когти, глаза, зубы и весь видъ могучаго звѣря могутъ внушать мерзкое отвращеніе, какъ что-то гнусное, липкое, предательски-слабое, что въ жалкомъ безсильи своемъ путаетъ, душисть, сосетъ?..

ГЛАВА XIV.

Кто-то тихо стукнул въ дверь номера.

Одинъ изъ евреевъ пріоткрылъ ее и высунулъ голову въ коридоръ. Кто-то сказалъ ему нѣсколько словъ по-еврейски.

— Панъ поручникъ!—отходя отъ двери, обратился онъ къ Ва-
жину:—господинъ Тетельбаумъ пришелъ.

— Что-о-о?—Важинъ прекратилъ свою рѣчь.

— Къ вамъ, панъ, пришелъ господинъ Тетельбаумъ.

— Те-тель-ба-умъ? — протянулъ удивленный Павелъ Петро-
вичъ:—Это кто жъ такой будетъ?

— О, панъ, это очень замѣчательный человѣкъ!

— Да что же ему, этому замѣчательному человѣку, отъ меня
нужно?

— Ему ничего отъ пана не нужно.

— Ну, въ такомъ разѣ, пошлите его отъ меня къ чорту.

Красные глазки рябого еврея испуганно перестали мигать.

— Къ чорту? . Господина Тетельбаума къ черту? А какъ же
будетъ панъ насчетъ денегъ тогда?

— Насчетъ денегъ? Насчетъ какихъ денегъ?..

— Какія нужны пану, чтобы заплатить намъ.

— Тьфу, чертовщина! При чемъ же здѣсь Тетельбаумъ ка-
кой-то?!

— При томъ, панъ, что онъ знаетъ, какъ нужны вамъ теперь
деньги и хочетъ дать сколько угодно рублей.

— Однако, у васъ здѣсь, значить, кромѣ прохвостовъ и кол-
дуны попадаются.

— Колдуны? — переспросилъ дядя Берты: — Я не понимаю,
панъ,—колдуны...

— Вашъ Тетельбаумъ, не иначе, какъ колдунъ,—онъ у васъ съ
самимъ дьяволомъ въ дружбѣ. Понимаешь?

— Ай, панъ, зачѣмъ же такъ можно про честнаго еврея сказать!

— А какъ же онъ заявился сюда, откуда онъ знаетъ, что я на-
хожусь здѣсь и что мнѣ нужны деньги?

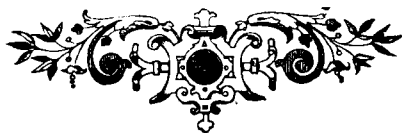
— О, панъ, господинъ Тетельбаумъ совсѣмъ недалеко отсюда
живетъ,—къ нему сбѣгала Берта. Я зналъ, что панъ не пожалѣетъ
мнѣ, бѣдному еврею, дать какихъ-нибудь пять рублей за комисію
и послалъ за нимъ поскорѣй.

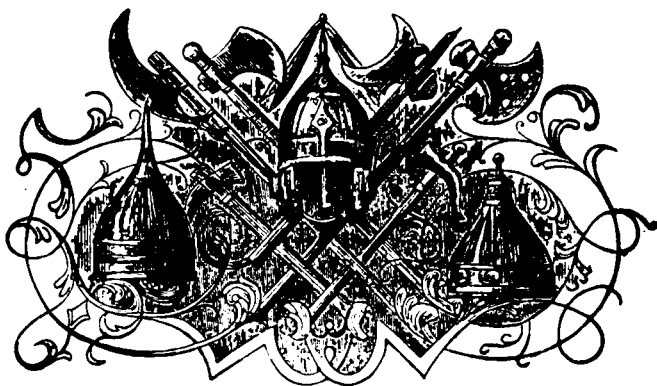
Павель Петровичъ развелъ лишь руками.

Минуть черезъ двадцать, молодой офицеръ кнулъ на вексельномъ бланкѣ подъ своимъ обязательству на двѣсти рублей за взятые у него ст которые, вмѣстѣ съ четвертнымъ, оставшимся въ б рожженномъ Вовочкой, пошли на уплату евреямъ думанный ими шантажъ.

И какимъ-то особеннымъ вышелъ росчеркъ героя: в сиваго слова и смѣлыхъ зигзаговъ, получился рядъ поша буквъ, а подъ ними кривая робкая линія... въ родѣ петл Петли... первой.

Мванъ Межебыхъ.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ СТАРИНА.

Кавалеры ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія
за 140 лѣтъ (1769—1909 гг.).

3-я степень.

(Продолженіе ¹⁾).

438. *Сухозанетъ*, Николай Онуфріевичъ, генераль-маіоръ, начальникъ штаба артилеріи дѣйствующей арміи—22 августа 1831 г.—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ 14 мая при Остроленкѣ, гдѣ благоразумными распоряженіями и личнымъ осмотромъ подъ огнемъ удобнѣйшихъ мѣстъ для батарей весьма много способствовалъ къ успѣшному дѣйствію артилеріи и къ пораженію непріятеля».

Умеръ 22 іюля 1871 года. Генераль-адъютантъ.

439. *Урюмовъ*, Павелъ Александровичъ, генераль-лейтенантъ начальникъ 1 гренадерской дивизіи—3 сентября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ 2 апрѣля при д. Лива, гдѣ, начальствуя отрядомъ, дѣйствовалъ съ отличною храбростію и распорядительностью».

Умеръ въ 1852 году. Генераль отъ Инфантеріи.

440. *Нейдгардтъ*, Александръ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ, генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба — 11 сентября 1821 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости,

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 11.

оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1845 году. Членъ Военнаго Совѣта.

441. *Головинъ*, Евгеній Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 26 пѣхотной дивизіи—13 сентября 1831 года—«въ воздаяніе благоразумной распорядительности, подвиговъ, отличнаго мужества и примѣрной храбрости, оказанныхъ во время командованія авангардомъ войскъ 6 пѣхотнаго корпуса при пораженіи корпуса войскъ мятежника Ромарино 3 и 4 сентября 1831 года и преслѣдованіи сего корпуса до австрійской границы».

Умеръ въ 1858 году. Генералъ-отъ-инфантеріи.

442. *Лопухинъ*, князь Павелъ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 1 Гусарской дивизіи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ 6 марта 1873 года. Генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

443. *Полуэктовъ*, Борисъ Владиміровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 2 Гренадерской дивизіи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ 6 октября 1834 года. Генералъ отъ инфантеріи.

444. *Обручевъ*, Владиміръ Афанасьевичъ, генералъ-лейтенантъ, дежурный генералъ дѣйствующей арміи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1866 году. Генералъ отъ инфантеріи.

445. *Глазенапъ*, Владиміръ Григорьевичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2 бригады 1 легкой Гвардейской кавалерійской дивизіи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ 16 декабря 1862 года. Генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

446. *Гурко*, Владиміръ Осиповичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба гренадерскаго корпуса—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 г. при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1852 году. Генералъ отъ инфантеріи.

447. *Гербель*, Василій Васильевичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ артилеріи Гренадерскаго корпуса—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ 15 сентября 1870 года. Генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ.

448. *Щерпенъ*, Яковъ Яковлевичъ, генераль-маіоръ, начальникъ 1 артилерійской дивизіи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 г. при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1831 году. Генераль-лейтенантъ въ отставкѣ.

449. *Федоренко*, Петръ Ивановичъ, генераль-маіоръ, начальникъ 2 артилерійской дивизіи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1855 году. Генераль-лейтенантъ въ отставкѣ.

450. *Корфъ*, баронъ Николай Ивановичъ, генераль-маіоръ, командиръ 3 Гвардейской и Гренадерской артилерійской бригады (Л.-гв. 3 артилерійская бригада)—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ 10 октября 1869 года. Генераль отъ артилеріи.

451. *Денъ*, Иванъ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1859 году. Инженеръ-генераль.

452. *Мартыноевъ*, Николай Петровичъ, генераль-маіоръ по арміи—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1856 году. Генераль-лейтенантъ.

453. *Литранди*, Иванъ Петровичъ, полковникъ, командующій Елецкимъ пѣхотнымъ полкомъ (33 пѣх. Елецкій)—18 октября 1831 г.—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1864 году. Генераль отъ инфантеріи.

454. *Житовъ*, Алексѣй Ивановичъ, полковникъ, командиръ 2 конно-артилерійской бригады и конно-артил. № 4 роты (12 конно-артил. батарея)—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1855 году. Генераль-лейтенантъ.

455. *Паскевичъ*, Константинъ Феодоровичъ, полковникъ, командиръ 1 конно-артилерійской бригады и конно-артил. № 1 роты (2 конно-артил. батарея)—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1836 году.

456. *Павловъ*, Михаилъ Ивановичъ, полковникъ, командиръ 5 артиллерійской бригады и батареіной № 1 роты (1 бат. 4 артил. бригады)—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1837 году. Полковникъ въ отставкѣ.

457. *Штрاندманъ*, Карлъ Густавовичъ, генераль-маіоръ, командиръ л. гв. Гродненскаго гусарскаго полка—18 октября 1831 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ 25 и 26 августа 1831 года при штурмѣ Варшавскихъ укрѣпленій».

Умеръ въ 1855 году. Генераль-отъ-кавалеріи.

458. *Бандіери*, контръ-адмиралъ австрійской службы—16 ноября 1840 года—«во изъявленіе особеннаго Высочайшаго благоволенія за военные подвиги, оказанные для пользы союза Россіи съ Султаномъ Турецкимъ».

Умеръ въ 1848 году.

459. *Непиръ*, капитанъ командоръ великобританской службы—16 ноября 1840 года—«во изъявленіи особеннаго Высочайшаго благоволенія за военные подвиги, оказанные для пользы союза Россіи съ Султаномъ Турецкимъ».

Умеръ въ 1860 году.

460. *Аргутинскій-Долморуковъ*, князь Моисей Захаровичъ, генераль-маіоръ, командиръ 1 бригады Грузинскихъ Линейныхъ баталіоновъ—3 декабря 1842 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ противъ горцевъ 2 іюня 1842 года при с. Кюлюме».

Умеръ 26 февраля 1855 года. Генераль-адъютантъ.

461. *Бьялевскій*, Константинъ Яковлевичъ, генераль-маіоръ, командиръ 2 бригады 15 пѣхотной дивизіи—6 августа 1845 года—«въ воздаяніе блистательнаго мужества и отличной распорядительности, оказанныхъ 6 іюля при занятіи селенія Дарго, гдѣ, командуя авангардомъ главнаго отряда, дѣйствовавшего противъ мятежныхъ горцевъ и слѣдуя дремучимъ лѣсомъ, стремительно овладѣвъ 23 укрѣпленными завалами, несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля».

Умеръ 30 октября 1857 года. Генераль-лейтенантъ, сенаторъ.

462. *Бебутоеъ*, князь Василій Осиповичъ, генераль-лейтенантъ, командующій войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ—5 ноября 1846 года—«въ воздаяніе благоразумной рѣшимости, отличной быстроты въ дѣйствіяхъ и блистательнаго мужества, оказанныхъ при овладѣніи въ бою 16 октября селеніемъ Куташи, гдѣ мятежнымъ скопищамъ Шамиля до 15 тысячамъ простиравшимся, не взирая на ихъ упорное сопротивленіе и крѣпкую позицію, примѣрною храбростію войскъ нашихъ нанесено совершенное пораженіе».

См. 2-ю степень № 96.

463. *Д Аспре*, баронъ, генераль-отъ-артилеріи австрійской службы — 29 апрѣля 1849 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и примѣрнаго мужества».

Умеръ 25 мая 1850 года.

464. *Рукавина*, генераль-лейтенантъ австрійской службы, комендантъ крѣпости Темесвара—3 августа 1849 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и примѣрнаго мужества, оказаннаго при защитѣ крѣпости Темесвара въ продолженіи 106 дневнаго блокированія Венграми».

Умеръ 16 сентября 1849 года.

465. *Фрейтагъ*, Робертъ Карловичъ, генераль-лейтенантъ, генераль-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи—1 сентября 1849 года—«въ воздаяніе отважнаго подвига, коимъ отличилъ себя при обозрѣніи непріятельскихъ позицій, примѣрной неустрашимости, оказанной въ сраженіяхъ 3 и 5 іюля подъ г. Вайценомъ и 21 іюля подъ Дебречинымъ, гдѣ приводилъ въ исполненіе всѣ порученія главнокомандующаго подъ сильнымъ огнемъ».

Умеръ 27 сентября 1851 года.

466. *Кузнецовъ*, Михаилъ Михайловичъ, генераль-лейтенантъ, походный атаманъ казачьихъ полковъ дѣйствующей арміи—1 сентября 1849 года—«въ воздаяніе отличнаго подвига, оказаннаго въ дѣлѣ при занятіи Токая и въ сраженіи 11 іюля при д. Хорсаны и 12 и 13 подъ Мишкольцемъ, гдѣ, командуя авангардомъ 4 пѣхотнаго корпуса, явилъ совершенное благоразуміе и примѣрное мужество, способствуя тѣмъ успѣху надъ непріателемъ».

Умеръ въ 1857 году.

467. *Толстой*, графъ Алексѣй Петровичъ, генераль-лейтенантъ по кавалеріи—1 сентября 1849 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ мятежныхъ Венгровъ, 8 іюля, между дд. Туръ и Самбокъ, гдѣ, предводительствуя отрядомъ, не только выдержалъ съ малымъ числомъ войскъ всѣ нападенія превосходной непріятельской кавалеріи, но съ помощью подоспѣвшей пѣхоты совершенно опрокинулъ мятежниковъ».

Умеръ въ 1865 году. Генераль-отъ-кавалеріи.

468. *Бебутовъ*, князь Давидъ Осиповичъ, генераль-маіоръ, командиръ Закавказскаго конно-Мусульманскаго полка—1 сентября 1849 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ мятежныхъ Венгровъ 17 іюля при г. Дебречинѣ, гдѣ сдѣлалъ блистательную атаку съ мусульманами и горцами Кавказско-Горнаго дивизіона на непріятельскую пѣхоту и кавалерію, опрокинулъ ихъ и взялъ 4 орудія».

Умеръ 11 марта 1867 года. Генераль-лейтенантъ.

469. *Гасфортъ*, Густавъ Христіановичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 15 пѣхотной дивизіи—12 ноября 1849 года—«за отличную распорядительность и мужество, оказанныя въ сраженіи 20 іюля, гдѣ нанесъ совершенное пораженіе непріятелю, отнялъ у него 2 орудія, 4 ракетныхъ станка и обозъ, а также взялъ въ плѣнъ 1,170 человекъ».

Умеръ въ 1874 году. Генераль-отъ-инфантеріи, членъ государст. совѣта».

470. *Ивинъ*, Владиміръ Петровичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 5 артилерійской дивизіи—28 ноября 1849 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и примѣрной храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ мятежныхъ Венгровъ 19 іюля подъ Шесбургомъ, гдѣ, командуя отдѣльною частію войскъ, отразилъ въ теченіи семи часовъ неоднократно нападенія превосходнаго непріятеля, упорно старавшагося овладѣть важнымъ пунктомъ нашей позиціи».

Умеръ въ 1854 году. Генераль-лейтенантъ, комендантъ Ново-георгіевска.

471. *Энгельгардъ*, Николай Федоровичъ, генераль-маіоръ, командиръ 2 бригады 15 пѣхотной дивизіи—28 ноября 1849 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и примѣрной храбрости, оказанныхъ въ сраженіи противъ мятежныхъ Венгровъ, 15 іюля при Германштатѣ и 31 іюля подъ Мюленбахомъ, гдѣ, командуя авангардомъ, мужественными и рѣшительными атаками своими способствовалъ къ одержанію полныхъ побѣдъ надъ непріателемъ».

Умеръ въ 1856 году. Генераль-лейтенантъ.

472. *Гротенельмъ*, Максимъ Максимовичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 2 Уланской дивизіи—17 января 1850 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и благоразумныхъ распоряженій, оказанныхъ во время командованія отдѣльнымъ отрядомъ въ Сѣверной Трансильваніи противъ мятежныхъ Венгровъ и сверхъ того за пріобрѣтеніе въ продолженіи всей кампаніи 59 орудій, изъ коихъ было взято съ бою пять».

Умеръ 15 ноября 1867 года. Генераль-лейтенантъ въ отставкѣ.

473. *Альбертъ*, эрцъ-герцогъ австрійскій—12 іюня 1851 года—«за подвиги примѣрнаго мужества и личной храбрости, оказанныхъ въ итальянскихъ походахъ».

См. 1-ю степень № 20.

474. *Новосильскій*, Федоръ Михайловичъ, контръ-адмиралъ, командующій 4 флотской дивизіей—28 ноября 1853 года—«въ воздаяніе примѣрнаго мужества и отличной распорядительности, оказанныхъ при истребленіи турецкой эскадры 18 ноября 1853 года на Синопскомъ рейдѣ».

Умеръ 8 ноября 1892 года. Генераль-адъютантъ.

475. *Андронниковъ*, князь Иванъ Михайловичъ, генераль-лейтенантъ, Тифлисскій военный губернаторъ—30 ноября 1853 года—«въ воздаяніе блистательной побѣды, ознаменованной подвигами отличной храбрости и примѣрнаго мужества и распорядительности, оказанныхъ въ бою 14 ноября 1853 года съ 18 тысячнымъ турецкимъ корпусомъ подъ Ахалцыхомъ, гдѣ, имѣя 7½ бат. пѣхоты, 9 казачьихъ сотенъ и 17 сотенъ милиціи при 14 орудіяхъ, вступилъ въ бой, и, несмотря на отчаянное сопротивленіе непріятеля въ продолженіи цѣлаго дня, нанесъ ему совершенное пораженіе».

Умеръ 24 декабря 1868 года. Генераль-отъ-кавалеріи.

476. *Баговутъ*, Александръ Федоровичъ, генераль-лейтенантъ, состоящій при Кавказскомъ корпусѣ для порученій—16 января 1854 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при разбитіи турецкаго корпуса 19 ноября 1853 года на позиціи у Башъ-Кадыкъ-Лара».

Умеръ 2 мая 1883 года. Генераль-отъ-кавалеріи.

477. *Багратіонъ-Мухранскій*, князь Иванъ Константиновичъ, генераль-маіоръ, командиръ драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка (17 драгун. Нижегородскій)—16 января 1854 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при разбитіи турецкаго корпуса 19 ноября 1853 года на позиціи у Башъ-Кадыкъ-Лара».

Умеръ 11 марта 1895 года.

478. *Чавчавадзе*, князь Гассонъ Ивановичъ, генераль-маіоръ, командиръ Кавказской резервной гренадерской бригады—16 января 1854 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при разбитіи турецкаго корпуса 19 ноября на позиціи у Башъ-Кадыкъ-Лара».

Умеръ въ 1857 году.

479. *Ушаковъ*, Александръ Клеониковичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 7 пѣхотной дивизіи—21 марта 1854 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ блистательной побѣдѣ, одержанной 11 марта при переправѣ черезъ Дунай и овладѣніи правымъ берегомъ, гдѣ храбрыя войска наши, несмотря на отчаянное сопротивленіе турокъ, взяли штурмомъ нѣсколько сильныхъ редутовъ и отбили 9 орудій».

Умеръ 14 февраля 1877 года. Генераль-отъ-инфантеріи.

480. *Баумартенъ*, Александръ Карловичъ, генераль-маіоръ, командиръ 1 бригады 10 пѣхотной дивизіи—20 апрѣля 1854 года—«въ воздаяніе примѣрнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ чинѣ полковника, въ званіи командира Тобольскаго пѣхотнаго полка, въ дѣлѣ съ турками 25 декабря 1853 года при селеніи Четати, гдѣ, будучи расположенъ съ отрядомъ, состоявшемъ изъ 3 баталіоновъ То-

больскаго полка, 6 орудій легкой № 1 батареи 10 артилерійской бригады, 1 эскадрона гусарскаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго полка, 1 сотни Донскаго казачьяго № 38 полка, былъ окруженъ непріателемъ въ числѣ свыше 18 тысячъ человекъ при 24 орудіяхъ я, когда не видя средствъ удержать за собою с. Четати, по малочисленности отряда и обширности селенія, выходя изъ онаго замѣтилъ, что избранная позиція за симъ селеніемъ была уже занята непріательской кавалеріей, которая, выдвинувъ 6 конныхъ орудій, открыла огонь, ударилъ въ штыки съ находящимся при немъ 3 баталіономъ. Наступленіе было произведено съ такою рѣшительностію и быстротой, что непріатель потерялъ 2 орудія, взятыя нашими войсками съ бою».

Умеръ 3 мая 1883 года. Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

481. *Врангелъ*, баронъ Карлъ Карловичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ 21 пѣхотной дивизіи—5 августа 1854 года—«въ воздаяніе отличной храбрости, примѣрнаго мужества и распорядительности, оказанныхъ въ блистательной побѣдѣ, одержанной 17 іюля на высотахъ Чингильскихъ, гдѣ вступилъ въ бой съ 12 тысячнымъ корпусомъ Селимъ-паши и, несмотря на отчаянное сопротивленіе непріателя, на голову разбилъ этотъ корпусъ».

Умеръ 7 сентября 1872 года. Генералъ-отъ-инфантеріи.

482. *Бяратинскій*, князь Александръ Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба войскъ на Кавказѣ расположенныхъ—9 августа 1854 года—«въ воздаяніе примѣрнаго мужества, храбрости и распорядительности, оказанныхъ въ блистательной побѣдѣ, одержанной 24 іюля надъ турецкимъ 60 тысячнымъ корпусомъ близъ Курюкъ-Дара».

См. 2-ю степень № 98.

483. *Бриммеръ*, Эдуардъ Владиміровичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ артилеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса—9 августа 1854 года—«въ воздаяніе примѣрнаго мужества, храбрости и распорядительности, оказанныхъ въ блистательной побѣдѣ, одержанной 24 іюля надъ турецкимъ 60 тысячнымъ корпусомъ близъ Курюкъ-Дара».

Умеръ 26 сентября 1874 года. Генералъ-отъ-артилеріи.

484. *Панфиловъ*, Александръ Ивановичъ, контръ-адмиралъ, командующій оборонительной дистанціей Севастополя—20 ноября 1854 года—«въ воздаяніе примѣрной храбрости и самоотверженія, оказанныхъ съ самаго начала бомбардированія Севастополя, и благоразумныхъ распоряженій подъ сильнымъ непріательскимъ огнемъ къ уничтоженію различныхъ предпріятій врага».

Умеръ 13 мая 1874 года. Адмиралъ.

485. *Истоминъ*, Владиміръ Ивановичъ, контръ-адмиралъ, командующій оборонительною дистанціей Севастополя—20 ноября 1854 года—«въ воздаяніе примѣрной храбрости и самоотверженія, оказанныхъ съ самаго начала бомбардированія Севастополя, и благоразумныхъ распоряженій подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ къ уничтоженію различныхъ предпріятій врага».

Убить 7-го марта 1855 года при защитѣ Севастополя.

486. *Завойко*, Василій Степановичъ, контръ-адмиралъ, Камчатскій военный губернаторъ и командиръ Петропавловскаго и Камчатскаго портовъ—1 декабря 1854 года—«въ воздаяніе неустрашимости и распорядительности, оказанныхъ при отраженіи нападенія англо-французской эскадры на Петропавловскій портъ въ августѣ мѣсяцѣ».

Умеръ 15 февраля 1898 года. Вице-адмиралъ въ отставкѣ.

487. *Семлякинъ*, Константинъ Романовичъ, генералъ-маіоръ, начальникъ штаба главнокомандующаго арміей въ Крыму—28 декабря 1854 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлѣ 13 октября при занятіи непріятельскихъ редутовъ на высотахъ, образующихъ Кадыкѣокскую долину, гдѣ, командуя 1 бригадой 12 пѣхотной дивизіи, лично велъ на штурмъ Азовскій пѣхотный полкъ».

Умеръ въ 1867 году. Генералъ-отъ-инфантеріи.

488. *Тимофѣевъ*, Николай Дмитріевичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1 бригады 14 пѣхотной дивизіи—27 января 1855 года—«въ воздаяніе отличнаго мужества и примѣрной храбрости, оказанныхъ во все время командованія первою оборонительною дистанціею Севастополя, заключавшей въ себѣ, между прочимъ, 5 и 6 бастіоны».

25 іюня 1855 года исключенъ изъ списковъ умершимъ.

489. *Хрулевъ*, Степанъ Александровичъ, генералъ-лейтенантъ, состоящій по артилеріи—15 мая 1855 года—«при геройской защитѣ Севастополя оказывалъ постоянно примѣрное мужество и распорядительность по завѣдыванію обороной восточной части этого города и произвелъ блистательную вылазку въ ночь съ 10 на 11 марта».

Умеръ 22 мая 1870 года. Состоялъ въ запасныхъ войскахъ.

490. *Тотлебенъ*, Эдуардъ Ивановичъ, генералъ-маіоръ Свиты Его Величества—15 іюня 1855 года—«въ воздаяніе примѣрныхъ трудовъ по возведенію Севастопольскихъ укрѣпленій, составляющихъ образецъ инженернаго искусства, и въ награду блистательной храбрости и мужественнаго хладнокровія, оказанныхъ 6 іюня при отраженіи непріятельскаго штурма».

См. 2-ю степень № 112.

491. *Васильчиковъ*, князь Викторъ Илларионовичъ, генералъ-маіоръ, исп. долж. начальника штаба Севастопольскаго гарнизона—

15 іюня 1855 года—«во все продолженіе геройской защиты Севастополя отличался неусыпными трудами и при отраженіи штурма, произведеннаго 6 іюня на лѣвый флангъ нашей оборонительной линіи, оказалъ блистательную храбрость и примѣрное мужество».

Умеръ 5 октября 1878 года. Генераль-адъютантъ.

492. *Зоринъ*, Аполлинарій Александровичъ, капитанъ 1-го ранга, командующій 29-мъ флотскимъ экипажемъ—6 іюля 1855 года—«въ воздаяніе примѣрной храбрости и особой распорядительности, по принятію во время усиленныхъ бомбардировокъ Севастополя подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ мѣръ, коими всегда отвращаемы были наши потери въ людяхъ и мгновенно возстановлялись средства обороны».

Умеръ 29 февраля 1872 года. Вице-адмиралъ.

493. *Коцебу*, Павелъ Ефстафьевичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи, начальникъ штаба южной арміи—13 сентября 1855 года—«въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, военной доблести и блистательной храбрости, оказанныхъ при оборонѣ Севастополя».

Умеръ 19 апрѣля 1884 года. Членъ Государственнаго Совѣта.

494. *Павловъ*, Прокопій Яковлевичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ 11 пѣхотной дивизіи—30 сентября 1855 года—«въ воздаяніе блистательной храбрости, примѣрнаго мужества и особой распорядительности, оказанной при отраженіи штурма непріятеля на Севастопольскія укрѣпленія 27 августа 1855 года».

Умеръ въ 1868 году.

495. *Сабашинскій*, Адамъ Осиповичъ, генераль-маіоръ, командиръ 2-й бригады 7 пѣхотной дивизіи—30 сентября 1855 года—«въ воздаяніе блистательной храбрости, примѣрнаго мужества и особой распорядительности, оказанной при отраженіи штурма непріятеля на Севастопольскія укрѣпленія 27 августа 1855 года».

Умеръ 23 марта 1870 года. Генераль-лейтенантъ. Комендантъ Керчи.

496. *Микрюковъ*, Викторъ Матвѣевичъ, капитанъ 1 ранга, командующій 33-мъ флотскимъ экипажемъ—16 ноября 1855 года—«въ воздаяніе подвиговъ отличной храбрости, необыкновеннаго хладнокровія и дѣятельной распорядительности, оказанныхъ 27 августа, во время послѣдняго штурма Севастопольскихъ укрѣпленій, гдѣ при отступленіи, оставляя послѣднимъ ввѣренное отдѣленіе обороны, взорвалъ подъ личнымъ надзоромъ пороховые погреба».

Умеръ 4 іюня 1875 года. Вице-адмиралъ.

497. *Перелешинъ*, Михаилъ Александровичъ, капитанъ 1 ранга, командующій 45-мъ флотскимъ экипажемъ—16 ноября 1855 года—«въ воздаяніе подвиговъ отличной храбрости, необыкновеннаго хладнокровія и дѣятельной распорядительности, оказанныхъ 27 августа,

во время послѣдняго штурма Севастопольскихъ укрѣпленій, когда непріятель ворвался на 3-й бастіонъ, одушевивъ людей примѣромъ собственнаго мужества, бросился въ штыки и, хотя при этомъ былъ тяжело раненъ, не оставилъ своего мѣста, доколѣ непріятель не былъ прогнанъ съ огромнымъ урономъ».

Умеръ 13 ноября 1857 года.

498. *Кернъ*, Федоръ Сергѣевичъ, капитанъ 1 ранга, командующій 44-мъ флотскимъ экипажемъ—29 февраля 1856 года—«въ воздаяніе подвиговъ, оказанныхъ во время обороны Севастополя, гдѣ, начальствуя 4-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, постоянно отличался мужествомъ и храбростію и при отраженіи непріятельскаго штурма 6 іюня 1855 года находился безпрерывно въ брешахъ, сдѣланныхъ непріателемъ, также на всѣхъ важныхъ пунктахъ вѣреннаго отдѣленія, и, наконецъ, отбилъ непріятеля, который въ большихъ силахъ атаковалъ неоднократно эти важные пункты».

Умеръ 19 декабря 1890 года. Вице-адмиралъ.

499. *Перелешинъ*, Павелъ Александровичъ, капитанъ 1 ранга, командующій 41-мъ флотскимъ экипажемъ—29 февраля 1856 года—«въ воздаяніе подвиговъ, оказанныхъ во время обороны Севастополя, гдѣ, начальствуя 5-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, постоянно отличался мужествомъ и храбростію и при отраженіи непріятельскаго штурма 6 іюня 1855 года находился безпрерывно въ брешахъ, сдѣланныхъ непріателемъ, также на всѣхъ важныхъ пунктахъ вѣреннаго отдѣленія, и, наконецъ, отбилъ непріятеля, который въ большихъ силахъ атаковалъ неоднократно эти важные пункты».

Умеръ 28 февраля 1901 года. Вице-адмиралъ.

500. *Хрущевъ*, Александръ Петровичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи—14 мая 1856 года—«въ воздаяніе примѣрныхъ заслугъ, оказанныхъ во все время геройской защиты Севастополя, гдѣ отличался постояннымъ мужествомъ, храбростію и распорядительностію въ дѣлахъ съ непріателемъ».

Умеръ 14 іюля 1875 года. Генералъ-адъютантъ.

501. *Шейдеманъ*, Карлъ Ѳеодоровичъ, генералъ-маіоръ, командиръ 1-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи—14 мая 1856 года—«въ воздаяніе примѣрныхъ заслугъ, оказанныхъ во все время геройской защиты Севастополя, гдѣ отличался постояннымъ мужествомъ, храбростію и распорядительностію въ дѣлахъ съ непріателемъ».

Умеръ 29 іюля 1869 года. Генералъ-лейтенантъ.

502. *Майдель*, баронъ Егоръ Ивановичъ, генералъ-маіоръ, состоящій при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ—8 іюля 1856 года—«при штурмѣ крѣпости Карса 17 сентября 1855 года, начальствуя колонною, лично повелъ войска на штурмъ укрѣпленія № 14 и овладѣлъ частью укрѣпленій, батареями и первымъ непріятельскимъ ла-

геремъ, приче́мъ взято нѣсколько орудій и одно непріятельское знамя. Получивъ двѣ тяжелыхъ раны въ руку и въ грудь, оставался на занятой позиціи до тѣхъ поръ, пока прибывшіе резервы не были введены на позицію».

Умеръ 20 марта 1881 года. Комендантъ Петропавловской крѣпости. Генераль-адъютантъ.

503. *Евдокимовъ*, графъ, Николай Ивановичъ, генераль-лейтенантъ, командующій войсками лѣваго крыла Кавказской линіи—17 апрѣля 1859 года—«подъ его начальствомъ войска послѣ двухъ-лѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ достигли блистательнаго успѣха взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Веденя, главнаго мѣстопребыванія Шамиля».

См. 2-ю степень № 100.

504. *Александръ*, принцъ Гессенскій, генераль-отъ-кавалеріи австрійской службы—20 іюля 1859 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и военныхъ подвиговъ».

Умеръ 3 декабря 1888 года. Шефъ 8 улан. Вознесенскаго полка.

505. *Врангель*, баронъ Александръ Евстафьевичъ, генераль-адъютантъ, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ—10 августа 1859 года—«войска Дагестанскаго отряда вновь ознаменовали себя, подъ его начальствомъ, славными подвигами мужества, при трудной переправѣ, подъ выстрѣламъ непріятеля, черезъ рѣку Андійское Койсу у Сагрытно 16, 17 и 18 іюля».

Умеръ 30 декабря 1880 года. Генераль-отъ-инфантеріи.

506. *Кессельеръ*, Эдуардъ Федоровичъ, генераль-лейтенантъ, начальникъ инженеровъ Кавказскаго корпуса—8 сентября 1859 года—«при занятіи 25 августа аула Гуниба командовалъ войсками, блокировавшими аулъ, бывший послѣднимъ убѣжищемъ Шамиля. Благоразумными распоряженіями аулъ Гунибъ былъ взятъ блистательно нашими войсками со всѣми защитниками и находившимися въ немъ орудіями».

Умеръ 7 декабря 1878 года.

507. *Тарханъ-Моуравовъ*, князь Іосифъ Давыдовичъ, генераль-маіоръ, начальникъ войскъ Южнаго Дагестана—8 сентября 1859 г.—«при занятіи 25 августа аула Гуниба, командуя войсками на сѣверной сторонѣ Гунибъ-дага, овладѣлъ едва доступною и сильно-защищаемою позиціею на вершинѣ горы и совершилъ блистательную и смѣлую атаку; затѣмъ, разсѣявъ сторожившія на этомъ пространствѣ скопища Кази-Магомета, устремился къ аулу Гунибъ и, окруживъ селеніе, доставилъ средство принудить Шамиля сдаться военно-плѣннымъ».

Умеръ 12 февраля 1878 года. Генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ.

508. *Гейманъ*, Василий Александровичъ, генераль-маіоръ, командиръ 75 пѣхотнаго Севастопольскаго полка—19 апрѣля 1864 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и примѣрной распорядительности, оказанной въ дѣлѣ съ убыхами 18 марта между Псезуале и Шахе и при занятіи всего морского берега до рѣки Сочи».

См. 2 степень № 109.

509. *Черняевъ*, Михаилъ Григорьевичъ, генераль-маіоръ, состоящій по министерству—6 ноября 1864 года—«въ воздаяніе примѣрной храбрости и отличной распорядительности, оказанной при взятіи штурмомъ 22 сентября Коканской крѣпости Чемкента».

Умеръ 4 августа 1898 года. Генераль-лейтенантъ въ отставкѣ.

510. *Романовскій*, Дмитрій Ильичъ, генераль-маіоръ генеральнаго штаба, военный губернаторъ Туркестанской области — 21 іюня 1866 года—«въ воздаяніе отличной распорядительности, оказанной въ дѣлѣ 8 мая при урочищѣ Ирджаръ при пораженіи главной арміи Бухарскаго Эмира».

Умеръ 16 мая 1881 года. Генераль-лейтенантъ.

511. *Крыжановскій*, Николай Андреевичъ, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, командующій войсками Оренбургскаго военного округа—26 ноября 1866 года—«въ воздаяніе отличной распорядительности и храбрости, оказанныхъ въ дѣлахъ противъ Бухарцевъ».

Умеръ 29 апрѣля 1888 года. Генераль-отъ-артилеріи въ отставкѣ.

512. *Фонъ-Кауфманъ*, Константинъ Петровичъ, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ, командующій войсками Туркестанскаго военного округа и Туркестанскій генераль-губернаторъ — 6 іюня 1868 года—«въ воздаяніе отличной распорядительности, мужества и храбрости, оказанныхъ въ дѣлѣ съ Бухарцами 1 мая на Самаркандскихъ высотахъ».

См. 2 степень № 105.

513. *Августъ*, принцъ Виртембергскій, генераль-отъ-кавалеріи прусской службы, командиръ гвардейскаго корпуса, шефъ 9 улан. Вугскаго полка — 29 августа 1870 года — «въ воздаяніе отличной храбрости и военныхъ подвиговъ, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій во Франціи».

Умеръ 1 января 1885 года. Генераль-фельдмаршалъ.

514. *Людовигъ*, принцъ Гессенскій, шефъ 6 гусар. Клястицкаго полка—29 августа 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и военныхъ подвиговъ, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій во Франціи».

Умеръ 6 марта 1892 года.

515. *Фридрихъ*, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, командиръ 13 армейскаго корпуса прусской арміи, шефъ 8 гренад. Московскаго полка—8 октября 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и военныхъ подвиговъ, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій во Франціи».

Умеръ 8 апрѣля 1883 года.

516. *Альбертъ*, принцъ Прусскій, командиръ кавалерійскаго корпуса, шефъ 14 драг. Малороссійскаго полка — 10 октября 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и военныхъ подвиговъ, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій во Франціи».

Умеръ 14 октября 1872 года. Прусскій фельдмаршалъ.

517. *Абрамовъ*, Александръ Константиновичъ, генераль-маіоръ, состоящій въ распоряженіи командующаго войсками Туркестанскаго военнаго округа—15 октября 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости, распорядительности и рѣшительности, оказанной при штурмѣ 14 августа с. Китаба, защищаемаго въ четверо многочисленнѣйшимъ непріателемъ».

Умеръ 25 октября 1886 года. Генераль-лейтенантъ.

518. *Фонъ Штейнмецъ*, Карлъ-Фридрихъ, генераль-отъ-инфантеріи прусской арміи, губернаторъ Познанской области—27 декабря 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и мужества, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій германскихъ войскъ во Франціи».

Умеръ 24 іюля 1877 года въ отставкѣ.

519. *Фонъ-Мантейфель*, Эдвинъ-Карлъ, генераль-отъ-кавалеріи прусской арміи, генераль-адъютантъ, командиръ 1 армейскаго корпуса—27 декабря 1870 года—«въ воздаяніе отличной храбрости и мужества, оказанныхъ во время военныхъ дѣйствій германскихъ войскъ во Франціи».

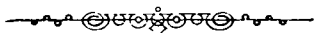
Умеръ 6 іюня 1885 года. Прусскій фельдмаршалъ.

В. Судрабскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОПРАВКА.

Въ 9-мъ дополненіи къ алфавитному списку генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, награжденныхъ орденомъ св. Георгія въ минувшую войну, напечатанномъ въ «Военномъ Сборникѣ» № 8, на стр. 268 вкрались слѣдующія опечатки: строки 3 и 4 сверху—напечатано: 15-го іюля 1908 года; слѣдуетъ—15-го іюля 1909 года; и строки 4 и 5 снизу напечатано—въ 96 пѣх. Онежскій полкъ; слѣдуетъ—96 пѣх. Омскій полкъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ueber Kriegsmässige Ausbildung und Verwendung unserer Kavallerie.

Eine Studie von Freiherr von Edelsheim, Rittmeister im 2 Garde-Ulanen Regiment. Berlin, 1909. Verlag von K. Eisenschmidt, Verlagsbuchhandlung. für Militärwissenschaft. Im Offizierverein, N. W. 7. S. 283. Preis 4 m. 50.

Боевая подготовка и примѣненіе нашей конницы на войнѣ.

Исслѣдованіе ротмистра 2 гвардейскаго уланскаго германскаго полка фонъ Эдельсхейма.

Берлинъ, 1909 г. Изданіе К. Эйзеншмита, книгоиздателя по военно-ученой части. Офицерское собраніе. С. Зап. 7. Стр. 283. Цѣна 4,5 марки (около 2 р. 25 к.).

Блестящій и глубоко поучительный трудъ, заслуживающій, чтобы о немъ было сказано все возможное въ предѣлахъ, допустимыхъ обычнымъ отзывомъ.

Главное достоинство труда.—Ротмистръ Эдельсхеймъ не забирается въ заоблачную высь, а ходитъ по землѣ, но ходитъ смѣлыми и твердыми шагами, отчего его работа получаетъ чрезвычайно жизненный и смѣло очерченный видъ. Въ ней разбирается весь мирный бытъ конницы, оцѣниваются всѣ условія, дѣлающія конницу у нѣмцевъ современнымъ боевымъ оружіемъ или тому мѣшающія, и рассматривается, какъ нѣмцы думаютъ, и какъ въ дѣйствительности нужно примѣнять конницу на войнѣ. Все это дѣлается на почвѣ *новаго германскаго устава полевой службы 1908 г. и строевого устава для конницы 1909 г.*, благодаря чему читатель и просвѣщается тактически, и прикладнымъ способомъ изучаетъ эти новые уставы.

Другое немалое достоинство,—Ротмистръ Эдельсхеймъ не преклоняется всецѣло передъ уставами только потому, что они уставы, а разбираетъ ихъ съ точки зрѣнія здраво и жизненно понимаемой тактики въ связи съ горячимъ пожеланіемъ родинѣ и родному роду войскъ всякой посильной пользы. Этотъ путь извѣстнаго критическаго отношенія къ уставамъ мнѣ особенно по душѣ, и если вспомнить, что въ Германіи офицеру дѣйствительной службы не такъ-то просто говорить свободно объ уставахъ и вообще о служебныхъ дѣлахъ, то у ротмистра Эдельсхейма окажется и большой завась гражданскаго мужества говорить сильному правду въ глаза.

Третье, что я особенно отмѣчу въ трудѣ, это сравненіе своихъ, германскихъ, взглядовъ и правилъ съ иностранными, причемъ вообще—берутся уставы *враговъ*,—Россіи, Франціи и Англіи, а уставъ друга, Австріи, берется лишь тамъ, гдѣ онъ того заслуживаетъ.

Четвертое достоинство—ровный и спокойный способъ изложенія, разумная и продуманная полнота содержанія и наряду съ тѣмъ сжатость не въ ущербъ ясности. Подлинно, ротмистръ Эдельсхеймъ владѣетъ даромъ говорить мало, но хорошо... Излишнимъ является, развѣ, повтореніе многого изъ предыдущаго въ послѣдней главѣ, но и то лучше сказать хорошо о боевой подготовкѣ конницы два раза, нежели не сказать о ней вовсе или скомкать ее «страха ради іудейска».

Чтобы не быть голословнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не утомить читателей излишними подробностями, передамъ въ сжатомъ видѣ только перечень содержанія книги по главамъ и самыя краткія мои о немъ замѣтки.

Глава первая на 5 страницахъ ставитъ здраво и опредѣленно задачи конницы на войнѣ. Можно соглашаться и не соглашаться съ трудомъ, но отнять вѣрности общаго духа этой главы у него нельзя, и особенно цѣненъ призывъ ротмистромъ Эдельсхеймомъ нѣмцевъ къ совершенствованію своей конницы въ сознаніи еще такъ недавнихъ тяжкихъ ея тактическихъ грѣховъ 1870—71 г.г.

Глава вторая, вооруженіе и снаряженіе,—на 16 страницахъ разсматриваетъ состояніе этого вопроса въ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Съ громаднымъ удовольствіемъ отмѣчаю здѣсь полное совпаденіе взглядовъ труда съ тѣми взглядами, которые я считалъ своимъ долгомъ проводить, гдѣ слѣдуетъ, на основаніи трудовъ нашихъ лучшихъ представителей конницы и собственнаго по вопросу сужденія. Не буду больше возвращаться къ этой сторонѣ дѣла и скажу только, что такихъ совпаденій и впредь будетъ много... Но, конечно, это вовсе не исключаетъ возможности разногласій, гдѣ слѣдуетъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ отмѣчу здѣсь разумное вооруженіе германской конницы новымъ карабиномъ; желаніе ротмистра Эдельсхейма видѣть палашь на всадникѣ, ружье на сѣдлѣ; его-же

стремленіе дать конницѣ штыкъ, его же заботы о болѣе обильномъ снабженіи конницы патронами, и т. п. выполнѣ мной раздѣляемые взгляды. Наоборотъ, не могу раздѣлить уваженія ротмистра Эдельс-хейма къ ружью-пулемету,—этому, въ сущности, ни ружью, ни пулемету,—которымъ вооружились мы, датчане и англичане...

На множествѣ остальныхъ высокопоучительныхъ вещей рѣшительно не могу остановиться, сохраняя предѣлы возможно краткаго отзыва.

Глава третья на 29 страницахъ обсуждаетъ вопросъ *объ устройствѣ конницы*. Чтобы дать правильное представленіе объ этой главѣ, приведу ея подзаголовки. *Недостатки нашего*, т. е. германскаго *устройства*. Дѣленіе конницы. Эскадронъ (тутъ же упоминается и сотня). Полкъ. Бригада. Дивизія конницы. Конные корпуса. Дивизіонная конница. Запасная конница. Конная артилерія. Пулеметы. Придача пѣхоты. Піонеры. Врачебная часть. Средства связи. Обозы и парки. Какъ слѣдствіе—что должна давать изъ себя, въ видѣ боевыхъ соединеній, конница. Передать всего поучительнаго, здѣсь въ 2 строкахъ нельзя. Скажу, что вездѣ приняты здравыя основанія, учтены Наполеоновскіе уроки и хорошія стороны иностраннаго устройства, и единственный, по моему, грѣхъ—малое вниманіе къ самому понятію о самостоятельности конницы въ смыслѣ возможности ей самой и безъ посторонней помощи выполнить любую боевую задачу. Но за то не упущено изъ виду полезное содѣйствіе конницѣ управляемаго воздухоплаванія. Итогъ—впечатлѣніе общее превосходное; многое читатели въ печати найдутъ впервые.

Глава четвертая—ѣзда, — на 53 страницахъ содержитъ ниже-слѣдующіе высокозанимательные вопросы. Качества всадниковъ. То же коней. Чистокровная лошадь. Пополненіе конскаго состава. Кормъ. Конюшенный обиходъ. Ковка. Заразныя болѣзни. Обученіе ѣздѣ. Ёзда офицеровъ. Ёзда унтеръ-офицеровъ. Наставленія по ѣздѣ. Ёзда новобранцевъ. Ёзда новобранцевъ въ иностранныхъ государствахъ. Выѣздка молодыхъ лошадей въ иностранныхъ государствахъ. Выѣздка старыхъ лошадей. Конскія пополненія военнаго времени. Выѣздка и содержаніе лошадей при работѣ мирнаго времени.

Всѣ эти данныя разобраны съ такой любовью, съ такимъ спорывистымъ знаніемъ дѣла, что добавить останется весьма немного, и во всякомъ случаѣ чтеніе этой главы явится для любителя коня и конницы источникомъ истиннаго наслажденія. Здѣсь найдено будетъ все, до средствъ отучать лошадей отъ пугливости и дурныхъ привычекъ, приучать, наоборотъ, ихъ къ хорошему, и т. д.

Проводятся взгляды на посадку, на непривычность германскаго способа садиться на коня, на примѣненіе и размѣры разныхъ ходовъ коня, снова не вездѣ принятые въ уставѣ, на желательность

многихъ измѣненій въ германскихъ выѣздахъ коня и обученіи всадника вообще, на необходимость большей ѣзды въ 4 повода въ частности,—и т. д. Отмѣчу здѣсь только непонятное для меня *несочувствіе къ облегченной рыси при ѣздѣ на мѣстности*.

Слѣдующія 7 страницъ посвящены *главѣ 5-й объ употребленіи холоднаго оружія*. Конечно, это хвалебный гимнъ пикѣ. Въ частности же, подзаголовки слѣдующіе: Бой пикой. Бой палашемъ. Разобрано подробно, спокойно и ясно.

Глава 6-я, первая 25 страницъ, — *обученіе стрѣльбѣ*. Подзаголовки: учебная стрѣльба, боевая стрѣльба, значеніе начальниковъ, стрѣлковъ, цѣпи, управленіе огнемъ, веденіе огневого боя, стрѣльба въ бою, стрѣлковые уставы иностранныхъ конницъ.

Эта глава полна глубокаго тактическаго смысла. Подвижность конницы, исключительность для нея пѣшаго боя, особенности этого послѣдняго,—все очерчено мастерски и совершенно въ наиболѣе сочувствуемомъ мной духѣ. Вторыя 25 страницъ (часть вторая той же главы) отданы на изслѣдованіе *самаго веденія боя конницей въ пѣшемъ строю*. Отъ общихъ основаній, ротмистръ Эдельсгеймъ переходитъ здѣсь къ производству наступленія, къ огневымъ нападеніямъ конницы (съ особенно ярко подчеркнутымъ убожествомъ придержанія до сихъ поръ за залпы), а послѣ того къ оборонительному бою. Всѣ выгодныя стороны труда, отмѣченныя только что выше для этой главы, во второй ея половинѣ выступаютъ еще ярче, давая понятіе о составителѣ, какъ о выдающемся тактикѣ.

Коротенькая *глава 7-я* на 1 страничку говоритъ безусловно вѣрные вещи *объ обученіи пѣшему строю*: только крайне необходимое и въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ.

Глава 8-я, какъ и 6-я, дѣлится на *два части*: *часть уставная* и *часть прикладная, боевая*,—то и другое для *дѣйствій конницы на конѣ*.

Часть I-я рассматриваетъ: мѣсто и поведеніе вождя, способы передачи его воли, примѣненіе ходовъ (алюровъ), уставныя для того данныя и для перестроеній; *эскадронное ученіе*, построенія и производство удара, обученіе мирнаго времени; *полкъ*, построенія, ударъ, обученіе мирнаго времени, *бригадное ученіе*,—обученіе мирнаго времени; *ученіе дивизіи*,—порядокъ обученія мирнаго времени; корпусъ. Наконецъ, разборъ строевыхъ уставовъ иностранныхъ конницъ. Здѣсь много собственныхъ весьма здравыхъ предложеній: о равненіи не въ затылокъ, а между рядами, о 2 шагахъ разстоянія между шеренгами, объ иномъ толкованіи интерваловъ и дистанцій вообще, о предпочтительности колонны по 2 надъ колоной по 4, о примѣненіи взводныхъ «змѣекъ по 2» въ бою, о новомъ размѣщеніи начальниковъ передъ боемъ (на удаленіи меньшемъ, чѣмъ въ уставѣ) и пр.

Въ разборѣ способовъ управленія отдается предпочтеніе для большихъ силъ *приказанію*; приведены поучительныя данныя о примѣненіи французами особыхъ свистковъ, слышныхъ не далѣе 200—300 шаговъ, и т. д.

Вторая часть озаглавлена: *управленіе боемъ на конѣ*. Ея составныя части: вождь, веденіе боя,—общія основанія, бой противъ конницы, бой противъ пѣхоты, бой противъ артилеріи; бой противъ отрядовъ изъ трехъ родовъ войскъ; уставныя положенія иностранныхъ государствъ для боя конницы въ конномъ строю.

Глава 8-я превосходна, безпристрастна, только въ ней я никакъ не могу согласиться съ выгодами нашего двухъ-шереножного строя для разсыпной атаки. Въ общемъ же, болѣе обстоятельный учетъ выгодъ и невыгодъ всѣхъ видовъ боевыхъ построеній конницы, именно съ точки зрѣнія ихъ боевого примѣненія, едва ли гдѣ найдется, и, если вѣрить ротмистру Эдельсхейму въ смыслѣ враждебности къ нѣмцамъ Англіи и въ смыслѣ истолкованія достоинствъ англійскаго устава строевой службы конницы, то за успѣхи германскаго судостроенія не отомстила бы вдругъ англійская конница... Кстати сказать, уставъ для англійской конницы писалъ, повидимому, и едва ли не единолично, даровитый ген. Френчъ...

Добавлю, что ротмистръ Эдельсхеймъ далеко не гладитъ по головкѣ и здѣсь, гдѣ слѣдуетъ, германскаго устава, но онъ отдаетъ ему должное въ томъ, что онъ *первый пошелъ на построеніе полковъ для боя не только въ линіи, но и изъ глубины*. Рядомъ съ тѣмъ, однако, въ трудѣ высказано сожалѣніе по поводу отказа нѣмцевъ, подъ вліяніемъ нашей лавы и французскаго маневра по Наполеоновски,—отъ плотнаго и сильнаго въ первой линіи построенія, державшагося у нихъ со временъ Фридриха...

Необычайно сильно и образно изложено также значеніе вождя, а для него самого—значеніе возраста и надлежащаго состоянія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ.

Изъ частныхъ, наиболѣе совпадающихъ съ моими взглядами, отмѣчу настойчивыя указанія ротмистра Эдельсхейма на вредъ большихъ авангардовъ для конницы и на пользу замѣны ихъ для дивизіи, напр., заставой, силою въ 1 эскадронъ; на полную возможность отказаться отъ заѣздовъ на твердой оси; на необходимость широко учить конницу ночнымъ дѣйствіямъ... Отмѣчу также его совѣтъ ходить походомъ не по 4, а въ колонѣ по 2, изъ которой потомъ и получается такъ просто и легко любое маневренное построеніе конницы. Отмѣтилъ бы еще и многое другое, драгоцѣнное въ тактическомъ смыслѣ для правильнаго боевого примѣненія конницы, но дѣлать все это было равносильно перепискѣ почти всей книги. Поэтому я перейду къ слѣдующей главѣ, особенно посовѣтовавъ любя-

телямъ коннаго дѣла посвятить какъ можно больше вниманія превосходной, какъ я уже сказалъ, главѣ 8 й разбираемаго труда.

Глава 9-я имѣетъ 34 страницы и посвящена *разбору полевой службы конницы по германскому и иностраннымъ уставамъ полевой службы*. При этомъ, для полноты разбора, ротмистръ Эдельсхеймъ начинаетъ съ введенія въ германскій уставъ, а затѣмъ постепенно проводитъ читателя черезъ остальное относящееся къ дѣлу изложеніе устава.

Относительно указаній *введенія въ уставъ* говорится о необходимости еще больше расширить, въ частности, военное образованіе офицеровъ и унтеръ-офицеровъ конницы, освоить ихъ съ иностранными уставами, боевыми приѣмами, языками и пр. Далѣе совѣтуется для конницы выработать навыкъ въ управленіи по преимуществу приказаніями. О доставкѣ донесеній, о необходимости для каждаго послѣдующаго изъ нихъ повторять вкратцѣ содержаніе предыдущихъ—повторяются, въ сущности, превосходныя указанія по этому ген. ф. Альтена, мною своевременно предложенныя въ переводѣ нашему военному обществу.

Самое важное, однако, сужденіе труда о вопросахъ развѣдки, охраненія, походныхъ движеній, расположенія на отдыхъ и пр.

Въ развѣдкѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе гибкое и умѣлое ея толкованіе, не всегда сходное съ уставомъ и покоящееся на оцѣнкѣ условій развѣдки дальней, ближней и боевой. Вездѣ для конницы есть почетное мѣсто—и въ бою, въ частности, особенно примѣнима развѣдка отдѣльными отборными всадниками съ точекъ, дающихъ хорошій обзоръ. Вообще, какъ и прочіе военные писатели въ Германіи, ротмистръ Эдельсхеймъ придаетъ величайшее значеніе владѣнію обзорами,—обстоятельство, которое у насъ въ большинствѣ совершенно упускается изъ виду. Въ общемъ, развѣдка должна быть наступательной, а значить и сильной. Она должна быть способной смести развѣдку противника и должна считать за правило не уклоняться отъ проникновенія внутрь врага, между его отдѣльными колонами и отрядами, а, наоборотъ, искать этого проникновенія.

Для приданія силы развѣдкѣ впередъ идетъ вся конница,—не только армейская, но, за самыми малыми исключеніями, и корпусная, и дивизіонная. Для преодоленія же всюду врага, всего лучше работа развѣдывательными эскадронами, не отказываясь, однако, и отъ отдѣльнаго развѣзда при случаѣ и имѣя сзади, ввидѣ поддержки, *сборныя мѣста для донесеній*, или заставы, силою, примѣрно, въ эскадронъ съ пулеметами. Связь всѣми новѣйшими средствами техники должна окончательно оживить работу этой стройной германской конной развѣдки. Добавлю, что и ближнюю развѣдку совѣтуется также вести развѣдочными эскадронами, *которые вообще считаются пре-*

восходнымъ нововведеніемъ устава. Въ охраненіи походнаго движенія въ трудѣ отстаивается необходимость: подчинить охраняющую конницу начальнику авангарда, а не начальнику конницы; составлять боковыя прикрытія и арьергарды по преимуществу изъ конницы, отказаться отъ авангардовъ для отдѣльно идущей конницы; составлять боковыя прикрытія, въ частности, настолько сильными, чтобы они могли держаться свободно отъ колонны на разстояніи, обезпечивающемъ ее отъ артилерійскаго огня противника.

Громадную поучительность представляютъ сужденія труда о нововведеніи устава—*конной завѣсы*. Общій смыслъ: введеніе завѣсы наступательной—удачно, оборонительной—неудачно, ибо оборона на мѣстѣ—вообще не дѣло конницы. Лучше ей идти впередъ, бить конницу противника, а завѣсу передать нѣхотѣ.

Охраненіе на мѣстѣ конницею справедливо признается наименѣе удачной частью германскаго устава. Въ немъ нѣтъ взаимодѣйствія конницы и пѣхоты, естественно вытекающаго изъ похода, и исполнительная часть вообще очерчена слабо. Въ дальнѣйшемъ съ особымъ удовольствіемъ отмѣчаю согласіе съ давнишней моей мыслью о необходимости для конницы нести непосредственную службу охраненія пѣшкомъ и о крайней нежелательности биваковъ для конницы... Отмѣчу также сужденія о назначеніи и силѣ дозоровъ, въ нашемъ уставѣ болѣе удачныя, чѣмъ у нѣмцевъ. *Въ сужденіяхъ о порядкѣ походныхъ движеній* высказывается тоже много несогласій съ уставомъ, причемъ въ одномъ отношеніи я разойдусь съ трудомъ,—я вижу въ движеніи конницы по разнымъ дорогамъ частями менѣе бригады большія неудобства, въ предвидѣніи боя, по сравненію съ движеніемъ по одной дорогѣ: конница, чтобы вмѣстѣ драться, должна вмѣстѣ и ходить. . Равнымъ образомъ, я ставлю въ недостатокъ труда неуказаніе въ своемъ мѣстѣ, что какъ изъ набѣга, такъ и изъ удара открытой силой на полѣ сраженія, ей всегда выгоднѣе возвращаться *другимъ путемъ*...

По расположенію на отдыхъ въ трудѣ привѣтствуется германское уваженіе къ квартирамъ настолько, что даже совѣтуется отходить, при случаѣ, для лучшаго размѣщенія назадъ. Но многія частности устава не раздѣляются, и вмѣсто нихъ дается рядъ высокополезныхъ указаній изъ личнаго опыта. Особенно цѣнны приемы боя на ночлегахъ въ случаѣ нападенія на нихъ противника.

По прочимъ отдѣламъ устава указывается на слабое развитіе отдѣла о дѣйствительности оружія ¹⁾, на пропускъ морскихъ перевозокъ, особенно важныхъ для изученія именно для конницы... За то признается очень хорошимъ наставленіе *по піонерному дѣлу*, хотя и

¹⁾ Говорится, что въ справочныхъ книжкахъ Ленерта и др. это сдѣлано лучше.

въ немъ указаны нѣкоторые несовершенные приемы, и обращено вниманіе на недостатокъ свѣдѣній о порчѣ орудій, о простѣйшемъ приспособленіи къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ, о выгрузкѣ войскъ по летучимъ сходнямъ, съ жел. дор. и др.

По мирной подготовкѣ къ полевой службѣ высказывается необходимость заниматься ею послѣдовательно и дома, и въ полѣ, начиная съ одиночнаго обученія. Взаимная ловля развѣздовъ при этомъ должна быть изъ обученія выкинута.

За то полезно по русскому образцу завести отличія для лучшихъ развѣдчиковъ.

Глава кончается разборомъ иностранныхъ уставовъ, гдѣ снова лучшимъ является англійскій, а нашему уставу справедливо дѣлается упрекъ въ шаблонности и отсталости, съ непригодностью особенно отдѣла о конныхъ отрядахъ.

Заключительная глава (16 страница) посвящена сводкѣ вопроса о боевомъ примѣненіи конницы для цѣлей войны. Конница прикрываетъ границы, способна лучше другихъ охранять морскіе берега. Она одна способна на набѣги въглубь владѣній и расположенія противника, причемъ для этихъ набѣговъ нужно, однако умѣло выбирать время (начало войны, использование боевого успѣха,—но не время сближенія сторонъ походомъ). Конница несетъ на себѣ главную тяжесть развѣдки, прибѣгая для ея ясности и прочности къ уничтожающему развѣдку противника образу дѣйствій, до боевыхъ столкновѣній большихъ конныхъ соединеній включительно. Здѣсь наиболѣе важно сосредоточеніе всѣхъ наличныхъ силъ конницы. Дальше задача конницы—обрушиваться на отдѣльныя непріятельскія колонны для задержанія или отвлеченія ихъ. Наконецъ, въ бою конница должна думать не объ одномъ давленіи на крылья и тылъ противника, но и о прорывѣ его расположенія лобовыми ударами. *Воодуше Р. Эдельштейнъ* той мнѣнія, что прорыву во всякомъ бою конницы больше мѣста, нежели охвату и обходу. Не думаю, чтобы это было такъ, но нѣмцы этому упорно учатъ свою конницу. Во всякомъ случаѣ, вождю конницы предоставляется рѣшить, бить ли холоднымъ оружіемъ врага во исполненіе полученной задачи, или обрушиться огнемъ на него нападеніемъ. Далѣе, конницу беречь для одного преслѣдованія нецѣлесообразно: ей можетъ принадлежать вѣское слово и въ самомъ бою. Когда же бой рѣшенъ, конница преслѣдуетъ въ голову уходящаго, и здѣсь надо считаться съ тѣмъ, что преслѣдованіе легко можетъ затянуться, по опыту войнъ, на 20—40 верстъ, а то и болѣе... Выручка разбитыхъ войскъ также прямое дѣло конницы.

И если добавить, что всѣ перечисленные задачи—удѣлъ не одной армейской, но и корпусной и дивизіонной конницы, то нельзя не со-

гласиться, что конница на войнѣ имѣетъ неизмѣнно болѣе обширное примѣненіе, нежели прочіе роды войскъ.

Весь трудъ, повторяю, проникнуть самымъ горячимъ желаніемъ блага Родинѣ и любимому роду войскъ. Лучшей оцѣнкой этого стремленія служить заключительныя слова: *„Только критической оцѣнкой достижимы поступательные шаги впередъ, а въдѣ первое же отсутствіе такого шага впередъ есть уже начало движенія назадъ“*...

Богатство содержаній, его продуманность, трезвость и обоснованность тактическихъ сужденій и самостоятельность мышленія дѣлають трудъ положительно событіемъ въ жизни конницы, да и въ военной наукѣ вообще, и я смѣло считаю необходимымъ самое широкое распространеніе труда ротмистра Эдельсхейма въ нашемъ военномъ обществѣ. Работа по переводу и изданію окупится сторицею громадной пользой и для насъ произведенія, полного понятія о которомъ я, конечно здѣсь не дать могъ, ибо для этого, какъ я уже говорилъ, пришлось бы нисать вторую такую же книгу. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, уже и настоящаго бѣглаго очерка достаточно для выясненія сущности и достоинствъ разобранной книги, *глубоко жизненной и смѣло-правдивой*.

Общество ревнителей военныхъ знаній предполагаетъ поставить на очередь рядъ сообщеній по конницѣ въ этомъ году. Было бы крайне полезно не замолчать на этихъ сообщеніяхъ труда ротмистра Эдельсхейма. Но, говоря о немъ, ни я сегодня, ни будущіе докладчики въ обществѣ ревнителей военныхъ знаній, не должны забыть работы въ томъ же направленіи и среди нашей конницы. Много силъ и знанія обнаружено и у насъ въ послѣднее время. Работы Вискупскаго, Панаева, Яфимовича, Матковскаго, М. Свѣчина и пр., работа, быть можетъ, и не вполне совершенная кое въ чемъ, но во всякомъ случаѣ отъ сердца съ прямымъ знаніемъ избраннаго отдѣла,—не можетъ не подкупать самымъ рѣшительнымъ образомъ, и общаетъ намъ самыя лучшіе всходы отъ этихъ многочисленныхъ добрыхъ сѣмянъ...

А. Блчаниновъ.

Обзор иностранных журналовъ.

Въ «Journal des sciences militaires» полковникъ Рукероль разбираетъ устройство береговой обороны. Флотъ можетъ повести противъ береговыхъ укрѣплений правильную атаку—систематичное уничтоженіе огнемъ средствъ защиты, заканчивающееся захватомъ береговыхъ укрѣплений,—можетъ ограничиться бомбардировкой съ большой дистанціи и можетъ нечаяннымъ нападеніемъ — внезапной высадкой небольшого десанта пытаться захватить береговыя батареи.

Рукероль, признавая все неудобство для флота боя съ берегомъ, все же требуетъ, чтобы на приморскомъ фронтѣ имѣлись батареи по числу броненосцевъ непріятельской эскадры, которая могла бы атаковать крѣпость. Хотя Рукероль допускаетъ принимать къ счету и батареи средняго калибра, мнѣ кажется, это требованіе чрезмѣрное. Соображеніе Рукероля, что если батарей будетъ меньше, чѣмъ судовъ, то часть флота, не вступающая въ борьбу съ береговыми батареями, можетъ прерваться къ входу въ портъ и т. д.—это шаблонъ, едва-ли выдерживающій критику.

Неуспѣхъ береговой крѣпости возможенъ только въ томъ случаѣ, если она застигнута въ періодъ мобилизаціи. Особую важность поэтому имѣетъ вопросъ о мобилизаціи береговой крѣпости.

Что касается до бомбардировки, то нужно имѣть въ виду, что только десятая часть площади, занятой городами, застроена. Промановъ будетъ гораздо больше, чѣмъ попаданій. Боевой комплектъ англійскаго флота составляетъ всего 75 выстрѣловъ на 12-дюймовую пушку и 150—на 6-дюймовую. Въ такихъ условіяхъ роскошь бомбардировки позволять себѣ нельзя.

На берегу можно обходиться съ пушками, имѣющими дальность только въ 9—10 верстъ. Въ Средиземномъ морѣ, благодаря прозрачности воздуха, выгодно располагать и тяжелыя орудія, бьющія на 15 километровъ, какъ и морскія. Въ такомъ случаѣ нужны вышки высотой по крайней мѣрѣ въ 50 метровъ. Иначе нельзя руководить огнемъ. Въ туманахъ Ла-Манша такія пушки принесутъ мало пользы, такъ какъ далѣе 5—6 верстъ обыкновенно не видно. Вѣроятно, 12-дюймовыя пушки не соотвѣтствуютъ и климатическимъ условіямъ Финскаго залива.

Противъ нечаяннаго нападенія каждая батарея должна имѣть сомкнутый ровъ съ рѣшеткой обводъ.

Рукероль отмѣчаетъ нежелательное явленіе: партикуляризмъ разныхъ специальностей артилерійской службы—полевой, осадной, береговой, морской. Всѣ артилеристы исповѣдываютъ одно искусство—стрѣльбу изъ пушекъ. Партикуляризмъ же зашелъ настолько далеко,

что разные артилеріи говорят разнымъ артилерійскимъ языкомъ; тѣ же слова получаютъ различное значеніе. Рукероль указываетъ на необходимость извѣстнаго согласованія, на желательность редактированія различныхъ уставовъ и наставленій комиссіей изъ представителей различныхъ артилерій. Счастливый авторъ, вѣроятно, совершенно не освѣдомленъ, что такое парикюляризмъ конной артилеріи. Или его во французской арміи не существуетъ?

Рукероль приглашаетъ принять мужественное рѣшеніе и упразднить тѣ устарѣвшія береговыя укрѣпленія, которыя, въ сущности, никого не прикрываютъ, совершенно безсильны, вводятъ только въ заблужденіе общественное мнѣніе, а во время войны могутъ привлечь на обезпечиваемый имъ пунктъ побережья грозу: непріятеля могутъ соблазнить дешевыя лавры.

Полковникъ Сень-Шапель даетъ яркую картину годности туземцевъ Африки къ службѣ подѣ французскими знаменами. Вначалѣ прибѣгали къ перемѣшиванію французовъ и туземцевъ въ полкахъ зуавовъ и африканскихъ стрѣлковъ, но затѣмъ туземцы были выдѣлены въ особые части алжирскихъ стрѣлковъ и спаговъ.

Необходимость тѣсной связи трехъ родовъ оружія при операціяхъ противъ туземцевъ повели къ организаціи въ 1902 году роты «оазисовъ Сахары» изъ трехъ родовъ оружія. Ротѣ стрѣлковъ придавался взводъ кавалеріи и артилеріи и обозное отдѣленіе. Составъ такой, смѣшанной изъ европейцевъ и туземцевъ, роты достигалъ 336 строевыхъ нижн. чин., 43 лошадей, 102 верблюдовъ, 6 муловъ и 52 еще какихъ то животныхъ. Для такой роты нуженъ ротный командиръ большого опыта.

Но особенное искусство необходимо для командованія сенагальскими стрѣлками, комплектуемыми исключительно неграми. Каждый негръ-солдатъ имѣетъ нѣсколько женъ; рота—это цѣлое племя. При дальнихъ экспедиціяхъ—напримѣръ, въ Алжиръ, или Мадагаскаръ, вмѣстѣ съ ротой, на казенный счетъ слѣдуютъ и многочисленныя семейства. На ротнаго командира негры переносятъ тотъ авторитетъ, которымъ пользуются у нихъ вожди племенъ; ротный командиръ долженъ быть вполне отцемъ-командиромъ и разбираться во всѣхъ происшествіяхъ домашней жизни.

Негръ, по своей неграмотности, не годится для службы около орудій; но пѣхотинцы, кавалеристы, саперы, ѣздовые и обозные изъ негровъ выходятъ прекрасные.

Негры выдѣляются своей вѣрностью и дерутся прекрасно даже тогда, когда экспедиція направлена противъ ихъ племени. Эти достоинства присущи сенагальскимъ племенамъ и не распространяются на бывшихъ рабовъ.

Они страшно выносливы и совершаютъ подъ тропиками переходы въ 50 и даже 70 верстъ. Что удивительно, это легкость ихъ обученія: первобытные люди очень легко перенимаютъ, очень легко дрессируются. Превосходно примѣняются они въ цѣпи къ мѣстности; въ нихъ совершенно нѣтъ той близорукости, той неловкости въ полѣ, которыя такъ свойственны городскимъ жителямъ.

Въ бою они держатся превосходно; раненый въ грудь, безъ малѣйшаго крика, подходитъ къ ротному командиру, беретъ на караулъ, докладываетъ о ранѣ, опускаетъ ружье къ ногѣ и ожидаетъ перевязки.

Попытка ввести воинскую повинность не имѣла успѣха; теперь отпускаютъ на побывку унтеръ-офицеровъ туземцевъ, и они возвращаются съ ремонтомъ здоровыхъ молодыхъ негровъ, которые потомъ остаются на сверхсрочную службу.

У бѣдной рожденіями Франціи аппетитъ на кровь варваровъ разгорается съ каждымъ днемъ.

Капитанъ Густавъ Конье, съ нѣкоторыми идеями котораго читатели обзоровъ «Воен. Сборн.» уже познакомились, пытался развернуть основы воспитанія демократической арміи. Отпоръ даетъ ему италіанскій капитанъ Октавъ Зоппи. Армію, изъ суровой школы воспитанія солдата, хотятъ обратить въ какое то учрежденіе, гонящееся за популярностью, будто бы дѣло военныхъ—вербовать себѣ кліентовъ. Вмѣсто старыхъ идеаловъ вводятъ какой то демократическій *снобизмъ*, хорошій тонъ демократіи, хотя армія, по существу своему, не можетъ быть устроена согласно демократическимъ принципамъ.

Этотъ *снобизмъ* заключается въ оппозиціи, въ стремленіи уничтожить все, что могло бы увеличить авторитетъ начальника. Демократія стремится измѣнить характеръ начальника: вмѣсто требованія, вмѣсто повелѣнія, грозной воли, которой все должно быть послушно, которая вправѣ даже на сверхчеловѣческія усилія подчиненныхъ, демократія выдвигаетъ типъ начальника, предлагающаго, просящаго, распредѣляющаго работу.

Италіанскій офицеръ протестуетъ противъ модного пути, который ведетъ къ вырожденію дисциплины. Не со слезами или улыбками ведутъ людей; нельзя выманивать у подчиненныхъ то, что составляетъ ихъ долгъ. Не лестью воспитывается духъ баталіоновъ, которымъ предстоитъ тяжелая и героическая задача въ бою.

Бурскій генералъ Деветъ безъ жалости разрушаетъ иллюзіи объ этой медовой дисциплинѣ, съ которой теперь такъ носятся. Во мно-

гихъ случаяхъ въ бою онъ оказывался безсильнымъ надъ импровизованными частями, которымъ не хватало болѣе суровой связи.

Что такое моральный элементъ? Поднять моральный элементъ, на языкѣ многихъ, это значить позволить каждому дѣлать, что ему нравится. «Вы этого отъ меня требуете, хорошо, но мой моральный элементъ падаетъ. Если хотите, чтобы онъ поднялся, откажитесь отъ вашихъ требованій».

У солдата надо воспитывать и развивать національныя способности и энергію, но нужна твердая школа, нужна прочная дисциплина. Если иные солдаты и переживутъ горькія минуты, это не погубитъ ихъ человѣческое достоинство; наоборотъ, это закалитъ ихъ, воспитаеь болѣе сильный духъ.

Моральный элементъ, моральное торжество надъ противникомъ — это сознаніе своего превосходства. Поднять моральный элементъ арміи значить вселить въ нее сознаніе ея превосходства. Когда съ этимъ согласится и противникъ, онъ будетъ побѣжденъ. Такой моральный элементъ побѣдителя создается не демократическимъ режимомъ, а сознаніемъ лучшаго обученія, сознаніемъ превосходства нашей техники.

Недовѣріе къ своему вооруженію, къ своему искусству, шатаніе мыслей въ политическомъ и социальномъ отношеніи—все это подрѣжетъ совершенно работу офицера-воспитателя.

Руководство парками и вообще всей службой питанія боевыми припасами ложится на войнѣ преимущественно на офицеровъ запаса, и, быть можетъ, это объясняетъ, почему этой важной службой такъ мало интересуются въ мирное время. Взятый за исслѣдованіе этого вопроса офицеръ запаса приходитъ къ тремъ выводамъ: 1) при каждой дивизіи и корпусѣ надо имѣть офицера для руководства службой питанія боевыми припасами; 2) при отсутствіи приказаній колонны съ боевыми припасами должны не останавливаться, а продолжать двигаться къ полю сраженія; 3) подвозъ патроновъ двуколками въ стрѣлковую цѣпь нынѣ невозможенъ; патроны придется приносить; патронныя двуколки должны не бездѣйствовать во время боя, а выгрузить немедленно по развертываніи полка свои запасы, и отправиться въ тылъ, за новыми патронами.

Маіоръ Морель написалъ прекрасную статью: «идейные итоги полевой артилеріи». Современная 75-миллиметровая пушка находится на вооруженіи во Франціи уже 12 лѣтъ. За этотъ срокъ французы

составили о боевомъ ея употребленіи опредѣленное тактическое представленіе, и Морель излагаетъ его и кратко, и отчетливо. Почему отказались отъ артилерійской дуэли, на которой настаивало наставленіе 1886 г., почему является нынѣ необходимымъ раздѣленіе артилеріи на пѣхотныя батареи и на контръ-батареи, почему теперь артилерія отказывается отъ сосредоточенія усилій во времени и въ пространствѣ, почему теперь возможно употреблять артилерію малыми частями—всѣ эти вопросы представляютъ большой интересъ. Основная идея—разсосредоточеніе. Артилерійская дуэль — это столкновение двухъ скаль, которое даетъ искры, но не приводитъ ни къ какому рѣшенію. Принципъ экономіи силъ, принципъ сохраненія резервовъ распространяется и на артилерію. Артилерія нейтрализуетъ, но не убиваетъ; съ прекращеніемъ огня спрятавшаяся пѣхота оживаетъ; нѣсколько удачныхъ снарядовъ быть можетъ и попадутъ случайно куда надо,—но правильный огонь можетъ поддерживаться только при самой тѣсной связи съ пѣхотой.

Новыя идеи употребленія полевой артилеріи выдвигаютъ значеніе частныхъ дѣйствій, выдвигаютъ значеніе оберъ-офицерской работы.

На опредѣленномъ участкѣ одна батарея (авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду только шрапнель) можетъ добиться максимальнаго дѣйствія, и сосредоточеніе огня еще нѣсколькихъ батарей на тотъ же узкій фронтъ *не увеличитъ* дѣйствія огня.

Огонь ураганомъ, или полное молчаніе; нѣтъ медленнаго огня. Или полный разстрѣлъ, или только нейтрализація, безъ потерь. Если артилерія теперь и не всегда убиваетъ, она поддерживаетъ руки, которыя убиваютъ.

Не часто встрѣтишь въ нашъ вѣкъ, когда говорятъ, что все надо начинать съ развѣдки, такую статью, которую напечаталъ анонимный ротмистръ въ «Revue militaire générale» подъ заглавіемъ «За-чѣмъ развѣдка»? Эта статья особенно примѣчательна потому, что она строго логично истекаетъ изъ положеній французской военной доктрины. Капитанъ Р. рѣшилъ договорить то, что не рѣшались высказать другіе французскіе писатели.

Ходъ мысли автора слѣдующій: органъ охраненія обязанъ не только охранять, но и развѣдывать. Къ чему же организовать особыя самостоятельныя кавалерійскія дивизіи для самостоятельной развѣдки. Развѣдка Наполеона велась конницей авангарда. Къ этому рѣшенію предлагается возвратиться. Даже если развѣдка самостоятельной конницей и возможна, она ни дастъ полезныхъ свѣдѣній, такъ какъ этими свѣдѣніями нельзя сейчасъ же воспользоваться. Раз-

вѣдка во всѣхъ случаяхъ имѣетъ характеръ усиленной рекогносцировки, примѣненія силы, и какъ бы слаба не была она въ началѣ, нужно быть готовымъ развить ее до полного напряженія всѣхъ силъ. Если послѣ развѣдки не предполагается вступить сейчасъ же въ бой—это ударъ шпагой въ воду, излишнее безпокойство, излишнія потери—шагъ къ пораженію.

Развѣдываютъ цѣлой арміей, говорилъ Бюжо. Нѣтъ развѣдки внѣ района дѣйствій авангардовъ.

Массы конницы, называемыя нынѣ самостоятельной конницей, раньше всегда назывались резервной конницей. Вслѣдствіе боязни пассивности, отъ этого названія отказались. По существу, кавалерійскія дивизіи и теперь являются резервомъ въ рукахъ старшаго начальника, и только въ видѣ резерва и могутъ оправдать свое существованіе.

Это писать кавалеристъ; онъ стремится къ тѣсному общенію съ другими родами оружія, и находитъ, что мысль о самостоятельной развѣдкѣ мѣшаетъ этому сближенію конницы.

Въ дѣятельность конницы передъ фронтомъ онъ не вѣритъ. Даже если непріятельская конница и выдвинулась безъ поддержки другихъ родовъ оружія, даже если бы удалось ее опрокинуть, конница наткнется на аванпосты и за нихъ не проникнетъ.

Непріятельскіе фланги, тылъ? . Миѳическія слова, сказочные районы! Нужны крылья за плечами, чтобы донестись до нихъ, разъ передъ нами охраненіе арміи.

Это отрицаніе самостоятельной конницы, повторяю, чрезвычайно характерно для французской доктрины.

«Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine», въ очень обстоятельной статьѣ освѣщаетъ большіе французскіе маневры. Тогда какъ о маневрахъ 1908 года было сказано много рѣзкаго, въ особенности о расштанной дисциплинѣ въ арміи, о маневрахъ 1909 приходится читать только хорошее. За послѣдній годъ французская армія, повидимому, сильно подтянулась, и самые придирчивые нѣмцы находятъ дисциплину на походѣ и при расположеніи по квартирамъ удовлетворительной. Заключение солиднаго нѣмецкаго журнала сводится къ тому, что французская армія, за исключеніемъ высшаго командованія и управленія значительными кавалерійскими массами, представляетъ серьезнаго, первокласснаго противника.

Очень хвалятъ альпійскіе баталіоны, образованные изъ энергичныхъ, втянутыхъ въ движенія, обученныхъ, дисциплинированныхъ солдатъ. Тактическое значеніе высотъ такъ воспринято этими отбор-

ными (по обученію) частями, что онѣ и на маневрахъ, происходившихъ на пересѣченной мѣстности, все время выскакивали изъ долинъ на окаймляющія холмы, что дало основаніе французскому главнокомандующему сосчитать о томъ, что альпійскіе баталіоны одержимы маніей восхожденія на горы и не могутъ хладнокровно видѣть ни одной возвышенности, не забравшись на нее.

Въ «Kriegstechnische Zeitschrift» Ставенгагенъ даетъ короткій очеркъ электрическихъ желѣзныхъ дорогъ. Выгоды электрической тяги сводятся къ тому, что моторы могутъ быть распределены во всѣхъ вагонахъ. Давленіе на рельсы будетъ раскладываться на всю длину поѣзда, и потому путь будетъ болѣе сохраняться. Такъ какъ на тянущіе колеса будетъ распределена вся тяжесть поѣзда, явится возможность брать болѣе крутые уклоны. Электро-моторы гораздо легче наровыхъ двигателей.

Нѣтъ дыма и пара, такъ непріятныхъ для путешественниковъ, въ особенности тамъ, гдѣ много туннелей.

Вмѣсто силы пара, можно воспользоваться дешевой энергіей водопадовъ, что важно для гористыхъ странъ. Даже если динамо-машины будутъ приводиться въ движеніе паровыми двигателями, получится экономія въ топливѣ, такъ какъ постоянный двигатель работаетъ экономнѣе паровоза, и не пропадаетъ энергія при остановкахъ на станціяхъ.

Скорость движенія легко увеличивается до 150 и даже до 200 километровъ въ часъ; поѣздъ двигается плавнѣе, вѣроятность схода съ рельсъ уменьшается. Тормоза можно дѣлать сильнѣе. Служба тяги сильно упрощается. Нѣсколько поѣздовъ можно составлять въ одинъ, такъ какъ каждый вагонъ тянетъ себя самъ. Если въ хвостѣ будетъ вагонъ съ отдѣленіемъ для поѣздовожатаго, можно безъ пересоставленія поѣзда двигаться въ обратномъ направленіи. Поѣздъ всегда готовъ къ движенію—не надо разводить паровъ. Вести его очень легко.

Въ военномъ отношеніи важно увеличеніе состава поѣзда, большая вѣрность движенія, большая скорость, большая пропускная способность. Разрушить электрическую желѣзную дорогу легче—достаточно оборвать провода, или разрушить источникъ энергіи. Придется имѣть особые электровозы съ аккумуляторной тягой, или передвижныя станціи электрической энергіи.

А. С . . . инъ.

«Journal of the Royal United Service Institution». Сентябрь, октябрь 1909 г.

Сентябрьскій номеръ журнала Лондонскаго военнаго общества почти цѣликомъ посвященъ историческимъ воспоминаніямъ. «Экспедиція въ Сицилію въ 1718 году», «Райдъ французовъ въ Ирландіи въ 1798 году», «Война на Пиринейскомъ полуостровѣ въ 1808—1814 гг.» и т. п.

Нѣкоторый интересъ представляетъ переведенная (въ сокращенномъ видѣ), по распоряженію генеральнаго штаба, статья японскаго офицера. Заглавіе ея: «Примѣненіе уроковъ русско-японской войны къ обученію пѣхоты».

Статья носить конспективный характеръ, и самъ авторъ извиняется за ея краткость и сухость языка, оправдываясь тѣмъ, что «состоя на дѣйствительной службѣ, онъ не имѣлъ времени пересмотрѣть и исправить свою работу».

Весь трудъ раздѣляется на 4 главы: 1—Цѣль военнаго обученія; 2—Военное воспитаніе; 3—Главнѣйшія отрасли боевой подготовки; 4—Заключительные выводы.

Приводимъ наиболѣе характерныя выдержки изъ него.

«Главная обязанность солдата заключается въ безпрекословномъ исполненіи приказаній начальниковъ, дабы каждая войсковая часть могла дѣйствовать какъ одинъ человѣкъ».

«Подготовка нашей арміи имѣетъ въ виду не только развитіе характера и воинственнаго духа солдата, но также и его физическихъ способностей».

«Отличительной чертой характера солдата должна быть честность. Онъ долженъ быть вѣжливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безстрашнымъ».

«Рота составляетъ въ арміи боевую единицу. Ротный командиръ исполнѣ отвѣчаетъ за подготовку своихъ людей. Ежедневная програма занятій въ ротѣ должна быть построена на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) «Наблюденіе надъ характеромъ людей.
- 2) «Осмотръ обмундированія, оружія и снаряженія.
- 3) «Внѣдреніе въ умы людей, что ихъ жизнь является собственностью императора.

- 4) «Выработка въ нихъ привычки сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ и исполнять ихъ не за страхъ, а за совесть».

«Ротный командиръ долженъ быть совершенно безпристрастенъ, избѣгать употребленія грубыхъ выраженій и не допускать и тѣни фамильярности въ обращеніи съ подчиненными».

«Подготовка къ войнѣ заключается въ трехъ главныхъ отрасляхъ: 1) изученіе военныхъ наукъ; 2) развитіе моральныхъ качествъ; 3) физическое развитіе».

Вотъ какъ долженъ вести себя солдатъ.

«Солдатъ долженъ знать исторію своего полка. Онъ долженъ слушаться старшихъ, не только въ своемъ полку, но и въ цѣлой арміи. Онъ никогда не долженъ заставлять повторять отданнаго ему приказанія. Онъ долженъ воспитывать въ себѣ духъ патріотизма и самоувѣренности, но въ то же время быть скромнымъ и самоотверженнымъ. Онъ долженъ всегда сознавать, что стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше любого врага. Онъ долженъ помнить, что наступленіе, веденное осмотрительно, всегда лучше обороны. Онъ долженъ приучиться думать самъ о себѣ и быть воздержаннымъ. Онъ долженъ говорить правду начальникамъ. Онъ долженъ помнить, что его тѣло принадлежитъ государству и потому беречь свое здоровье. Не хорошо отлынивать отъ своихъ обязанностей, когда глазъ начальника не впадить тебя».

Въ октябрьской книжкѣ обращаетъ на себя вниманіе статья маіора Гринли (W. H. Greenly) «Кавалерія Фридриха Великаго; ея обученіе и употребленіе на войнѣ».

Авторъ даетъ краткій очеркъ состоянія кавалерійскаго дѣла въ прусской арміи до вступленія на престолъ героя Семилѣтней войны и затѣмъ знакомить читателей съ тѣми реформами, которыя провелъ въ этомъ дѣлѣ король Фридрихъ и которыя подняли прусскую кавалерію до высоты Россбаха и Цорндорфа.

Главное вниманіе преобразователемъ было обращено на индивидуальное обученіе всадника и лошади. Какъ боеспособность крупныхъ единицъ зависитъ отъ степени подготовки эскадроновъ, точно также и эскадронъ можетъ достигнуть должнаго уровня боевой готовности лишь послѣ тщательнаго одиночнаго обученія каждого всадника и каждого коня, входящаго въ его составъ. «Въ кавалеріи какъ люди, такъ и лошади должны быть обучены поодиночкѣ»—это были слова Фридриха. «Офицеры, говорилъ онъ, должны слѣдить, чтобы люди постоянно упражнялись въ ѣздѣ и въ совершенствѣ усвоили бы себѣ тайну управленія конемъ». Онъ считалъ потерянными для кавалериста тотъ день, въ теченіе котораго онъ ни разу не ѣздилъ своего коня.

Что касается до обученія цѣлыхъ частей дѣйствіямъ въ конномъ строю, то въ этомъ отношеніи Фридрихъ ввелъ совершенно новые приемы; главное вниманіе онъ обращалъ на подвижность и быстроту, соединенныя съ точностью движеній и плотностью строя.

Другимъ требованіемъ короля было постоянное упражненіе кавалерійскихъ частей въ «сборѣ». Это практиковалось ежедневно и на всякой мѣстности. При этомъ не обращалось вниманіе на то, чтобы люди попадали непременно на свои мѣста. Важно было лишь, чтобы часть собралась возможно скорѣе. Разрѣшалось даже попадать въ чужіе взводы, лишь бы эскадронъ собрался поскорѣе и былъ бы снова въ состояніи атаковать.

Во время своихъ смотровъ, Фридрихъ обращалъ особое вниманіе на то, чтобы кавалерія могла дѣйствовать на всякой мѣстности. Онъ часто становился на томъ мѣстѣ, откуда производилъ смотръ и приказывалъ крупнымъ кавалерійскимъ частямъ атаковать въ этомъ направленіи. При этомъ онъ весьма строго порицалъ тѣ эскадроны, которые, вслѣдствіе неровностей мѣстности, теряли стройность движеній и разрывались.

Онъ требовалъ, чтобы «кирасиры и драгуны были бы также искусны и легки какъ гусары», и чтобы «гусары атаковали такою же плотной массой, какъ тяжелая кавалерія».

Этого результата онъ, какъ извѣстно, добился и нисколько не въ ущербъ индивидуальнымъ свойствамъ каждаго рода кавалеріи.

Авторъ кончаетъ пожеланіями, чтобы современная конница продолжала слѣдовать завѣтамъ великаго учителя.

Journal of the United Service Institution of India. Октябрь 1909.

Третья книжка журнала Индійскаго военнаго общества менѣе содержательна, чѣмъ первыя двѣ. Капитанъ Кинъ въ лекціи, прочитанной въ обществѣ, коснулся значенія и организаціи пулеметовъ. Данными служилъ опытъ южно-африканской и русско-японской войнъ. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) «Включеніе пулеметовъ въ вооруженіе современныхъ армій вполне оправдывается ихъ значеніемъ въ бою.

2) «На пулеметы слѣдуетъ, при всякихъ обстоятельствахъ, смотрѣть, какъ на вспомогательное средство для пріобрѣтенія перевѣса въ огнѣ.

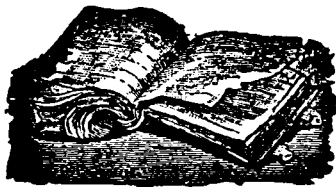
3) «Какъ при атакѣ, такъ и при оборонѣ пулеметы слѣдуетъ держать подъ рукой и пользоваться ими въ рѣшительный моментъ.

4) «Пулеметы слѣдуетъ употреблять группами. Одиночное употребленіе этого оружія врядъ ли можетъ быть полезно» и т. д.

Какъ видимъ—мысли, не отличающіяся новизной.

Лекторъ приводитъ организацію пулеметныхъ командъ въ русской, германской и японской арміяхъ.

Другія статьи представляютъ мало интереса съ военной точки зрѣнія, почему мы ограничиваемся ихъ перечисленіемъ: «Французы въ Индіи», «Исторія реформъ въ Персіи», «Багдадская желѣзная дорога» и т. п.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Объединеніе вооруженныхъ силъ Великобританіи и устройство имперской государственной обороны.

Окончаніе ¹⁾.

Англо-индійская армія.—Реорганизаціонная дѣятельность въ Индіи генерала Китченера и достигнутые имъ результаты.—Современный составъ сухопутныхъ силъ Индіи.—Военное устройство Австраліи.—Контингенты Канады, Н. Зеландіи и южной Африки.—Англійскія войска, находящіеся въ колоніяхъ.—Туземныя колоніальныя части.—Египетскія войска,—Заключеніе.

Вторую группу объединенныхъ сухопутныхъ силъ Великобританіи образуетъ *Англо-индійская армія*.

За послѣднее время въ устройствѣ этой арміи достигнуты, по общему мнѣнію, значительные успѣхи, благодаря выдающейся энергіи, широкимъ взглядамъ и организаторскому таланту виконта Китченера Хартумскаго, занимавшаго въ теченіе пяти лѣтъ постъ главнокомандующаго англо-индійской арміей. Первымъ крупнымъ дѣломъ виконта Китченера въ Индіи была реформа въ устройствѣ мѣстнаго высшаго военнаго управленія. Не смотря на сопротивленіе бывшаго вице-короля, лорда Керзона, генераль Китченеръ настоялъ на независимости военнаго управленія отъ гражданскаго. Лордъ Керзонъ покинулъ Индію, обязанности военнаго министра, исполнявшіяся до тѣхъ поръ военнымъ членомъ совѣта вице-короля, перешли къ директору вновь учреждаемаго департамента, служащаго вспомогательнымъ органомъ главнокомандующаго, и права вице-короля и главнокомандующаго были регулированы такимъ образомъ, что на этого послѣдняго была возложена вся отвѣтственность за боеготовность арміи, за ея организацію, обученіе и снабженіе, а вице-королю совмѣстно съ министромъ финансовъ предоставлено лишь право общаго административно-техническаго контроля. Борьба генерала Китче-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» 1909 г. № 11.

нера съ лордомъ Керзономъ весьма занимала одно время англійское общественное мнѣніе, и отголоски этой борьбы слышатся до сихъ поръ. Еще лѣтомъ текущаго года нѣкоторые пары высказывали въ палатѣ, что система, введенная въ 1905 г., во всѣхъ отношеніяхъ достойна осужденія, и что подъ тяжестью правъ и обязанностей, возложенныхъ на главнокомандующаго въ Индіи, можетъ устоять только такой человѣкъ, какимъ былъ Наполеонъ І.

Однако, виконтъ Китченеръ несъ эту тяжесть въ теченіе четырехъ лѣтъ, по общей оцѣнкѣ безпристрастныхъ людей, съ большимъ успѣхомъ. Въ 1907 г. истекъ законный срокъ его полномочій, но онъ въ видѣ исключенія былъ оставленъ въ Индіи еще на два года. Имѣя руки развязанными, онъ сталъ выполнять составленный имъ планъ преобразованій быстрѣе и послѣдовательнѣе. Прежде всего онъ провелъ рѣзкія грани между военно-административной, организационной и учебной сторонами устройства арміи, а затѣмъ кореннымъ образомъ измѣнилъ существовавшую группировку войскъ въ высшія тактическія единицы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда во главѣ англо-индійской арміи былъ поставленъ генералъ Робертсъ, она была совершенно лишена единства. Бомбейскія, бенгальскія, мадрасскія и ненджабскія войска представляли вполнѣ замкнутыя группы, во всѣхъ отношеніяхъ отличавшіяся одна отъ другой; управленіе, вооруженіе, снаряженіе, обученіе, внутренній строй — все было у нихъ различное. вмѣстѣ съ тѣмъ тактическая организація этихъ группъ находилась въ зачаточномъ состояніи; высшей организационной единицей была бригада. Преобразованія, сдѣланныя лордомъ Робертсомъ, нѣсколько улучшили это устарѣвшее устройство, но лишь незначительно. Генералъ Китченеръ, напротивъ, совершенно разрушилъ его и замѣнилъ новымъ. Въ началѣ онъ остановился на сформированіи трехъ армейскихъ корпусовъ, имѣющихъ одинаковую организацію, вооруженіе и обученіе, а затѣмъ, въ 1907 г., когда безнорядки на афганской границѣ потребовали прочной военной охраны сѣверныхъ округовъ страны, были образованы двѣ арміи: сѣверная и южная, каждая въ составѣ пяти дивизій; кромѣ того, сѣверной арміи были приданы три отдѣльныхъ пограничныхъ бригады. Въ связи съ принятіемъ новой тактической организаціи находится измѣненіе дислокаціи войскъ, которыя размѣщены по главнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, благодаря чему каждый экспедиционный корпусъ, составъ котораго опредѣлялся въ общихъ чертахъ уже въ мирное время, могъ быть двинутъ безъ замедленія въ угрожаемую часть страны. Что касается состава армій, то генералъ Китченеръ основывалъ свои расчеты не на количествѣ войскъ, а на ихъ качествахъ и на подвижности. Нѣкоторые пѣхотные полки, комплектуемые мало пригодными къ военной службѣ индусскими племенами, были упразднены, а вмѣсто нихъ сформированы новые изъ

воинственныхъ племенъ Индостана. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій главнокомандующій обратилъ вниманіе на развитіе рельсовой сѣти страны и настаивалъ на постройкѣ новыхъ линій, ведущихъ къ границамъ, для возможнаго улучшенія условій перевозокъ войскъ по сосредоточенію.

Согласно финансовой смѣтѣ англійскаго военнаго вѣдомства на 1908—1909 гг., къ составу англо-идійской арміи принадлежатъ слѣдующія англійскія регулярныя войсковыя части: 52 баталіона пѣхоты, 9 полковъ кавалеріи, 11 конныхъ, 45 ѣздящихъ и 8 горныхъ батарей, 28 крѣпостныхъ артилерійскихъ ротъ и извѣстное число чиновъ вспомогательнаго назначенія, общей численностью въ 76,155 человекъ (въ томъ числѣ 3,121 офицеръ), 18,800 лошадей, не считая офицерскихъ, и 408 полевыхъ орудій. Регулярныя туземныя войска состоятъ изъ слѣдующихъ частей: 139 пѣхотныхъ баталіоновъ, 39 кавалерійскихъ полковъ, 12 горныхъ батарей, 1 роты крѣпостной артилеріи, 28 піонерныхъ ротъ, 11 санитарныхъ ротъ и 11 ротъ для уборки съ полей сраженія больныхъ и раненыхъ. Штатная численность этой категоріи войскъ—9,370 офицеровъ, 153,000 нижнихъ чиновъ, 23,200 лошадей и 84 ѣздящихъ орудій.

Войска эти, какъ сказано, сведены въ двѣ арміи: сѣверную и южную. Во главѣ каждой арміи находится командующій арміею съ соответствующимъ штабомъ; на командующихъ арміями лежитъ отвѣтственность за однообразное обученіе войскъ, за ихъ дисциплину, за боевую годность и мобилизаціонную готовность. Арміи состоятъ изъ дивизій и отдѣльных бригадъ; на начальниковъ и командировъ этихъ организаціонныхъ единицъ возложена отвѣтственность передъ командующими арміями не только за строевую, но и за хозяйственную часть ввѣренныхъ имъ войскъ. Организація дивизій и отдѣльных бригадъ установлена съ такимъ расчетомъ, чтобы каждая изъ нихъ была въ постоянной готовности, въ качествѣ вполнѣ самостоятельной тактической единицы, къ переходу съ мирнаго на военное положеніе и къ выступленію въ походъ, при чемъ они должны оставлять въ своихъ территоріальныхъ округахъ достаточное количество гарнизонныхъ войскъ для поддержанія порядка и спокойствія въ странѣ.

Сѣверную армію образуютъ пять дивизій и три отдѣльных бригады. Управление арміи въ Наини-Таль, а лѣтомъ въ Мурѣ, 1-я дивизія (Пешаверь) имѣетъ двѣ пѣхотныхъ и кавалерійскую бригады; 2-я дивизія (Раваль-Пинди)—четыре пѣхотныхъ бригады; 3-я (Лагоръ)—три пѣхотныхъ и кавалерійскую бригады; 7-я (Мирутъ)—двѣ пѣхотныхъ и кавалерійскую бригады, 8-я (Лукновъ)—пять пѣхотныхъ бригадъ. Отдѣльныя пограничныя бригады расквартированы въ Когатъ, Банну и Дерапатъ и носятъ названія тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ онѣ квартируютъ.

Въ началѣ текущаго года въ сѣверной арміи насчитывалось: 29 англійскихъ и 73 туземныхъ, всего 102 баталіона; 5 англійскихъ и 23 туземныхъ, всего 28 кавалерійскихъ полковъ; 34 англійскихъ и 6 туземныхъ, всего 40 батарей полевой артилеріи; и 14 англійскихъ и 1 туземная, всего 15 ротъ крѣпостной артилеріи. Арміи присвоена слѣдующая штатная численность: 41,464 чел. англійскихъ войскъ, не считая туземнаго обоза, и 88,960 чел. туземныхъ войскъ, итого 130,424 чел.

Южную армію образуютъ пять дивизій и отдѣльная бригада. Управление арміи помѣщалось въ Пунѣ, но рѣшено было перевести его въ Отакампудѣ. Въ 4-й дивизіи (Кветта) двѣ бригады, въ 5-й, (Моовъ)—три бригады, въ 6-й (Пуна)—четыре бригады; въ 9-й (Секундерабадъ)—пять пѣхотныхъ и двѣ кавалерійскихъ бригады; въ дивизіи Бирмы—двѣ бригады; отдѣльная бригада находится въ Аденѣ.

Въ южной арміи насчитывалось: 23 англійскихъ и 60 туземныхъ, всего 83 баталіона; 4 англійскихъ и 16 туземныхъ, всего 20 кавалерійскихъ полковъ, 30 англійскихъ и 6 туземныхъ, всего 36 батарей полевой артилеріи, и 14 англійскихъ ротъ крѣпостной артилеріи. Штатная численность арміи выражается слѣдующими цифрами: англійскихъ войскъ—33,802 чел., туземныхъ войскъ—72,144 чел., всего 105,946 чел.

Успѣшное выполненіе реформаціонныхъ плановъ высшаго военнаго управленія находится и въ Индіи въ тѣсной зависимости отъ условій укомплектованія арміи нижними чинами, такъ какъ обѣ составныя части англо-индійской арміи пополняются вербовкой. По этому, генераль Китченеръ всячески старался разрѣшить этотъ вопросъ въ благопріятномъ для арміи смыслѣ. Изъ принятыхъ имъ съ этой цѣлью мѣръ можно указать на разрѣшеніе сверхсрочнымъ нижнимъ чинамъ англичанамъ пользоваться, по истеченіи двухъ лѣтъ сверхсрочной службы, отпускомъ на 5—6 мѣсяцевъ, причемъ имъ выдается пособие въ размѣрѣ 142 руб. 50 коп. на поѣздку на родину и обратно. Для туземныхъ нижнихъ чиновъ установлены новыя отпуска денегъ на вещевое довольствіе и повышены существующіе оклады. Права нижнихъ чиновъ относительно пользованія отпускомъ значительно расширены, причемъ имъ разрѣшенъ даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Условія расквартированія войскъ значительно улучшены. Особо серьезное значеніе признается за измѣненіемъ пенсіонныхъ правилъ; туземные нижніе чины имѣютъ теперь право на полученіе пенсіи по низшему окладу уже за 20 лѣтъ службы, а за 32 года службы имъ назначается высшій окладъ. Кромѣ того установлена спеціальная пенсія для тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые послѣ 15 лѣтъ оставляютъ службу по разстроенному здоровью. Наконецъ, за участіе въ экспедиціяхъ выдается особое вознагражденіе.

Обращено вниманіе и на улучшеніе матеріальнаго положенія офицеровъ. Значительно повышены суточные деньги при командировкахъ и подъемныя при переводахъ офицеровъ изъ одной части въ другую, весьма частыхъ въ Индіи. Поднять и въ ближайшемъ будущемъ подлежитъ разрѣшенію вопросъ объ увеличеніи содержанія младшихъ офицеровъ, такъ какъ между ихъ окладами и окладами штабъ-офицеровъ существуетъ слишкомъ значительная разница. Поручики получаютъ, напримѣръ, отъ 1.035 руб. до 1.570 руб. жалованья, а подполковники отъ 6.440 руб. до 6.900 руб.—Весьма серьезное значеніе имѣетъ также, уже упомянутое въ первой статьѣ настоящаго очерка, учрежденіе въ Кветтѣ военной академіи, назначенной для подготовки офицеровъ къ службѣ въ заново сформированномъ индійскомъ генеральномъ штабѣ.

Перевооруженіе пѣхоты и кавалеріи укороченными ружьями новаго образца окончено; полевая артилерія получила новыя скорострѣльныя пушки; сформированы для полевой арміи тяжелыя батареи, увеличено число артилерійскихъ парковъ; образованы запасы патроновъ и снарядовъ для надобностей военнаго времени, расширены всякаго рода казенныя военно-техническія заведенія съ цѣлью поставить въ военное время англо-индійскую армію въ независимое отъ Великобританіи положеніе въ дѣлѣ обезпеченія ея потребной матеріальной частью. Въ устройствѣ береговой обороны достигнуты серьезные успѣхи. Увеличены и реорганизованы обозныя войска, что имѣетъ особо важное значеніе въ виду весьма большой потребности англо-индійской арміи въ перевозочныхъ средствахъ во время кампаніи. Наконецъ, полевая санитарная часть приведена, какъ въ организаціонномъ отношеніи, такъ и относительно снабженія, во исполнѣ удовлетворительное состояніе.

Не менѣе существенными признаются результаты, достигнутыя генераломъ Китченеромъ въ области обученія войскъ и подъема моральнаго элемента арміи. Для подготовки строевыхъ офицеровъ образовано нѣсколько инструкторскихъ курсовъ, черезъ которые проходитъ весь младшій командный составъ арміи. Совокупнымъ упражненіямъ войскъ дано большее развитіе; къ участію въ маневрахъ привлекаются все большія массы, и сами маневры приближены къ обстановкѣ военнаго времени, причемъ заботливо принимаются во вниманіе указанія войны 1904—1905 гг. Учебная и боевая стрѣльбы получили прочную постановку. Въ планы полевыхъ занятій введены тактическія учебныя поѣздки кавалеріи, подъ руководствомъ специальныхъ кавалерійскихъ инспекторовъ. Сравнительно низкій моральный уровень арміи объяснялся равнодушіемъ офицеровъ къ служебнымъ обязанностямъ, получившимъ типическій рутинный характеръ; теперь, когда подготовка войскъ приняла жиз-

ненный характеръ, у корпуса офицеровъ явился интересъ къ службѣ, что не замедлило повліять благоприятно и на общій духъ войскъ.

Нагляднымъ показателемъ успѣховъ, достигнутыхъ въ устройствѣ англо-индійской арміи, можетъ служить экспедиція противъ афганскихъ пограничныхъ племенъ, происходившая въ 1908 г. При прежней организаціи и дислокаціи арміи было бы совершенно невозможно собрать такъ скоро экспедиціонный корпусъ въ составѣ войскъ всѣхъ родовъ оружія, мобилизовать части и двинуть ихъ въ походъ, какъ это сдѣлано въ послѣднюю экспедицію. До сихъ поръ формированіе самаго незначительнаго отряда вызывало многочисленныя перевозки и разныя мѣры по обезпеченію снабженія отряда, по назначенію начальника отряда, его штаба и т. д. Теперь просто было приказано мобилизовать 1-ю пешаверскую дивизію, что и было исполнено весьма быстро. Образъ дѣйствій отряда, равнымъ образомъ, заслужилъ общее одобреніе; дивизія развернулась въ экспедиціонной области спокойно, увѣренно, и повела военныя дѣйствія настолько умѣло и рѣшительно, что быстро покончила съ возстаніемъ.

Въ военное время регулярная англо-индійская армія будетъ усилена туземнымъ резервомъ, войсками полунезависимыхъ владѣтелей, т. е. такъ называемыми войсками имперской службы, военной полиціей, туземной пограничной милиціей и волонтерами. Согласно официальнымъ даннымъ, относящимся къ 1908 г., численность этихъ категорій сухопутныхъ силъ выражается слѣдующими цифрами:

Регулярная армія (англійскія и туземныя войска).	236,370 чел.
Туземный резервъ (считая около 8,000 кавалеристовъ).	33,236 „
Войска имперской службы	20,189 „
Военная полиція (21 отрядъ)	20,500 „
Туземная пограничная милиція, формирующаяся на сѣверо-западной границѣ, въ Ассамѣ и Бирмѣ	6,000 „
Волонтеры (лица англійскаго происхожденія)	33,139 „

Итого 349,434 чел.

Для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ правительство можетъ рассчитывать, кромѣ того, на вспомогательныя войска туземныхъ правителей; войска эти, въ противоположность войскамъ обще-имперской службы, не находятся подъ контролемъ правительства и имѣютъ, по большей части, характеръ милиціи. Численность ихъ принимается въ 134,000 челов. Такимъ образомъ, общій численный составъ англо-индійскихъ сухопутныхъ силъ дойдетъ, въ военное время, въ круглыхъ цифрахъ до 483,000 челов.

По финансовой смѣтѣ военного вѣдомства на 1908 — 1909 гг. назначены кредиты на содержаніе регулярной арміи въ слѣдующемъ составѣ, по родамъ оружія: пѣхоты 177,139 чел., кавалеріи 30,928 ч. и 28,970 лошадей, артилеріи 22,683 челов. и 10,048 лошадей, инженерныхъ войскъ 5,649 челов. Согласно тому же источнику полага-

лось содержать: въ 1-й дивизіи (Пешаверь) 17,253 челов., во 2-й (Раваль-Пинди) 23,775 челов., въ 3-й (Лагоръ) 26,218 челов., въ 4-й (Кветта) 17,607 челов., въ 5-й (Мовъ) 30,094 челов., въ 6-й (Пуна) 21,012 челов., въ 7-й (Мэрутъ) 26,856 челов., въ 8-й (Лукновъ) 26,624 челов., въ 9-й (Секундерабадъ) 22,141 челов., въ бирманской дивизіи 11,401 челов.; въ отдѣльныхъ бригадахъ: когатской—4,926 челов., баинуской 2,824 челов., дераятской—3,771 челов. и аденской—2,782 челов.

Войска имперской службы находятся подъ наблюдениемъ англійскихъ офицеровъ, въ званіи инспекторовъ, въ числѣ 21 челов. Въ войскахъ этой категоріи насчитывается: пѣхоты 9,277 челов., артилеріи 420 челов., кавалеріи 6,638 челов., піонерныхъ войскъ 401 ч., обозныхъ — 4,450 челов. 129 верблюдовъ, 3,400 пони и 526 повозокъ.

Волонтеры сведены въ 45 пѣхотныхъ, 7 артилерійскихъ и 8 піонерныхъ командъ; кромѣ того имѣются 8 командъ ѣздящей пѣхоты и 2 морскихъ команды; численный составъ командъ весьма различенъ.

Если, въ случаѣ войны въ Индіи, Великобританія будетъ находиться въ безопасности отъ непріятельскаго вторженія, то она можетъ послать въ Индію весь экспедиціонный корпусъ, т. е. до 150,000 челов., который прибудетъ на театръ войны черезъ 3—4 мѣсяца. Наконецъ, судя по указаніямъ южно-африканской войны, имѣются основанія рассчитывать на дѣятельное содѣйствіе колоній, которыя вышлютъ отъ 30,000 до 40,000 челов. для защиты Индіи.

Третья группа объединенныхъ силъ Великобританіи, колоніальная, значительно уступаетъ первымъ двумъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ.

Австралія, съ объединеніемъ ея отдѣльныхъ колоній, разработала планъ устройства своихъ сухопутныхъ силъ на новыхъ основаніяхъ. Согласно этому плану, высшее руководство военными силами принадлежитъ министру народной обороны, вспомогательными органами котораго служатъ генеральный штабъ и совѣтъ обороны. Генеральный или точнѣе главный штабъ вѣдаетъ всѣми дѣлами по устройству контингентовъ различныхъ колоній Австраліи и подчиняется главнокомандующему союзными войсками. Въ составъ совѣта обороны входятъ: министръ народной обороны, предсѣдатель совѣта; главнокомандующій арміи, замѣститель предсѣдателя; начальникъ главнаго (генеральнаго) штаба, помощникъ начальника штаба, одинъ изъ старшихъ офицеровъ арміи, и главный секретарь министра. Кромѣ того, въ совѣтѣ засѣдаютъ еще нѣсколько членовъ съ совѣщательнымъ голосомъ, именно: генераль-инспекторъ артилеріи, инспекторъ инженерной части, помощникъ генераль-инспектора артилеріи, начальникъ санитарной части и штабъ-офицеръ корпуса волонтеровъ. Совѣтъ обороны вѣ-

даетъ разработкой военныхъ уставовъ, плана обороны, подготовкой мобилизаціи, подраздѣленіемъ арміи на составныя части и т. д. Военно-административная и дисциплинарныя части находятся въ вѣдѣніи главнокомандующаго.

Сухопутныя силы Австраліи подраздѣляются на три группы: 1) постоянныя войска; 2) полевые войска или милиція, и 3) волонтеры.

Постоянныя войска представляютъ, собственно, кадры, назначенныя для обученія милицій и волонтеровъ отдѣльныхъ колоній и для образованія ядра нѣкоторыхъ частей. Къ войскамъ этой категоріи принадлежатъ: а) инструкторскіе кадры пѣхоты и кавалеріи (офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые), в) королевскій артилерійскій полкъ, предназначенный для формированія артилерійскаго штаба, учебныхъ кадровъ батарей и артилерійской школы; с) учебныя команды инженерныхъ войскъ, интендантскаго вѣдомства и санитарной службы. Общая численность постоянныхъ войскъ доходитъ до 1,380 челов.

Полевые войска образуютъ главную составную часть сухопутныхъ силъ Австраліи. Это по большей части добровольные милиціонеры, набираемые изъ той части населенія, которая располагаетъ достаточнымъ свободнымъ временемъ, чтобы участвовать въ учебныхъ занятіяхъ. Милиціонеры не живутъ въ казармахъ, гдѣ помѣщены лишь офицеры, унтеръ-офицеры и хозяйственный персоналъ изъ нижнихъ чиновъ. Упражненія производятся, обыкновенно, разъ въ недѣлю, по субботамъ. Кромѣ того, милиціонеры призываются ежегодно въ учебные сборы, продолжительностью не свыше восьми дней. Милиція формируетъ войска пѣхоты, кавалеріи, артилеріи и инженерныя. Въ пѣхотѣ основной единицей служитъ полкъ, но состоитъ онъ, по англійскому образцу, изъ одного баталіона; въ полку или баталіонѣ около 500 челов., включая и кадры. Четыре полка образуютъ бригаду. По свѣдѣніямъ, относящимся къ началу текущаго года, было сформировано три пѣхотныхъ бригады, т. е. 12 полковъ.

Въ кавалеріи, какъ и въ пѣхотѣ, основной единицей служитъ полкъ; подраздѣляется онъ на четыре эскадрона по 72 челов., такъ что въ полку, круглымъ счетомъ, 300 челов. Три кавалерійскихъ полка образуютъ бригаду. Въ началѣ года имѣлось шесть кавалерійскихъ бригадъ, т. е. 18 полковъ.

Въ артилеріи высшая единица—батарея; въ батареѣ четыре орудія и 72 челов. Артилерія вооружена 18-фунт. скорострѣльными пушками англійскаго образца. Каждой пѣхотной бригадѣ придано три батареи, слѣдовательно, 12 орудій. Кавалерійская бригада имѣетъ одну батарею. По мирному составу содержится всего 15 батарей съ 60 орудіями.

На инженерныя войска возложено производство всѣхъ полевыхъ фортификаціонныхъ работъ; кромѣ того они участвуютъ въ устрой-

ствѣ обороны главныхъ береговыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ. При каждой пѣхотной бригадѣ полагается содержать по одной инженерной командѣ.

Интендантство весьма многочисленно въ австралійской арміи, такъ какъ органы интендантства положены во всѣхъ трехъ категоріяхъ сухопутныхъ силъ. Санитарное вѣдомство, по характеру своей дѣятельности, близко подходитъ къ интендантскому. По общему правилу, каждый пѣхотной и кавалерійской бригадѣ положено по одному бригадному лазарету, и при немъ обозная команда въ 50 чел. Въ военное время предусмотрѣно формированіе полевыхъ госпиталей.

Волонтеры образуютъ второлінейныя войска. Предназначены они для обороны главныхъ береговыхъ пунктовъ и для мѣстной охраны. Волонтеры образуютъ пѣхотные и кавалерійскіе полки и батареи, которые должны быть устроены по образцу полевыхъ войскъ. Въ мирное время волонтеры привлекаются къ военной службѣ еще на меньшій срокъ, чѣмъ милиціонеры, вслѣдствіе чего уступаютъ этимъ послѣднимъ въ подготовкѣ къ войнѣ. Лишь въ послѣднее время обращено большее вниманіе на ихъ стрѣлковое обученіе. По свѣдѣніямъ за 1908 г. численность волонтеровъ доходила до 6,000 чел., но считается, что въ военное время ихъ будетъ вдвое больше.

Существенную помощь обученію милиціонеровъ и волонтеровъ оказываютъ стрѣлковыя общества, весьма распространенныя въ Австраліи. Государство всячески поощряетъ ихъ развитіе въ расчетѣ, что члены общества будутъ полезны для обороны страны.

Мирная численность австралійской арміи на смѣтный періодъ 1908—1909 гг. опредѣлена въ 25,700 чел. Въ военное время милиція, включая и постоянный кадръ, должна выставить 28,000 чел. и 84 орудія. Къ этимъ цифрамъ надо добавить 12,000 волонтеровъ и 28 орудій. Всего получится, такимъ образомъ, около 40,000 чел., а численность членовъ стрѣлковыхъ обществъ доходить до 50,000 чел. Нѣкоторые изслѣдователи современнаго состоянія сухопутныхъ силъ Австраліи считаютъ несомнѣннымъ, что въ случаѣ войны цифры эти будутъ значительно превзойдены, такъ какъ въ войну съ бурами Австралія отправила въ южную Африку 848 офицеровъ и 15,237 нижнихъ чиновъ, сохранивъ въ нормальномъ составѣ всѣ положенныя войсковыя части.

Курсы для инструкторовъ играютъ видную роль въ военныхъ учрежденіяхъ Австраліи. Въ пѣхотѣ значеніе это имѣетъ учебный баталіонъ, въ который зачисляются на одинъ годъ лица, подлежащіе впослѣдствіи перечисленію въ дѣйствующую армію въ качествѣ учебного персонала. Баталіонъ принимаетъ также офицеровъ милиціи, желающихъ расширить свои познанія въ военномъ дѣлѣ и освоиться съ практикой командованія. Главная заслуга баталіона состоитъ въ установленіи и поддержаніи единства въ обученіи войскъ отдѣль-

ныхъ колоній. Въ артилеріи учрежденіе учебнаго курса встрѣчало долгое время большія затрудненія, вслѣдствіе дурнаго состоянія матеріальной части; имѣлись лишь старыя пушки, заряжавшіяся съ казны. Только въ послѣднее время войскамъ выдали новыя орудія англійскаго образца, и обученіе артилеріи стало успѣшнѣе. Теперь устроено три артилерійскихъ школы, по одной въ Мельбурнѣ, Сиднеѣ и Брисбанѣ, и правительство надѣется, что артилерія въ учебномъ отношеніи скоро сравняется съ пѣхотой.

Кромѣ названныхъ инструкторскихъ курсовъ въ каждой колоніи имѣются особыя офицерскія школы. Назначеніе ихъ состоитъ въ подготовкѣ офицеровъ по родамъ оружія. Офицеры, выдержавшіе съ успѣхомъ выпускной экзаменъ, получаютъ свидѣтельство, дающее имъ право на производство въ слѣдующій чинъ и на полученіе денежнаго вознагражденія. Впрочемъ, свидѣтельствъ этихъ до сихъ поръ выдано немного; напримѣръ, школа въ Сиднеѣ выдала ихъ только одной трети посѣщавшихъ школу офицеровъ. Недавно послѣдовало учрежденіе военной академіи, которая должна давать высшее военное образованіе извѣстному числу офицеровъ. Академія эта устроена по образцу военной академіи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и канадской высшей военной школы. Нѣкоторое военное значеніе имѣетъ сиротская школа, въ которую принимаются дѣти, желающія посвятить себя военной профессіи и поэтому заранѣе подготовляющіяся къ этому. Молодые люди, выпускаемые изъ этой школы, назначаются на службу въ дѣйствующую армію. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ послѣднее время мѣстныя военныя власти весьма поощряютъ образованіе школьныхъ отрядовъ, считая ихъ хорошей подготовительной школой къ военной службѣ.

Укомплектованіе офицерскаго и унтеръ-офицерскаго состава производится по слѣдующимъ основнымъ правиламъ: объ открывшихся ваканціяхъ объявляется офиціальнымъ порядкомъ; заявленія желающихъ занять эти ваканціи направляются чрезъ окружныхъ начальниковъ въ военную комиссію, съ приложеніемъ требуемыхъ документовъ. Кандидатамъ ведется общій списокъ по порядку поданныхъ заявленій, и затѣмъ они приглашаются на испытаніе, если въ физическомъ отношеніи будутъ признаны пригодными къ службѣ. Въ артилерію и инженерныя войска принимаются: а) офицеры милиціи и волонтеровъ въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ, б) подпрапорщики, унтеръ-офицеры и нижніе чины, прослужившіе три года въ войскахъ и имѣющіе не менѣе 19 и не болѣе 25 лѣтъ; и в) остальные желающіе, въ возрастѣ отъ 19 до 25 лѣтъ. Тѣ же требованія, но съ повышеніемъ вступительнаго возраста до 22 лѣтъ, а предѣльнаго до 30 и 35, предъявляются и желающимъ поступить въ административный или учебный штабъ. Кромѣ того, кандидатъ на званіе офицеровъ инженерныхъ войскъ долженъ прослужить три года въ меха-

ническихъ мастерскихъ, получить подготовку у гражданскихъ инженеровъ или архитекторовъ, или прослушать курсъ инженерныхъ наукъ въ университетѣ. Въ остальномъ рѣшающее значеніе имѣетъ испытаніе, если, какъ это обыкновенно бываетъ, число кандидатовъ болѣе числа ваканцій. Принятые кандидаты производятся въ поручики, но только на шестимѣсячный срокъ и затѣмъ уже, если они будутъ хорошо атестованы окружными начальниками, а въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ выдержать второй военный экзаменъ, они утверждаются въ чинѣ.

Офицерамъ присвоено слѣдующее содержаніе: въ административномъ и учебномъ штабахъ: поручикамъ 250 фун. стер. (2,375 руб.), причемъ окладъ этотъ возрастаетъ каждые два года на 25 фун. стер. (237 руб.), пока не дойдетъ до 350 фун. стер. (3,325 руб.); капитанамъ отъ 375 фун. стер. (3,562 руб.) до 450 фун. стер. (4,275 р.) майоры отъ 475 фун. стер. (4,512 руб.) до 550 фун. стер. (5,225 р.) подполковники отъ 550 фун. стер., (5,225 руб.) до 650 фун. стер., (6,170 руб.). Генераль инспекторъ получаетъ отъ 650 фун. стер. (6,170 руб.) до 800 фун. стер. (7,600 руб.), а окружные начальники въ зависимости отъ величины округа и его значенія отъ 700 фун. стер. (6,650 руб.) до 1,000 фун. стер. (9,500 руб.).

Подпрапорщики и унтеръ-офицеры административнаго и учебнаго штабовъ получаютъ ежегодно отъ 1,292 руб. до 2,252 руб. Штатный составъ различныхъ учрежденій установленъ закономъ; повышение въ классѣ должности происходитъ черезъ два или три года, по представленію окружныхъ начальниковъ. Подпрапорщики и унтеръ-офицеры, которымъ положено быть верхами, получаютъ фуражные деньги въ размѣрѣ 285 руб. въ годъ и, кромѣ того, 95 руб. на первое обзаведеніе.

Въ артиллеріи и инженерныхъ войскахъ назначено: поручикамъ отъ 1,900 до 2,850 руб., капитанамъ отъ 3,087 руб. до 3800 руб., майорамъ отъ 4,037 руб. до 4,750 руб., подполковникамъ отъ 4,750 р. до 5,750 руб. Подпрапорщики, унтеръ-офицеры и рядовые получаютъ слѣдующее суточное жалованіе: орудійный мастеръ 13 шилин., батареинный или ротный фельдфебель 5 шилин., унтеръ-офицеръ 4 шилинга, бомбардиръ 3 шилинга 6 пенс., рядовой 2 шил. 5 пенс. За хорошее поведеніе прибавляются послѣ двухлѣтней службы 2 пенса, послѣ четырехлѣтней 4 пенса и послѣ шестилѣтней—6 пенсовъ ежедневно; прибавка за особую службу измѣняется отъ 3 до 6 пенсовъ. Инженерныя войска, генеральный штабъ и санитарный персоналъ получаютъ такое же содержаніе, какъ и артилерія.

Въ постоянныя войска принимаются лица въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ, требуется ростъ не менѣе 5 фут. 5 дюйм., объемъ груди—35 дюйм. Вербовка производится на пять лѣтъ, а сверхсрочнослужащіе принимаются на трехлѣтній срокъ.

Предѣльный возрастъ установленъ: для генералъ-маіоровъ—62 года, полковниковъ—62 года, подполковниковъ—60 лѣтъ, маіоровъ—55 лѣтъ, капитановъ—53 года, поручиковъ—48 лѣтъ, квартирмейстеровъ—60 лѣтъ, подпрапорщиковъ и писарей—60 лѣтъ, унтеръ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ—50 лѣтъ. Пенсій военно-служащимъ не положено.

Въ милицію вербуются лица въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ, удовлетворяющія установленнымъ требованіямъ относительно роста и объема груди.

Оклады содержанія и жалованья установлены слѣдующіе: въ сутки: полковникамъ—2 фун. 5 шил., подполковникамъ—1 фун. 17 шилинг. 6 пенс., маіорамъ—1 фун. 10 шилинг., капитанамъ—1 фун. 2 шил. 6 пенс., поручикамъ—15 шилинг., унтеръ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ отъ 8 до 12 шилинг. На содержаніе лошади получаютъ: офицеры по 5 фун. 12 шил. въ годъ, а нижніе чины—по 1 фун. Призывамъ въ учебные сборы подлежатъ: кавалерія, артилерія и пѣхота на срокъ не свыше 16 дней, а инженерныя войска—на срокъ не свыше 25 дней.

Въ волонтеры принимаются на двухъ или трехлѣтній срокъ молодые люди въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, ростомъ не менѣе 5 фут. 4 дюйм.

Дѣйствующее въ Австраліи военное устройство не считается, однако, обезпечивающимъ охрану страны, и по почину правительства, встрѣченному сочувственно законодательными учрежденіями, разработанъ планъ привлеченія уже въ мирное время всѣхъ годныхъ къ службѣ лицъ къ отбыванію воинской повинности, по швейцарскому образцу. По распространенному въ Австраліи мнѣнію, она можетъ подвергнуться нападенію не только Японіи, но и Китая, между тѣмъ ни Англія, ни С.-А. Соединенные Штаты не успѣютъ во время подать ей необходимую помощь, по дальности разстояній. Внесенный правительствомъ въ парламентъ «билль обороны» рассчитываетъ создать черезъ восемь лѣтъ армію численностью до 214,000 чел. Общеобязательной военной службѣ должно предшествовать подготовительное военное обученіе молодежи съ 12 до 18-лѣтняго возраста, получаемое въ школахъ. Предполагается назначить на военное обученіе по одному часу въ недѣлю, и, кромѣ того, устраивать ежегодно четырехдневные сборы въ лагеряхъ для занятій гимнастикой, стрѣльбой и полевой службой.

Съ 18 до 26 лѣтъ каждый австралійскій гражданинъ долженъ служить въ національной гвардіи, а послѣ 26 лѣтъ перечисляется въ резервъ національной гвардіи. Въ первые два года службы онъ обязанъ отбывать ежегодно 18-дневные лагерные сборы, а на третій годъ—12-дневные. Въ артилеріи и инженерныхъ войскахъ продолжительность учебныхъ сборовъ въ первые три года службы устано-

влена по 28 дней ежегодно, а остальные три года по семи дней. Национальные гвардейцы, въ возрастѣ отъ 21 года до 26 лѣтъ, считаются достаточно обученными и въ случаѣ войны формируютъ полевые войска. Лица, уклонившіяся отъ воинской повинности, лишаются гражданскихъ правъ.

При обученіи національныхъ гвардейцевъ должны преслѣдоваться исключительно цѣли военнаго времени, боевые.

Достиженіе офицерскаго и унтеръ-офицерскаго званій предоставлено всѣмъ гражданамъ, независимо отъ занимаемаго ими въ частной жизни положенія, но исключительно по ихъ военнымъ способностямъ. Въ виду этого, въ концѣ ежегодныхъ сборовъ намѣчаются лица, признаваемые достойными производства въ офицеры, и имъ производятъ практическое испытаніе; затѣмъ кандидаты самостоятельно приобрѣтаютъ необходимыя теоретическія свѣдѣнія, и въ слѣдующемъ году, передъ началомъ общаго лагернаго періода, ихъ заставляютъ пройти спеціальный учебный курсъ. Наконецъ, послѣ вторичнаго испытанія, ихъ производятъ въ офицеры.

Для дальнѣйшей подготовки старшихъ офицеровъ предполагается учредить центральную инструкторскую школу, которая будетъ перемѣщаться изъ одного пункта въ другой. Оберъ-офицеры должны совершенствоваться въ постоянныхъ инструкторскихъ школахъ, учреждаемыхъ въ каждой колоніи. Преподавателями во всѣхъ этихъ школахъ будутъ офицеры постоянной службы. Потребность въ командномъ составѣ для арміи въ 214,000 чел. (по 27,000—30,000 чел. въ годъ) исчислена въ 8,000 офицеровъ и 10,000 унтеръ-офицеровъ.

Планъ новаго военнаго устройства предусматриваетъ значительное увеличеніе частей полевой артиллеріи и пулеметныхъ взводовъ. Ежегодно должны формироваться по четыре новыхъ батареи (четырехорудійныхъ) и пополняться запасъ снарядовъ. Для формированія обозныхъ войскъ въ военное время рѣшено заблаговременно принять необходимыя мѣры.

Высшей тактической единицей для полевой войны принята отдѣльная бригада изъ войскъ всѣхъ родовъ оружія; для мѣстной обороны и для обороны отдѣльныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ предусмотрено образованіе особыхъ высшихъ тактическихъ единицъ. Рассчитывается, что ежегодно около 83,000 чел. будутъ получать военное обученіе.

Съ учрежденіемъ новой національной гвардіи нынѣшняя военная организація Австраліи не будетъ упразднена, но только рамки ея значительно расширятся и вмѣстятъ какъ милицію, такъ и волонтеровъ. Въ военное время младшій возрастъ (18-лѣтніе) останется въ запасныхъ частяхъ и получитъ необходимую подготовку; остальные войсковыя части, подраздѣляющіяся на полевые и мѣстные, будутъ укомплектованы слѣдующимъ образомъ: лица въ возрастѣ отъ 19 до

22 лѣтъ, въ числѣ 83,000 чел., составлять младшіе полки національной гвардіи; 83,000 чел. въ возрастѣ отъ 22 до 25 лѣтъ составлять старшіе полки національной гвардіи; 22,000 чел. въ возрастѣ 25—26 лѣтъ назначаются для пополненія убыли въ полкахъ обѣихъ категорій. По расчетамъ правительства, новая военная система, черезъ 22 года, позволитъ подготовить для обороны страны 750,000 чел.

Остается сказать, что въ послѣднее время въ Австраліи были асигнованы значительныя суммы на постройку новыхъ и усиленіе существующихъ береговыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ, а также на приобрѣтеніе оружія и снарядовъ. Ружейные патроны изготовляются уже въ самой странѣ, и разрабатывается проектъ постройки завода для изготовленія артилерійскихъ патроновъ.

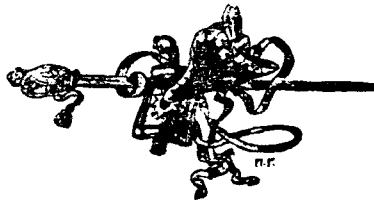
Канада сохраняетъ прежнее миллионное военное устройство, успѣвшее достигнуть извѣстной прочности. Считается, что въ военное время она можетъ выставить до пяти дивизій. Н. Зеландія сформируетъ 1 дивизію, а южно-африканскія колоніи—пять. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что ново-зеландская и южно-африканская милиціи значительно уступаютъ въ организаціонномъ и строевомъ отношеніяхъ австралійской и канадской, и упроченіе ихъ устройства составить, вѣроятно, ближайшую задачу общеимперскаго генеральнаго штаба.

Разсмотрѣнныя три группы войскъ не исчерпываютъ еще всего состава имперскихъ сухопутныхъ силъ. Къ нимъ надо добавить, прежде всего, войсковыя части постоянной арміи метрополіи, находящіяся въ колоніяхъ. Число этихъ частей таково: 1 гвардейскій и 24 армейскихъ пѣхотныхъ баталіоновъ, 5 кавалерійскихъ полковъ, 9 полевыхъ батарей, 29 ротъ крѣпостной артилеріи, 5 ротъ инженерныхъ войскъ, 11 санитарныхъ и 8 обозныхъ ротъ. Части эти находятся въ различныхъ колоніяхъ, не исключая и Египта, и расквартированы въ главныхъ пунктахъ, требующихъ особо тщательной охраны. Англійскіе гарнизоны Средиземнаго моря, Египта и южной Африки доставятъ, какъ было сказано, войска для сформированія 7-й дивизіи англійской экспедиціонной арміи, но остальные сохраняютъ прежнее назначеніе. Затѣмъ въ различныхъ колоніяхъ имѣются постоянныя войсковыя части, сформированныя изъ туземцевъ и содержимыя на бюджетъ метрополіи; современный составъ этихъ частей: 8 баталіоновъ пѣхоты, 10 ротъ крѣпостной артилеріи и 2 піонерныхъ роты. Наконецъ, существуютъ достаточныя основанія причислить къ составу имперскихъ сухопутныхъ силъ Великобританіи и египетскія войска, верховнымъ главою которыхъ хотя и считается хедивъ, но которыя, въ дѣйствительности, вполне подчинены англійскому генералу. Войска эти имѣютъ слѣдующій составъ: 17 баталіоновъ пѣхоты (81 рота), 3 эскадрона кавалеріи, 5 ротъ верблюжьяго отряда, 5 полевыхъ батарей, 3 крѣпостныхъ артилерійскихъ роты, желѣзно-

дорожный баталіонъ, и рабочая команда. Численность египетскихъ войскъ, по бюджету 1908 г. слѣдующая: 126 англійскихъ офицеровъ, 711 туземныхъ и 19,328 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того содержатся спеціальныя полицейскія войска въ числѣ 7,600 чел. и 1,700 чел. стражи для охраны караванныхъ путей.

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, что Великобританія располагаетъ многочисленными сухопутными силами для обороны метрополіи и колоній, но въ боевомъ отношеніи силы эти рѣзко отличаются другъ отъ друга. Главная задача имперскаго генеральнаго штаба заключается въ томъ, чтобы по возможности уменьшить это различіе, но такъ какъ выработка той или другой военной системы находится внѣ его компетенціи, то существенныхъ результатовъ отъ его дѣятельности ожидать нельзя. Имперскому генеральному штабу, вѣроятно, удастся установить однообразную организацію и тактическое обученіе всѣхъ контингентовъ, выработать общій планъ обороны и дать мѣстнымъ органамъ указанія относительно выполненія этого плана, но установить тѣ или другіе способы укомплектованія войскъ, сроки дѣйствительной службы, размѣръ ежегодныхъ призывовъ и т. д., всего этого онъ сдѣлать не можетъ. Между тѣмъ, именно эти вопросы являются основными вопросами военного устройства страны. Въ колоніяхъ идея объ общеобязательной и личной воинской повинности хотя и дѣлаетъ успѣхи, но нигдѣ не идетъ рѣчи объ измѣненіи милиціонной системы военного устройства. Поэтому и впредь противникъ, высадившійся на берегахъ англійскихъ колоній, будетъ имѣть дѣло съ милиціями, хотя и нѣсколько лучше организованными, чѣмъ нынѣшнія. Преобладающее значеніе въ охранѣ британскаго колониальнаго царства будетъ принадлежать, попрежнему, англійской экспедиціонной арміи и британскому флоту, который продолжаетъ сохранять міровое главенство на моряхъ.

В. Федзбѣцкій.

ОТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ МОРСКОГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

Въ маѣ сего года японскій Морской Генеральный Штабъ издалъ въ Токио на японскомъ языкѣ составленное имъ и подписанное начальникомъ этого штаба адмираломъ Того описаніе военныхъ дѣйствій японскаго флота на морѣ у Портъ-Артура съ начала военныхъ дѣйствій до паденія крѣпости (I-й томъ Исторіи войны).

Книга эта, переведенная на русскій языкъ нашимъ военноморскимъ агентомъ въ Япоііи и Китаѣ, старшимъ лейтенантомъ Воскресенскимъ. въ настоящее время печатается нашимъ Морскимъ Генеральнымъ Штабомъ и въ семь году будетъ выпущена въ свѣтъ.

Книга заключаетъ около 400 страницъ in 4°. Въ нее войдутъ карты и схемы боевъ, помѣщенные въ японскомъ изданіи.

Стоимость книги 1 р. 50 коп. Желающіе ее приобрести благоволятъ теперь же обратиться съ заявленіемъ по нижеслѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Главное Адмиралтейство, Морской Генеральный Штабъ, Историческая часть.

Деньги по расчету 1 р. 50 к. за экземпляръ должны быть высланы по тому же адресу одновременно съ заявленіемъ. Вѣсъ книги около 2½ фунтовъ.

Стоимость пересылки книги почтовою посылкою принимается на счетъ заказчика и можетъ быть прислана одновременно съ платою за книгу; въ противномъ случаѣ книга высылается наложеннымъ платежемъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„ВОЕННО - МЕДИЦИНСКИЙ ЖУРНАЛЪ“.

1910 годъ (88-й изд.).

Военно-Медицинский Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе 12 листовъ и содержитъ, кромѣ официальной части, слѣдующіе отдѣлы:

Врачебная часть:

А. Вспомогательныя отрасли медицины: (какъ-то: анатомія, фیزیологія, біологія и исторія медицины).

Б. Практическая медицина:

I. Хирургія.

II. Внутреннія болѣзни.

III. Гигіена и санитарное дѣло.

IV. Прочія отрасли практич. медицины.

В. Обзорѣніе текущей медицинской литературы:

1) Вспомогательныя отрасли медицины.

2) Хирургія.

3) Внутреннія болѣзни.

4) Военная медицина.

5) Прочія отрасли практич. медицины.

Г. Критика и библіографія.

Д. Отчеты и корреспонденціи.

Е. Извѣстія, касающіяся врачебнаго быта.

Ж. Отвѣты на запросы читателей и сотрудниковъ.

По примѣру прошлаго года редакція имѣетъ въ виду, по мѣрѣ своихъ матеріальныхъ средствъ, снабжать своихъ читателей бесплатными приложеніями въ видѣ сочиненій по практическимъ отраслямъ медицины. Въ 1910 году предполагается дать три приложенія, въ томъ числѣ соч. Prof. Fr. Pentzoldt'a. Lehr. Buch der klinischen Arzneibehandlung. (Руководство клинич. терапіи) съ добавленіемъ проф. М. v. Kryger. Chirurgische Technik der Arzneibehandlung (хирург. техника лекарств. терапіи). VII дополн. и измѣн. изд. 1908 г.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Редакціи Военно-Медицинскаго Журнала (при Главномъ Военно-Медицинскомъ Управленіи), Караванная улица, д. № 1.

Цѣна на годовое изданіе для военныхъ врачей 9 руб. съ пересылкою, а для частныхъ подписчиковъ съ пересылкою 12 руб., для послѣднихъ допускается разсрочка подписной платы по полугодіямъ.

Для личныхъ переговоровъ по дѣламъ редакціи отвѣтственный редакторъ принимаетъ по вторникамъ и пятницамъ отъ 2—4 час. дня, въ помѣщеніи редакціи, при Главномъ Военно-Медицинскомъ Управленіи.

Отвѣтственный редакторъ *И. Ф. Ранчевскій.*

2—1

1910 годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

III годъ изданія

НА ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОРГАНЪ

№№
104
въ годъ.

„ХЛѢБНОЕ ДѢЛО“

подп. цѣна
5
р. въ годъ.

Газета „ХЛѢБНОЕ ДѢЛО“ необходима **КАЖДОМУ**
и въ особенности

землевладѣльцамъ, сельско-хозяевамъ; мукомоламъ, хлѣботорговцамъ, экспортерамъ, земскимъ, городскимъ, банковымъ, страховымъ и биржевымъ дѣятелямъ, транспортнымъ, пароходнымъ и желѣзнодорожнымъ обществамъ и т. п. предпріятіямъ.

Заключая на своихъ страницахъ массу практическихъ свѣдѣній и цѣнъ на всѣ хлѣбные, масляничные и кормовые товары, она особенно рекомендуется къ чтенію мелкимъ торговцамъ, лавочникамъ, пекарямъ и булочникамъ, заведующимъ торгово-промышленными заведеніями, потребительнымъ и кооперативнымъ обществамъ и товариществамъ и вообще всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, интересующимся и имѣющимъ соприкосновеніе съ хлѣбной торговлей.

Въ газетѣ „Хлѣбное Дѣло“, какъ въ специальномъ хлѣбо-промышленномъ органѣ, согласно постановленію Военнаго Совѣта, дѣлаются публикациі о торгахъ на заготовленіе провіанта и другихъ продуктовъ.

ГАЗЕТА ПО СВОЕЙ ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ

ДОСТУПНА ДЛЯ КАЖДАГО.

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Цѣна съ пересылкой за годъ—5 р., $\frac{1}{2}$ года—2 р. 50 к.,
 $\frac{1}{4}$ года—1 р. 25 к., 1 мѣс.—50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „ХЛѢБНОЕ ДѢЛО“, С.-Петербургъ, Калашниковскій пр., 9, въ Отдѣленіяхъ Сѣвернаго Банка и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Подписка, объявленія и адреса хлѣботорговыхъ и промышленныхъ фирмъ принимается въ главной конторѣ газеты и торгов. дома Л. и Э. Метцль и К^о, С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

2—1

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВОЕННАГО СБОРНИКА

за 1909 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ № 12-му «Военнаго Сборника»

за 1909 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

1909.

I. Военное искусство ¹⁾.

1. Военное искусство вообще и стратегія.

1. Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями. *А. Елчаниновъ.* №№ 1—12.
2. О маневренныхъ крѣпостяхъ. *В. Борисовъ.* № 3.
3. Можетъ ли быть тактика отдѣльныхъ родовъ оружія? *Ян. Карповъ.* № 6.
4. Борьба берега съ флотомъ. *К. Соломоновъ.* № 11.

2. Тактика соединенныхъ родовъ оружія. Строевые уставы, наставленія и совмѣстное обученіе войскъ.

5. Ружейный огонь въ бою по понятіямъ австрійской арміи. *Ю. Лазаревичъ.* (начало въ 1908 году) № 1 и 2.
6. Развѣдка и сторожевое охраненіе при оборонѣ крѣпостей *А. Петровъ* №№ 1 и 2.
7. Пулеметные вопросы *С. Федоровъ.* №№ 6, 7, 8.
8. Передовые бои при оборонѣ. *Б. Геруа.* № 8.
9. Взаимное отношеніе при атакѣ и оборонѣ огня артилеріи и пѣхоты. *А. Ивановъ* № 9.
10. Служба связи тактически дѣйствующихъ войскъ. *В. Григорьевъ.* № 12.

¹⁾ Настоящій указатель составленъ по одной програмѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ указатели за 1858—1908 гг., вслѣдствіе чего онъ служитъ ихъ непосредственнымъ продолженіемъ. Нумера и заглавія отдѣловъ соотвѣтствуютъ тѣмъ, которые были приняты въ предшествовавшихъ указателяхъ, причемъ подраздѣленія, по коимъ статей не было, пропущены для сокращенія объема указателя.

3. Пѣхота, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

11. Обь организаціи ротныхъ и баталіонныхъ тактическихъ учений. *Н. № 5.*

4. Кавалерія, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

12. Современная неопредѣленность и неустойчивость одиночнаго обученія въ кавалеріи. *Дроздъ-Бонячевскій № 9.*

13. Тактическая развѣдка кавалеріи. *К. Петерсъ, №№ 10 и 11.*

5. Казаки, ихъ тактика, обученіе и снаряженіе.

14. Казачья лава. *В. Минкевичъ. №№ 3 и 4.*

6. Артилерія, ея тактика, обученіе и снаряженіе.

15. Полевая артилерія въ единеніи съ другими родами оружія. *В. Н. № 9.*

16. Тактика крѣпостной артилеріи. *Ян Карповъ. (начало въ 1907 году) №№ 11 и 12.*

II. Военная исторія.

1. Исторія военнаго искусства и отдѣльные военно-историческіе обзоры:

17. Русско - Шведская война 1808—1809 г. *П. А. Ниве. №№ 1—12.*

18. Мазепа, его бумаги и письма *М. К. Марченко. № 1.*

19. О памятникѣ генералу Моро у Дрездена. *Л. Драке. № 1.*

20. Къ войнѣ 1814—1815 гг. Сообщилъ *В. К. Судравскій. № 1.*

21. Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года. *Туресеръ* №№ 1 и 4 (библіографія).

22. Къ 200 лѣтію Полтавской побѣды. (Съ гравюрами). №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7.

23. Изъ далекаго прошлаго Красноводскаго отряда. *Н. Обручевъ*. № 2.

24. Замятки по поводу послѣднихъ изслѣдованій о Русско-Шведской войнѣ. *А. Т. Борисевичъ*. №№ 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10.

25. Памятникъ въ столѣтіе Полтавской побѣды. *И. Фр. Павловскій*. № 2.

26. Албазинская пушка. *М. Хлыновскій*. № 2.

27. Переправа черезъ Дунай въ 1854 году. *А. Заіончковскій*. №№ 3 и 4.

28. Къ столѣтію покоренія Финляндіи. *Вл. Апушкинъ*. № 3.

29. Письмо Я. И. Ростовцева Фельдмаршалъ-Лейтенанту Гауслабу. Сообщилъ *М. И.* № 3.

30. О войсковыхъ частяхъ, принимавшихъ участіе въ генеральной баталіи подъ Полтавою 24 іюня 1709 года. *П—ъ П—ъ*. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9.

31. Полтавская операція 1709 года. *Н. Л. Юнаковъ*. №№ 6 и 7.

32. Къ столѣтію похода въ Австрію. Сообщилъ *М. П.* № 6.

33. Военно-историческія замѣтки. Причины шведской войны 1788—1790 гг. Русская армія при Екатеринѣ II. *М. Бородинъ*. №№ 7 и 8.

34. Большая кавалерійская атака въ битвѣхъ подъ Лейпцигомъ въ новомъ освѣщеніи. *Л. Э. Ф.* № 7.

35. Василій Каръ. *П. Симанскій*. № 7.

36. Дѣло о сожженныхъ трофеяхъ. *Вл. Апушкинъ*. № 8.

37. Присоединеніе къ русскимъ владѣніямъ Пріамурья, Сахалина и Уссурійскаго края. *Г. Тимченко-Рубанъ*. № 8—12.

38. Изъ бумагъ графа Румянцева за 1760 годъ. Сообщилъ *В. П.* № 8.

39. Памятники на полѣ сраженія при Гроховѣ. Сообщилъ *Л. Л. Драке* № 9.

40. О памятникахъ войны 1813 года въ Лейпцигѣ и его окрестностяхъ. Сообщилъ *Л. Л. Драке*. № 10.

41. Осада и взятіе крѣпости Эривани. Сообщилъ *Н. Аврамовъ*. № 11.

42. О прусскомъ памятникѣ на полѣ сраженія при Пальцигѣ. Сообщилъ *Л. Л. Драке*. № 11.

43. Окончательное покореніе Восточнаго Кавказа—Чечни и Дагестана (1859—1909). *Н. Баратовъ*. № 11.

2. Война съ Японіей.

44. Чжанчжуанза. *А. Гозенильдо-Паулинъ* №№ 1 и 2.
45. 5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ. *Н. Третьяковъ*. №№ 1—12.
46. По поводу ст. «Изъ матеріаловъ по артилерійской оборонѣ Портъ-Артура». *Нельсинъ*. № 1.
47. Изъ воспоминаній объ Осадѣ Портъ-Артура. *Н. Подгурскій*. (начало въ 1907 году) №№ 1, 2.
48. По поводу ст. «Чжанчжуанза». *М. Енчевичъ* № 4.
49. Маньчжурская война. *Н. Мау* №№ 5, 6 и 7.
50. Изъ походнаго журнала. *Б. Адамовичъ*. (Начало въ 1907 г.) №№ 5, 6, 7, 9, 10 и 12.
51. Бой передового отряда 4-го армейскаго корпуса 30 іюля 1905 г. у д. Талимпау. *Н. Голшинъ*. № 9.
52. Оборона Сахалина въ русско-японскую войну 1904—1905 гг. *А. И—въ*. №№ 11 и 12.

III. Военная администрація и военное хозяйство.

1. Комплектованіе арміи нижними чинами. Воинская повинность.

53. Несовершенства въ дѣлѣ приѣмки новобранцевъ. *В. Никольскій*. № 1.
54. Назрѣвшія требованія вслѣдствіе сокращенія сроковъ службы въ войскахъ. *К. Петерсъ*. № 9.

2. Комплектованіе арміи офицерами; военно-учебныя заведенія; прохожденіе службы офицеровъ.

55. Офицерскій вопросъ. *Вл. Смирновъ*. № 10.

3. Организація войскъ, штабовъ и управленій; инспектированіе войскъ.

56. Командованіе и генеральный штабъ. *Э. Х. Калнинъ*. № 5.

4. Умственное и нравственное образованіе войскъ (военно-учебныя заведенія, собранія, бібліотеки, грамотность и войсковыя школы). Казарменный бытъ.

57. Изъ годового отчета о дѣятельности Комитета по образованію войскъ за 1908 годъ. №№ 3 и 4.

58. Преподаваніе тактики въ германскихъ и французскихъ военныхъ училищахъ. *Б. Виднэсъ.* №№ 4 и 5.

59. Бытовыя условія арміи. *В. В. Кривенко.* №№ 6 и 7.

60. Большое дѣло молодого офицера. *Л. В. Евдокимовъ.* № 10.

5. Хозяйство войскъ, письмоводство и отчетность.

61. О ротномъ хозяйствѣ и необходимыхъ денежныхъ средствахъ для него. *В. Андро-де Бюи-Гиниллэтъ.* №№ 8 и 9.

6. Размѣщеніе и передвиженіе войскъ. Обозъ. Пополненіе арміи лошадьми.

62. Объ удешевленіи казарменныхъ построекъ. № 4.

7. Продовольствіе войскъ въ мирное и военное время.

63. Продовольственная дѣятельность войскъ и интендантства въ раіонѣ военныхъ дѣйствій. *В. Н.* № 1.

10. Военно-юридическая часть.

64. Гражданскій искъ въ полковомъ судѣ. *Г. Поповъ.* № 10.

65. Судъ общества офицеровъ въ русской арміи. *Н. Вишняковъ.* № 12.

11. Призрѣніе офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Вспомогательные капиталы.

66. Отчетъ о денежныхъ оборотахъ эмеритальной кассы военно-сухонутнаго вѣдомства въ 1907 году. № 8.

67. Общества вспомошествованія бывшихъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. *М. Г.* № 12.

IV. Военная статистика и военная географія.

68. Азербайджанъ. *Ө. Чернозубовъ.* № 6.
69. Финансово-боевая готовность Германіи. *Д. Яковлевъ.* № 11.
70. Русскій народъ и главнѣйшія народности Россіи передъ воинскою повинностью. *Ан. Антоновичъ.* № 11.
71. Наши водные пути. *А. Радченко.* № 12.

VI. Фортификація.

72. Новѣйшія данныя о крѣпостномъ дѣлѣ въ Германіи. *Н. Буйницкій.* № 1.
73. Величина и составъ гарнизона крѣпостей. *Н. Буйницкій.* №№ 2, 3 и 4.
74. По крѣпостнымъ вопросамъ. *В. Лаймингъ.* № 6.
75. Къ вопросу о броневыхъ куполахъ. *Н. Буйницкій.* № 7.

VIII. Иностранное военное обозрѣніе.

76. Японская армія въ 1908 году. *В. Недзвѣцкій.* №№ 1 и 2.
77. Обзоръ мѣръ, принятыхъ въ 1908 году по устройству корпуса офицеровъ западно-европейскихъ армій. *В. Недзвѣцкій.* № 3.
78. Сухопутныя силы Австро-Венгріи. *В. Недзвѣцкій.* № 4.
79. Выполненіе военныхъ преобразованій въ Китаѣ. *В. Недзвѣцкій.* № 5.
80. Большіе французскіе маневры центра 1908 года. *В. фонъ-Дрейеръ.* №№ 6 и 7.
81. Японія. Военныя школы. № 6.
82. Современное развитіе совокупныхъ упражненій войскъ и ихъ постановка въ главныхъ иностранныхъ арміяхъ. *В. Недзвѣцкій.* №№ 6 и 7.
83. Военное положеніе Австро-Венгріи и Италіи на ихъ взаимной границѣ. *В. Недзвѣцкій.* №№ 8 и 9.
84. Корейская армія. *П. Россовъ.* № 10.

85. Военные расходы главныхъ иностранныхъ государствъ въ 1909—1910 гг. *В. Недзвизкій.* № 10.

86. Объединеніе вооруженныхъ силъ Великобританіи и устройство имперской государственной обороны. *В. Недзвизкій.* №№ 11 и 12.

IX. Государственныя событія и правительственныя распоряженія.

87. Военные вопросы въ сужденіяхъ Государственной Думы: Вопросъ о пенсіяхъ. № 2.

88. Вопросъ объ увеличеніи офицерскаго содержанія. №№ 3, 4.

89. Обсужденіе интендантской смѣты. №№ 5, 6 и 7.

X. Статьи разнаго содержанія.

90. Инвалиды. *В. С. Кривенко.* №№ 2, 3 и 4.

91. О психикѣ раненыхъ. *Вл. Семснвъ.* № 5.

92. Война будущаго въ современной иностранной литературѣ. *Г. Л.* № 5.

93. Римское государство и его армія въ ихъ взаимоотношеніи и историческомъ развитіи. *Юліанъ Кулаковскій.* № 8.

94. Подводный флотъ. (Опытъ маневровъ у насъ и за границей). *И. Меркушовъ.* № 9.

95. Дѣдушка миннаго флота. *В. Семеновъ.* № 10.

96. Первая петля. *Иванъ Межсвыхъ.* №№ 11 и 12.

XI. Справочный отдѣлъ.

97. Новое цѣнное приобрѣтеніе Московскаго архива Главнаго Штаба. *П—ъ. П—ъ.* № 1.

98. Кавалеры Ордена Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія за 140 лѣтъ (1769—1909 гг.). *В. Судравскій.* №№ 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

99. Дополненія къ алфавитному списку генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, убитыхъ и умершихъ отъ ранъ въ минувшую войну 1904—1905 гг. (начало въ 1908 г.). № 4.

100. Дополненіе къ списку генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, награжденныхъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія за отличія, оказанныя въ войну съ Японіей 1904—1905 гг. № 8.

Библіографія.

101. По поводу отзыва о трудѣ «Краткій курсъ исторіи военного искусства». *П. Гейсманъ.* № 1.

102. Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота. Т. I. 1695—1800 гг. *А. I. Борисевичъ.* № 1.

103. Р. Вилле. По вопросу о шрапнели, снаряженной продолговатыми пулями. *Н.* № 2.

104. По поводу отзыва о трудѣ «Хронологическій указатель военныхъ дѣйствій русской арміи и флота» т. I. 1695—1800 гг. *М. II.* № 3.

105. Piarron de Mondesir. Fortification cuirassée. *А. Свѣчинъ.* № 3.

106. Schädlicher und nützlicher Einfluss der Festungen auf die Kriegführung. *А. Елчаниновъ.* № 5.

107. А. Матковский. Развѣдывательная дѣятельность конницы. *А. Де-Виттъ.* № 6.

108. А. v. Janson. Der Ueberfall zur See, als Feldzugs-Einleitung. *А. Елчаниновъ.* № 6.

109. Сборникъ сочиненій офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Книга X. *А. Б—ъ.* № 7.

110. Е. Епанчинъ. Очеркъ похода 1829 года въ Европейской Турціи. *П. Паренсовъ.* № 10.

111. Freiherr von Edelsheim. Ueber Kriegsmässige Ausbildung und Verwendung unserer Kavallerie *А. Елчаниновъ.* № 12.

Иностранные журналы.

Jahrbücher für die deutsche Armée und Marine.

Militär Wochenblatt.

Streffleurs militärische Zeitschrift.

Kriegstechnische Zeitschrift.

Journal des Sciences militaires.

Revue Militaire générale.

Journal of the United Service Institution of India.

La France militaire.

Mitteilungen über Gegenstände des Artillerie und Geniewesens.

Vierteljahreshefte für Truppenführung und Heereskunde.

Militärische Zeitschrift.

Revue d'Infanterie.

Портреты.

Императоръ Петръ Великій. №№ 2, 3.

Карлъ XII. № 3.

Кн. Александръ Даниловичъ Меншиковъ. № 3.

Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. № 11.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ ¹⁾.

А.

Аврамовъ, Н. 41.
Адамовичъ, Б. 50.
Антоновичъ, Ан. 70.
Апушкинъ, Вл. 28, 36.

Б.

Б—ъ, А. 109.
Баратовъ, Н. 43.
Борисевичъ, А. Т. 24, 102.
Борисовъ, В. 2.
Бородкинъ, М. 33.
Буйницкій, Н. 72, 73, 75.

В.

Виднэсъ, Б. 58.
Виттъ-де, Л. 107.
Вишняковъ, Н. 65.

Г.

Г. М. 67.
Гейсманъ, П. 101.
Геруа, Б. 8.
Гингляттъ-Андро-де-Бюи, 61.
Григорьевъ, В. 10.

Д.

Драке, Л. Л. 19, 39, 40, 42.
Дрейеръ-фонъ, В. 80.
Дроздь-Бонячевскій. 12.

Е.

Евдокимовъ, Л. В. 60.
Елчаниновъ, А. 1, 106, 108, 111.
Енчевичъ, М. 48.

З.

Заіончковскій, А. 27.

И І.

И. М. 29.
И—въ, А. 52.
Ивановъ, А. 9.
Іолшинъ, Н. 51.

К.

Калнинъ, Э. 56.
Карповъ, Ян. 3, 16.
Кривенко, В. В. 59.
Кривенко, В. С. 90.
Кулаковскій, Юліанъ. 93.

Л.

Л. Г. 92.
Лазаревичъ, Ю. 5.
Лаймингъ, В. 74.

М.

Мау, Н. 49.
Марченко, И. К. 18.
Межевыхъ, Иванъ. 96.
Меркушовъ, И. 94.
Миткевичъ, В. 14.

¹⁾ Цифры, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, означаютъ номера, подъ которыми помѣщены заглавія статей въ систематическомъ указателѣ.

Н.

Н. 11, 103.

Н. В. 15, 63.

Недзвѣцкій, В. 76—79, 82, 83,
85 и 86.

Нельгинъ, 46.

Нивѣ, П. А. 17.

Нинольскій, В. 53.

О.

Обручевъ, Н. 23.

П.

П. В. 38.

П—ъ, П—ъ, 30, 97.

П. М. 32, 104.

Павловскій, Ив. Фр. 25.

Паренсовъ, П. 110.

Петерсъ, К. 13, 54.

Петровъ, А. 6.

Подгурскій, Н. 47.

Поповъ, Г. 64.

Р.

Радченко, А. 71.

Розеншильдъ. Паулинъ. 44.

Россовъ, П. 84.

С.

Семеновъ, Вл. 91, 95.

Свѣчинъ, А. 105.

Симанскій, П. 35.

Смирновъ, Вл. 55.

Соломоновъ, К. 4

Судравскій, В. К. 20, 98.

Т.

Тимченко-Рубанъ, Г. 37.

Тирееръ, 21.

Третьяковъ, Н. 45.

Ф.

Ф. Л. Э., 34.

Федоровъ, С. 7.

Х.

Хлыновскій, М. 26.

Ч.

Чернозубовъ, О. 68.

Ю.

Юнаковъ, Н. Л. 31.

Я.

Яковлевъ, Д. 69.

Сроки взноса подписной платы. Подписная плата вносится полностью при подпискѣ.

Но для годовыхъ военныхъ подписчиковъ (военно-служащіе, войсковыя части, военные управленія и заведенія) допускается **разсрочка** платежа по слѣдующему расчету:

	На Русскій Инвалидъ.	На Военный Сборникъ
1-й взносъ при подпискѣ	4 р.	3 р.
2-й » не позже 1-го Апрѣля . .	3 »	2 »
3-й » » » 1-го Сентября.	2 »	1 »
Итого . .	9 р.	6 р.

Разсрочка дѣлается лишь при подпискѣ черезъ канцелярію своей части съ уплатою взносовъ черезъ нее. Непоступленіе взноса къ указанному сроку влечетъ за собою прекращеніе доставки изданія.

Плата за перемѣну адреса на «Русскій Инвалидъ» съ городского въ С.-Петербургъ на иногородный (внутри Имперіи) или обратно съ иногороднаго на С.-Петербургскій, въ зависимости отъ предстоящей продолжительности пересылки или доставки: на 1 мѣс.—30 коп., на 2 мѣс.—60 коп., на 3 мѣс.—70 коп., на 4 мѣс. и выше—80 коп.

При временной перемѣнѣ С.-Петербургскаго адреса на иногородный (напр. на время лагеря или на дачное время и проч.) первая перемѣна оплачивается по только что указанному тарифу, а обратная дѣлается бесплатно.

За всякую перемѣну иногороднаго адреса на иногородный уплачивается 20 коп.

За перемѣну городского С.-Петербургскаго адреса на таковой-же городской платы не взимается.

При перемѣнѣ адреса внутренняго (внутри Имперіи) на заграничный уплачивается разница между вышеуказанною подписною платою на соответственные сроки для внутреннихъ и заграничныхъ подписчиковъ. Перемѣна адреса заграничнаго на внутренній дѣлается бесплатно.

Плата за каждую перемѣну адреса на «Военный Сборникъ»: С.-Петербургскаго городского на иногородный или обратно 60 копѣекъ, иногороднаго на иногородный 20 коп.; за перемѣну городского С.-Петербургскаго на другой городской С.-Петербургскій—платы не взимается.

За перемѣну адреса внутренняго на заграничный уплачивается по 15 копѣекъ за каждый остающійся мѣсяцъ текущаго года.

Розничная продажа. Отдѣльные нумера «Русскаго Инвалида» текущаго года продаются по 5 коп. въ конторѣ редакціи и пересылаются по почтѣ за 7 коп., кромѣ нумеровъ съ литературнымъ приложеніемъ, которые стоятъ безъ пересылки по 10 коп., и съ пересылкой по почтѣ 14 коп.

Отдѣльныя книжки «Военнаго Сборника» за текущій годъ продаются въ конторѣ редакціи по 75 коп. за книжку и пересылаются по почтѣ за 1 рубль.

Плата за объявленія. Объявленія въ газетѣ «Русскій Инвалидъ» принимаются по тарифу 15 коп. за строку петита или мѣсто, ею занимаемое; предложеніе труда по 10 коп. за строку.

Казенными объявленіями, подлежащими оплатѣ по $\frac{3}{7}$ к. за букву, считаются согласно Цирк. Главнаго Штаба 1900 г. за № 282, только объявленія о вызовѣ наслѣдниковъ послѣ умершихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ.

За разсылку объявленій взимается по 1 к. за первый лотъ вѣса объявленій и по четверть коп. за послѣдующіе лоты.

Объявленія въ «Военномъ Сборникѣ» принимаются по тарифу 20 рублей за страницу, за помѣщеніе одинъ разъ позади текста.

За разсылку отдѣльныхъ объявленій при книжкахъ «Военнаго Сборника» взимается по 15 рублей съ 1000 экземпляровъ, вѣсомъ до 1 лота каждый.

Главный редакторъ журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ», Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ **Макишевъ**.

Помощникъ Главнаго редактора,

Ген. шт. Полковникъ **Пруссакъ**.

А В Т О Р А М Ъ С Т А Т Е Й.

1. Авторамъ, присылающимъ свои статьи въ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, редакція проситъ соблюдать слѣдующее:

1) Статьи должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ страницы (другая должна оставаться чистой). Страницы должны быть перенумерованы (сшивать или брошюровать не надо). На написанной сторонѣ необходимо оставлять поля. Подъ статьей должно быть указано, какую подпись авторъ желаетъ видѣть подъ своей статьей въ печати; это можетъ быть полная фамилія автора, или только инициалы, или псевдонимъ и проч. Но ни чинъ, ни должность, ни званіе, въ силу циркуляра Главнаго Штаба отъ 17-го апрѣля 1908 года № 61, подъ статьями частнаго характера въ печати не допускаются ¹⁾.

2) Въ присланной рукописи, для свѣдѣнія редакціи, должны быть указаны: положеніе (чинъ, должность, мѣсто служенія, званіе), имя, отчество, фамилія и адресъ автора.

3) Необходимо указывать, гдѣ авторъ желаетъ бы напечатать свою статью: въ газетѣ или журналѣ, или-же выборъ предоставляетъ усмотрѣнію редакціи.

О желаніи имѣть отдѣльные оттиски статей, печатаемыхъ въ „Военномъ Сборникѣ“, на первой страницѣ рукописи должно быть написано: „Прошу столько-то отдѣльныхъ оттисковъ“. До 20 оттисковъ безъ перерезки изготовляется бесплатно. Больше-еже число ихъ, а также перерезка всей статьи въ брошюру могутъ быть исполняемы лишь за счетъ авторовъ. О желаніи получить оттиски переверстанными необходимо заявлять на первой страницѣ рукописи.

О желаніи получить тѣ нумера „Русскаго Инвалида“, въ которыхъ будетъ напечатана статья, необходимо оговаривать на первой страницѣ рукописи. Нумера эти предоставляются авторамъ только за плату.

4) На рукописи должна быть пометка, указывающая, предоставляетъ ли авторъ свою статью за гонораръ или бесплатно. Статьи, не имѣющія такой пометки, будутъ считаться бесплатными. Авторамъ предоставляется заявлять о размѣрѣ желаемой построчной платы.

5) Рукописи, отправляемые почтою, должны быть отправителемъ оплачены полнымъ почтовымъ сборомъ. Не вполне оплаченной корреспонденціи, за которую почта требуетъ доплату въ двойномъ размѣрѣ, редакція не принимаетъ.

II. Для свѣдѣнія авторовъ сообщается:

1) Изъ присланныхъ статей редакція печатаетъ съ необходимыми редакціонными сокращеніями тѣ, которыя признаетъ подходящими, причемъ срокъ напечатанія не можетъ быть опредѣленъ заранее. Статьи, не предназначенныя къ печати, хранятся въ редакціи въ теченіе года и могутъ быть возвращены авторамъ по ихъ заявленіямъ лично или черезъ довѣреннаго, а также почтою на ихъ счетъ.

2) Ни въ какія объясненія о причинахъ ненапечатанія редакція не входить.

3) Гонораръ за платныя напечатанныя статьи назначается редакціей по принятымъ ею нормамъ (если со стороны автора не было сдѣлано опредѣленнаго заявленія). Гонораръ уплачивается въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца за всѣ статьи прошедшаго мѣсяца.

¹⁾ Этотъ же циркуляръ воспрещаетъ упоминать въ полемикѣ официальное положеніе своего опонента.